

НЕ ВЫДАЕТСЯ

1296.

О
ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ
И
ИСТИННЪ,
или

ВОЗВАНІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА

КЪ ВОСХОЖДЕНІЮ ИСТИНЪ.

ЗНАНІЯ.

Сочиненіе, въ которомъ открывается Примѣча-
телямъ сомнительность изысканій ихъ и непрѣ-
станныя ихъ погрѣшности, и есмствъ указывается
путь, по которому должно бы имъ шествовать
къ приобрѣтенію Физической очевидности, о про-
исхожденіи Добра и Зла, о Человѣкѣ, о Нату-
рѣ вещественной, о Натурѣ невещественной,
и о Натурѣ священной, объ основаніи по-
литическихъ Правленій, о власти Госу-
дарей, о правосудіи Гражданскомъ и
Уголовномъ, о Наукахъ, Языкахъ
и Художествахъ.

11 отдѣлъ

Философа не извѣстнаго

Переведено съ Французскаго.

Изданіемъ Типографической Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ вольной Типографіи И. Лопухина, съ Указнаго
дозволенія, 1785 года.

№ 12174

Сочиненіе, предлагаемое отъ меня людямъ, не есть собраніе догадокъ; не систему имъ представляю, а надвюсь, что гораздо полезнѣйшій дѣлаю имъ подарокъ. Однако же и не самую Науку предъ ними положилъ; знаю твердо, что человекъ ожидать ее долженъ не отъ человека: я возжигаю предъ ними токмо лучъ собственнаго ихъ свѣтильника, дабы свѣтомъ онаго открылися тѣ ложныя идеи, которыя имъ преподаны были о Истиннѣ, равно какъ и тѣ слабыя и опасныя оружія, которыя ненадежными руками употреблены были на ее защищеніе.

Чувствительно пронуть я былъ, признаюсь, когда воззрѣлъ на шепершенное состояніе *Науки*; увидѣлъ, какъ обезображена она заблужденіями; увидѣлъ сирашній покровъ, которымъ ее одѣли, и за долгъ почелъ, ради пользы подобныхъ мнѣ, свергнуть оный.

Безъ сомнѣнія къ таковому предпріятію потребно мнѣ больше, нежели обыкновенные способы; но не изъясняя, какіе употребляю здѣсь, довольно и того сказать, что они самой природы челоуѣковъ придерживатся; что они отъ начала вещей были всегда извѣстны нѣкоторымъ изъ людей, и что никогда не ошымутся вовсе отъ Земли, доколѣ будутъ на оной существа мыслящія.

Вотъ откуда почерпнулъ я очевидность и доказательства шѣхъ истиннѣ, которыхъ изысканіемъ занимается вся вселенная.

Послѣ сего признанія ежелибъ и стали обвинять меня, что я проповѣдую

дую невѣдомое Ученіе, по крайней мѣрѣ не можно будещѣ подозрѣвать, будто я самѣ изобрѣтатель онаго; потому что, когда оно придержится природы человѣковъ, то не токмо не отъ меня произошло, но даже и не возможно мнѣ основательнымъ образомъ утверждать какое нибудь другое.

И воистинну, ежели читатель не станещѣ судить о Сочиненіи, прежде нежели обозритѣ всѣ части онаго и связь; ежели дастѣ себѣ время возчувствовать важность и взаимный союзъ Началъ, которыя ему предлагаю; то признается, что они суть истинный ключъ ко всѣмъ Аллегоріямъ и таинственнымъ Баснямъ всѣхъ народовъ, первый источникъ Постановленій всякаго рода, образецъ даже пѣхъ Законовъ, которыми управляется вселенная и на которыхъ состоятъ всѣ существа; то есть, они служатъ основаніемъ всему, что существуетъ, и всему, что создѣвается, въ человѣкѣ ли и руками человѣка, или внѣ человѣка и независимо отъ воли его; и слѣдственно

внѣ сихъ Началъ не можно быть истинной Наукѣ.

Чрезъ что удобнѣе познаетъ онѣ, для чего видимъ между людьми всеобщее разногласіе въ Догматахъ и Системахъ; для чего усматривается неизчетное сіе множество Сектъ Философскихъ, Политическихъ и относительныхъ къ Религіи, изъ которыхъ каждая столь же мало сама съ собою согласна, сколько и съ другими Сектами; для чего Начальники сихъ разныхъ Сектъ, какъ ни стараются составить и основать себѣ постоянное Ученіе о важнѣйшихъ пунктахъ и согласить частныя мнѣнія, не могутъ никогда въ томъ успѣть; для чего они, не представляя Ученикамъ своимъ ничего постоянного, не только не вселяютъ въ нихъ несомнѣннаго увѣренія, но еще подаютъ имъ поводъ не довѣрять никакой Наукѣ, поелику показываемы имъ или воображаемые, или недостаточныя; для чего наконецъ Законоположители и Примѣчатели непрестанно обличаютъ себя въ томъ, что не имѣютъ ни

пра-

правила, ни доказательства на Истинное. Читатель заключитъ, говорю, что когда Начала, о которыхъ здѣсь разсуждается, суть единственное основаніе всякой истинны, то всѣ сіи заблужденія наводятъ землю единственно отъ того, что оныя начала забыты, и слѣдственно должно думать, что они почти вообще отъ всѣхъ не познаны, пошому что невѣжество и сомнительство суть какъ бы повсемѣстныя.

Вотъ о какихъ вещахъ ищущій познанія человекъ можетъ здѣсь пріобрѣсти идеи, болѣе здравыя и болѣе сходныя съ природою того сѣмени, которое въ себѣ носитъ.

Однакожъ хотя Свѣтъ для всякихъ глазъ свѣтитъ, но и то весьма достоверно, что не всякіе глаза могутъ видѣть его въ полномъ его сіяніи. И сего ради малое число людей, хранящихъ Истинны, мною возвѣщаема, чрезъ торжественныя обязательства, посвящали себя осторожности и сиромности.

Чего

Чего ради и я намѣренъ въ семъ Сочиненіи бысть весьма скромнымъ, и часто одѣвать себя такимъ покровомъ, который и самые необыкновенные глаза не всегда проникнуть могутъ, такъ что иногда я предлагаю буду совсѣмъ иное, нежели о чемъ кажется говорю.

Для сей же причины хотя и соединяю въ единую точку знатное число разсужденій разнаго содержанія, однакожь едва первыя черты показавъ я обширной той картины, какую могъ бы представить; при всемъ томъ я сказалъ сколько, что большей части людей есть о чемъ подумать, не исключая даже и тѣхъ, которые въ Наукѣ знаменитыми почищаются.

Поселику же цѣль моя есть не иная, какъ благо человека вообще, и поселику паче всего не желаю сдѣлать раздору между нераздѣльными; то ни на который изъ принятыхъ Догматовъ не нападаю прямо, ниже на какоенибудь изъ учрежденныхъ Политическихъ Установленій; и даже запретилъ себѣ
въ

въ самыхъ замѣчаніяхъ моихъ о Наукахъ и о разныхъ Системахъ касаться всего того, что можетъ имѣть наибѣйшее отношеніе къ вещамъ весьма частнымъ.

Сперхъ сего за ненужное почелъ я ссыласть на какія нибудь свидѣтельства; въпервыхъ для того, что рѣдко посѣщаю библіотеки, да въ нихъ и не находится тѣхъ книгъ, съ коими я совѣшуюсь; въвторыхъ для того, что Истинны, на единыхъ токмо свидѣтельствахъ основанныя, не были бы уже Истиннами.

Здѣсь прилично, думаю, показать порядокъ и планъ сего Сочиненія. Съ самаго начала представится нѣкоторыя примѣчанія о добрѣ и злѣ, для чего новѣйшія Системы смѣшали одно съ другимъ, и чрезъ то принуждены были не допускать никакой разности между ими. Крапкоевоззрѣніе на чловѣка объяснишь обильно сіе затрудненіе и покажетъ, для чего находится онъ еще въ глубочайшемъ невѣжествѣ, не токмо въ разсужденіи того, что

Х Х

его

его окружаетъ, но и въ разсужденіи истинной его природы. Различіе, находящееся между его способностями, утвердится различіями, примѣчаемыми въ способностяхъ существъ самыхъ нижнихъ; чрезъ что докажемъ всеобщность двойственного закона во всемъ, что покорено времени. Необходимость третіяго временнаго закона тѣмъ очевиднѣе утвердится, что мы покажемъ, что двойственный законъ есть совершенно въ его зависимости.

Ошибки, учиненныя во всѣхъ сихъ вещахъ, явственно откроютъ причину темноты, разнствія и сомнительства, которыя видны во всѣхъ твореніяхъ людей, равно какъ во всѣхъ Установленіяхъ гражданскихъ и священныхъ, къ которымъ они привязаны; изъ чего познаешь, какой долженъ быть истинный источникъ Верховныя Власти между ими, и всѣхъ правъ, на которыхъ состоятъ разныя ихъ учрежденія. Таковое же сношеніе сдѣлаемъ и въ принятыхъ началахъ въ высокихъ Наукахъ, а паче въ Математикѣ, гдѣ происхожденіе и истинная
при

причина заблужденій очевидно окажется.

Наконецъ приведемъ на память чловку ту изъ его природныхъ принадлежностей, которая наилучшимъ образомъ отличаетъ его отъ прочихъ существъ, и которая способна всего къ тому, чтобы приблизить ко всѣмъ познаніямъ, приличнымъ природѣ его. Все сіе содержится въ семи отдѣленіяхъ, которыя хотя всѣ на одномъ основаніи утверждаются, но каждое изъ нихъ представляетъ особое содержаніе.

Естьли нѣкоторымъ трудно покажется допустить Начала, о которыхъ напоминаю людямъ, то, велику затрудненіе ихъ произойдетъ отъ того, что они сѣдовали собственному смыслу, а не смыслу Сочиненія, не должны они ожидать отъ меня другихъ истолкованій, пошому что и оныя не ясны для нихъ будутъ, какъ и самое сіе Сочиненіе.

При чтеніи сихъ размышленій легко всякъ усмотритъ, что я мало старался

раался о наружномъ ихъ видѣ, и пренебрегалъ красоты изреченія; но добросовѣстной читатель признается, что я излишно былъ въ ономъ тщательнѣ, ибо содержаніе книги моеѣ не имѣло въ томъ нужды.

О

ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ

И

ИСТИННЪ,

ИЛИ

*Воззпаніе человѣческаго рода ко все-
общему началу Знанія.*

I.

Не возможно безъ жалости взираніе на чело-
вѣка, ежели разсмотримъ, какъ онъ и
мучится купно желаніемъ знанія, и не умѣетъ
проникнуть въ причины ни единой вещи, а
при всемъ томъ дерзновенно и отважно хо-
четъ показывать оныя во всѣхъ вещахъ. Вме-
сто того, чтобы обратить вниманіе на об-
лѣжающую его тьму, и начать прежде около
себя извѣдывать, какъ далеко въ ней самъ
углубленъ, шествуетъ прямо съ такою наде-
жностію, что будто не шокмо расторгнетъ
ее непремѣнно, но какъ будто нѣтъ никакой
преграды между нимъ и *Наукою*; тотчасъ да-
же напрягаетъ всѣ силы создать свою Истин-
ну и осмѣливается поставить ее на мѣсто
А
шюа,

шю, которую долженъ бы въ молчаніи почтѣшь, и на которую нынѣ иного права почти не имѣешь, какъ желаешь се и ожидаешь.

Когда онѣ совершенно ошлупченѣ отъ Свѣта, шо можно ли ему одному зажечь свѣтильникѣ, долженствующій бытъ пушеводителемъ его? Какъ можешь онѣ собственными силами произвести такую Науку, которая бы рѣшила всѣ его сомнѣнія? Блески и наружные виды истинны, которую въ очарованномъ его воображеніи, мнишь ему, онѣ открываешь, не исчезаютъ ли отъ самаго простаго изслѣдованія ихъ? И надѣлавъ себѣ такихъ безъ жизни и сущности призраковъ, не принужденъ ли бываешь мѣста ихъ наполнять другими мечтами, которыя вскорѣ получаютъ ту же участь, и оставляютъ его погруженнымъ въ ужасномъ недоумѣніи?

Однако не совсѣмъ бы несчастливъ онѣ былъ, еслибѣ немощь его была единственная причина погрѣшностей; состояніе его не столь бы жалостно было: ибо какъ по естеству его не лзя ему обрѣсти спокойствія нигдѣ, какъ токмо въ истинѣ, шо чѣмъ безъисчисленнѣе былибѣ для него опыты, тѣмъ болѣе бы они приближали его къ назначенной ему единственной цѣли.

Но есть еще источникъ заблужденій въ развратности воли его: мы видимъ, что не только въ пользу свою не употребляетъ онѣ ма-

малого остатка силъ своихъ, но напрягаетъ ихъ почти всегда прѣшиву Закона Существа своего; видимъ, говорю, что не шокмо не почитаетъ преняшствіемъ окружающую его тьму, но еще собственною рукою налагаетъ покрывало на свои очи. И тогда, не видя ни малѣйшей свѣтлости, впадаетъ въ отчаяніе, или болѣзнь, и устремляется самъ собою на стези пагубныя, которыя удаляютъ его навсегда отъ истиннаго его пути.

Таковою-то смѣсью слабостей и неразумія непрерывно подкрѣпляется невѣжество человека! Сей-то есть источникъ всегдашнихъ ошибочныхъ заключеній его! И такъ, когда онъ истощаетъ дни свои въ тщетныхъ и бесполезныхъ усиліяхъ, удивительно ли, что труды его или совсѣмъ безплодны, или оставляютъ по себѣ единую горестъ?

Напоминаніемъ однако здѣсь объ отдаленіи отъ пути и безразсудномъ по оному шествію подобныхъ мнѣ не только не хочу уничтожить ихъ предъ собственными очами, но напрошивъ всеусердно желаю, чтобы они не упустили никогда изъ своего виду того величества, въ которое могутъ облектись. О если бы возмогъ я споспѣшествовать событію сего желанія, постарался отнять затрудненія, удерживающія ихъ, возбудить въ нихъ бодрость и показать имъ путь, ведущій къ цѣли ихъ желаній!

Какъ скоро человекъ захочетъ обратить взоръ свой на самого себя, при первомъ взгля-

дѣ легко почувствуешь и признается, что есть для него опредѣленная Наука, или очевидный Законъ; потому что и всякому Существоу оный данъ, хотя не во всѣхъ вообще Существахъ находится; и потому что мы среди самыхъ слабостей нашихъ, невѣжества и заблужденій не иное что дѣлаемъ, какъ ищемъ мира и свѣта.

Слѣдственно хотя стараніе человека, которое онъ всѣдневно употребляетъ къ достиженію цѣли своего исканія, и весьма рѣдко награждаемо бываетъ успѣхомъ, однако не должно для сего думать, что сія цѣль мечтательная; но только человекъ не надлежащую избралъ дорогу, и слѣдовательно въ величайшемъ находится недостаточествѣ; ибо не знаетъ даже и пути, по которому идти долженъ.

И такъ и теперь уже можно согласиться, что несчастіе настоящее человека не въ томъ, чтобъ не зналъ онъ, что истинна есть; но въ томъ, что ошибается въ еществѣ ея; ибо и тѣ самые, которые старались отрицать ее, или опровергнуть, ошнудъ не думали успѣть въ своемъ намѣреніи, не поставивъ другой на мѣсто ея. Въ самомъ дѣлѣ они облакали свои химерическія мнѣнія именами силы, неизмѣняемости и повсемѣстности; однимъ словомъ, всѣми свойствами, приличествующими Существоу истинному и самобытному. Чувствовали они, что Истинна не мо-

можетъ быть таковою, не существуя дѣйствительно, не будучи неизмѣнима и совершенно не зависяща, и не имѣя начала своего бытія въ самой себѣ; ибо естли бы приняла она бытіе свое отъ инаго Начала, то сіе могло бы паки погрузишь ее въ прѣжнес бытіе и недѣйствіе, изъ которыхъ была имъ изведена.

И такъ прошивоборцы истинны своими собственными системами доказали, что они имѣютъ ничѣмъ незагладимую идею о Истиннѣ. Повторимъ же сіе, что большую часть людей мучитъ не столько то, что естли Истинна, сколько то, что какая естли сія Истинна.

Но возмущается часто сіе чувствованіе и сіи ясныя лучи свѣта помрачаются въ чловѣкѣ отъ непрерывной смѣси добра и зла, свѣтлости и темноты, стройности и безпорядка, усмотренныхъ имъ во Вселенной и въ себѣ самомъ. Сіе всеобщее прошивоборствіе тревожитъ его, и мысли его приводитъ въ такое замѣшательство, что трудно ему разобрать ихъ. Огорченъ будучи и изумленъ шоль спраннымъ спеченіемъ вещей, и желая оное себѣ изъяснить, предается пагубнымъ мнѣніямъ, и скоро, лишась чувствованія Истинны, теряетъ и свое надѣяніе на нее. И такъ величайшее шотъ покажетъ ему благодѣяніе въ семъ горестномъ состояніи, кто увѣритъ, что можетъ онъ

узнать источникъ и происхожденіе того безпорядка, которой его изумляетъ, и кто не допуститъ его дѣлать какія либо заключенія противу сей Истинны, которую онъ исповѣдуетъ, любитъ, и безъ которой пробыть не можетъ.

То неоспоримо, что взирая на премѣненія и противности всѣхъ Существъ Натуры, люди должны были признаться, что она поддѣрена вліяніемъ добра и зла; а поному принуждены были необходимо признать два Начала противоположныя. Примѣчаніе весьма благоразумное, и заключеніе, которое они изъ того вывели, самое справедливое. Но для чегожъ не столь благоуспѣшно ихъ покушеніе исполновать свойства сихъ двухъ Началъ? Для чего положили они своей наукѣ весьма тѣсное основаніе, которое принуждаетъ ихъ самихъ раззорять ежеминутно сооружаемыя на ономъ свои системы?

Причиною сему то, что, пренебредши истинныя средства научаться, отважились безразсудно сами собою сдѣлать опредѣленіе сей священной вещи; какъ будто человекъ, удаленный отъ обители свѣта, бытъ можетъ благонадеженъ на свои разсужденія. И для того хотя и признали два Начала, но не умѣли распознать ихъ различіе.

Иногда приписывали обоемъ равную силу и старшинство, и слѣдовательно дѣлали ихъ
другъ

другъ другу соперниками, поставляя обонхъ на единой степенѣ могущества и величія.

Иногда, правда, провозглашали зло, какъ Начало во всемъ низайшее добраго начала; но потчасъ противорѣчили сами себѣ, какъ скоро вздумали изъяснять свойство зла и его происхожденіе. Иногда не устрашались они вмѣщать добро и зло въ единое Начало, думая возвеличить его, приписавъ ему все безъ изъятія могущество, по которому бы оно было создателемъ всѣхъ безъ исключенія вещей, то есть: сіе Начало должно было быть оцемъ вмѣстѣ и мучителемъ, раззорять то, что само строитъ, быть злымъ и несправедливымъ по мѣрѣ своей великости, и слѣдовательно долженствовало и наказывать себя для удержанія собственнаго правосудія.

Нѣкоторые наконецъ, утомленные волнующимъ ихъ недоумѣніемъ и не находя твердаго пристанища мыслямъ своимъ, рѣшились отвергнуть и то и другое Начало; вздумали себя увѣрить, что нѣтъ ничему опредѣленнаго порядка и закона; и не умѣя изъяснить, что такое добро и зло, сказали, что нѣтъ ни добра, ни зла.

Когда же противъ ихъ утвержденія вопрошаемо было: откуда родились сіи всѣ правила, которыя распространены по всей землѣ, и сей гласъ внутренній и вездѣ одинакій всѣхъ народовъ, насильно, такъ сказать, прину-

нуждающій принять оныя, и которой возбуждаешь въ человѣкѣ среди самыхъ его заблужденій сіе помышленіе, что его званіе гораздо превосходитъ шѣхъ видовъ, коими онъ занимается? тогда сіи Примѣчатели слѣпошествуя, назвали привычками чувства, намъ врожденныя, приписали организациі и законамъ механики мысли и прочія способности человѣка; и потомъ утвердили, что великія перемѣны физическія во всѣ времена производили въ человѣкѣ, по причинѣ его немощи, страхъ и боязнь; что онъ, всегдашнимъ опытомъ узнавъ, koliko сильны надъ браннымъ его составомъ стихіи и прочія окружающія Существа, вздумалъ, что будто нѣкое недоядмое могущество управляетъ и превращаетъ Натуру по своей волѣ; изъ сего же составилъ себѣ въ воображеніи уставы подчиненія и порядка, наказанія и награды, которыя воспитаніемъ и примѣрами носились между людьми отъ рода въ родъ, съ нѣкоторыми однако разностями, довольно примѣтными, относящимися къ обществальствамъ и климатамъ.

Потомъ, прицѣпивъ въ доводъ различность употребленій и обыкновений произвольныхъ, коими народы разнствуютъ другъ отъ друга, въ ролюмствѣ и междоусобную вражду народныхъ Законоучредителей, также непростанное сраженіе мнѣній человеческихъ, плодъ сомнѣнія и невѣжества, неспрудно было имъ доказать, что человѣкъ въ самой вещи раздѣ около себя находить причины недоумѣнія

нїа и прошиворѣчїй; и тѣмъ вѣще удостовѣ-
рялись, что нѣтъ ничего истиннаго; это
можно сказать, что ничто дѣйствительно
не существуетъ; ибо по вышесказанному бы-
тіе сущест्वенное и истинна есть тоже и
одно.

Вотъ какъ несмысленные учителя пропо-
вѣдывали и доказывали ученіе свое! Изъ сихъ-
то ядоносныхъ источниковъ пролились на
земаю тѣ угнѣвшающія человека напасти, ко-
торыя мучаѣтъ его болѣе, нежели природная
его бѣдность.

Коликихъ бы они забавили насъ спрѣди-
нїй и заблужденїй, ежелибъ искали истинну
не въ наружностяхъ натуры вещественной,
а отважились бы войти въ самихъ себя; еже-
либъ захотѣли лучше истолковати вещи чело-
вѣкомъ, а не человека вещами, и вооружась
бодростїю и терпѣніемъ, оспавая въ покоѣ
свое воображеніе, продолжали ревностно искать
свѣта, сколько намъ вѣсѣ вожделѣннаго!
Можетъ быть не имѣлибъ силы воззрѣвъ на
него первымъ взглядомъ: но когда бы озарило
ихъ разливающееся отъ него сіяніе, и когда бы
они припомъ всѣ свои силы напрягли къ со-
зерцанію его; по крайней мѣрѣ тогда не
пришло бы имъ на мысль опредѣлять его свой-
ства преждевременно, ни хотѣть показывать
его своимъ собратїямъ, не взявъ прежде лучей
его во свои предводителя.

Когда человекъ бодрственнымъ сопротивленіемъ одолевъ все, противное существу его, тогда онъ примиренъ бываетъ съ собою и со всею натурою. Но еслии отъ нераднія, или утомленъ борьбою, допустишь въ себя малѣйшую искру огня, несроднаго его собственной сущности, то будешь страдать и томиться до того, пока не свободишь себя отъ оной совершенно.

Такимъ образомъ еще убѣдительнѣе познаешь человекъ, что есть два Начала разныя; и какъ при одномъ изъ нихъ обрѣтаешь онъ щастіе и миръ, а въ другомъ видишь, что оно ведетъ за собою томность и мученіе; то и различилъ ихъ именами добраго и злаго Начала.

Еслии бы онъ таковое же дѣлалъ наблюденіе и въ прочихъ Существахъ вселенныя, легко бы ему было утвердить свои понятія о свойствахъ добра и зла и чрезъ нихъ открыть истинное ихъ происхожденіе. И такъ добро, для всякаго существа, есть исполненіе сродственнаго ему закона; а зло есть то, что оному противится. И когда каждое Существо имѣетъ единственный Законъ, поелику всѣ они придерживаются первоначальнаго Закона, который есть единъ; то добро, или исполненіе сего закона должно быть и само единое, то есть одно и безъ изъятія истинное, хотя въ себѣ обѣмлетъ безконечное число Существъ.

На-

Напротивъ зло не можетъ имѣть никакого сходства съ симъ закономъ Существъ, понеже ему противоборствуетъ; а потому не можетъ заключающься въ единицу, понеже стремится ее унижить, желая сотворить другую единицу. Словомъ сказать, оно есть ложное; понеже не можетъ существовать одно; ибо противъ воли его Законъ Существъ въ одно время съ нимъ существуетъ, и оно не можетъ его никогда уничтожить, хотя и угнѣтаетъ его и разстроиваетъ исполненіе его.

Я сказалъ, что когда человѣкъ приближается къ доброму Началу, то наслаждается веселіемъ, и слѣдовательно находишь выше всѣхъ золъ; потому что онъ тогда весь полнъ удовольствія, не можетъ имѣть ни чувствованія, ни идеи о другомъ какомъ либо Существѣ. И такъ ничто, происходящее отъ злаго Начала, не можетъ имѣваться въ его радость; и сіе есть знакъ, что человѣкъ находишь въ своей стихіи, и что его единственный законъ исполняется.

Когда же онъ ищетъ иной помощи, кромѣ той, которую имѣетъ отъ собственнаго закона; тогда въ радость его вмѣшиваешь безпокойство и боязнь. Онъ наслаждается, и купно укоряетъ себя за наслажденіе, и раздѣляя себя между зломъ, властвующимъ его, и добромъ, которое оставилъ, ощущительно чувствуетъ въ себѣ дѣйствіе двухъ противоположныхъ законовъ, и чрезъ
но-

послѣдующее отъ того свое неудовольствіе познаетъ, что нѣтъ уже для него единицы, понеже удаленъ отъ своего закона. Скоро потомъ сіе нетвердое наслажденіе усиливается и властвуетъ надъ нимъ совершенно; оно не есть больше единообразное и истинное, а производитъ паче въ способностяхъ его безпорядокъ, которой тѣмъ бѣдственнѣе, что какъ дѣйствіе зла есть безплодно и ограничено, то чѣмъ болѣе вдвигаясь ему чело-вѣкъ восхищается имъ, тѣмъ скорѣе приводится въ истощеніе и неминуемое безсиліе.

Вотъ какая безконечная разность между двумя Началами! Добро само отъ себя получаетъ свое могущество и силу, а зло тогда бываетъ ничто, когда добро царствуетъ. Добро своимъ присутствіемъ прогоняетъ даже и самыя мысли о злѣ и малѣйшіе оного слѣды; зло же, будучи на высочайшей своей степени, всегда утѣсняемо бываетъ и превозмощено присутствіемъ добра. Зло само по себѣ не имѣетъ никакой силы, ни власти; а добро имѣетъ власть и силу независимыя, которыя простираются и на самое зло.

Изъ сего явствуетъ, что отнюдь нельзя приписать обоимъ симъ Началамъ равнаго могущества, ниже равнаго старшинства; ибо Существо не можетъ быть въ могуществѣ равно другому, когда неравно также и въ старшинствѣ; понеже сіе было бы знакъ слабости

сти и недостапка въ одномъ изъ нихъ, когда оно не въ одно время съ другимъ приняло свое бытіе. Съ другой стороны, ежелибъ добро сначала и всегда было современно злу, то ни которое не могло бы пріобрѣсти другъ надъ другомъ никакого превосходства; ибо, по сему предположенію, злое Начало не зависѣло бы отъ добраго и имѣло бы равное ему могущество; и такъ оба они или не имѣли бы другъ надъ другомъ никакого дѣйствія, или бы содержали себя въ равновѣсіи: а изъ сего равенства силъ произошла бы недѣйствительность и совершенное безплодіе въ дѣлахъ сихъ обоихъ Существъ; ибо взаимодѣйствующія силы ихъ непрестанно бы прешаствовали другъ другу промазавши что либо.

Также не лъзя сказать и того, что вышшее надъ обоими Начало, дабы разрѣшить ихъ недѣйствіе, пріумножило силы добраго Начала, какъ существа, болѣе сходнаго своему естеству; ибо въ такомъ случаѣ сие Начало вышшее было бы самое то доброе Начало, о которомъ рѣчь идетъ. И такъ по сему очевидному доказательству принуждены мы признать въ добромъ Началѣ неизмѣримое превосходство предъ другимъ, единство, нераздѣлимость, съ которыми оно необходимо существовало прежде всего: чѣмъ ясно доказывается, что зло получило бытіе послѣ добра.

Утвер-

Утверждая такимъ образомъ злаго начала низость и противоположность въ разсужденіи добраго, мы тѣмъ уже доказываемъ, что между ими никогда не было и не будетъ ни малѣйшаго союза, ни сходства; ибо можно ли и въ мысли представить, чѣмъ зло вышло когда либо въ естествѣ и въ свойствахъ добра, коему оно совсѣмъ противоположно?

Но сіе заключеніе необходимо ведишь насъ къ другому, столь же важному, то есть, что добро, сколь оно ни мощно, не можетъ содѣйствовать рожденію зла, ни происходящимъ отъ него дѣйствіямъ; ибо надлежало бы доброму Началу или прежде происхожденія зла имѣть въ себѣ нѣкое злое сѣмя, или свойство; но еслии приняшь таковое мнѣніе, то предлагая здѣсь матерію опять приведена будешь въ замѣшательство, которыми и безъ того человѣческія умствованія и безразсудность ее омрачили; или, по рожденіи зла, имѣть съ нимъ нѣкое сообщеніе и сношеніе; а сіе невозможно и само себѣ противорѣчитъ. Сколь же безразсудны тѣ, которые, опасаясь ограничить доброе Начало, не представляютъ упрямо проповѣдывать свое ученіе, столь противное свойству сего Начала, приписывая ему все вообще, что ни существуетъ, даже и самое зло и безпорядокъ!

Не нужно далѣе распространяться, чѣмъ почувствовать, коль неизмѣнно разстояніе между обоими Началами, и чтобы узнать то,
когда-

которому изъ нихъ должны мы себя ввѣрить: понеже предлагаемая мною доселѣ идеи обращающъ только человѣковъ къ ихъ природнымъ чувствамъ и къ той наукѣ, которая должна находится во глубинѣ сердца ихъ; чрезъ что купно возродится въ нихъ надежда открыть новый свѣтъ въ подлежащемъ нашемъ разсужденіи: ибо человѣкъ, будучи зеркало истинны, долженъ видѣть всѣ отраженные лучи ея въ самомъ себѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ если бы мы не могли ожидать большаго, не желая что общающъ намъ человѣческія умствованія; то я бы не принялся за перо для опроверженія оныхъ.

Однако признавать бытіе злаго Начала, разсматривать дѣйствіе власти его въ Мірѣ и человѣкѣ, равно какъ и выведенныя изъ того должныя заключенія, не есть еще открыть его происхождение. Зло существующе; мы зримъ вокругъ себя страшныя слѣды его, какъ ни старались нѣкоторые отрицать его безобразіе. Еслии зло не произошло отъ добраго Начала, какимъ же образомъ могло оно родиться?

Поистиннѣ сказать, сіе предложеніе весьма важно и шакое, въ которомъ я бы желалъ удостовѣрить всѣхъ моихъ читателей. Но я не льщу себя успѣхомъ; и сколь ни твердо увѣренъ въ неоспоримости предлагаемыхъ мною истиннѣ, однако не удивляюсь, что многіе отвергнутъ ихъ, или не поймутъ.

Когда человѣкъ, возвысився къ добру, пріобрѣтаешъ навѣкъ придерживашся его неизмѣнно.

иивно; тогда онъ не имѣетъ даже и понятія о злѣ. Сія есть истинна, доказанная нами, которую никакое разумное Существо по справедливости оспаривать не можетъ. Еслибъ онъ пребылъ въ постоянной твердости и хотѣніи не сходить съ сея высоты, для которой онъ рожденъ, зло было бы всегда для него ничто; да и въ самой вещи, онъ чувствуетъ пагубныя вліянія зла по мѣрѣ только удаленія своего отъ добраго Начала; а сіе наказаніе принуждаетъ насъ заключить, что онъ производитъ въ семъ случаѣ свободное дѣйствіе: ибо ежели не возможно существу несвободному самому собою отступитъ отъ наложеннаго ему Закона; то не лзя также ему учиниться преступникомъ закона и заслужить наказаніе; что изъяснимъ послѣ, когда станемъ говорить о спраданіяхъ звѣрей.

Наконецъ поелику могущество и *цѣла сила доводителей* составляютъ естество добраго Начала; то явствуетъ, что премудрость и правосудіе суть его правило и законъ: слѣдственно человекъ, ежели спрадасть, то имѣлъ власть и не спрадать.

Такъ конечно. Ежели доброе Начало по естеству своему есть правосудное и могущее, то наши спраданія суть ясные доводы прегрѣшенія нашего и слѣдовательно наша свободы; а потому, когда видимъ человека покеренна дѣйствію зла, то можемъ справедливо увѣрить себя, что онъ самоизвольно злу подвергнулся, и что въ его было волѣ защищать и удалять себя отъ
оного,

онато. И шакъ не должно искашь несчастіямъ
человѣческимъ иной причины, кромѣ сей, что
человѣкъ произвольно ошступилъ ошъ добра-
го Начала, съ которымъ непрестанно бы могъ
наслаждаться миромъ и щастіемъ.

148338
Обратимъ сіе же разсужденіе къ злему На-
чау. Когда оно видимымъ образомъ проти-
вился исполненію единичнаго закона Существъ,
относительно къ чувственному, или раз-
умному; то необходимо и самому ему должно
быть въ *разстроеномъ* состояніи. Ежели
оно ведетъ за собою горестъ и безпорядокъ,
то безъ сомнѣнія оно есть и цѣль онаго купно
и орудіе; и пошому надлежитъ ему предану
быть неослабному мученію и ужасу, которыхъ
оно разлитася вокругъ себя.

Но какъ оно страдаетъ ради удаленія сво-
его ошъ добраго Начала; ибо Существа учини-
лись несчастными съ той минушы, какъ ошлучи-
лись ошъ добра: то спраданія злаго Начала не
иное что, какъ наказаніе; понеже правосудіе,
имѣя повсемѣстную власть, должно двѣ-
ствовашъ и надъ нимъ, какъ и надъ человѣ-
комъ. Когда же оно подъ наказаніемъ нахо-
дился, слѣдовательно самоизвольно удалилось
ошъ Закона, которой могъ бы продолжить
его блаженство; слѣдовательно добровольно
учинилось злымъ. Сіе ведетъ насъ къ заклю-
ченію, что ежели бы Виновникъ зла законнымъ
образомъ употреблялъ свою свободу, то на-
когда бы не ошлучился ошъ добраго Начала, и

Б

злао

зло еще бы не родилося: равнымъ образомъ еспѣли бы и нынѣ воспользовался онъ своею волею и устремилъ бы ее къ доброму Началу, пересталъ бы злымъ быть, и зло не существовало бы болѣе.

Человѣкъ не иначе, какъ простымъ и естественнымъ совокупленіемъ во едино всѣхъ своихъ примѣчаній, можетъ основать свои понятія о происхожденіи зла; ибо ежели разумное существо отъ поущенія воли своей къ развращенности пріобрѣтаетъ познаніе и чувствованіе зла, то безъ сомнѣнія не въ иномъ чемъ началіе и бытіе зла, какъ въ самой волѣ сего свободнаго Существа. Отъ сего единственно воли Начало, учинившееся злымъ, родило древле зло, въ которомъ и по нынѣ пребываетъ. Словомъ сказать, отъ сего самой воли человѣкъ пріобрѣлъ и ежедневно пріобрѣтаетъ то пагубное Знаніе зла, которое погружаетъ его во мракъ, хотя онъ рожденъ былъ шокмо для блага и свѣта.

Толь многіе и тщетные споры о Свободѣ человѣка, копорые часто оканчивались невнятнымъ рѣшеніемъ, будто она несовмѣстна человеку, произошли отъ того, что зависимость и отношенія ея къ волѣ оставлены безъ должнаго замѣчанія, и не усмотрено, что воля человѣка есть единственное орудіе, могущее сохранить, или раззорить свободу, то есть: многіе воображаютъ себѣ свободу, какъ пошолнное и непереложное качество, которое

вездѣ

вездѣ и непрестанно въ насъ долженствуетъ оказываться, и которое ни уменьшаться, ни возрастать не можетъ, и всегда въ нашихъ поведеніяхъ находишься, какесбъ мы впрочемъ ни дѣлали изъ него употребленіе. Но какъ можно представить себѣ такую способность въ человѣкѣ, которая бы и принадлежала ему и не зависѣла отъ воли его, отъ сей главной принадлежности естества его? Не должно ли паче согласиться, что или необходимо свобода не принадлежитъ человѣку, или что можешь онъ имѣть надъ нею нѣкоторую власть по доброду, или худому ея употребленію, направляя больше, или меньше волю свою ко благу?

Примѣчатели самыми изслѣдованіями своими о свободѣ показывающъ, что она должна принадлежать человѣку; ибо въ человѣкѣ же принуждены они изыскивать слѣды ея и свойства; но разсмаширивать ее безъ всякаго отношенія къ воли не есть ли тоже, какъ бы искать въ человѣкѣ такой способности, которая была бы въ немъ, и при томъ былабъ ему несродная? Что неслѣпѣ сего и прошивнѣ здравому разсудку? Удивительно ли, что такіа примѣчанія безуспѣшны? И можно ли на шоль неосновательныхъ изысканіяхъ утвердить какое нѣніе о нашемъ собственномъ ествѣ?

Естьли бы наслаждаешься Свободою не зависѣло никакъ отъ употребленія воли; естьли бы человѣкъ не могъ оную волю слабостями и безпорядочными навыками развращать:

Б 2

не

не спорю, что тогда всѣ бы дѣйствія ея были исколебимы и единообразны, и тогда бы не было у него свободы.

Но ежели сія способность таковою не можетъ быть, каковою понимающъ ее и желаніемъ видѣть примѣчатели; ежели сила ея можетъ измѣняться ежеминутно; ежели оная не дѣйствительна, равно какъ и оная непрестаннаго ея употребленія и постоянного повторація одинакава дѣлній, можетъ она уничтожена быть: то не лзя отрицать, что она принадлежитъ и въ насъ находится, и что сдѣйствіе въ нашей власти состоить укрѣплять ее, или обезсилить; а сіе въ силу права Существа нашего и преимуществъ нашей воли, то есть въ силу хорошаго, или худаго употребленія законовъ, возложенныхъ на насъ онымъ Существомъ нашимъ.

Еще другое заблужденіе принуждаетъ примѣчателей опровергать свободу. Они хотѣли удостовѣриться о ней изъ самыхъ ея дѣйствій, и по ихъ желанію надобно, чтобы дѣйствіе могло быть и не быть въ одно время; а какъ сіе ощутительно не возможно; то и сдѣлали поспѣшь заключеніе, что все, что случается, должно необходимо случиться; сдѣлавъ поспѣшь нѣтъ свободы. Не должно было имъ вспомнить, что дѣяніе и виновница его воля должны быть сходны между собою, а не противны другъ другу; что сила, когда уже произвела дѣйствіе, не можетъ удержаться, или остановить сдѣйствія его, и что наконецъ

сно.

свобода, принятая и въ самомъ общепародномъ смыслѣ, состоятъ въ возможности производить два дѣйствія противныя, не вдругъ, но одно послѣ другаго. И такъ и въ семъ разумѣніи чловѣкъ показываетъ въ себѣ то, что называется обыкновенно свободою; пошому что видимымъ образомъ дѣлаетъ онъ попеременно противныя между собою дѣла, и пошому что онъ одинъ въ природѣ такое Существо, которое можетъ не всегда одному пуци слѣдовать.

Но мы бы весьма заблуждали, когдабъ другаго понятія о свободѣ не имѣли; ибо, правда, что противорѣчіе въ дѣйствіяхъ того же существа показываетъ, что его способности въ безпорядкѣ и замѣшательствѣ; однако ошнюдь не доказываетъ того, что оно свободно; ибо неизвѣстно, добровольно ли предастся оно какъ добру, такъ и злу. Недостаточное опредѣленіе свободы есть ошчасти причиною сего, что вообще люди весьма темное о ней понятіе имѣютъ.

И такъ я утверждаю, что истинное свойство существа свободного есть властъ пребывать самоизвольно въ законѣ, ему предписанномъ, и сохранять силу свою и независимость, сопротивляясь по доброй волѣ шѣмъ препятствіямъ, которыя стремятся отводить его отъ точнаго исполненія сего Закона. А сіе сопротивление уже влащется за собою случай къ паденію; ибо довольно къ сему шоль-

ко не захотѣть сопротивляясь. Когдажъ шешакъ, разсудимъ же, можно ли намъ, покрытымъ шолкою шемношю, льстишься достигать всегда съ одинакою удобностію до нашей цѣли? Не должно ли намъ паче возчувствовать, что малѣйшее нерадѣніе затрудняетъ болѣе и болѣе наше стремленіе къ цѣли, ступая непронцаемость покрова, лежащаго на насъ. И ежели пошомъ обратимъ вниманіе на человека вообще, увидимъ, что когда человекъ можетъ ежеминутно унижать и обезсиливать свободу свою; то весь человеческой родъ нынѣ менѣе свободенъ, нежели былъ въ первыя времена, коими паче прежде его рожденія.

И шакъ не изъ нынѣшняго состоянія человека, ниже изъ его всеневныхъ дѣлъ должно почерпнуть доводы къ утвержденію истинной его свободы; ибо рѣже всего видимъ нынѣ дѣянія чистыя и независяція отъ постороннихъ причинъ; однакожъ заключаешь изъ сего, что свобода никогда не была въ числѣ нашихъ преимуществъ, есть иѣчто болѣе, нежели безумство. Оковы раба доказываютъ правда, что шеперь не можетъ онъ дѣйствовать во всемъ просиранствѣ природныхъ его силъ; но не доказываютъ, чтобъ не могъ иѣкогда; напротивъ они свидѣтельствуютъ, что могъ бы онъ и нынѣ владѣть своими силами, естли бы не учинился достойнымъ быть въ рабствѣ; ибо естлибъ совѣмъ невозможное было дѣло возвратишь иѣкогда употребленіе силъ своихъ, то цѣли не были бы имѣлемы ему ни въ наказаніе, ни въ стыдъ.

Равно.

Равномѣрно неблагоуразумно было бы изъ-
шого, что человекъ нынѣ шоль трудно,
шоль мало и рѣдко бываетъ свободенъ,
заклучишь, что дѣйствія его суть ни доб-
ры, ни злы, и что не обязанъ онъ испол-
няясь ту мѣру добра, которая предписана
ему и въ семъ рабскомъ его состояніи; ибо
лишеніе свободы состоитъ въ томъ, что не
можетъ онъ собственными силами вступитъ
въ совершенное обладаніе преимуществъ, ко-
торыя во благо, ему предназначенно, заклю-
чаются; а не въ томъ, чтобъ могъ скло-
ниться ко злу, не учиняся болѣе виновнымъ.
Мы послѣ увидимъ, что вещественное шло
дано ему для непрестаннаго сношенія и срав-
ненія жи съ истинною, и что какъ ни гру-
бѣетъ онъ ежедневно въ нечувствительности
и нерадѣніи о себѣ, сущность его никогда
не измѣнится. И такъ когда одинъ разъ уда-
лился онъ отъ свѣта, котораго долженъ былъ
придержаться, то всѣ послѣдующія свои за-
блужденія учинилъ неизвинительными и не
имѣетъ никакого права ропшашъ о своемъ
сраданіи.

Но сказать правду, примѣчаша заблу-
ждали въ своихъ разсужденіяхъ о свободѣ
человѣка отъ того, что не имѣли начальна-
го понятія о волѣ человека; что ясиѣ всего
доказываютъ ихъ неусыпныя старанія
узнать, какъ воля дѣйствуетъ. Не подумав-
ши, что не должно ли началу воли находиться
въ ней самой, искали онаго въ посторон-
нихъ

нихъ причинахъ, и вида, что въ самомъ дѣлѣ воля въ сей жизни часто бываетъ предводительствуема побужденіями, либо льстивыми, либо дѣйствительными, заключая, что не сама собою дѣйствуетъ, и что безъ побуждательной причины не можешь ничего предпринять. Но если бы сіе такъ было, то могли бы мы сказать, что имѣемъ волю; ибо не шло бы принадлежала бы она собственно намъ, но была бы подчинена другимъ причинамъ, непрестанно надъ нѣю дѣйствующимъ. Не есть ли сіе обращаться въ единомъ кругѣ и возобновлять тоже заблужденіе, которое мы опровергли относительно къ свободѣ? Словомъ: утверждаешь, что нѣтъ воли безъ побужденія, есть утверждать, что свобода есть свойство не зависящее отъ насъ, котораго мы неслышны удержатъ при себѣ. Но рассуждать такимъ образомъ есть не звать, что такое воля, которая должна быть отличительнымъ знакомъ существа, дѣйствующаго самимъ собою безъ помощи всякаго другаго существа.

Слѣдственно все множество тѣхъ причинъ и побужденій, которыя нынѣ столь часто прельщаютъ насъ и нами управляются, доказываютъ не то, чтобы мы безъ нихъ не могли имѣть хотѣній, и не могли быть свободными; но только то, что онѣ могутъ овладѣть нашею волею и увлечь ее за собою, если мы не воскреснемъ; ибо вслѣдъ постигнутаго признается и не будетъ спорить.

что

что сіи вѣшнія причины суть тиранны, угнѣ-
тающіе насъ; а когда то такъ, то какъ же
бы могли мы почувствовать и увидѣть ихъ ти-
ранство, естли бы не были мы по естеству
нашему сотворены дѣйствовать сами собою,
а не побужденіемъ сихъ мечтаній?

Что касается до того, что какимъ об-
разомъ воля можетъ рѣшиться на что нибудь
безъ постороннихъ побужденій и причинъ: то
сіа истинна столько же неоспоримою покажет-
ся всякому, кто согласится забыть все окру-
жающее, и обратиться на самого себя, сколь-
ко истолкованіе оныя есть бездна, непрони-
цаемая человеку и всякому существу; ибо
для извѣщенія сего должно сдѣлать шѣлес-
нымъ безшѣлесное; а такое предпріятіе было
бы самое пагубнѣйшее человеку, и удобнѣйшее
погрузить его въ невѣжество и грубость;
иначе оно ведетъ къ ложному, и втуне исто-
щиваетъ всѣ его способности. И по сей-то
причинѣ малые успѣхи примѣчашеся въ семъ
познаніи ни къ чему не послужили, какъ
только привели къ малодушію шѣхъ, кото-
рые безумно послѣдовали имъ въ намѣреніи
сыскать просвѣщеніе, отъ коего они непра-
веднымъ своимъ шествіемъ удалились. Муд-
рецъ ищетъ причины шѣхъ вещей, которыхъ
оную имѣютъ; но благоразуміе и просвѣще-
ніе его не позволяеть ему искать причины
шѣхъ, которыхъ не имѣютъ, изъ числа коихъ
есть природная воля человека; ибо она есть
сама причина.

И потому доколѣ въ человѣкѣ есть воля, которая хотя и можеть развратиться худымъ ся употребленіемъ, не престану однако починать его свободнымъ, хотя онъ почти всегда порабощенъ.

Не для ослабленнаго, легкомысленнаго и нерадиваго человѣка предлагаю сіи разсужденія; у него предводители его глаза; о вещахъ онъ судитъ такъ, какъ онъ теперь, а не какъ былъ. И такъ бесполезно представлять ему таковыя истины; понеже, сравнивал ихъ съ своими мрачными мыслями, и судя о нихъ по чувствамъ, не найдетъ онъ въ нихъ ничего, кромѣ противорѣчій, которыми заставлятъ его отвергнуть и то, что уже уразумѣлъ, и что впредъ могъ бы вникалъ въ своему разумнію, дабы потомъ предаться волнованію своихъ чувствъ и послѣдовать мертвому и мрачному закону неразумнаго животного.

Но человѣкъ, живущій къ себѣ столько уваженія, чтобы искать самопознанія, которой неупомимо наблюдалъ свои навыки и уже старался свергнуть съ себя шейный покровъ, на немъ лежащій; такой, говорю, человѣкъ можеть получить нѣкоторую пользу отъ предлагаемыхъ здѣсь разсужденій, можеть открыть сію книгу; ему вручаю се охотно, да укрѣпимъ въ себѣ зарожденную любовь ко благу.

Вся-

Всякаго, кому случится чинить сіе сочиненіе, увѣщаваю нигдѣ индѣ не искать происхожденія зла, какъ шокмо въ показанномъ мною источникѣ, то есть въ развращеніи воли Существа, или Начала, учинившагося злымъ. Не обвиняясь утверждаю, что щещно чинящель будещъ искать иной причины зла; ибо ежелибы зло имѣло основаніе постояннѣе и шверже, то было бы вѣчно и непобѣдимо, какъ добро; ежели бы сіе униженное существо могло производить нѣчто другое, а не дѣла шокмо воли; ежели бы оно могло шворить существа истинныя, то было бы шоль же мощно, какъ и доброе Начало. И такъ ничтожность его дѣла показываещъ намъ ошущительно немощь его, и запрещаещъ намъ дѣлать какое либо сравненіе между имъ и добрымъ Началомъ, отъ кого оно ошлучилось.

Весьма также бѣзумно было бы искать происхожденіе добра не въ самомъ же добрѣ; ибо ежели по вышесказаннымъ причинамъ Существа униженныя, какъ-то, злое Начало и человекъ, имѣющъ еще право быть сами виновниками своихъ дѣла; шѣмъ паче возможно ли отнять сію принадлежность у добраго Начала, кошорое, поелику добро, есть безконечный источникъ всѣхъ свойствъ, сѣмъ и естественная дѣйствующая сила всего, что есть совершенное? Надобно бытъ у того смыслу поврежденному, кто станешъ искать причину и происхожденіе добра въ добра, когда и то и дру-

гог

гое не находясь и не могутъ быть иныѣ, какъ шомо въ ономъ же добръ.

Хотя довольно вразумительно изобразилъ я происхожденіе зла, однако нахожу за нужное во первыхъ дать нѣкоторое понятіе о естествѣ и состояніи злаго Начала прежде его развращенія; вторыхъ предупредить затрудненіе, могущее встрѣпиться и шѣмъ, которые слышатся искусными въ семъ познаніи, а именно: для чего начальникъ зла не рѣшился по свободѣ своей примириться съ добрымъ Началомъ. Сіе покажу я въ концѣ, дабы не прерывать моего шеченія и не удалившись отъ опредѣленныхъ мнѣ границъ.

Когда я говорю, что Начало зла сдѣлалось злымъ по единому дѣланію его воли, разумѣется уже, что оно было добрымъ прежде произведенія сего дѣланія. Но было ли оно равно шому вышшему Началу, о коемъ мы прежде говорили? Конечно нѣтъ; оно было доброе, не будучи оному равнымъ; было низжайшее шого, не будучи злымъ; оно произошло отъ сего вышшаго Начала, и потому не могло ему равняться ни въ силѣ, ни въ могуществѣ; оно было доброе, понеже существо, произведшее его, было сама благость и совершенство; оно было низжайшее оного; понеже, имѣя законъ свой не отъ себя, имѣло оно способность дѣлать, или не дѣлать шго, что возложено ему было по его происхожденію; и нисему имѣло способность удалиться отъ сего

его закона и учинишься злымъ. Вышшее же Начало, вмѣщая въ себя свой собственный законъ, необходимо должно пребывать во благѣ, составляющемъ его, и не можетъ никогда обратиться къ другой цѣли.

Что же касается до другаго предложенія, то я показавъ уже, что когда бы Начальникъ зла употребилъ на приближеніе къ доброду началу свою свободу, то претпалъ бы быть злымъ и спрдасть, и тогда бы зло не существовало; но мы ежедневно видимъ изъ его дѣлъ, что онъ какъ бы пригвожденъ къ своей законопреступной волѣ, и не производитъ ни одного дѣянія, которое бы не стремилось къ продолженію неустройства и безпорядка.

На сей-то утверждаясь шочкѣ, защитники слѣпаго рока мнятъ уже шоржествовать, говоря, что зло содержитъ въ себѣ причину и необходимость своего бытія. Симъ мнѣніемъ въсѣгающъ они человека въ разслабленіе и опчаяніе; ибо ежели зло необходимо, то не возможно никогда избѣжать его ударовъ и услаждающа чаяніемъ шого мира и свѣта, который есть цѣль нашихъ желаній и шрудовъ. Но предохранимъ себя отъ сихъ заблужденій, и раззоримъ пагубный ихъ слѣдствія, показавъ истинную причину продолженія зла.

Ежели внимемъ къ самимъ себѣ, то легко почувствуемъ, что главнѣйшій законъ

всѣхъ

30 Настоящее Состояніе злаго Начала.

всеобщаго Правосудія есть толь, чтобы свойство наказанія было всегда въ точномъ отношеніи съ самымъ свойствомъ преступленія; и сіе сбывается, когда преступникъ приведенъ къ безсильнымъ дѣйствіямъ, которыя подобны тѣмъ, кои онъ законопреступно произвелъ, и сдѣловашельно которыя противны закону, пренебреженному имъ. Вотъ для чего Начальникъ зла, развращаясь беззаконнымъ употребленіемъ своей свободы, пребываетъ неколебимъ въ своей злой волѣ, такъ какъ и родилъ ее; то есть, онъ не престаешь противиться дѣланіемъ и волѣ добраго Начала, и по мѣрѣ тщесныхъ своихъ усилій чувствуетъ страданія, дабы по законамъ правосудія въ самомъ дѣланіи своего беззаконія находилъ и свое наказаніе.

Присоединимъ къ сему еще нѣкоторые разсужденія о столь важной вещи.

Понеже доброе Начало есть единица существенная; понеже оно есть благость, чистота и самое совершенство: то не можешь терпѣть въ себѣ ни раздѣленія, ни противорѣчія, ниже нечистоты. Изъ сего явствуетъ, что Виновникъ зла долженъ быть отъ онаго отлученъ и отверженъ, какъ скоро единожды противупоставилъ волю свою волѣ добраго Начала, и съ того времени осталась въ немъ власть и воля злая, непричастная и не сообщающаяся благу. Врагъ самозвольный добраго Начала и устава единственнаго, злаго

и

и непремѣннаго, можетъ ли онъ въ себѣ вмѣщать какое благо, или какой законъ, будучи въ сего усташа? Не можно одному и тому же существу бытъ вмѣстѣ и добрымъ и злымъ, и производить порядокъ купно и безпорядокъ, чистое и нечистое. И такъ легко теперь увѣриться, что совершенное отступленіе его отъ добраго Начала, удалило его необходимо отъ всякаго добра; и онъ уже не въ состояніи познашь и произвести что либо доброе, и очиститъ отъ своей воли, равно какъ и отъ дѣяній неправильныхъ и безпорядочныхъ и отъ сопрошивающаго блага и истиннаго.

Такимъ образомъ погруженный въ собственномъ мракѣ, неспособенъ онъ къ нспріятію какого либо свѣта и возвратиться къ добруму Началу: ибо чтобы устремить свои желанія къ истинному сему свѣту, надобно прежде познашь его, надобно возъимѣшь добрую мысль. Но какъ сія мысль въ него вселится, когда воля его и всѣ способности совсѣмъ нечисты и разспроены? Однимъ словомъ, когда не имѣетъ онъ никакого сообщенія съ добромъ, и когда не въ его власти состоятъ познашь добро и его возчувствовать, то способъ и свобода возвратиться ко оному, хотя и есть въ немъ, всегда остаются безъ успѣха: а сіе и учиняетъ ужаснымъ лишеніе, къ которому онъ осужденъ.

Законъ Правосудія равно исполняется и надъ человекомъ, хотя опмѣнными средствами

ми:

ми; онъ будетъ намъ предводителемъ въ нашихъ изсѣдованіяхъ о человѣкѣ.

Никто неспешитъ, у кого только смыслъ не помраченъ, или не зараженъ предубѣжденіемъ, не станешь спорить, чтобы нѣлесная жизнь человѣка не была лишеніе и страданіе почти непрерывное. И такъ, свѣдуя тому понятію, какое мы имѣемъ о Правосудіи, не безразсудно назовемъ сію плотскую жизнь временемъ наказанія и счищенія; но не льзя имлиновать ее таковою, не подумавъ шотчасъ, что надлежало же человѣку имѣть прежде состояніе вышшее и превосходнѣе нынѣшняго, и что сколько шеперешнее его состояніе ограничено и наполнено печалями и непріятностями, шотолько другое должно быть неограничено и исполнено утѣхъ. Каждое человѣка страданіе есть знакъ недостающаго ему блага; каждое его движеніе показываетъ, что онъ былъ созданъ для наслажденія; каждая его немощь возвѣщаетъ его прежнее могущество: однимъ словомъ, самое сіе чувствованіе, что нынѣ не имѣетъ онъ ничего, есть тайное доказательство, что нѣкогда имѣлъ онъ все.

И такъ болѣзненное чувствованіе нынѣшняго его ужаснаго состоянія, можетъ вразумить насъ о блаженной его преждебышней жизни. Онъ нынѣ не властелинъ своихъ мыслей и мучится тѣмъ, что долженъ ожидать тѣхъ мыслей, коихъ желаетъ, и отгоняетъ, коихъ страшится: наъ сего видимъ, что онъ соз-

созданъ былъ располагать самыми мыслями, и могъ ихъ производить по изволению; и надобно думать, что съ сего властію сопряжены были неосцѣненные преимущества. Онъ приобрѣщаетъ нынѣ малѣйшій покой и тишину безчисленными усиліями и трудами; изъ чего заключаемъ, что онъ назначенъ былъ наслаждаться непрерывно и безъ труда спокойнымъ и блаженнымъ состояніемъ, и что истинное его жилище было жилище мира и тишины. Имѣетъ онъ способность все видѣть и все познавать; однако пресмыкается во мракѣ и ужасается своего невѣжества и ослабленія: не доказывается ли симъ ясно, что свѣтъ есть его стихія? Наконецъ, тѣло его подвержено разрушенію; и сія смерть, о которой изъ всѣхъ существъ Капуры одинъ человѣкъ имѣетъ познаніе, есть ужаснѣйшая черта въ теченіи тѣлесной его жизни, происшествіе самое уничижительное и самое страшное для него: для чего же изъ сего строгого и ужаснаго для него уснава не заключаемъ, что тѣло его нѣкогда состояло подъ славнѣйшимъ Закономъ, и должно было пользоваться всѣми преимуществами безсмертія?

Но откуда могло произойти сие высокое Состояніе, которое дѣлало человѣка только великимъ и блаженнымъ, какъ не отъ внутренняго познанія и непрестаннаго присутствія добраго Начала? Ибо въ немъ единомъ есть источникъ всякаго могущества и всякаго блаженства. Онъ чего же сей человѣкъ нынѣ погруженъ

В

въ

въ невѣстствѣ, слабости и бѣдствіи, какъ не отъ того, что спалъ оплаченъ отъ сего Начала, которое есть единый свѣтъ и единственное подкрѣпленіе всѣхъ существъ?

Теперь вспомянувъ вышесказанное мною о правосудіи перваго Начала и о Свободѣ существъ, отъ него произведенныхъ, мы почувствуемъ совершенно, что когда злое Начало по слѣдствію его преступленія терпитъ еще страданія, неразлучныя съ его возмущительною волею; то и человѣка страданія шеперешніа суть естественныя слѣдствія перваго его заблужденія: сіе заблужденіе также не отъ иного чего могло произойти, какъ отъ Свободы человѣка, которой, родивши въ себѣ мысль, противную вышнему Закону, своею волею къ оной прильпился.

По отношеніямъ, находящимся между страданіями злаго Начала и его преступленіемъ, могъ бы я сравнительнымъ образомъ начертать свойство преступленія первобытнаго человѣка чрезъ свойство его наказанія; могъ бы я чрезъ сіе укропши непрестанныя роптанія на то, что мы осуждены участвовать въ его казни, хотя и не участвовали въ преступленіи; но сіи истинны были бы отъ многихъ презрѣнны, а признаны отъ столь немногихъ, что я бы потрѣшилъ, показавъ ихъ всему свѣту. Довольно, ежели укажу путь моимъ читателямъ примѣрнымъ изображеніемъ Состоянія человѣка въ его

его славы и наказанія, коему онъ подвергнулся, когда лишился перваго состоянія.

Ни чье происхожденіе не превышаетъ его происхожденія; ибо онъ древнѣе всякаго Существа въ Нашурѣ: онъ существовалъ прежде рожденія всякаго сѣмени, однако явился въ міръ послѣ всѣхъ ихъ. Но шѣмъ онъ былъ выше всѣхъ сихъ Существъ, что имъ надлежало рождаться отъ отца и матери, а человѣкъ не имѣлъ матери. Сверхъ сего ихъ должностъ была ниже человѣческой: человѣкъ долженъ былъ всегда *сражаться*, дабы прекратитъ безпорядокъ и привести все къ *Единицѣ*; а ихъ дѣло повиноваться человѣку. Но какъ *сраженія*, въ которыхъ обязанъ онъ былъ, могли быть ему опасны, для сего былъ онъ покрытъ *вроною* непроницаемою, которую могъ обращать на разные употребленія по своей волѣ, и съ которой долженъ былъ *дѣлать* списки, во всемъ равные и подобные подлиннику.

Сверхъ того вооруженъ онъ былъ *копѣемъ*, составленнымъ изъ четырехъ *Металловъ*, столь хорошо смѣшанныхъ, что съ начала бытія міра никто не могъ ихъ раздѣлить. Сіе копѣе имѣло свойство жечь, какъ огонь; кромѣ сего оно было столь остро, что ничего не было для него непроницаемаго, и столь дѣйствительно, что однимъ разомъ ударяло въ *два мѣста*. Сіи преимущества, соединенныя съ неизчислимыми другими дарованіями, которыхъ человѣкъ получилъ

во едино время, дѣлали его истинно крѣпкимъ и страшнымъ.

Спрана, въ коей человекъ долженствоваѣ сражаться, была усажена лѣсомъ, составленнымъ изъ семи деревъ, изъ коихъ каждое имѣло *шестидцать* корней и *четыреста девяносто* вѣтвей. Плоды ихъ непрестанно возобновлялись, и доставляли человеку наилучшую пищу; оныя же деревья служили ему убѣжищемъ, и дѣлали жилище его какъ бы неприступнымъ.

Въ семъ жилищѣ утѣхъ, въ сей обители блаженства своего и на престолѣ славы своей человекъ былъ бы навсегда блаженъ и непобѣдимъ; ибо, получивъ повелѣніе занимать *средоточіе* онаго, могъ онъ ошуда безъ труда сморгнуть на все, происходящее вокругъ его, и удобно примѣчать всѣ хитрости и движенія противниковъ его, не будучи отъ нихъ никогда видимъ. И такъ доколѣ пребылъ онъ въ своемъ мѣстѣ, доколѣ соблюдалъ свое естественное превосходство, наслаждался миромъ и вкушалъ блаженство, коихъ не можно изъяснить нынѣшнимъ людямъ; но какъ скоро удалился изъ сего мѣста, то престалъ быть господиномъ онаго, и на его мѣсто посланъ иной, *дѣйствительный*. Тогда человекъ, лишася позорно всѣхъ своихъ правъ, низверженъ былъ въ спрану отцовъ и матерей, гдѣ съ того времени и находится, сѣтуя и сокрушаяся о томъ, что видитъ себя смѣшанна съ прочими Существоми Натуры.

Не

Не возможно вообразить печальнѣе и жалостнѣе того состоянія, въ которомъ находился сей несчастный человѣкъ въ минушу его паденія; ибо не только потерялъ онъ шощася страшное коніе, которому ничто не могло противиться, но и самая броня, кою былъ облеченъ, исчезла отъ него, и на мѣсто ея дана ему на время иная, которая, не будучи непроницаема, какъ прежняя, сдѣлалась для него источникомъ непрерывныхъ опасностей; но при всемъ томъ обязанъ онъ былъ выдерживать то же сраженіе, и потому гораздо больше сталъ открытъ непріятелямъ.

Однако Отецъ его, наказуя такимъ образомъ, не хотѣлъ лишить его всей надежды и совершенно предать ярости враговъ; пронувъ будучи раскаяніемъ и стыдомъ его, обѣщалъ возвратить ему прежнее состояніе, естъли только употребитъ къ тому стараніе; но не прежде однако, какъ заслужитъ право владѣть коніемъ потеряннымъ, и которое вѣрено было преемнику его, вступившему на мѣсто его въ средоточіе, которое онъ оставилъ.

Сего - то несравненнаго оружія исканіемъ человѣки должны были съ того времени заниматься, и заниматья всякой день; ибо полученіемъ онаго только могутъ они возвратитъ свои права, и снискать всѣ шѣ милости, которыхъ были имъ назначены.

Не удивительно, что человеку послѣ его паденія оставленъ былъ способъ; ибо Отецеская рука наказывала его, и родительская любовь имѣла о немъ попеченіе и тогда, когда Правосудіе того же отца удалило его отъ своего присушства. Ибо мѣсто, оставленное человекомъ, столь премудро устроено, что возвращаясь по тому же пути, по которому заблудился, человекъ можетъ несомнѣнно войти въ средоточіе лѣса, въ которомъ единственно можетъ пользоваться нѣкоторою силою и упокоеніемъ,

Въ самомъ дѣлѣ онъ заблудился, идучи отъ *четырехъ* къ *деяти*, и не иначе можетъ возвратиться, какъ шествуя отъ *деяти* къ *четыремъ*. Впрочемъ не лзя ему жаловаться на сіе опредѣленіе; ибо таковъ есть Законъ, возложенный на всѣ существа, обитающія въ странѣ отцовъ и матерей; и понеже человекъ сошелъ въ оную страну по своему хотѣнію, то долженъ возчувствовать онаго Закона и наказаніе. Сей Законъ ужасенъ, я то знаю, но не можетъ никакъ, сравненъ бытъ съ Закономъ числа *пятидесяти шестю*. Сей Законъ страшенъ всѣмъ, которые ему подвергнутся; ибо они никогда не возмогутъ приити къ *шестидесяти четыремъ*, не почувствовавъ всей его строгости.

Вотъ аллегорическое повѣствованіе о томъ, что былъ человекъ въ его началѣ, и что онъ сталъ, удалась бѣда пераго его Закона.

Я

Я старался сею картиною привести его къ источнику злѣ его, и показать, хотя, правда, таинственнымъ образомъ, средства къ поправленію его несчастія. Къ сему я долженъ сказать, что хотя его и злаго Начала преступленія суть равно плоды злой ихъ воли, однако надобно знать, что оба преступленія весьма различнаго свойства, и слѣдовательно не могутъ быть равному подвержены наказанію, ниже имѣть одинакія слѣдствія; ибо Правосудіе уважаетъ и разность мѣстъ, въ которыхъ преступленія учинены. Человѣкъ и злое Начало имѣютъ непрестанно предъ глазами своими свой грѣхъ, но оба они не одинакую имѣютъ помощь и не одинакое утѣшеніе.

Я прежде уже старался вразумить, что Начало зла само по себѣ не можетъ ничего дѣлать, какъ шокмо пребывать въ своей продерзской волѣ, доколѣ не возвращено будешь ему сообщеніе съ Добромъ. Человѣкъ же, не изирая на свое осужденіе, можетъ удовлетворить самое Правосудіе, примириться съ истинною, и отъ времени до времени вкушать *сладоути*, буди бы онъ нѣкоторымъ образомъ отъ нихъ не совсѣмъ отлученъ.

То однако истинно, что преступленіе и того и другаго наказуется лишеніемъ, и наказанія разнствуютъ только мѣрою. Но то еще истиннѣе, что сіе лишеніе есть ужаснѣйшая казнь, и единая, которая мо-

жестъ усмирить человека. Ибо худой есть способъ вести насъ къ Премудрости помощи ужаснаго изображенія тѣлесныхъ наказаній въ будущей жизни; таковое изображеніе ничто, когда его не почувствуешь. И симъ слѣпымъ учинсямъ не лзя имѣша устыха, показывая намъ въ мысляхъ только воображаемыхъ или мученій.

Если бы они постарались по крайней мѣрѣ изобразить, какія терзанія человекъ ощущаетъ, когда учиняется злодѣемъ, могли бы быть скорѣе бы его пронули; ибо мы можемъ на сей землѣ имѣть чувствованіе сего мученія. Но коль благополучіе могли бы насъ сдѣлать, и koliko достойнѣе нашего Начала подали бы намъ мысль, когда бы сказали человѣкамъ, что сіе Начало есть любовь, и показываешь человека любвию же; и будучи не иное что, какъ любовь, когда у нихъ олимпийскій любовь, то ничего имъ не ощущаешь.

Симъ же способомъ просвѣщал бы они и подкрѣпляютъ человекѣ, и дали бы имъ почувствовать, что имѣть ничего страшнѣе, какъ погубить въ себѣ любовь сего Начала; ибо съ того времени они находились въ ничтожествѣ. И постигши сіе ничтожество, которое человекъ можетъ осмысленно испытывать, если бы оно представляемо было во всемъ его ужасномъ видѣ, было бы для него дѣйствительнѣйшимъ и озабочивающимъ возбужденіемъ, нежели представляемое симъ

234

нѣжныхъ мученій, которымъ человѣкъ, не смотря на ученіе сихъ кровожадныхъ проповѣдниковъ, видишь всегда конецъ, а никогда начала не видишь.

Способы, данныя человѣку для его возстановленія въ прежнее сословіе, сопряжены съ весьма строгими условіями. Чѣмъ величественнѣе права, конхъ онъ лишился, тѣмъ болѣе страданій долженъ онъ сносить для пріобрѣтенія ихъ. Сасерхъ сего, подвергнувшись преслѣствію своимъ Заону времени, не можешь онъ избѣжать скорбныхъ оного дѣйствій; ибо онъ самъ себя противуположилъ предопы, содержащіяся во времени; Заонъ же не допускаетъ его что либо получить, какъ шокме по мѣрѣ ощущенія и преодоленія оныхъ затрудненій.

Съ самой минушы его рожденія тѣлеснаго уже начинающіяся казни, ожидающія его; дѣлающія тогда нѣтъ знаки постыднаго грѣха его. Онъ рождается, какъ подлое нечестное, въ брѣвности и нечистотѣ, рождается среди болѣзней и воплей матери своей, какъ будище постыдно ей показывающъ чадое на свѣтѣ. Какое для человѣка поученіе, что изъ всѣхъ въ натурѣ находящихся матерей женщина одна съ большою скорбію и опасностію рождаетъ! Но едва онъ самъ начинающъ дышать, уже заливается слезами и терзается мучительными болѣзнями. И такъ первый его шагъ въ жизнь покаяющъ, что онъ пришелъ въ міръ страданъ, а что онъ есть пошленикъ сынъ беззаконія и болѣзни.

Когдажъ бы человѣкъ не учинился виновнымъ, тогда бы рожденіе его было первое ощущеніе блаженства и мира. Возвръвъ на свѣтъ, спалъ бы прославляя сіяніе онато сладостнымъ своимъ восторгомъ и возсылая хвалы къ Начальнику своего блаженства. Не беспокоясь о законности своего происхожденія, не сомнѣваясь о постоянности своей участи, вкушалъ бы всѣ утѣхи; ибо зналъ бы ощутибельнымъ образомъ преимущества ихъ. О человѣкъ! проливай горькія слезы о чрезмѣрности твоего преступленія, которымъ толь спрашно измѣнилось твое состояніе. Ужаснись пагубнаго тебѣ опредѣленія, осуждающаго твое потомство раздаться въ мученіяхъ и позорѣ, попомощво, назначенное къ единой славѣ и неколебимому блаженству.

Съ самаго начала стихійнаго теченія состояніе его уже становившися часъ отъ часу ужаснѣе; ибо тогда онъ страдаетъ только тѣломъ, но предается ему еще спрадашь мыслию. Тѣло его, конимъ онъ обложенъ, уже подвергнуто дѣйствию стремительныхъ стихій, прежде нежеле получило малѣйшія силы къ сопротивленію: равно и мысли его угнѣтаемы бывающъ въ томъ возрастѣ, когда онъ еще не приобучилъ своей воли; следовательно легко впадетъ въ заблужденіе, которое чрезъ тысячи спезей проходитъ въ самого еще зародыша, и заражаетъ дерево въ самомъ его корени.

Иа-

Извѣстно, что человѣкъ вступаетъ тогда въ столь шрудный и опасный путь, что ежели бы вспоможенія не умножались по мѣрѣ его опасностей, то бы онъ погибъ; но рука, даровавшая ему бытіе, не упускаетъ ничего нужнаго къ его сохраненію: чѣмъ болѣе онъ возрастаетъ, и чѣмъ болѣе претпастивъ дѣйствію его способностей, тѣмъ болѣе укрѣпляется его тѣлесный покровъ, сирѣчь новая его броня твердеетъ и противится нападенію враговъ до того, какъ разумный храмъ человека соорудится, обложеніе тѣла учинится безполезнымъ и разрушится, оставя по себѣ зданіе, открытое и никакому поврежденію не подверженное.

Изъ сего явствуетъ, что сіе вещественное тѣло, которое мы носимъ, есть орудіе всѣхъ нашихъ спираданій. Оно-то, грубостію своею ограничивая нашъ взоръ и всѣ наши способности, содержишь насъ въ недостаткѣ и мученіи! Я не могу теперь не признаюсь, что сопряженіе человека съ сею грубою одеждою есть та казнь, коей преступленіе его подвергло на время; ибо мы видимъ, сколь ужасны производятъ оно дѣйствія съ начала его облеченія во оное до того времени, какъ совлечется ся; и чрезъ него-то начинающія и продолжающія испытанія, безъ коихъ онъ не можетъ возстановить отношеній, коимъ-то былъ со свѣтомъ.

Но хотя сіе вещественное тѣло погружаетъ насъ во мракъ, должно признаваться,
аще

что оно же служило намъ защитою и предохраненіемъ противу опасностей, насъ окружающихъ, и что безъ сего щита мы были бы подвержены большимъ опасностямъ.

Сіе есть мнѣніе мудрецовъ всѣхъ временъ. Первое ихъ упражненіе состояло въ непрестанномъ соблюденіи себя отъ представляемыхъ симъ шѣломъ мечтаній. Они презирали его; ибо оно есть презрительно по своей сущности; они спрашивали его, видя, въ какую пагубу оно ведетъ, и совершенно зная, что оно есть дорога къ заблужденію и лжи.

Но опытъ научилъ ихъ, что шѣла такожъ есть орудіе, чрезъ которое проходя въ человека познанія и лучи Истинны: они чувствовали, что мысль не намъ принадлежитъ, и наши идеи отъ насъ входящъ въ насъ, и слѣдовательно проходящъ чрезъ шѣло; въ чемъ чувствуя наши шѣлесныя суть главныя пособіи.

Сіе мнѣніе привело человека, по его скорости и легкомыслію, въ пагубныя заблужденія, отъ которыхъ родился въ его воображеніи худыя и странныя идеи; изъ сего, говорю, мнѣніа Матеріалисты почерпнули унывающее мнѣніе о чувствованіяхъ, поставляющее человека ниже скота; понеже сей, подстрекаемъ будучи единымъ шокмо побужденіемъ, способенъ заблуждаться; но человекъ,

вѣкъ, находяся въ противорѣчіяхъ, можетъ по ихъ мнѣнію вдаваться спокойно и безъ разбору всякому побужденію, дѣйствующему на него.

Но ежели слѣдовать тому свѣту Правосудія, которой мы уже признали въ чловѣкѣ, то не лзя намъ принять сего уничижительнаго мнѣнія. Мы доказали, что чловѣкъ управляетъ самъ собою, и отдастъ самъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Я не допущу теперь похитить у него преимущества столь важнаго, которое возвышаетъ его надъ всеми тварями.

Ничто меня не удержитъ удословить мою собратію, что сія искусно вымышленная хитрость весьма способна совратить ихъ и удалить отъ пути. Всякой путешествовашель придетъ въ отчаяніе, когда встрѣшитъ двѣ дороги въ противныя страны, и къ неизвѣстной цѣли ведущія; но разсмотрѣвъ съ примѣчаніемъ путь, уже имъ совершенный, и вспомя, отъ коей точки началъ путешествованіе и къ которой стремишься, можетъ быть онъ разсудитъ лучше, и выберетъ правый путь. Когда же кто нибудь, представъ передъ него, скажетъ, что бесполезно онъ трудился въ изысканіи истинной стези, что всякая дорога, встрѣченная ему, приведетъ равно къ той же цѣли, и что онъ можетъ безъ разбору вступить на ту, или на другую: тогда путешествующія въ большес

шее впадетъ недоумѣніе, нежели какъ онъ былъ принужденъ совѣтоваться съ самимъ собою; ибо не можетъ онъ не видѣть, что сіи обѣ дороги противоположены другъ другу; и щотчасъ восчувствуетъ, что даваемые ему совѣты подозрительны, и что ему сглаживаясь сѣши.

Въ подобное сему состояніе ввергаютъ человека сочинители Системъ о чувствованіяхъ, наводя на него омраченіе на пути его. Проповѣдывать, что Законъ и предводитель человека суть чувства, есть увѣрять, что щистенно старается онъ дѣлать выборъ вещей, представляемыхъ ему чувствами; поуже дѣйствія чувствъ подвержены переменамъ. И такъ человекъ, не будучи властенъ управлять побужденіями чувствъ, бесполезно будетъ силиться направлять устремленіе и дѣйствія чувствъ своихъ.

Но не лзя ему, какъ и оному путешественнику, не вѣришь убѣжденію собственному: онъ ясно видѣть, что чувства вносятъ въ его разумъ образы вещей; и припомъ также принужденъ признаться, что сіи вносимыя въ его понятія вещи нѣкоторыя суть добрыя, а нѣкоторыя суть злыя.

Какъ же повѣрить тѣмъ, которые запрещаютъ ему разбирать вещи, и утверждаютъ, что всѣ онѣ суть ни добры, ни злы, а одинаковой сущности? Не долженъ ли паче вознегодовать на нихъ, и остерегаться шоль опасныхъ учинселей?

Сіе

Сіе есть, повторяю, обыкновенное искушеніе мыслямъ чловѣка, и припомъ самое прелестное, кошорымъ злое Начало болѣе всего можеть воспользовашься; ибо когда упомишь чловѣка симъ мнѣніемъ, что не надобно дѣлать разбору въ вещахъ, его окружающихъ, легко приведетъ его въ ту же неизвѣстность и безпорядокъ, въ кошорой и самъ впалъ, ошторгнувшись оиъ всякаго Закона.

Но естли Правосудіе всегда назираетъ чловѣка, то надлежитъ ему имѣть и средства разпознавать хитрости врага своего, и разрушать по изволенію всѣ его предпріятія; иначе не былъ бы оиъ наказуемъ за то, что попустилъ себя обмануть. Средства же сіи должны имѣть основаніе въ собственномъ естествѣ чловѣка; кошорое не можеть измѣняться, равно какъ и естество Начала, оиъ коего оиъ произошелъ. И такъ собственная его сущность, будучи не совмѣстна съ ложью, рано, или поздно откроетъ ему обманъ, и естественнымъ образомъ приведетъ ко Истинѣ.

Я употребляю теперь сіи же самыя средства общія мнѣ со всеми людьми, чтобы показать имъ опасность и нелѣпость сего мнѣнія, разрушающаго ихъ блаженство, и удобнаго погрузить ихъ въ бездну беззаконія и отчаянія. Довольно я доказалъ нашими страданіями нашу свободу; и такъ я спрошу Матеріалистовъ, какъ могли они ослѣпиться до того, что имъ кажется чловѣкъ только маши-

48 Спосовность, прожденная Человѣку.

машинною? Я бы желалъ, чтобъ они по малой мѣрѣ признались чистосердечно въ томъ, что сія машина есть дѣйствующая, и содержишь въ себѣ начало своего дѣйствія; иначе ежели бы она была совершенно спрадающая, то принимала бы въ себя все, и ничего бы не выдавала отъ себя.

Но какъ скоро показывается она въ некоторую дѣйствительность, то должна неопытно жить въ себѣ силу, могущую показывать сію дѣйствительность. Я не думаю, чтобы кто нибудь смалъ утверждать, что сію силу получаемъ мы отъ чувствованій. Думаю также, что человекъ безъ сей врожденной ему силы не могъ бы ни пріобрѣтать, ни сохранять познанія о какой либо вещи, что мы и примѣчаемъ въ существахъ несмысленныхъ. Изъ сего явствуетъ, что человекъ содержишь въ себѣ сѣмя свѣта и истины, которыхъ знанія толь часто являютъ. Не довольно ли сего къ опроверженію сего дерзкаго ученія, уничтожительнаго для человека?

Но мы тутчасъ сдѣлають возраженіе, что не только скоты, но всѣ Существа низшія производящъ дѣйствія внѣшнія, изъ чего слѣдуетъ, что всѣ сіи существа имѣють въ себѣ, и не суть простыя машины. И тогда спросятъ у меня: какая же разность между ихъ Началомъ дѣйствія и Началомъ, находящимся въ человекѣ? Сію разность легко можъ усмотрѣть, кто обратитъ къ

къ ней вниманіе, и чинатели мои узнающѣе, когда устремяшѣ зорѣ свой на причину сего ошибки.

Нѣкоторыя Существа суть разумѣющія, а нѣкоторыя суть токмо чувствующія; человѣкъ вмѣстѣ и то и другое. Вотъ въ чемъ загадка! Сіи разныя ошдѣленія существъ имѣющѣ каждое и Начало дѣйствія особенное; человѣкъ одинъ оба сіи начала соединяетъ въ себѣ, и кто только пошщитъ ихъ различитъ, легко рѣшитъ всѣ затрудненія.

Человѣкъ по своему происхожденію пользовался всѣми правами разумнаго Существа, хотя имѣлъ на себѣ наружный покровъ; послѣку во временной странѣ ни одно Существо не можетъ пребыть безъ одѣянія. Теперь, когда уже я довольно о сей одеждѣ открылъ, признаюсь, что непроницаемая та броня, о которой выше мною сказано, ничто иное была, какъ первая одежда человѣка. Но почему же она была непроницаема? Почему она, будучи единственною и простою, по превосходному своему естеству не могла ни коимъ образомъ раздѣлиться, и Законъ состава стихійнаго не имѣлъ надъ нею никакой силы.

По паденіи своемъ человѣкъ облеченъ въ одежду шлѣнную, которая, будучи сложная, подверглась разнымъ силамъ Чувственнаго, дѣйствующимъ попеременно и разрушающимъ другъ друга. Но симъ покореніемъ чувственному не лишился онъ достоинства разумнаго существа. И такъ

Г

онъ

онѣ сшлѣ бытъ великѣ имѣствѣ и малѣ, смертенѣ и безсмертенѣ, всегда свободенѣ въ разумныхѣ своихѣ дѣйствіяхѣ, но въ тѣлесныхѣ сязанѣ законами, не зависящими отѣ его воли; крашко сказать, учиняся имѣстнлицемѣ двухѣ Естествѣ противоположныхѣ, попеременно показывашѣ дѣйства оныхѣ толь яснымѣ образомѣ, что не лзя ихѣ не распознать. Ибо ежели бы шеперешній человекѣ не имѣлѣ ничего въ себѣ, кромѣ чувствѣ, какѣ системы человекескія утверждаютѣ, шо всѣ его дѣйствія всегда были бы единообразны, и были бы чувственныя шокмо, шо есть, по примѣру скошовѣ, человекѣ усиленно стремился бы единственно удовольствоватѣ тѣлесныя нужды, никогда не прошивлся побужденію оныхѣ, развѣ чтобы тольшю уступитѣ сильнѣйшему побужденію, которое однако шѣмѣ не менѣ было бы едино, и которое, всегда родяся отѣ чувствѣ, дѣйствовало бы тольшю надѣ чувствами и принадлежало бы всегда чувствамѣ.

Но для чего же человекѣ имѣетѣ власть не слѣдовать иногда Закону чувствѣ? Для чего можешѣ себѣ отказывашѣ въ томѣ, чего чувства требуютѣ? Для чего, побуждаемѣ голодомѣ, имѣетѣ смлу отвергать вкуснѣйшую пищу, ему представленную? Для чего иногда попускаешѣ нуждѣ тѣлесной мучить себя, пожиратѣ и даже умерщвлятѣ, и сіе дѣлаешѣ видя предѣ собою шо, что могло бы его наилучшимѣ образомѣ удовольствоватѣ? Ежели въ человекѣ находится единое дѣйствующее Существо, шо

какѣ

какъ же можетъ онъ волею своею дѣйствовать противно чувствамъ? Сіи два шоль противныя дѣйствія, оказываясь въ единое время, могутъ ли имѣть одинъ источникъ?

Тщешно мнѣ скажутъ теперь вопреки, что воля такъ дѣйствуетъ ради побуждающей нѣкой причины. Говоря о свободѣ, дозволю я истолковалъ, что воля человѣческая, будучи сама себѣ причина, имѣетъ власть рѣшиться на что нибудь сама собою безъ всякаго побужденія вѣшняго, иначе она не должна бы называться волею. Но положимъ, что воля дѣйствуетъ по побужденію; бытіе двухъ Естествъ въ человѣкѣ швиѣ не менѣе докажется; ибо побужденію сему должно приписать ошѣинуда, а не ошѣ чувствъ; поелику оно направляетъ волю противу чувствъ; и поелику человѣкъ въ то самое время, когда шѣло его стремился существовать и одушевлено бытъ, можетъ пожелать предать его спраданію, истощить, или и совершенно разрушить. Сіе двойное человѣка дѣйствіе убѣдительно доказываетъ, что въ немъ находишься не одно Начало.

Въ Существахъ напротивъ шого чувственныхъ не видно иныхъ знаковъ, какъ шолько что они суть. Правда, надобно быть въ нихъ силѣ издавать ошѣ себя и показывать то, что чувствованія въ нихъ производятъ; иначе все, имѣ сообщенное, было бы ничто и не производило бы никакого дѣйствія. Но я не думаю погрѣшить, увѣряя, что самыя лучшія и стройнѣйшія дѣйствія скошоя никогда не

восходящѣ выше чувственнаго. Они, какъ и всѣ Существа Натуры, должны сохранять свое нераздѣлимое; и для исполненія сей обязанности получающѣ съ жизнью вмѣстѣ всѣ потребности силы, соразмѣрныя опасностямъ, коими они подвергаются по ихъ роду во время теченія ихъ жизни, въ разсужденіи ли промысленія пищи, въ разсужденіи ли обстоятельствъ произведенія ихъ насѣвъ и во всѣхъ другихъ произшествіяхъ, умножающихся и различающихся по различности родовъ сихъ Существъ, такъ какъ и всякаго нераздѣлимаго. Но спрошу я, усмотрѣлъ ли кто въ скопахъ какое дѣйствіе, не стремящееся единственно къ сохраненію благосостоянія шѣла, и показали ли скопы когда либо истинный знакъ разумнѣя?

Многіе обманываются шѣмъ, что въ нѣкоторыхъ скопахъ примѣчаютъ способности привыкнувъ къ дѣйствіямъ, имъ несроднымъ: скопы понимаютъ, помнятъ и часто какъ бы разумомъ и памятію одаренные поступаютъ. Сіе примѣчаніе могло бы сдѣлать намъ затрудненіе, ежели бы не утверждены были выше сего наши начальныя положенія.

Я сказалъ уже, что поелику скопы являютъ внѣшнія дѣйствія, то необходимо должно бытъ внутри ихъ Началу дѣйствующему, безъ котораго не могли бы они существовать; и сіе Начало руководствуется чувствами, а цѣлюю своею имѣетъ сохраненіе шѣла. Двумя способами человекъ причаствуетъ скопину: бьетъ ее, или дастъ ей пищу, и чрезъ то по своему изволенію управ-

ля-

валетъ дѣйствующимъ Началомъ животною, которое, стремясь единственно къ содержанію своего бытія, производитъ такіа дѣйствія, которыхъ бы оно никогда не произвело, оставлено будучи собственному Закону. Спрахотъ, либо приманкою пищи принуждастъ человѣкъ скошину, распространитъ и умножитъ свое дѣйствіе. Изъ сего явствуетъ, что сіе Начало, будучи дѣйствующее и чувственное, способно ко впечатлѣніямъ. Если же оно можетъ впечатлѣнія принимать, то можетъ оныя и сохранять; ибо для продолженія дѣйствій нужно только продолженіе впечатлѣнія. Воспріятіе впечатлѣній и сохраненіе оныхъ доказываетъ точно то, что животное способно къ навыку.

И такъ безопасно можемъ утвердиться въ томъ, что дѣйствующее Начало скоповъ способно при помощи человеческого искусства пріобрѣсть навыкъ къ разнымъ дѣйствіямъ; ибо какъ въ сродныхъ скопу дѣйствіяхъ, такъ и въ тѣхъ, къ которымъ оной пріобученъ, не видно ни одного шага, ни одной черты, въ которыхъ бы чувственность не была руководителемъ и побуждающею причиною всего. И такъ, смотря на удивительныя дѣйствія скошины, буду я удивляться; но мое удивленіе не распространится до того, что бы признать въ ней Существо разумное: я вижу въ ней чувствующее точно Существо, а чувствующее не есть разумное.

Для яснѣйшаго различенія Животнаго отъ разумнаго Существа не должно ли принять

въ разсужденіе Существа, которыя ниже Животнаго, какъ-то Расшвія и Минералы? Сіа низайшей степени Существа являютъ низшія дѣйствія, на примѣрѣ, распушѣ, плодяшся, раждають и прочее. Посему не можемъ сомнѣваться, чтобы и онѣ, какъ животное, не имѣли врожденнаго имъ дѣйствующаго Начала, отъ коего происходятъ всѣ сіа различныя дѣйствія.

И хотя видимъ въ нихъ Законъ живой, сильно стремящійся къ своему исполненію, но мы никогда не примѣтили въ нихъ ни малѣйшихъ знаковъ печали, радости, страха, желанія и всѣхъ страстей, свойственныхъ животному. А изъ сего заключаемъ, что какъ Начало животныхъ весьма различнаесть отъ Начала низайшихъ существъ, не смотря на общее обоимъ симъ родамъ свойство рости: такъ и человекъ имѣетъ обще съ животнымъ дѣйствующее Начало, способное къ дѣйствіямъ тѣлеснымъ и чувственнымъ; но существенно отличается своимъ Началомъ разумнымъ, которое не терпитъ никакого сравненія съ животнымъ.

И такъ отъ несмысленнаго разбирания всеобщей цѣпи, въ которой каждое Существо придерживается предвѣдущаго себѣ и послѣдующаго Существа, смѣшали люди разныя доли цѣпи, составляющія перерешнаго человека, и не различили его отъ Начала низайшаго и чувственнаго, съ которымъ онъ соединенъ на время.

Какую же довѣренность должны мы имѣть къ шаговымъ системамъ, въ воображеніи человека

вѣческомъ рожденнымъ и утвержденнымъ на основаніи, очевидно ложномъ? И какое доказательство быть можешь сильнѣе чувства и опыта?

И намѣренъ при семъ случаѣ войти въ нѣкоторыя подробности въ разсужденіи различенія и связи трехъ царствъ натуры, дабы вѣщныя удостовѣриться въ истиннахъ, сказанныхъ мною о разности существъ и ихъ сродствъ. Я скажу предварительно, что таковое разсмащиваніе должно было быть несродно человѣку, и сіе есть его несчастіе, что онъ принужденъ искать внѣ себя доводовъ для познанія себя и своего естества; ибо естество его содержитъ въ самомъ себѣ свидѣтельства яснѣйшія, нежели шѣ, которыя найши онъ можетъ въ разсмащиваніи вещественныхъ и чувственныхъ твореній.

Науки человѣческія не подають намъ никакого вѣрнаго правила для разграниченія трехъ Царствъ; оное можно учинить, слѣдуя токмо порядку, сообразному Натурѣ: копервыхъ, въ число Животныхъ надлежитъ помѣстить Существа тѣлесныя, которыя содержатъ въ себѣ все пространство Начала ихъ плодотворящаго, которыя слѣдовательно, имѣя единое Начало, не имѣють нужды для произведенія въ дѣйство своего Начала быть неопредѣляемыми отъ земли, но получаютъ плотское свое бытіе отъ теплоты материнской, произшедшей ли отъ вѣдръ сея матери, или отъ внѣ сообщеннаго огня, какъ сіе бываетъ въ плодотвореніи Существъ, раждаемыхъ

56 Раздѣленіе трехъ Царствъ Натуры.

въ лѣцѣ; или получающѣ они оную отъ солнца, или совсѣмъ отъ другаго огня.

Вовторыхъ, въ числѣ Растѣній должно помѣстити всякое Существо, имѣющее въ землѣ свою матку, плодотворимое дѣйствіемъ двухъ силъ, и которое показывается произрастѣніе въ, или внутрь земли.

Наконецъ къ Минераламъ должно отнести всѣ тѣ Существа, которыя равномѣрно имѣющѣ въ землѣ свою матку, растущѣ въ оной и укрѣпляются; но имѣя свое происхожденіе отъ прехъ дѣйствующихъ силъ, не дающѣ никакихъ знаковъ своего рожденія; ибо они суть спорадическія, и при дѣйствующихъ силахъ, ихъ создающіхъ, собственно имъ не принадлежатъ.

По симъ правиламъ, единожды утвержденнымъ, ежели нужно узнать, къ Растѣніямъ, или къ Живошнымъ принадлежитъ такое-то Существо: то должно смотрѣть, отъ соковъ ли земныхъ, или отъ произрастѣній получаетъ оно свое питаніе. Еслили оно совокуплено съ землею такъ, что отдѣляясь отъ оной, умираетъ, то оно есть Растѣніе. Когда же не соединено съ землею, хотя питается ея произведеніями, то будетъ оно Живошное, какимъ бы впрочемъ средствомъ ли происходило тѣлесное его растѣніе.

Гораздо труднѣе различить Растѣніе отъ Минерала, нежели отъ Живошнаго; ибо у Растѣній съ Минералами столь много сходства и общихъ свойствъ, что не всегда удобно можно ихъ другъ отъ друга разпознавать.

Ctc

Сіе затрудненіе происходитъ отъ того, что разность родовъ Сущеснвъ тѣлесныхъ всегда содержится въ пропорціи геометрической Четверной. Ибо въ испинномъ вещей порядкѣ чѣмъ выше восходишь степень могуществъ, тѣмъ болѣе могущество слабѣетъ; ибо тѣмъ тогда отдаленнѣе бываетъ отъ перваго могущества, изъ коего всѣ послѣдующія происходятъ. И такъ первые члены прогрессіи, будучи ближе къ члену коренному, имѣютъ свойства дѣйствительнѣйшія, изъ коихъ слѣдственно исходятъ произведенія оощушительнѣйшія и которыя удобнѣе можно различать. Но когда же сила въ способностяхъ уменьшается по мѣрѣ умноженія членовъ прогрессіи, явствуетъ, что произведенія послѣднихъ членовъ должны имѣть между собою различія, едва оощушительныя.

Вотъ для чего труднѣе Минералъ описать отъ Растѣнія, нежели Растѣніе отъ Живошного; ибо въ Минералѣ содержится послѣдній членъ прогрессіи созданныхъ вещей.

По сему же правилу надлежитъ судить и о прочихъ Существахъ, которыя какъ бы среднее занимаютъ мѣсто между разными царствами Натуры, и которыми какъ бы связываются оныя царства; ибо прогрессія числа есть непрерывная, не имѣетъ границы, ниже какого либо отдѣленія. А для совершеннаго узнанія степени всякаго члена въ сей прогрессіи, потребно знать хотя одинъ радикасъ (корень); но сіе знаніе человекъ потерялъ, лишась первобытнаго своего состоянія. Онъ не знаетъ нынѣ

радика не никакого числа ; пошому что не знаешъ перлага изъ всѣхъ радикасовъ , что и увидимъ въ послѣдующемъ.

Равномѣрно принадлежащъ правило четверной Прогрессіи къ Существамъ , находящимся выше матеріи ; ибо путь видна онаго шочность лснѣйшимъ образомъ , пошому что сіи Существа меньше удалены отъ перлага члена сего прогрессіи. Однако не многіе поймушъ мои мысли о употребленіи сего правила въ Существахъ сего роду ; сверхъ того мое намѣреніе и мой долгъ преняшшвуюющъ мнѣ открытнво говорить.

Естьли бы человекъ имѣлъ такую Химию, помощію коея могъ бы онъ, не раздробляя тѣлъ, познашъ истинныя ихъ Начала : то увидѣлъ бы, что огонь есть собственность Животнаго , вода собственность Растѣнія , а земля Минерала ; тогда нашелъ бы онъ вѣрнѣйшіе знаки для разпознанія истиннаго естества Существъ, и не мѣшался бы въ различеніи ихъ Рода и Чина.

Не хочу я принуждать его разсмашривать, что сіи три Стихіи , долженствующія быти различншельными знаками разныхъ Царствъ , не могутъ существовать каждая особенно и независимо отъ прочихъ двухъ ; я думаю , что сіе довольно извѣстно и не требуетъ напоминовенія , что въ Животномъ хотя огонь царствуетъ , но вода и земля непремѣнно также находятся : равно и въ прочихъ двухъ Царствахъ господствующее Начало необходимо сопряжено съ прочими двумя. Сіе примѣча-

чаніе наше простирается даже и на меркурія, хотя нѣкоторые Алхимиисты никакого совѣмъ не приписывали ему огня; но они должны были замѣтить, что меркурій минеральный получалъ только второе производство; и потому хотя имѣешь въ себѣ, какъ всякое тѣлесное существо, стихійной огонь, но сей огонь неощущимеленъ, доколѣ вышній огонь не привелъ его въ движеніе; и сіе есть уже третіе производство, коего докажу я необходимость къ произведенію расшущаго тѣла. Для сей-то причины меркурій хотя имѣешь стихійный въ себѣ огонь, однако есть хладнѣющее въ натурѣ тѣло.

Я повторяю здѣсь, что я вступилъ во всѣ сіи подробности для защищенія естества челоѣческаго. Я хотѣлъ унижающимъ его и смѣшивающимъ со скошами показать, что они непростительно заблуждаются въ разсужденіяхъ своихъ о челоѣкѣ, даже и о тѣхъ Существахъ, которыя совѣмъ стихійныя; понеже мы находимъ безконечныя разности между Царствами Натуры, хотя оныя въ основаніяхъ своихъ имѣють равности между собою и подобія.

Мы видимъ, что во всѣхъ отдѣленіяхъ Существъ нижнее отдѣленіе не имѣетъ ни малѣйшей частицы того, что ошмѣнно является въ вышнемъ. И такъ когда въ тѣлесныхъ Существахъ, которыя ниже челоѣка, никакихъ не усматриваемъ знаковъ разумнія, то не можемъ не утвердить, что одинъ онъ на сей землѣ одаренъ симъ высокимъ преимуществомъ, хотя по стихійному его образу под-
вер-

верженъ чувствительности и всѣмъ скопскимъ вещеспвѣннымъ дѣйствіямъ.

И такъ тѣ, которые покушались отнять у человека излщнѣйшія его права, основывая свое мнѣніе на томъ, что человекъ покоренъ и присоединенъ облажающему его Существу тѣлесному, представляли намъ въ доказательство истинну, признанную и нами; ибо мы всѣ знаемъ, что человекъ не получаетъ никакого познанія, какъ токмо чрезъ чувства. Но поскольку они далѣе не хотѣли проспирать своихъ мнѣсѣдованій, то и остались во мракѣ и другихъ въ оной вовлекли.

Да и дѣйствительно въ шеперешнемъ нещастномъ состояніи человека всякая идея должна проходить къ его разуму чрезъ чувства; и надобно при томъ признаться, что человекъ, не властенъ будучи располагать вещами и Существами, дѣйствующими надъ чувствами его, не можеть быть самовластнымъ правителемъ идей, въ немъ рождающихся. Сверхъ сего, признавши доброе и злое Начало, какъ выше доказано, и слѣдовательно Начало добрыхъ и Начало злыхъ мыслей, не должно удивляться, что человекъ и шѣи и другимъ (мыслямъ) подверженъ, и не можеть не чувствовать ихъ.

Сіе-то побудило Примѣчателей думать, что мысли и всѣ нашего разума способности имѣютъ свое происхожденіе отъ чувствъ. Но въ первыхъ они, сѣѣшавъ во едино два Существа, составляющія нынѣшняго человека, и не примѣшивъ двухъ въ человекъ прошикоположенныхъ

ныхъ дѣйствій, показующихъ ясно разность своихъ Началъ, приписываютъ человѣку одного только роду чувства, и все безъ разбору производятъ отъ его чувствованій. Но ежели вникнуть въ то, что я выше сего говорилъ, и хотя мало разсудить, то не лъзя не признахъся, что шеперешій человѣкъ, обязанъ будучи править двумя разными Существами, изъ которыхъ онъ составленъ, и не имѣя иныхъ способовъ къ познанію нуждъ и того и другаго, какъ токмо чувствительность, непремѣнно и сію способность долженъ имѣть двойственную; понеже онъ самъ двойственъ. Кто же сыщется столь ослабленный, который не обрѣщетъ въ человѣкѣ способности чувствованія, относящейся къ разуму, и способности чувствованія, относящейся къ тѣлу? И не должно ли признахъся, что сіе раздѣленіе, почерпнутое изъ самой Натуры, можетъ объяснить всѣ заблужденія? Я долженъ здѣсь уведомить, что въ сочиненіи семъ часто буду употреблять слова, чувство и чувственное въ отношеніи къ тѣлу; но о чувственномъ разумномъ я буду стараться говорить такимъ образомъ, что бы не можно было сіе знаменованіе смѣшавъ съ первымъ.

Вовторыхъ, въ какомъ бы видѣ ни разсмащривали Примѣчашели чувственную способность человѣка, увидѣли бы, вникнувъ прилѣжнѣе, что наши чувства въ самой вещи суть орудія мыслей нашихъ, но не источники оныхъ; а въ семъ состоитъ великая разность, в не примѣшати оную съ незавинишельная потрѣбность.

Такъ

Такъ конечно: въ томъ-то и состоишь наше наказаніе, что никакая мысль не можетъ дойти до нашего разума непосредственно безъ помощи чувствъ, которыя суть орудія, необходимо нужны въ шеперешнемъ нашемъ состояніи. Но если мы признали въ человѣкѣ Начало дѣйствующее и разумное, которое только логически отличаетъ его отъ прочихъ Существъ: то сему Началу надлежитъ имѣть въ себѣ свои собственныя способности. Единая въ шеперешнемъ печальномъ нашемъ состояніи осталась въ нашей власти воля, врожденная въ насъ, которою человѣкъ пользовался во время своей славы, и еще пользуется по паденіи. И какъ чрезъ нее онъ палъ въ заблужденіе, то ея же силою можетъ онъ уповать возвратить прежнія свои права. Она не допускаетъ человека къ стремнинамъ, съ которыхъ желаютъ свергнуть его враги, и запрещаетъ вѣрять сей ничтожности, въ которую тщаясь они погрузить естество его; словомъ, ея учинился онъ безсильнымъ противиться, чтобы добро и зло не сообщалось къ нему, ея же подвергается истязанію о употребленіи ея же самой къ добру, или злу. Не можетъ онъ сдѣлать, чтобы вещи ему не представлялись; но можетъ избирать изъ нихъ и избирать добрыя. И я теперь не приведу иныхъ доводовъ къ сему, какъ то, что онъ спирается, и шѣмъ наказуется за то, что избралъ зло.

Разумѣющій читатель, для котораго я пишу, знаетъ, что наказанія и спраданія,

о комхѣ я говорю, суть оптимѣнныя отѣ преходящійхъ золь шѣлесныхъ, или согласіемъ ушвержденныхъ, которыхъ одни извѣстны простому народу.

И такъ всѣ покушенія на низверженіе достоинства человѣческаго не заслуживаютъ нашего уваженія; въ противномъ же случаѣ должно опровергнуть перныя и крѣпчайшія основанія Правосудія, выше нами ушвержденные, равно и тѣ общія всѣмъ человѣкамъ и непремѣнныя идеи, которыхъ никакое разумное существо оспаривать не можетъ.

Я не вступлю въ пространное разсмотрѣніе, что воля человѣка въ обыкновенномъ поведеніи его всегда ли по важности причины побудительной рѣшился, или устремляется къ дѣланію по единому чувству привлеченію: я думаю, что и то и другое можетъ ее побуждать, и ушверждаю, что человѣкъ, хотѣющій правильно поступать, не долженъ опираться ни того, ни другого средства; ибо какъ разсужденіе безъ чувства приведетъ его въ хладнокровіе и недвижимость, такъ чувство безъ разсужденія можетъ внести его въ заблужденіе.

Но сіи вопросы не слѣдуютъ къ моему предложенію, и кажуся мнѣ щещными и бесполезными; и такъ оставляю я школьной Метѣфизикѣ изыскивать, какимъ образомъ воля побуждается къ дѣйствию и какъ дѣйствуетъ. Человѣку довольно знать и того, что воля дѣйствуетъ всегда свободно, и что сія свобода бываетъ источникомъ его несчастія

и виною всѣхъ его страданій, какъ скоро опустушишь онъ опъ Законовъ, долженспующихъ оную управлять. Но возвратимся къ нашему предложенію.

Хотя мы увѣрены, что всѣ Существа непремѣнно имѣютъ нѣчто въ себѣ, безъ чего бы они не имѣли ни жизни, ни бытія, ни дѣйствія; но мы не допустимъ того, чтобъ они всѣ имѣли одинакое сіе нѣчто. И хотя Законъ сего врожденнаго имъ Начала единственъ и всеобщій, но не скажемъ, что сіи Начала суть равныя и дѣйствуютъ единообразно во всѣхъ Существахъ; ибо примѣчанія наши показываютъ намъ существенную разность между ими, а особливо между Началами, врожденными прѣмъ Царствамъ вещественнымъ, и между священнымъ шѣмъ Началомъ, которымъ единый изъ всѣхъ Существъ, составляющихъ сію вселенную, одаренъ человѣкъ.

Ибо сіе превосходство Начала дѣйствующаго и разумнаго, человѣку вліянаго, не долженствуетъ насъ удивлять, когда воспомнимъ свойство Четверной прогрессіи, разграничивающей чины и способности Существъ, и возвышающей естество ихъ по мѣрѣ приближенія ихъ къ первому члену прогрессіи. Человѣкъ есть вторая Степень опъ сего первого члена всеобщаго родителея; Начало дѣйствующее вещества (матеріи) есть третія. Сіе довольно показываетъ, что не лзя опнюдь положить между ими никакого равенства.

Обидный человѣку системы произвели опъ того, что Строители ихъ не умѣли раз-

различить свойства нашихъ чувствованій. Съ одной стороны приписали Существу нашему разумному движенію чувственнаго Существа, съ другой смѣшали дѣйствія разумныя съ побужденіями вещественными, ограниченными какъ въ нѣмъ началахъ, такъ и содѣйствіяхъ. Не удивительно, что обезобразивъ такъ человека, наши въ немъ сходство со скотами и ничего болѣе; не удивительно, говорю я, что омрачивъ такимъ образомъ въ немъ понятіе и размышленіе, не только не изъяснили ему, что такое добро и зло, но содержатъ его въ непрестанномъ недоумѣніи и неувѣдѣніи о собственномъ естествѣ; понеже закрыли отъ его очей тѣ различія, которыя одинъ могъ бы его напуть насъ.

Показавши, что человекъ есть разуменъ имѣетъ и чувственъ, надлежитъ примѣнить, что сіи двѣ разныя способности должны необходимо являть себя чрезъ разные же знаки и средства; и что свойственные каждой изъ нихъ чувствованія, будучи совершенно различны, не могутъ ни коимъ образомъ представляться намъ подъ единымъ и тѣмъ же видомъ.

И такъ главное дѣло человека должно состоять въ непрерывномъ разпознаваніи безконечной разности, находящейся между сими двумя способностями и между принадлежностями имъ свойственными; и какъ обѣ онѣ во всѣхъ почти дѣйствіяхъ соединены, то всего кажется нужнѣе различать

Д

ихъ

66 Средства извѣгнуть сихъ Завлужденій.

ихъ тщательно и распознавать, что каждой изъ нихъ собственно принадлежитъ.

Во время краткаго теченія тѣлесной жизни человѣка, способность разумная, будучи всегда сопряжена съ чувственной, не можетъ ничего получать, какъ шокмо чрезъ нее; также и сія нижняя должна примѣряться къ порядку и правильности разумной способности. Изъ сего явствуешь, что когда человѣкъ, при столь тѣсномъ союзѣ сихъ способностей, хотя мало ослабѣетъ, то не различишь уже двухъ сихъ свойствъ, и не узнаешь, гдѣ сыскаешь свидѣтельница порядка и правды.

Сверхъ сего, посланку каждая изъ сихъ способностей можетъ принимать впечатлѣнія добрыя и злыя, человѣкъ ежеминутному подверженъ погрѣшенію, и можетъ смѣшать не шокмо чувственное съ разумнымъ, но и то, что можетъ быть полезно и вредно шой, или другой способности.

Я здѣсь намѣренъ рассмотреть слабствія и содѣйствія сей сопряженной съ те-
перешнимъ состояніемъ человѣка опасности, открывъ погрѣшности, въ которыя отъ худого различенія сихъ способностей палъ онъ въ разсужденіяхъ своихъ какъ о Началѣ вещей, такъ и о произведеніяхъ Натуры и произведеніяхъ рукъ его и воображенія; Познанія Божественныя, умственныя, Физическія, Должности человѣка гражданскія и естественныя,
Худо-

Художества, Законоположенія, Учрежденія и Постановленія всякія, все сіе вмѣщаетъ мое шеперешнее предложеніе. Смѣло скажу, что я почитаю сіе разсмотрѣніе обязанностію для меня; ибо ежели невѣжестно и шма, лишающія насъ сихъ нужныхъ знаній, несвойственны естеству человека, а суть слѣдствія первыхъ его заблужденій и прочихъ послѣдовавшихъ погрѣшностей; то главная должность его есть стараться возвратиться къ свѣту, отъ котораго онъ отступилъ; и ежели сіи знанія принадлежали ему прежде его паденія, то онъ не совсѣмъ ихъ лишился; ибо текутъ они непрестанно изъ сего неизчерпаемаго источника, въ которомъ онъ получилъ рожденіе: словомъ, ежели человекъ, не смотря на свое мрачное состояніе, въ которомъ нынѣ находишься, можешь имѣть всегда надежду узрѣть Истинну, и ежели къ сему потребно только шщаніе и мужество; то не стараться о снисканіи вѣщнаго естеству нашему познанія Истинны есть презирашь се.

Частое употребленіе въ семъ сочиненіи сихъ словъ: *Способности, Дѣйствія, Причины, Начала, Дѣйстпопатели, Свойства, Силы*, безъ сомнѣнія возбудишь опять презрѣніе и негодованіе нынѣшняго вѣка къ пошасеннымъ качествамъ. Однако несправедливо было бы давать сіе имя сему ученію для того единственно, что оно ничего не представляласть чувствомъ. То скрышо для глазъ

шлѣсныхъ, чего они не видятъ; то скрыто для разумнѣя, чего оно не понимаетъ. А въ такомъ смыслѣ, спрошу я, есть ли что нибудь скрытнѣе отъ глазъ и разумнѣя, какъ понятія, обще всѣми принятыя о вещахъ, мною предложенныхъ? Онѣ изъясняютъ Вещество (матерію) Веществомъ, изъясняютъ человека чувствами, Создателя вещей Натуру стихійною.

И такъ глаза шлѣсные, не видя ничего, кромѣ сложныхъ вещей, шщещио ищущъ Началъ стихійныхъ, о коихъ имъ учились сказываютъ, и не видятъ оныхъ Началъ; и такъ они обмануты.

Человѣкъ видитъ движеніе чувственныхъ своихъ орудій, но не усматриваетъ въ нихъ своего разумнѣя.

Наконецъ видимая Натура представляетъ глазамъ швореніе великаго Художника, но не являя смыслу причины вещей, оставляетъ неизвѣстнымъ для насъ Правосудіе Владыки, любовь Отца и всѣ намѣренія и совѣты Властителя. И такъ не лзя спорить, что всѣ сіи исполкованія суть ничто, и ни малаго не имѣютъ подобія Истинны; понеже всегда пребываютъ новыхъ исполкованій.

Если же я отъ всѣхъ сихъ вещей отдаю препяшствія, затмѣвающія ихъ; естли во всякой вещи направляю къ истинному Началу мысль человеческую: то безъ сомнѣнія мои изысканія будутъ не столь темны, какъ сихъ Изслѣдователей. Если Примѣчатели
дѣй-

дѣйствительно имѣють омерзѣніе къ пошлѣ-
нымъ качествамъ, то прежде всего надлежитъ
имъ перемѣнить свой путь; ибо воистинну
нѣтъ мрачнѣе и сокровеннѣе той дороги, на
которую они желаютъ насъ привлечь.

2.

Все, что я сказалъ о человѣкѣ, рассматри-
вая его въ происхожденіи и первобытномъ
желаніи, о низведшей его изъ онаго развратив-
шейся волѣ и о горестномъ его состояніи,
въ которое онъ погрузился, подтверждается
слѣдующими примѣчаніями дѣла и мнѣній
его, которыя онъ ежедневно раждаетъ.

Тѣ же Примѣчанія можно сдѣлать о перво-
родной чистотѣ, низверженіи и о мученіяхъ
шестершнихъ Начала, учинившагося злымъ;
шеченіе всѣхъ сихъ заблужденій единообразно;
погрѣшностей начальныхъ, послѣдовавшихъ
и которыя впродъ послѣдуютъ, есть и не-
престанно будутъ одинакія причины. Сло-
вомъ сказать, злой волѣ должно приписывать
проступокъ человѣка и всякаго другаго Суще-
ства, одареннаго преимуществомъ свободы;
ибо сказано уже мною, что для узнанія,
законное ли было какого нибудь дѣйствія осно-
ваніе, надлежитъ разсматривать слѣдствія
его. Если Существо терпитъ злощастіе,

то непремѣнно оно виновно; потому что не дѣла ему быть злощастнымъ, когда оно не свободное.

Могутъ здѣсь въ опроверженіе мнѣ представить страданія скота: но возраженіе пред-усмотрѣно мною, и я потщусь рѣшить его, не приступая еще къ моему предложенію; ибо симъ оно не прервется.

Я знаю, что скотъ, какъ Существо чувственное, страдаетъ, и потому нѣкоторымъ образомъ почитаться можетъ злощастнымъ; но прошу разсмотрѣть, не справедливѣ ли принадлежитъ наименованіе злощастнаго тѣмъ Существамъ, которыя, зная, что по естеству своему должны быть щастливыми, внутренно ощущаютъ сѣшваніе о томъ, что они не таковы? Въ такомъ смыслѣ не приличествуетъ оно скоту, которой на землѣ сей нѣ своемъ точнѣ мѣстѣ, и которому совмѣстно чувственное токмо благосостояніе. И такъ когда повреждается сіе благосостояніе, онъ страдаетъ, какъ Существо чувственное; но не видитъ ничего далѣе своего страданія: сноситъ его, старается даже прекратить его дѣйствіемъ чувственной своей способности, и не разсуждаетъ, предуготовано ли для него другое состояніе: то есть, нѣтъ у него того, что составляетъ нещастіе человека, сихъ угрызѣній совѣсти и сего необходимости возлагать на самаго себя вину своихъ страданій. Да и возможно ли сіе? Скотъ не дѣйствуетъ, его принуждаютъ дѣйствовать.

Одна-

Однако остается то нерѣшеннымъ, за что онъ спраждесть, и за что столь часто лишень бываетъ сего чувствсннаго блага, которое учиняло бы его столько щастливымъ, сколько скому прилично. Могъ бы я объяснить сіе затрудненіе, ежелибъ позволено мнѣ было распространиться о союзѣ вещей, и показати, до чего дошло зло ради заблужденія чловѣка; но сіе только могу указать: а теперь довольно упомянуть, что Земля не есть болѣе дѣва, и сіе-то подвергаетъ ее и плоды ея всѣму множеству золъ, воспослѣдовавшему отъ потерянія Дѣвства.

И такъ можемъ справедливо сказать, что свободное токмо Существо можетъ быть дѣйствительно злощастнымъ; къ чему присовокуплю и сіе, что ежели чловѣкъ свою свободу подвергнулся болѣзнямъ и трудамъ, то сія же самая свобода обязываетъ его не прешанно прудиться, чтобы загладить свое беззаконіе; ибо чѣмъ болѣе онъ не радѣетъ о себѣ, тѣмъ болѣе умножаетъ свою вину, и слѣдовательно тѣмъ вѣщшему подвергается злополучію. Обратимся къ нашему предложенію.

Для руководства въ предпринимаемомъ важномъ изслѣдованіи, которое нынѣ составляетъ существенную часть должности чловѣка, замѣшимъ, что главная причина нашихъ заблужденій въ Наукахъ есть та, что не наблюдаемъ Закона двухъ дѣйствій различ-

Д 4

ныхъ,

ныхъ, которой является во всѣхъ вообще Существахъ сотворенныхъ, и часто приводитъ человека въ недоумѣніе.

Однако не удивимся, что каждое здѣшнее Существо подвержено сему двойному дѣйствию; понеже мы выше сего признали двѣ Натуры различныя, или два Начала противоположныя, которыхъ власть оказалась оу Начала вещей и непрестанно ощущается во всемъ Твореніи.

Впрочемъ изъ обрѣхъ сихъ Началъ одно шокмо быть можетъ существенное и истинно нужное; послѣду далѣ ЕДИНАГО мы ничего не понимаемъ. И шакъ впорос Начало, хотя учинило необходимымъ дѣйствіе перваго Начала въ сотвореніи, ошюдь не можетъ однако имѣть ни вѣсу, ни числа, ни мѣры; понеже сіи Законы принадлежатъ самому естеству перваго Начала. Одно постоянное, всегда пребывающее, имѣетъ жизнь въ самомъ себѣ и оу себя; другое, не имѣя ни правилъ, ни закона, производитъ дѣйствія шокмо наружныя и обольщающія разумѣніе, издавшееся симъ мечтамъ.

И шакъ ежели двойное содержаніе дало бытіе и временную жизнь Вселенной, какъ видно сіе изъ сказаннаго нами, то и частныя тѣла необходимо должны слѣдовать тому же Закону, и не могутъ ни возражаться, ни продолжать своего бытія безъ помощи двойнаго дѣйствія.

Однако

Однако двойное содержаніе, правящее тѣлами и всемъ веществомъ, не есть то же двойное содержаніе, которое происходитъ отъ противуположности двухъ Началъ. Сіе есть совершенно умное, и основаніе свое имѣетъ въ противныхъ между собою воляхъ сихъ двухъ Существъ; ибо всегда въ намѣреніи только умномъ то, или другое изъ нихъ дѣйствуетъ надъ чувственнымъ, или тѣлеснымъ, то есть, дабы разрушить умное дѣйствіе противное. Но не таково двойное дѣйствіе то, которому порабощена Натура; оно принадлежитъ только Существамъ тѣлеснымъ, чтобы способствовать ихъ воспроизведенію и ихъ содержанію; оно есть чистое, покаянну управляетъ третьимъ дѣйствіемъ, приводящимъ его въ порядокъ; словомъ, оно есть необходимое средство, уставленное отъ источника всѣхъ степеней къ споспѣшенію всѣхъ вещественныхъ его твореній.

Но хотя въ семъ двойномъ содержаніи, которое принадлежитъ ко всему тѣлесному, нѣтъ ничего нечислаго, и ни которой изъ его членовъ не содержитъ въ себѣ зла; однако одинъ только изъ нихъ есть неколебимый и неразрушаемый, а другой преходящій и минувный, и потому недействительный для разумнѣя, хотя содѣлнія его дѣйствительны для тѣлесныхъ глазъ.

Не малой успѣхъ приобрѣшемъ въ нашихъ знаніяхъ, ежели дойдемъ до того, что можемъ

Д 5

раз-

различать свойство и содѣйствія сихъ двухъ различныхъ членовъ, или сихъ двухъ различныхъ Законовъ, которыми держится тѣлесное твореніе; ибо когда научимся распознавать ихъ дѣйствіе во всѣхъ временныхъ вещахъ, то тѣмъ паче узнаемъ оное въ себѣ самихъ. Да и дѣйствительно не лѣзя вообразить, сколь тѣсно сопряжены ошибки наши, касающіяся до нашего Существа, съ тѣми, которыя относящіяся до Существъ тѣлесныхъ и Вещества. Кто разумѣетъ судить о тѣлахъ, тотъ скоро пріобрѣтетъ разумѣніе судить и о человѣкѣ.

Первое заблужденіе въ семъ родѣ есть то, что изъ вещественной Натуры составлено особое отдѣленіе и особая наука. Хотя люди видѣли, что сія вѣщь есть живая и дѣйствующая, однако почли ее отдѣленною отъ дерева; а отъ частаго повторенія сего сдѣланнаго вреднаго изслѣдованія и самое древо явилось имъ столь далекимъ отъ вѣщи, что они и не почувствовали нужды въ его бытіи; или по крайней мѣрѣ, ежели бытіе его и признавали, но почитали его Существомъ отдаленнымъ, котораго голосъ вдали теряется, и котораго бесполезно слушать, чтобы понимать и исполнять шеченіе и Законы сего вещественнаго Натуры.

Естьли бы мы, подражая имъ, положили себѣ границы разсматривать Натуру только въ самой себѣ, и какъ дѣйствующую безъ по-

посредства вишняго Начала, то, правда, могли бы мы примѣнить ся чувственные и наружные Законы, но не могли бы похвалиться, что имѣемъ совершенное о ней понятіе; ибо со всѣмъ тѣмъ не знали бы мы точнаго сего Начала, которое являетъ себя токмо разуму, которое необходимо правитъ всемъ, что существуетъ, и коего Законы чувственные и видимые не иное что суть, какъ токмо содѣйствія (Resultats.)

Съ другой стороны, ежели во время нашего между Существами сего вещественнаго Нашуры пребыванія, отдадимъ ихъ совѣмъ отъ нашихъ изслѣдованій, стремля достигнуть существо невидимаго Начала: то подвергаемся опасности шествовать выше предположенной намъ стези, а потому и не достигнемъ цѣли желаній нашихъ, и получимъ токмо часть просищенія, намъ назначеннаго.

Мы должны чувствовать невыгоду сихъ обѣихъ излишностей; онѣ таковы, что ежели впадемъ въ которую нибудь, то можемъ быть увѣрены, что не получимъ никакого успѣха. И ежели изъ сихъ двухъ Законовъ пренебрежемъ одинъ для исканія другаго, то наше понятіе будетъ ложное; понеже шеперешній союзъ ихъ неосмѣнно нуженъ, хотя и не всегда былъ явленъ. Наконецъ хотѣть нынѣ возвыситься къ Началу первому, вышшему и невидимому безъ помощи Вещества, есть оскорблять и искушать оное Начало: равно какъ и хотѣть

имѣть познавать Вещество, и исключать первое Начало и силы, которыми оно поддерживает Вещество, есть самое безумное нечестіе.

Мы не говоримъ, чтобъ не опредѣлено было человѣкамъ имѣть нѣкогда совершенное познаніе перваго Начала, не имѣя нужды прииспекать къ шому знаніе Вещества, такъ какъ послѣ ихъ паденія было время, когда они совсѣмъ покорены были сему Закону Вещества, не будучи въ состояніи помыслить о бытіи перваго Начала: въ сіе давнее намъ среднее время, находясь между двумя крайностями, не должны мы упускать изъ виду ни того, ни другаго, ежели не хотимъ заблудиться.

Вторая погрѣшность состоитъ въ томъ, что человѣкъ со времени заключенія своего въ странѣ чувственной искалъ, правда, Начала Вещества, понеже не могъ сомнѣваться, что оно находится; но какъ въ семъ изысканіи смѣшалъ онъ два Закона, то и издумалъ, что Начало Вещества должно бытъ ощущаемое, какъ и самое Вещество, и желалъ подвергнуть и то и другое измѣренію мѣстныхъ его очей.

Тѣлесное же измѣреніе прилично только Протяженію; Протяженіе есть нѣчто составное, слѣдовательно Существо сложное; но ежели человѣкъ не перестанетъ упрямо вѣрить, что Начало Протяженія, или Вещества, есть то же, что Вещество, то конечно надобно

добно Началу сему имѣть протяженіе и быть сложну, какъ Веществу. Въ такомъ случаѣ безъ сомнѣнія тѣлесныя его глаза могутъ разбираться Начало Вещества, koliko дозволять границы человѣческихъ способностей, не получая далѣе никакого успѣха. Ибо, чтобы измѣрить точно и безъ ошибки, надлежитъ имѣть основаніе своимъ мѣрамъ; а его нѣтъ. Но въ самомъ дѣлѣ, не можемъ представлять себѣ таковымъ Начало Вещества, если сообразоваться понятию о Началѣ вообще.

Всѣ тѣ, которые принимали извѣстныя, что есть Начало, не могли не сказать, что оно должно быть нераздѣльно, несоразмѣрно и совсѣмъ отлочно отъ того, что Вещество представляетъ нашему зрѣнію. Самые Математики и Геометры, которые чувствами одними дѣйствуютъ и судятся только надъ Протяженіемъ, подтверждаютъ сіе опредѣленіе; ибо вещественной точкѣ, которую полагаютъ за основаніе своей работы, принуждены они приписывать всѣ свойства Существа невещественнаго, безъ чего науки ихъ не имѣла бы еще зачала.

И такъ Существо нераздѣлимое и несоразмѣримое, каковымъ необходимо должны мы понимать всякое Начало, есть ли что иное, какъ не простое Существо? Напротивъ не можемъ сомнѣваться, что видимости вещественныя раздѣлимы и подвержены чувственной мѣрѣ: слѣ-

до

довашельно Вещество не есть простое Существо; слѣдовательно не можетъ оно быть само себѣ Началомъ. И такъ безумно хотѣть смѣшивашъ Вещество съ Началомъ Вещества.

Долженъ я здѣсь замѣнить, что такое ложное разсмаприваніе шѣлъ омрачило людей. Они издумали, что разсѣкая, удѣлая и раздробляя Вещество, разсѣкаютъ, удѣлаяющъ и раздробляютъ дѣйствительно Начало и сущность Вещества; и увѣривъ себя, что только ограниченность шѣлесныхъ орудій препятствуетъ простиранъ сіе испытаніе, такъ далеко, какъ мысль ихъ простирается, воображали, что сіе дальнѣйшее раздѣленіе въ самой сущности возможно, и что Вещество есть раздѣлимо до безконечности; и для того почли его неразрушимымъ, и слѣдовательно какъ бы вѣчнымъ.

Сіи заблужденія всѣми почти вообще приняты; для того что Вещество смѣшано стало съ Началомъ своимъ. Въ самомъ же дѣлѣ раздѣляшъ образы Вещества не есть раздѣляшъ сущность его; или, лучше сказать, разбѣдиняшъ части разныя, изъ коихъ всѣ шѣла составлены, не есть раздѣляшъ, не есть разрѣшашъ соспанъ Вещества; ибо каждая вещественная часть, отдѣляясь отъ своего цѣлаго, остается невредима въ своемъ видѣ вещественномъ, слѣдовательно въ своей сущности и въ числѣ Началъ, составляющихъ все Вещество.

Какое

Какое странное ослабленіе понудило человека вѣришь, что давая тѣламъ разные прощіянія, будто раздѣляетъ онѣ самое Вещество? Не ясно ли видимъ, что человекъ, какъ ни трудится въ раздѣленіи Вещества, ничего новаго не производитъ, какъ токмо перекладываетъ тѣла съ мѣста на мѣсто, и разсѣкаетъ то, что было соединено? а что бы рука его могла разрушить составъ Вещества, не надлежитъ ли ему быть шѣмъ, кто составилъ оное?

Здѣсь я вижу токмо немощь и ограниченность способностей человека, который препинается непобѣдимою силою Началь Вещества; ибо знаемъ, что можешь онѣ по изволенію передѣлывать различно виды и образы тѣлесные, понеже сіи образы суть только соспавленіе разныхъ частицъ, и пошому не имѣютъ никакихъ свойствъ Единицы, но ни одной изъ сихъ частицъ не можешь онѣ уничтожить. Ибо ежели Начало, поддерживающее ихъ, не есть сложное, то не можешь подвержено быть никакому въ сущности своей раздѣленію. И въ такомъ смыслѣ не только Вещество нераздѣимо до безконечности, какъ вообще думаютъ, но даже не возможно, чтобы человеческая рука произвела въ немъ самое первое и малѣйшее раздѣленіе; чѣмъ паки доказываеися, что сіе тѣлесное Начало есть едино и просто, и слѣдовательно не есть Вещество.

Изъ

Изъ сказаннаго мною о способѣ Математиковъ должно почувствоватьъ, сколько различенъ путь ихъ отъ пути Натуры. Математическая Наука въ ихъ рукахъ представляетъ ложный списокъ съ истинной Науки; и какъ съ основаніе и содѣйствія суть токмо отношенія, на которыхъ Математики единожды утвердили свои предположенія, то и выходятъ заключенія правильны и сходны съ ихъ цѣлю. Словомъ сказать, Математики не могутъ заблуждаться; ибо не выходятъ изъ своей окружности и всегда обращаются на единой точкѣ; и потому, куда ни выступаютъ, всегда возвращаются къ зачаточной своей чертѣ. Въ самомъ дѣлѣ зданіе ихъ какъ ни высоко, но одинаково во всѣхъ своихъ частяхъ, и нѣтъ ни малѣйшаго различія между матеріалами, положенными въ основаніе, и составляющими высшія части зданія: ітакъ чему же они научаютъ насъ?

Напротивъ того Натура, имѣя Началомъ своимъ Существо истинное и безконечное, производитъ дѣла подобныя ему; и хотя сіи дѣянія суть покровъ, которымъ она закрывается отъ глазъ нашихъ, хотя они переходящія, но столь многообразны и дѣйствующи, что мы ясно усматриваемъ, что источникъ оныхъ долженъ быть неисчерпаемъ. Но въ послѣдующемъ сдѣлаемъ пространнѣйшія примѣчанія о Математической Наукѣ и о томъ, какъ надлежало бы употреблять ее, чтобы достигнуть познанія Натуры и того, что выше.

При-

Присовокупимъ здѣсь другую Истинну, которая подтвердитъ всѣ вышесказанныя, дабы доказать, сколько Вещество ниже того Начала, которое служитъ ему основаніемъ и производитъ его.

Сперва прошу Примѣчателей рассмотреть, не всеобщая ли то истинна, что въ рожденіяхъ всякаго чина вещей произведеніе не можетъ никогда быть равно Началу, своему Родителю. Сіе непрестанно сбывается въ порожденіяхъ вещественнаго чина, коия плоды и прочія произведенія, относящіяся къ сему ряду вещей, возрастая равняющіяся и даже пресыщаютъ силою и великостію нераздѣлимое родившее; ибо какъ нераздѣлимый сего чина покоренъ Закону времени, то прежде нераздѣлимое погибаетъ между тѣмъ, какъ плодъ его приближается къ предѣлу своего возраста и совершенства.

Но въ часъ рожденія сей плодъ необходимо бываетъ ѿже того нераздѣлимаго, которое производитъ его; ибо отъ него получаетъ свою жизнь и дѣйствіе.

Какой чинъ вещей ни станемъ изслѣдовать, смѣло утверждаю, что найдемъ подтвержденіе сего истинны; и для того не обинуясь сказать можемъ, что справедливо мы назвали ее всеобщую; а посему и должно согласиться также, что она имѣетъ мѣсто въ отношеніи Вещества къ Началу его: поне-
Е жс

82 О Происхожденіяхъ и Началахъ ихъ.

же когда мы можемъ видѣть, какъ Вещество рождается, то не можемъ спорить, чтооь не было оно рождено; а если рождено, то, подобно прочимъ Существамъ, естъ ниже своего Начала родившаго.

Не малой уже въ познаніи успѣхъ, узнать превосходство Начала Вещества надъ самымъ Веществомъ, и почувствовать, что оба-они не одинакаго свойства; сіе предохранитъ насъ отъ опрометныхъ мнѣній, которыя важность учителей, предложившихъ оныя, учинила какъ бы Закономъ для большей части людей; и мы не будемъ принуждены почитать Вещество вѣчнымъ и неизчезающимъ. Когда станемъ ошлчать образъ отъ его Начала, то узнаемъ, что оный можетъ безпрестанно мѣняться; а сіе остается все тѣмъ же; и не трудно будетъ признать кончину и разрушеніе Вещества въ послѣдственныхъ измѣненіяхъ дѣйствій и Существъ Натуры: но Начало сего Вещества поелику не естъ Вещество, пребываетъ неваредимо и неразрушимо.

Сіе преемное послѣдствіе дѣйствій, и сіе непрерывное возобновленіе Существъ тѣлесныхъ привело примѣчателей Натуры ко мнѣніямъ, столько же ложнымъ, какъ предѣидущія, которыя ввергаютъ ихъ въ подобную же безразсудность. Они увидѣли, что тѣла повреждаются, разрушаются и пропадаютъ въ ихъ глазахъ; но купно увидѣли, что на мѣсто сихъ
вступ

вступающъ непрестанно другія шѣла: сіе побудило ихъ думать, что сіи послѣднія состояются изъ остатковъ прежнихъ шѣлъ; и когда и сіи разрушаются, то разныя части, изъ которыхъ они составлены были, должны входить въ сложеніе слѣдующихъ по нихъ новыхъ шѣлъ. Изъ сего заключили, что хотя образы непрестанно измѣняются, но коренное Вещество пребываетъ всегда то же.

И для того, не зная истинной причины бытія и дѣйствія сего Вещества, не нашли они никакого основанія, почему бы не могло оно быть всегда въ движеніи, и почему бы не оставалось ему въ ономъ навсегда; а изъ сего заключили паки, что оно есть вѣчное.

Но еслибы они, возшедъ выше единою только степенью, узнали истинныя Начала шѣлъ, и имъ бы приписали непреложность, которую мечтали видѣть въ минимѣ коренномъ Веществѣ, то не могли бы мы упрекать ихъ въ сей новой ошибкѣ. Мы видимъ, также какъ они, измѣненіе образовъ, признаемъ также, что Начала шѣлъ суть нешѣинныя и негиблящія; но какъ доказано уже, что сіи Начала не суть Вещество, то, называя ихъ негиблящими, не доказываемъ, что Вещество не погибаетъ.

Такимъ образомъ отличивъ шѣла отъ ихъ Началъ, Примѣчатели избѣгли бы предмѣта заблужденія, которое тщетно стараются

ся прикрывать, и не дерзнули бы приписать вѣчность и безсмертіе Существоу Вещественному, ощущаемому чувствами. Я согласенъ съ ними въ разсужденіи всенѣвнаго теченія Нашуры; вижу, что всѣ образы шѣлъ рождаются и погибаютъ; вижу, что на ихъ мѣста вступаютъ другія: но не соглашусь съ ихъ заключеніемъ, кошорое они изъ сего выводятъ, что будшо сіе преемное измѣненіе образовъ не имѣло Начала и не должно имѣть конца; ибо оно совершается только въ вѣлахъ, кошорыя суть прехождія; а не въ Началахъ, кошорыя отъ шого ни малѣйшей въ себѣ перемѣны не щерпятъ. Кшо явственнѣе понялъ бышіе и независимую и отдѣленную отъ шѣлъ непреложность сихъ Началъ, шому должно согласиться, что могли они и могутъ существовать прежде и послѣ сихъ шѣлъ.

Не присовокуплю я къ сему разсужденію шѣхъ доводовъ, кошорымъ не повѣрятъ, хотя они такого свойства, что шакъ не возможно мнѣ въ нихъ сомнѣваться, какъ бы я самъ присутствовалъ при сошвореніи вещей.

Впрочемъ числительной Существъ Законъ есть неоспоримое свидѣтельство: *Единъ* существуетъ и понимается независимо отъ другихъ чиселъ; и когда, прошекая чрезъ Десятокъ, оживошворилъ ихъ, оснаваляетъ ихъ позади себя и возвращающся къ своимъ Единицѣмъ.

И

И шакъ понеже Начала шѣлъ суть единичны, то можно понимать ихъ единыхъ и отдѣленно отъ всякаго образа Вещества; наиротивъ малѣйшія частицы сего Вещества не могутъ существовать, ниже понимаемы быти, не будучи содержимы и не одушевляемы своимъ Началомъ; подобно какъ представляемъ себѣ Единицу числительную, яко могущую существовать отдѣленно отъ прочихъ чиселъ, а ни котораго числа, слѣдующаго послѣ Единицы, не можемъ представлять въ умѣ иначе, какъ испокшимъ и произшедшимъ отъ сего единицы.

Кратко сказать, ежели присоединимъ къ сему главное положеніе, выше сего нами утвержденное, что Существо родившее и произведеніе необходимо должны быти не равны, увидимъ, что хотя Начала Существа суть нерушимы и вѣчны, но Веществу не возможно имѣть сего преимущества.

Однако сіе утвержденіе о необходимомъ неравенствѣ Существа раждающаго и его произведенія можетъ подать изъкоторое сомнѣніе о естествѣ человека, который, произшедъ изъ источника нерушимаго, долженствовалъ бы, какъ низайшій своего Начала, лишенъ быти сего преимущества, и слѣдовательно быти подверженъ разрушенію. Но сіе сомнѣніе опровергнется простыми размышленіемъ.

Хотя Вещество и человекъ имѣютъ равнымъ образомъ Начало, ихъ родившее, но

Начала ихъ весьма не одинакія. Начало, родившее человека, есть Единица; сія Единица, содержа въ себѣ все, сообщаетъ также и своимъ произведеніямъ бытіе всецѣлое и независимое, такъ что она можетъ, какъ глава и начальница, распространить, или стѣснить способности ихъ; но не можешь умершвить ихъ: понеже онѣ существенныя суть ея творенія; а то, что есть, не можетъ не быть.

Но не лзя сего сказать о Веществѣ; оно, будучи произведение втораго Начала, низшаго и подчиненнаго иному Началу, всегда находится въ зависимости а того и другаго, такъ что для продолженія бытія его необходимо пребудетъ взаимное обоихъ спеченіе; ибо извѣстно, что какъ скоро которое нибудь перестаетъ дѣйствовать, тѣла разрушающія и исчезающъ.

Мы видимъ довольно ясно и начатіе и конецъ сихъ разныхъ дѣйствій въ Натурѣ тѣлесной, чтобы удостовѣриться, что Вещество не можетъ быть вѣчнымъ. Сверхъ того, когда уже мы признали дѣйствіе Единицы, или перваго Начала, непрерывнымъ и нераздѣлимымъ, не можемъ не погрѣшивъ приписать ту же непрерывность дѣйствію, вторымъ Началамъ, раждающимъ Вещество. Сего ради и Создатель вещей не можетъ того сдѣлать, чтобы міръ былъ вѣченъ, какъ и Онъ; ибо поставивъ на мѣсто сего міра другой міръ, что всегда состоятъ будеть въ Его власти, не есть учинить міръ вѣчнымъ; понеже на-
ждой

ждой такой міръ, будучи твореніе втораго Начала, необходимо долженъ быть гибнущъ.

Теперь разсмотримъ другую систему, касательную до настоящаго предложенія. Было проповѣдуемо, что до разрушенія тѣлесныхъ Сущесствъ остатки тѣлѣ употребляются къ составленію частей иныхъ тѣлѣ. Примѣчатели Натуры весьма обманываются въ семъ мнѣніи, равно какъ и въ заключеніяхъ, которые они изъ того выводятъ; ибо утверждаютъ, что тѣла состоятъ одно изъ другаго, и суть не что иное, какъ разные составы изъ тѣхъ же и одинакихъ матеріаловъ, есть толь же великая погрѣшность, какъ и приписать Веществу вѣчность. Опасались бы они производить въ свѣтъ такую мнѣнію, если бы приняли большую предосторожность, чтобы вѣрнѣе достигнуть познанія Натуры.

Всеобщія Вещества Начала суть Существа простые; каждое изъ нихъ есть *Единое*, какъ мы видѣли сіе изъ нашихъ примѣчаній и изъ понятія, сдѣланнаго нами о Началѣ вообще: такого же свойства должны быть Начала врожденныя и малѣйшей частицы Вещества; и такъ каждое изъ нихъ *Единое* и простое подобно всеобщему Началу сегомъ самаго Вещества: разность обоого рода Началъ состоитъ только въ продолжительности и силѣ ихъ дѣйствія, которое бываетъ продолжительнѣе въ пространихъ во всеобщихъ Началахъ, не-

желѣ въ частныхъ. Дѣйствіе же, простому Началу принадлежащее, необходимо есть простое и единственное, и слѣдовательно имѣетъ одну только цѣль: оно содержишь въ себѣ все, что нужно къ совершенному исполненію своего Закона; наконецъ оно не можетъ быть причастно ни смѣшенія, ни раздѣленія.

Дѣйствіе всеобщаго вѣщественнаго Начала имѣетъ тѣ же способности; и хотя ихъ произведенія размножаемы, расширяемы и раздробляемы бывають, при всемъ томъ всеобщему сему Началу предлежитъ исполнить единое токмо дѣло и единое совершить дѣявіе. А когда дѣло его исполнено будетъ, дѣйствіе его пресѣчется и ошито будетъ швомъ, кпо повелѣвъ оное производить; но во все продолженіе времени оно обязано шворить тоже и одно дѣяніе и являть одинакія своего дѣйствія произведенія.

Тоже можно сказать и о Началахъ, врожденныхъ различнымъ частнымъ тѣламъ: они подвержены тому же Закону единственнаго дѣйствія; а когда время его исполнится, Законъ у нихъ отнимается.

И такъ если каждое изъ сихъ Началъ имѣетъ токмо единое дѣйствіе, и по окончаніи онаго долженствуетъ возвратиться къ первому своему источнику, то не можемъ конечно ожидать отъ нихъ новыхъ тѣлъ, а

дол-

должны заключить, что тѣла, которые другъ за другомъ рождаются, получаютъ свое происхождение и бытіе отъ другихъ Началъ, а не отъ тѣхъ, коихъ дѣйствіе пресѣчено разрушеніемъ тѣлъ, произведенныхъ ими. И такъ надлежитъ искать иного источника, изъ котораго должны рождаться сіи новыя тѣла.

Но гдѣ же обрѣщемъ сей источникъ, какъ не въ силѣ и дѣйствованіи сего дѣйствительнаго Закона, который составляетъ всеобщую тѣлесную Нашуру, и которой является подъ многоразличными видами въ произведеніи и возрастаніи частныхъ тѣлъ?

Въ самомъ дѣлѣ мы знаемъ, что сія обитаемая нами земля не могла бы существовать и содержаться, естлибъ не было въ ней Начала растущаго, ей свойственнаго; но которому необходимо нужна вышняя причина, которая есть не иное что, какъ Огонь Небесный, или Планетный, котораго прихода въ движеніе сіе Начало, дабы сила его оказалась.

Тоже сказать должно и о тѣлахъ частныхъ: каждое изъ нихъ происходитъ отъ сѣмени, въ коемъ содержится Зародышъ, или Начало врожденное, вмѣщающее въ себѣ все его свойства и все дѣйствія, кои должно оно производить. Но сей Зародышъ оснался бы всегда въ недѣйствіи, и не могъ бы оказати

никакой своей способности, если бы не приведенъ былъ въ дѣйствіе внѣшнюю огненную причину, кося теплота даетъ ему удобность дѣйствовать на всѣ тѣлесныя Существа, окружающія его, которыя взаимно проникая его покрывало, подстрѣкають, разгорячаютъ и располагають его къ выдерживанію дѣйствія внѣшней причины, и къ показанію своихъ собственныхъ плодовъ и *Силь*.

Да и въ самомъ дѣлѣ, внѣшняя огненная причина, производя ошражательное дѣйствіе, скоро бы преодоѣла дѣйствіе Началь нераздѣлимыхъ, и разрушила бы ихъ свойства, если бы помощію Существъ питательныхъ не возобновлялись силы ихъ, и не подкрѣпляемы были, дабы противиться пожирающему жару сей внѣшней причины. Для сего-то Зародыши, лишенные питанія, ежели выставить ихъ на жаръ, погибають при самомъ своемъ зачатіи, не произведши ни малѣйшей части своего дѣйствія; для сего же причины Зародыши, которые уже въ состояніи начашъ тѣченіе растенія своего, скоро погибають и разрушаются, ежели не достаетъ имъ пищи, нужной для ихъ защищенія отъ непрерывнаго противительнаго дѣйствія огня; ибо тогда сіе противодѣйствіе проникая въ самой Зародышъ, тѣмъ удобнѣе разпространяетъ разрушающую свою силу.

Изъ сего видно, что пища, о которой мы теперь говоримъ; есть второе средство
отъ:

выражательнаго дѣйствія, которое упопре-
бляетъ Натуру для содержанія и сохраненія
своихъ твореній; но сіе увидимъ яснѣе въ
послѣдующемъ.

Сей-то есть двойственный всеобщій Законъ,
управляющій рожденіемъ и возрастаніемъ тѣ-
лесныхъ Существъ. Спеченіе сихъ двухъ дѣй-
ствій необходимо имъ нужно, дабы могли они
имѣть жизнь, осязательную глазамъ нашимъ;
то есть, первое дѣйствіе врожденное, или
дѣйствіе внутреннее, и второе, или внѣшнее,
которымъ первое приводится въ движеніе. Ни-
когда въ Веществѣ тѣло не родилось другимъ
способомъ.

Что сказано теперь о Землѣ, тоже ска-
жемъ и о цѣлой Вселенной: мы можемъ се пред-
ставить себѣ соборнищемъ безчисленнаго мно-
жества Зародышей и Сѣмянъ, которыя имѣ-
ютъ въ себѣ врожденное Начало своихъ Зако-
новъ и Свойствъ по своему чину и роду; но
которыя ожидающъ, чтобы зачатію ихъ и
произведенію внѣшняя какая причина подала
помощь и расположила ихъ къ рожденію. Опсю-
да почерпнуть должно изъясненіе удивляю-
щаго людей Явленія, то есть, для чего обрѣ-
таемъ мы червей въ плодахъ, на которыхъ
впрочемъ нѣтъ нервопочинъ, и животныхъ
одушевленныхъ внутри камней? Для того, что
и тѣ и другіе, являющіеся будучи Натурою и пере-
несены какою жидкостію въ таковыя машинки, на-
шли и получили спеченіемъ тоя же жидкости соки,
спо-

способные къ произведенію необходимаго Закона отражательнаго дѣйствія. Но не удались отъ нашего предложенія.

Теперь разсмотримъ, какое могутъ имѣть участіе тѣла и остатки тѣлъ въ произведеніи и возрастаніи другихъ тѣлъ: они могутъ умножать силы Существъ тѣлесныхъ, и имъ оказывать помощь противу непрерывнаго отражательнаго дѣйствія Начала вѣшняго огненнаго; могутъ собственнымъ противодѣйствіемъ воспрѣпятствовать обнаруженію способности Зародыша, и привести въ дѣйство свойство его. Но думать, что могутъ они вѣщиваться въ сущность сихъ Зародышей, есть противорѣчіе Законамъ Натуры и не знать сущности Начала вообще. Могутъ, я оное подтверждаю, быть подспорю и побужденіемъ ихъ, но никогда не могутъ сдѣлаться частію ихъ естества. Слѣдующія примѣчанія подтвердятъ сіе.

Мы доказали выше, что Начала тѣлъ не суть Вещество, но Существа простые; а посему надлежитъ имъ имѣть въ себѣ все нужное къ ихъ бытію и ничего не заимствовать отъ другихъ Существъ. Они бы не заимствовали помощи и отъ сего вѣшняго отражательнаго дѣйствія, о которомъ мы говорили, если бы ради низости естества своего не покорены были двойственному Закону, господствующему надъ всеми стихійными Сущностями. Ибо есть Натура, въ которой сей двой-

двойственной Законъ неизвѣстенъ, и въ которой Существа рождаются безъ помощи ишорыхъ Существъ, а чрезъ единыя шокмо силы Начала своего родишеля: сія ешь на Нашура, чрезъ которую прешелъ нѣкогда и челонѣи. Но дабы наслѣдованіе наше было вѣрнѣе, не уважимъ умозрѣнія, доколѣ опытъ не подтвердишь онаго; и вонервыхъ посмотришь, что происходитъ въ разрушеніи тѣла.

Сіе разрушеніе бынаетъ, когда пресѣкается дѣйствіе Начала врожденнаго, производшаго разрушаемыя тѣла; понеже сіе дѣйствіе ешь истинное ихъ основаніе и первая подпора: Начало же сіе не можетъ иначе перестать дѣйствовать, какъ ешьли Законъ, которой поработилъ его дѣйствію, остановаленъ; понеже тогда, свободясь отъ оковъ своихъ, отдѣляется отъ произведеній своихъ и возвращается къ началному своему источнику. Ибо доколѣ сей Законъ дѣйствуетъ, дошолъ вмѣстилище его не можетъ лишиться своего природнаго и нераздѣльнаго образа. Сей образъ подвергается разрушенію тогда только, когда Законъ ошражательнаго дѣйствія отнятъ; Начало, врожденное сему образу, и дающее ему бытіе чрезъ сопряженіе прехъ стихій, изъ коихъ онъ составленъ, оплучается отъ сихъ стихій и предаетъ ихъ собственнымъ ихъ Законамъ: тогда, поелику сіи Законы сущъ противоположены другъ другу, стихіи, преданныя онымъ, сражаются, раздѣляющся и наконецъ при очахъ нашихъ разрушають другъ друга.

Та-

Такимъ образомъ тѣла нечувствительнѣ умирающѣ, исчезающѣ и уничтожаются. И такъ въ трупѣ я вижу не что иное, какъ Вещество безъ жизни, лишённое Начала врожденнаго, которое даровало ему и поддерживало бытіе его; вижу въ сихъ остаткахъ тѣла части токио поддерживаемыя присутствующими еще въ нихъ вторыми дѣйствіями, которыя въ семъ тѣлѣ врожденное Начало истощало отъ себя во время своего дѣйствованія; ибо сіи вторыя истощенія распространены въ малѣйшія тѣлесныя частицы, однакожъ и онѣ одна послѣ другой отдѣляются отъ своихъ собственныхъ влагалыщъ, когда произведшее ихъ Начало истощало дѣлае тѣло, коего составъ сдѣланъ былъ отъ ихъ соединенія.

Что же можетъ тѣло, лишённое жизни, во время своего разрушенія, сообщить новымъ тѣламъ, которыхъ растѣнію и образованію оно споспѣшествуетъ? Господствующее ли Начало? Но оно уже не существуетъ въ трупѣ; понеже отдаленіемъ сего Начала тѣло и учинилось трупомъ. Впрочемъ каждый Зародышъ имѣя свое собственное врожденное Начало, вмѣщающее въ себя свои способности, не имѣетъ нужды въ соединеніи съ другимъ Началомъ. Однимъ словомъ, поелику два протія Существа не могутъ совокупиться, ниже сліяты свои дѣйствія: то соединеніе ихъ не только не будетъ способствовать оживотворенію новыхъ тѣлъ, но причинитъ безпорядокъ и раз:

разрушеніе; понеже не возможно въ единомъ кругѣ поставить два средоточія, не повредя естества круга.

Скажетъ ли кто, что вещественныя части тѣла разрушающагося совокупляющія и переходящія въ сущность Зародышей? Но мы недавно видѣли, что каждый Зародышъ одушевленъ Началомъ, содержащимъ въ себѣ все нужное къ его существованію. Сверхъ сего не видимъ ли мы, что всѣ части шрупа одна послѣ другой разрѣшающіяся и не оставляющія по себѣ никакихъ слѣдовъ? Не знаемъ ли мы, что сіе частное разрѣшеніе не иначе дѣлается, какъ отлученіемъ вторыхъ истеченій, находящихся въ шрупѣ, изъ которыхъ каждое можемъ мы почитать средоточіемъ той части, въ которой оно пребывало; но послѣ сего не можемъ мы не признаваться, что тѣла, части тѣлъ, что вся Вселенная есть соборище Средоточій; понеже видимъ, что тѣла постепенно исчезающія. Если же все есть средоточіе, и ежели всѣ средоточія исчезающія въ разрушеніи, то что же такое отъ тѣла разрушеннаго останется, которое бы могло составить часть бытія и жизни новыхъ тѣлъ?

И такъ заблуждаетъ тотъ, кто вѣритъ, что всеобщія, или частныя Начала Существъ тѣлесныхъ разрушающихся, отлучаясь отъ своего имѣстителя, одушевляющія новые образы, и что возобновляя такимъ образомъ свое

свое теченіе могутъ жить попеременно нѣсколько разъ. Если все просто и все единично въ Естество и Сущности вещей, то и дѣйствіе ихъ должно быть таково же, и каждому Существу должно имѣть собственное дѣло простое и единственное, иначе Создатель вещей явилъ бы въ себѣ слабость и безпорядокъ въ своихъ твореніяхъ.

Но приведетъ кто въ примѣръ вареніе пищи въ желудкѣ животнаго, и въ опроверженіе скажетъ мнѣ, что когда составъ снѣди разрѣшается, то большая часть ея переходитъ въ кровь, въ тонкій водяной сокъ и въ прочія жидкости Нераздѣльнаго, и протекшая во всѣ части тѣла, поддерживаетъ бытіе и сущность животнаго, и послѣ спросишь, какъ же возможно сей снѣди подкрѣплять дѣйствіе и жизнь животнаго безъ того, чтобы не сообщить ему отъ себя ни малѣйшей части, и чтобы огонь, врожденный ей, не проникъ въ Начало и Естество сего Нераздѣльнаго, дабы съ нимъ соединиться и прибавить ему существованія?

Я отвѣщаю на сіе, что всеконечно пища единственное есть дѣло поддерживать жизнь и дѣйствіе Нераздѣльнаго, поглотившаго оную, которое принимаетъ ее въ себя не какъ новое для себя Начало, ниже какъ бы приращеніе своего Существа, но какъ орудіе ошраждающаго дѣйствія, которое необходимо ему для распространенія силъ и для сохра-

сохраненіи временнаго его дѣйствія; и хотя
никакое Существо не можетъ обойтисѣ безъ
сего отражательнаго дѣйствія, но въ каждомъ
Существѣ поставлена ему мѣра: ибо естѣлибъ
Начало, содержащееся въ пищу, могло совоку-
питься съ Началомъ питающагося тѣла, то
послѣднее не имѣло бы уже точной мѣры
Закону своего дѣйствія, которое составляетъ
естество его.

Мы знаемъ изъ опыта и изъ того вреда,
которой претерпѣваетъ животное отъ сырой
пищи и мяса недоваренныхъ, или не совсѣмъ
очищенныхъ отъ крови; мы знаемъ, говорю,
сколь вредно для тѣлесной жизни чрезъ мѣру силь-
ное отражательное дѣйствіе, и мы не можемъ спо-
ришь, что Животныя, которыми отъ Нату-
ры опредѣлено пожирать другихъ Животныхъ,
гораздо свирѣпѣе и жесточѣе бывающъ, не-
жели тѣ, которыя питаются растѣніями. Для
того что первыя ощущающъ въ себѣ чрезъ-
мѣрное отражательное дѣйствіе; поглотивъ съ
мясами, ихъ питающими, великое количество
чуждыхъ жизненныхъ Началъ, употребля-
ющъ всѣ силы врожденнаго себѣ дѣйствія,
дабы прежде времени разрушить вмѣстѣ
пожранныхъ сихъ Началъ. А сіи, не на-
ходясь тогда въ своемъ природномъ растворѣ,
напрягающъ также всѣ силы, чтобы прервать
сѣи несродныя имъ оковы и возвратиться къ
первому своему источнику.

Во время сего сраженія Нераздѣльное ощу-
щаетъ въ себѣ кипѣніе, мучающее и побуждаю-
щее

Ж

щее

щее къ безпорядочнымъ дѣйствіямъ; и допo-
лѣ не успокоится, пока виѣспланище сихъ
ишорыхъ Началь разступится, и они соеди-
нятся съ своимъ Началомъ родителемъ.

При семъ случаѣ не оставимъ безъ замѣ-
чанія достойный хулы обычай многихъ Нарo-
довъ, изъ которыхъ иные чаяли почтнше
своихъ Мершвецовъ сохраненіемъ ихъ шру-
повъ, а другіе преданіемъ огню. И то и дру-
гое есть безумное дѣло и противное Нашурѣ;
ибо истинный растворъ шѣла есть земля:
и какъ человѣческая рука не могла произве-
сти сихъ шѣла, то и не должно ей покушашь-
ся ни прекращать, ниже продолжать существо-
ваніе ихъ; но оставлять паче Началамъ ихъ
свободно по ихъ Закону останавлять свое дѣй-
ствіе, и въ надлежащее время соединяться съ
своимъ источникомъ.

Не могу я также не остановиться при семъ
предложеніи, что *истинный растворъ шѣла
есть земля*. Въ землѣ дѣйствительно над-
лежитъ особливо шѣлу мушины разрушнть-
ся; но шѣло мушины воспріяло образъ свой
въ шѣлѣ женщины: когда же оно разрушаетъ-
ся, тогда возвращаетъ землѣ только то,
что получило отъ шѣла жены. И такъ зе-
мля есть истинное Начало шѣла жены; поне-
же вещи всегда возвращаются къ своему ис-
точнику. А какъ сіи оба Существа столь
сходны между собою, то безъ сомнѣнія шѣ-
ло жены имѣетъ земное происхожденіе. Къ
сеиу

сеу припомниѣ, что она же была и первое шѣлесное происхожденіе мушны, ощушитель-
но увидимъ, по какой причинѣ вообще женщи-
на почитается ниже его.

Но весьма заблуждали шѣ, которые сію
разность хотѣли простирашь даѣе шѣлесна-
го образа, или способностей шѣлесныхъ. Въ
разсужденіи разумнаго Начала женщина имѣетъ
одинакой съ мушною источникъ и про-
исхожденіе; ибо сей мужъ, осужденъ будучи къ
наказанію, а не къ смерти, долженствоваль
имѣть предъ глазами своими Существо своей
природы и подобно себѣ несчастное, которое
бы, своими слабостями и недостатками не-
прерывно представляя ему горестныя слѣд-
ствія заблужденій, приводило его къ премуд-
рости. Впрочемъ мужъ не есть отецъ
разумнаго Существа произведеній своихъ,
какъ то возвыщали ученія ложныя, и
тѣмъ паче пагубныя, что основаны были
на сравненіяхъ, ваятыхъ отъ Вещества, какъ
на примѣръ на неизчерпаемыхъ истеченіяхъ
тихійнаго огня. Но во всемъ семъ находишь
Таинство, которое не почитаю никогда до-
вольно скрытымъ. Станемъ продолжать на-
ши примѣчанія.

Есть опытъ, который испытатели На-
туры не преминутъ предложить противу ме-
ня, который дѣлають они надъ жидкостями
подкрашенными, впуская ихъ въ извоторыя
растѣнія, и симъ способомъ дають цвѣткамъ

Ж 2

ра-

различныя краски, и даже и природную ихъ краску совершенно перемѣняютъ. Ошвѣтъ на сіе скажу простой и согласной съ шѣмъ, что я утвердилъ о вареніи пищи въ желудкѣ.

Всякое растѣніе имѣетъ свое врожденное Начало, какъ и прочія шѣла; питающіе соки его не могутъ ничего присовокупить къ сему Началу, но бывающъ его защитою противъ отражательнаго дѣйствія вѣншей огненной причины, которая безъ нихъ скоро преодолѣла бы жаромъ своимъ и погубила силы и дѣйствіе Началъ нераздѣльных. И шакъ, принявши въ разсужденіе неограниченное число вещей, могущихъ служить пищею Существамъ шѣлеснымъ, легко почувствовать, сколь различными отражательными дѣйствіями подвержены сіи Существа. Правда, что въ самомъ дѣлѣ каждому роду Существъ одна пища должна быть свойственная; но Натура вещей погибающихъ, равно какъ и шѣла и непрестанныя перемѣны, которыми онѣ подвержены, принуждающъ ихъ принимать не принадлежащую имъ пищу, которая разслабляетъ ихъ, дѣлаетъ насиліе способностямъ ихъ, да и самихъ совершенно разрушаетъ, хотя Начало Существа пребываетъ неразрушимо.

Отражательныя сіи дѣйствія производятся, какъ извѣстно, Существами вторыми, которые содержатъ въ себѣ свое собственное Начало. Сіе Начало не можешь чинить отражательнаго дѣйствія ни чрезъ себя, ниже
чрезъ

чрезъ частныя Начала, изшекція отъ него, когда не имѣющіе они на себѣ обложенія тѣлеснаго; ибо всѣ простыя Существа подѣ симъ только условіемъ могутъ здѣсь существовать. И такъ несомнѣнно то, что одежда тѣлесная сихъ вторыхъ Началъ проходитъ купно съ ними въ тѣлесной составъ раствѣній и животныхъ, питаетъ ихъ и помогаетъ прошивиться дѣйствию вышней огненной причины. Несомнѣнно то, что они вносятъ съ собою свой цвѣтъ и свойства. Но хотя и входятъ они въ сіи разныя Нераздѣльныя, однакожъ отнюдь не можемъ сказать, что они тамъ смѣшиваются и составляютъ часть сущности ихъ.

Чтобы симъ одеждамъ свѣднымъ можно было совокупиться съ сущностію нераздѣльнаго, пріемающаго ихъ въ себя, надлежитъ Началамъ ихъ взаимно смѣшаться. Но какъ мы уже видѣли, что сіи Начала, будучи простыя Существа, не могутъ соединиться, и какъ ихъ вмѣстилища получаютъ свойства отъ своего Начала, то и соединеніе вмѣстителей есть не возможно. И такъ пища есть вещь чуждая, хотя нужная Существо, принимающему оную; ибо извѣстно, что она потролику ему бываетъ полезною, поколику можно ему развесити ее въ себѣ.

Не трудно думаю понять, что прежде растворенія пищи не можетъ быть никакого смѣшенія; естли же раствореніе сіе не пре-

жде бываетъ, какъ по отлученіи врожденныхъ Началъ; естли сіе распореніе въ самой вещи есть не иное что, какъ раздѣленіе и разрушеніе: то какъ же нераздѣльное, которое производитъ сіе разрушеніе, можетъ смѣшаться съ разрушаемымъ отъ него вмѣстѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, когда бы пища и Начала, содержащіяся въ ней, могли смѣшаться съ сущностію и Началами Существъ, на которыхъ изливають свое отражательное дѣйствіе, то равномерно могли бы и заступитъ мѣста ихъ; тогда легко было бы переродить совершенно естество нераздѣльныхъ и родовъ; а перемѣня родъ и естество одного Существа, можно тоже учинить и во всѣхъ родахъ существъ; отъ чего произошло бы всеобщее смѣшеніе, и мы никогда бы не знали степеней и мѣстъ, принадлежащихъ Существамъ въ порядкѣ вещей.

Но Законъ, который Натура поставила своимъ произведеніямъ, опровергаетъ сіи мечтательныя покушенія; она положила въ каждомъ Существѣ тѣлесномъ врожденное особенное Начало, которое можетъ распространить и часто распространитъ свое дѣйствіе за обыкновенныя предѣлы, помощію насильственныхъ отражательныхъ дѣйствій и помощію способной къ тому маски; но не можетъ никогда потерять, ниже перемѣнить своего естества. Сіе Начало, будучи дѣлаешь

и ошцеѣ своего вмѣстилища, не можетъ отдѣлиться отъ него, развѣ когда сіе начнетъ распадаться и мало помалу разрушаться. Но опнудь не возможно, чтобы другое Начало, или другой Ошецъ вселялся въ сіе вмѣстилище и оно поддерживалъ; ибо въ тѣлесной Нашурѣ нѣтъ прелюбодѣній, ниже Сыновъ пріемышей, пошому что нѣтъ въ ней ничего свободнаго.

И такъ всякое Существо простое, или Начало, имѣетъ свое бытіе отдѣленно; и слѣдовательно дѣйствіе и способности особыя, которыя также необщительны, какъ и его бытіе.

Да не возражаютъ мнѣ тѣмъ, что въ смѣшеніи жидкостей и тѣлъ, способныхъ къ сліянію, примѣчаются содѣйствія единственныя и простыя, которыхъ ни одно изъ смѣшенныхъ тѣлъ не можетъ особо произвести; ибо я смѣло скажу, что въ сихъ сліяніяхъ взаимное дѣйствіе и отраженіе Началъ рождаетъ произведенія, кажущіяся шокмо намъ единичными и простыми по причинѣ слабости нашихъ органовъ, въ самомъ же дѣлѣ оныя произведенія составлены и рождены особымъ и собственнымъ каждого изъ собранныхъ Началъ дѣйствіемъ.

Если смѣшать разные тѣла, которыя неспособны дѣйствовать и отражать взаимно ошущительнымъ образомъ, не которыя

каждое имѣетъ особое свойство цвѣта, запаха, или какое иное; то произойдетъ отъ смѣси ихъ третье свойство, которое въ самомъ дѣлѣ есть видимое токмо произведеніе двухъ первыхъ, которыя перемѣшаны и сочтаны, а не соединены и совсмѣшаны. Ибо никто не станетъ спорить, чтобъ Начала, купно съ ихъ вмѣстителями, не оставались совершенно оплечены и отдѣлены другъ отъ друга; а слабость токмо чувствъ нашихъ препятствуетъ видѣть особое и свойственное каждому изъ нихъ дѣйствіе. Слѣдственно въ такомъ смѣшеніи видимъ только многія тѣла одного рода, собранныя въ одно мѣсто съ тѣлами другого рода; но каждое изъ нихъ всегда сохраняетъ свое бытіе, способности и дѣйствіе, свойственныя себѣ.

Ежели твердое тѣло положено въ жидкое, сходное ему, то жидкое преодолеваетъ силу и свойства перваго, отдѣляетъ части его, раздробляетъ ихъ, разрушаетъ видимую и осязательную твердость, распускаетъ его и кажется присваиваетъ. Правда, что отъ сего растворенія представляющія намъ въ жидкомъ тѣлѣ такія произведенія, которыхъ не усматривали мы въ каждомъ тѣлѣ порознь; но можно ли изъ сего заключить, что Начала ихъ слились и смѣсились? И не правильно ли можно сказать, что шутъ видно только разширеніе дѣйствія Начала, господствующаго надъ нижайшимъ Началомъ; разширеніе, которое уменьшится и даже пресѣчется, когда Начало

чало сильнѣйшее довольно дѣйствовало на поверженный ему тѣла и истощило всю силу, какая въ немъ находилась?

Возьмемъ ли въ примѣръ твердое тѣло, которое присваиваетъ и вбираетъ въ себя жидкое; или два жидкія, отъ смѣшенія которыхъ происходятъ твердыя тѣла, или неразрѣшимыя по видимому сліянія; или наконецъ такія тѣла, въ которыхъ порознь не видно было ни силы, ни свойствъ, но которыя сочешавшись производятъ удивительныя дѣйствія, какъ-то горящее пламя, огни, шумъ, яркіе и живые цвѣты; все сіе можетъ ли доказать совокупленіе, сліяніе и сообщеніе одного Начала съ другимъ? Ибо хотя сила господствующаго Начала останавливаетъ дѣйствіе Начала слабѣйшаго, но не разрушаетъ вмѣстѣлища его; и можетъ быть искусство отдѣлитъ ихъ другъ отъ друга и приведетъ въ прежнее ихъ состояніе; что есть неоспоримымъ доказательствомъ Истинны, мною утверждаемой.

Когда Начало, превосходящее силою, не разрушая вмѣстѣлищъ, раздѣляетъ составъ тѣлъ, и части сихъ слишкомъ, возвративъ имъ свободу и природную тонкость, разгоняетъ чрезъ испареніе: тогда, правда, нераздѣльныя Начала единственныя, которыя прежде были вмѣстѣ, раздѣляются по земли и воздуху, но не оставляющъ, ниже теряющъ ничего отъ своихъ способностей, сущности, или дѣйствія.

Ж 5

Когда

Когда же напредивъ господствующее Начало силою своею, и могуществомъ раздробило самое вмѣстившее нижняго Начала; когда распустило его и разрушило, иногда дѣйствіе нижняго Начала уничтожается, и не только сіе Начало, скончавъ такимъ образомъ свое теченіе, не можешь присовокупиться, или приобщить свое дѣйствіе къ Началу господствующему, но и самое господствующаго Начала дѣйствіе вступаетъ въ прежній округъ своей дѣятельности, ежели еще не повреждено и не истощено собственною побѣдою.

Наконецъ не обрѣтаемъ мы и въ рожденіи червей и прочихъ несѣкомыхъ, являющихся при сгніеніи труповъ, сего смѣшеннаго и непрерывнаго дѣйствованія одного и того же Начала въ разныхъ образахъ, наследующихъ другъ другу. Начало существованія сихъ животныхъ находится также въ ихъ собственномъ сѣмени; ибо и наши и всего творенія тѣла суть сборище безчисленнаго множества разрушительныхъ зародышей и сѣменъ червиныхъ, которыя ожидаютъ только отражательнаго воздѣйствіеванія и сходственныхъ обстоятельствъ, чтобы произойти на свѣтъ и родиться.

Доколѣ тѣла наши наслаждаются полною жизнію и дѣйствіемъ, Начало господствующее, которое управляетъ ими, содержа въ
равно-

равновѣсїи все свое выѣспилище, не допуска-
ещъ его разрушиться и укрощаетъ дѣйствіе
сихъ разрушительныхъ зародышей. Но когда
Начало господствующее отлучается отъ сво-
его выѣспилища, тогда вѣторыи Начала, не
имѣя болѣе связи между собою, естествен-
нымъ образомъ отрѣшаются другъ отъ дру-
га и дающъ полную свободу всѣмъ симъ жи-
вотнымъ, и еще помогаютъ рожденію и возра-
станію ихъ, подавая имъ чрезъ отражатель-
ное дѣйствіе и теплоу и способъ выѣспити изъ
ѣмненныхъ влагалыщъ своихъ.

Тогда останки трупъ служатъ пищею
симъ несѣкомымъ, и переходящъ въ нихъ, по-
добно какъ и во всѣ живыя тѣла, проходящъ пища
чрезъ вареніе желудка; и въ тѣхъ и въ другихъ
одинакое бываетъ разрушеніе и одинакое дѣ-
ло Началъ врожденныхъ; но ни въ тѣхъ, ни
въ другихъ Начало тѣла разрушеннаго не вхо-
дитъ въ живое тѣло для одушевленія его; ибо
я уже довольно доказалъ, что каждое Суще-
ство имѣетъ жизнь въ себѣ, и нужна ему
только выѣшняя причина для того, чтобы
привести въ дѣйство и поддержать свое На-
чало.

Изъ сего явствуетъ, что и въ скрытныхъ
дѣяніяхъ тѣлесныхъ Существъ, какъ
на примѣръ въ зачатїи, рожденїи, возра-
станїи и разрушенїи, Начала съ Началами
никогда не совокупляюща и не смѣшивающа.

И

И такъ пища не иное что, какъ средства отражательнаго дѣйствія, нужныя для охраненія живыхъ шѣлъ отъ чрезмѣрности огненнаго дѣйствія, которое непрестанно пожираетъ и разоряетъ сіи питательныя Существа, такъ какъ безъ нихъ разорило бы и самое живое шѣло. И такъ пища не есть тошъ матеріалъ, какъ думаютъ Примѣчатели и все множество послѣдователей ихъ, изъ котораго начинающееся Существо должно быть составлено; понеже сіе Существо все въ себѣ имѣетъ, когда имѣетъ жизнь; а питательныя Существа, когда разрушены, ничего не имѣютъ, и то, что въ нихъ остается, непрестанно погибаетъ по мѣрѣ того, какъ частныя Начала отдѣляются отъ своихъ вмѣстилищъ и возвращаются къ первому своему источнику.

И такъ не должно обманываться намъ сею наружною переменною образовъ, и думать, что тѣ же Начала начинаютъ новую жизнь; но остаемся увѣренными, что новыя образы, которые непрестанно предъ очами нашими рождаются и производятся, суть содѣйствія и плоды новыхъ Началъ, еще не дѣйствовавшихъ. Мы возъмѣемъ поистиннѣе достопамятное понятіе о Создателѣ вещей, когда утвердимся, что все просто, все ново въ Его швореніяхъ, и все должно являться на свѣтъ въ первый разъ.

Син же истинны показываютъ, сколь противно Законамъ Нашуры мнѣніе о вѣчности
Веще-

Вещества; ибо не токмо не тѣ же и одни врожденные Начала производятъ шѣла одно послѣ другаго, но еще дословѣрно и то, что никакое Начало не можетъ имѣть болѣе одного дѣйствія, и слѣдовательно единое токмо теченіе совершить можетъ. Сверхъ сего мы ясно видимъ, что теченія частныхъ Существъ, Вещество составляющихъ, ограничены; понеже нѣтъ такой минутой, въ которую бы мы не видѣли конца ихъ; да и время намъ чувствительно бываетъ по непрестанному только ихъ разрушенію.

Неудивительно, что люди до нынѣ въ семъ заблуждали. Если бы и мы принявъ тѣ мнѣнія, коихъ слѣдствіями были сіи погрѣшности, то наши заблужденія были бы безконечны. Примѣчатели едва только начали разпознавать Вещество отъ Начала, его содержавша и родивша, то и приписали тотчасъ одному то, что принадлежитъ другому. Они думали, что коренное ихъ Вещество (или первая матерія) пребываетъ всегда по сущности своей одинаково, а только преобразуется попеременно въ разные виды. И такъ, смѣшивая Вещество съ его дѣйствующимъ Началомъ внутреннимъ и врожденнымъ, говорятъ, что какъ въ Веществѣ есть единая токмо сущность, то и всеобщему дѣйствію ея надобно бытьъ единому, и слѣдовательно Вещество негиблемо и неразруσιμο.

Я прошу ихъ изслѣдовать подробности сказанное мною въ началѣ сего Сочиненія о происхожденіи и свойствахъ добра и зла. Я доказалъ, что никто здравомыслящій не скажетъ, что свойства, между собою различныя, происходятъ изъ одного источника. Перенесемъ же сіе къ разнымъ свойствамъ Вещества, которыя оно показываетъ, и посмотримъ, правда ли, что вещественная сущность есть единая.

Спрашиваю: дѣйствіе огня подобно ли дѣйствію воды? Вода дѣйствуетъ ли такъ, какъ земля? И не видимъ ли мы въ сихъ стихіяхъ свойствъ не только разныхъ, но совсѣмъ противоположныхъ? Но при всемъ томъ сіи стихіи, хотя и многія, суть основаніе и твердыня всѣхъ вмѣстилищъ вещественныхъ. И такъ не лзя согласиться съ примѣчателями, что въ тѣлахъ единое есть естество, когда видимъ, что ихъ свойства толь разнообразны. И такъ не только не то же и одно Вещество всегда составляетъ рождающіеся попеременно образы, но ниже можно допустить, чтобы и два образа оно составило.

Я не перестану повторять, что естество тѣла не есть единое, какъ они думаютъ; что всѣ образы суть произведенія врожденныхъ имъ Началъ, которыя не могутъ иначе явить своего дѣйствія, какъ подъ всеобщимъ Закономъ трехъ стихій, которыя существенно разнствуютъ между собою; что

содѣйствіе ихъ не можетъ быть почитаемо Началомъ, понеже оно не есть *единое*, а подвержено измѣненію и зависить отъ больше, или меньше сильнаго дѣйствія которой илѣбуй стихіи; что такимъ образомъ Вещество быть не можетъ постояннымъ и неслѣбнымъ, ни переходить поперемѣнно отъ одного тѣла къ другому, но что всѣ сіи тѣла происходятъ отъ дѣйствія Начала нѣваго, и слѣдовательно особливаго.

Словомъ, сія разность всѣхъ врожденныхъ Началъ довольно покажется оощишельною, когда примѣнимъ, что всѣ степени и всѣ царства Натуры тѣлесной ошличены знаками ясными и выразишельными; ежели примѣнимъ, говорю, противоположность, находящуюся между многими степенями и родами; согласимся, что сіи врожденные Начала и содержатъ разныхъ между собою тѣлъ сущъ необходимо и сами между собою различны. Ибо когда бы дѣйствующее Начало тѣлъ внутреннее было одно, или тоже во всей Натурѣ, то надлежало бы ему оказывать свое дѣйствіе вездѣ и являться непрестанно и единообразно въ разныхъ тѣлахъ.

Но признавъ сію разность нераздѣльныхъ Началъ, припомнимъ еще, съ какою точностию, съ какимъ шщаніемъ каждое изъ нихъ исполняетъ предписанное ему частное дѣйствіе, и шѣмъ дополнимъ понятіе о Началахъ Существъ тѣлесныхъ, которое мы уже
опре-

опредѣляли, доказывая, что не могутъ они быть сложныя, яко сущности Вещества, но суть простыя Существа, вмѣщающія въ себѣ свой Законъ и всѣ свои способности, вмѣщающія въ себѣ единое дѣйствіе, подобно какъ всякое простое Существо; то есть Существа неразрушимыя, которыхъ однако оупительное дѣйствіе должно оканчиваться, и оканчиваться всякую минушу; понеже они поставлены дѣйствовать только во времени и составлять время.

Я сдѣлаю только нѣкоторое примѣчаніе Исслѣдователямъ Натуры объ одномъ словѣ, которое употребляютъ они въ разсужденіяхъ своихъ о тѣлахъ. Рожденіе и возрастаніе тѣлъ изображаютъ они подъ именемъ *развитія*. Не лзя намъ допустить сего изразженія; ибо ежели поистиннѣ тѣла только развиваются, то надобно имъ цѣлымъ уже находиться въ зародышахъ, или въ Началахъ ихъ; естли же сіи тѣла существенно и дѣйствительно бы содержались въ Началахъ, то уничтожали бы первородное качество простаго Существа, то не были бы они нераздѣлимы, ни слѣдовательно одѣяны безсмертіемъ, или, когда приписать безсмертіе Началамъ, надлежитъ сего приписать также и тѣлеснымъ Существомъ, въ нихъ заключеннымъ. Но допустить сіе есть согласиться на то, что мы доселѣ отрицали, и явно противорѣчитьъ тому, что уже утвердили.

Есть-

Естьли Примѣчашли не желаюшѣ впасть въ большія неувѣснѣ, то надобно имѣ прїучиться смотрѣть на развѣтїе шѣлесныхъ Сущестѣвъ не какѣ на развѣтїе, но какѣ на шворенїе и дѣло Начала врожденнаго, производящаго сущности вещественныя, разполагающаго оныя и образующаго по особому Закону, которой ему данѣ. Я знаю, что шѣмѣ, къ кому я рѣчь мою склоняю, не приходило никогда и на мысль такого мнѣнїя, и пошому не скоро допусшашѣ его; ибо оно весьма прошивно мыслямѣ и помяшїю, какое они доселѣ имѣли о Натурѣ; не смотря на то, я предлагаю имѣ сїи Истинны смѣло, и будучи внушренно увѣренѣ, что никакой другой Истинны на мѣсто сихъ не могушѣ поставишѣ.

Я не знаю, какимѣ образомѣ, прїимая развѣтїе шѣлеснаго Сущестѣва за развѣтїе, могли они хотя на минушу допусшїишѣ идею, которую выше сего я опровергнушѣ, то есть, что разныя частицы одного шѣла переходяшѣ и присоединяющя къ другому; ибо ежели зародышѣ развивается, то надобно ему имѣшѣ уже въ себѣ всѣ части; когда же онѣ имѣшѣ всѣ части, то нужны ли ему части инаго шѣла къ своему образованїю?

Но да не подумашѣ кто обратишѣ сей доводѣ противѣ меня самаго, и сказашѣ, что я, отрицаю то, чтообѣ всѣ части, которыхъ образованїе необходимо нужно для совершенїя шѣлесности Сущестѣва вещественнаго, содержа-

лись въ своемъ зародышѣ, соглашаюсь уже на то, что сей зародышъ долженъ ошнѣ получать матеріалы къ его возрастанію; что безъ сомнѣнія было бы противно шѣмъ Истиннамъ, которыя въ Нашурѣ я показалъ. Сія Нашура есть живая повсюду; она имѣетъ въ себѣ побудительную причину всѣхъ своихъ дѣлъ, и не нужно ей, чтобы зародыши заключали въ себѣ въ маломъ видѣ всѣ части, долженствующія нѣкогда быть имѣ вмѣстилищемъ. Имѣ потребна только способность производить сіи части, и она ее имѣетъ. Когдажъ имѣетъ ее, то всѣ средства, выдуманная для исполкованія возрастанія и образованія тѣлесныхъ Существъ, ни къ чему не служатъ: ибо Примѣчатели для того и прибѣгли къ симъ выдумкамъ, что не познали въ Веществѣ врожденнаго Начала жизни и дѣйствія его, и вообразили себѣ, что Вещество въ сущности своей есть мертвое и бесплодное. Скажемъ еще слово, чтобы совершенно опровергнувъ сію мысль о развитіи Существъ тѣлесныхъ; то есть, что естли бы развитіе могло быть, то не было бы чудовищъ, понеже все порядочно сотворено: и когда всѣ вещи развиваются шокмо, то Создатель вещей не оставалось бы ничего дѣлать. Но мы не смѣемъ подуматъ, чтобы могъ Онъ и все, произведенное Имѣ, пребывать въ недѣйствіи.

Симъ прекращу мои примѣчанія о томъ, что какъ неправильно люди представляютъ себѣ сущность тѣлесной Нашуры. Если они

22-

захошяшѣ размыслишѣ о томѣ, что я показалъ имѣ, то признаются, надѣюсь, что шоль многія заблужденія ихѣ произошли отѣ нераспознанія Вещества съ Началомѣ его; и разсмошрѣвъ предложенныя мною Истинныя о рожденіи Существѣ, о непрерывномѣ измѣненіи образовѣ, о различеніи сущностей отѣ врожденнаго имѣ Начала, о свойствахѣ и простотѣ сего Начала какѣ въ частномѣ, такѣ и во всеобщемѣ, и о единствѣ его дѣйствія, учрежденнаго токмо на время, признаются, что Начала разныхѣ шѣлесныхѣ Существѣ неслитны, ниже общительны между собою, послѣнку суть нераздѣлимы; а понеже они нераздѣлимы, не могушѣ никогда разрушиться; что они опличены другѣ отѣ друга какѣ по особому свойству дѣйствія ихѣ, такѣ и по продолжительности его, какѣ то показываешѣ разрушеніе стпихѣ, составляющихѣ Вещество; что отѣ того происходятѣ безчисленныя шѣла послѣдственныя сложенія, изѣ которыхѣ Примѣчатели, видя преемное произведеніе шѣла, легкомысленно заключили, что Вещество, яко основаніе ихѣ, есть негиблющее. Ибо не токмо не должны были они почитать Вещество вѣчнымѣ, но еще согласиться съ нами въ томѣ, что нѣшѣ такой минуты, въ которую бы оно не разрушалось; понеже въ Веществѣ всегда одно дѣйствіе уступаетѣ свое мѣсто другому. Тогда примѣчатели не станушѣ ожидать, подобно Алхимистамѣ, непрерывнаго оживотворенія, котороебѣ ихѣ самихѣ и всѣ шѣла защищило отѣ разрушенія; ибо ежели

бышіе шѣла имѣшъ опредѣленное время, то по приближеніи сего предѣла не лзя остановить разрушенія ихъ иначе, какъ развѣ присовокупить новое Начало къ Началу, готовящемуся отлестѣть; но мы видѣли прежде, что сему не лзя быть и въ самомъ естественномъ порядкѣ вещей; а люди немогутъ думать, чшобъ силы ихъ превосходили Нашуру и Законы, кошорыми содержащя Существа.

Научившись такимъ образомъ отличать Вещество отъ Начала, рждающаго оное, и познавъ разныя дѣйствія, являющіяся въ семъ Веществѣ, престанутъ они вѣрить симъ мечшательнымъ шоржествамъ, понудившимъ ихъ все нечувствительнымъ образомъ смѣшать, даже самое добро и зло. Обращимся шперь къ вышшему.

3.

Естьли бы возможно было, чшобъ одно Заблужденіе не было всегда источникомъ безчисленнаго множества другихъ Заблужденій, не уважилъ бы я опровергаемыхъ здѣсь мною, касающихся до Начала и Законовъ Вещества; ибо какъ сихъ вещей познаніе невеликой важности, то превратное понятіе о нихъ не можешъ само по себѣ быть весьма вреднымъ. Но въ настоящемъ положеніи вещей сіи Заблужденія шакъ между собою связаны, какъ

какъ и самыя Истинны; и какъ наши доводы противу ложныхъ человѣческихъ разсужденій взаимно другъ друга подкрѣпляли, такъ и человѣческія мнѣнія о тѣлахъ и выведенныя изъ оныхъ слабыя заключенія, возымѣли дѣйствительно весьма пагубныя для людей слѣдствія, ради того, что связаны существенно съ вещами вышшей степени.

Когда люди въ разсматриваніи частныхъ тѣлъ смѣшали Вещество съ Началомъ Вещества, и заблудились такимъ образомъ при первомъ шагѣ, то не въ состояніи уже были ни открыть истинной сущности Вещества, ниже усмотрѣть Начала, которое поддерживаетъ его и подаетъ ему дѣйствіе и жизнь. Сліявъ такимъ образомъ сіи двѣ Натуры, изъ которыхъ состоитъ вся стихійная область, не пришло имъ и на мысль изслѣдовать, нѣтъ ли еще отличной вышшей Натуры.

Въ самомъ дѣлѣ мы видѣли ясно, что они впади въ сію порочную обоюдность, или приписывать Началу границы и подлежащность Вещества, или отдавать Веществу права и свойства Начала его. И такъ, принявъ Начало тѣлъ и грубыя оныхъ части за одну и ту же Вещь, легко могли по такимъ же разсужденіямъ сіи тѣла и ихъ Начало смѣшать съ Существами Натуры, независящей отъ Вещества.

Такимъ образомъ, переходя отъ степени на степень, учредили между всѣми Существами

ствами всеобщее равенство, и слѣдуя ихъ мнѣнію, надлежитъ согласиться, что или Вещество есть само причина всего, что произвождается, или, что причина, дающая Веществу дѣйствіе, не болѣе разумомъ одарена, какъ и Начала, примѣченныя нами въ Веществахъ; что все равно. Ибо приписывать Веществу толь великія свойства, какія они приписываютъ, есть возвыщать, что оно все содержитъ въ себѣ; когда же оно содержитъ въ себѣ все, какая же нужда, чтобы разумное Существо бдѣло надъ нимъ и управляло имъ? Понегже оно можетъ управлять само себя. И что же тогда будешь сіе разумное Существо, еслили не даешь ему люди познанія и дѣйствія надъ Веществомъ? А лишишь его сей власти, не есть ли уже лишишь и разумнія? Понегже находится будущъ подъ нимъ вещи, невѣдомыя ему, и о которыхъ оно понятія не можетъ имѣть.

Вотъ сколь въ тѣсномъ кругѣ хотѣли было невѣдущіе люди заключить наши познанія и просвѣщеніе!

Я знаю, что многіе изъ нихъ усмотрѣли вредныя слѣдствія начальныхъ своихъ положеній, и прилѣпились къ онымъ не столько по убѣжденію и склонности, сколько по неоспорочности; но тѣмъ не менѣе достойны они хулы за то, что подверглись такимъ безразсуднымъ мнѣніямъ. Человѣкъ ежеминутно склоненъ къ заблужденію, а особливо, когда одинъ осмѣ-

осмѣливается устремлять взоръ на такія вещи, которыя познавать предпачтствуетъ мрачность его темницы. Но при всемъ его недостаточествѣ есть Заблужденія, которыхъ не избѣгать ему неизвинительно. Изъ числа таковыхъ и сіи, о которыхъ теперь рѣчь идетъ; и когда бы творцы сихъ системъ, принявши въ помощь утвержденныхъ нами положенія, присоединили къ тому искренность, то не возможно бы было имъ найти въ нихъ никакого правдоподобія.

Могъ бы я основать мои доказательства на вышепоказанной мною разности Существъ чувствующихъ и Существъ разумныхъ, и на доводахъ, которыми я открылъ, что самыя изящныя способности Существа тѣлеснаго не могутъ вознестися выше чувственности, какъ то и показалъ я въ Живошныхъ, занимающихъ первый рядъ между тремя Царствами Нашуры; потомъ, сличивъ движенія и шеченіе Живошныхъ со способностями другого рода, которыя столь ясно видимъ въ человѣкѣ, не могли бы мы усомниться, разумное ли Существо человѣкъ; равнымъ образомъ не могли бы отрицать, чтобъ не было и другихъ Существъ, одаренныхъ сею же способностію разумнія; понеже мы видѣли, что человѣкъ въ нынѣшнемъ состояніи ничего собственнаго не имѣетъ, а долженъ ожидать всего опивъ, даже до малѣйшей своей мысли.

Сверхѣ сего вспомни, что въ сообщае-
мыхъ человѣку ошнѣ мысляхъ находящя
такія, которыхъ не можѣ оѣ не при-
знатьъ противными своему естеству, и еце
шаня, которыя сходны съ онымъ, и что обо-
ихъ сихъ родовъ мыслей не можѣ здравый
разсудокъ приписывать одному и тому же
Началу, мы бы уже довольно симъ доказали
бышѣ двухъ Началъ, которыя находящя въ
человѣка, и слѣдовательно въ Вещества; по-
неже оно много ниже человѣка.

Все сіе сообразя, говорю я, не могли бы
мы ошнѣ разумѣнія у сихъ двухъ Началъ; по-
неже во время нашего наказанія, которое мы
нынѣ терпимъ, чрезъ нихъ шолько и ощу-
щаемъ наше разумѣніе. Но ежели сіи Начала
разумны, шо надлежитъ имъ бышѣ свѣдущимъ
и имѣшъ понятіе о всемъ, что ниже ихъ; ибо
безъ сего не пользовались бы они ни малѣйшею
способностію разумѣнія; ешьян же они свѣ-
дущи и имѣющъ понятіе о всѣхъ вещахъ,
которыя ниже ихъ, шо не возможно, чтобы
каждое изъ обоихъ, яко Существо дѣйствующее,
не занималось оными, и не старалось или
разрушитъ ихъ, ежели оно злое Начало, или
соблюсти, когда оно доброе Существо.

Чрезъ что могли бы мы легко доказать,
что Вещество стоитъ не о себѣ единомъ,
но надлежитъ въ немъ же самомъ искашъ
доводовъ, чтобы опровергнуть мнѣніе, кото-
рымъ приписывается ему дѣйствительность,
существенно принадлежащая Нашурѣ его.

Мы

Мы утвердили уже, что Начала Вещества, какъ всеобщія, такъ и частныя, заключающъ въ себѣ жизнь и долженствующія отъ оной произойти способности шѣлесныя. Къ сему присовокупили мы и то, что, не смотря на нерушимое и природное сіе ихъ свойство, сіи Начала не могли бы никогда ничего произвести, естли бы не были подвижаемы и согрѣваемы отъ противудѣйствія огненныхъ вышнихъ Началъ, долженствующихъ приводить въ движеніе способности ихъ по силѣ его двойственнаго Закона, которому покорено всякое шѣлесное Существо, и который властвуетъ надъ всѣми дѣйствіями и рожденіями Вещества.

Сіе уже безъ сомнѣнія есть знакъ слабости и подвластія иъ Началъ шѣлеснаго Существа, что имѣя въ себѣ жизнь, не можетъ ее само собою произвести въ дѣйствіе. Однако и то несомнѣнно, что сіе Начало жизни, врожденное въ зародышъ всякаго шѣлеснаго Существа, превосходитъ вышнія огненные Начала, которыя устремляютъ на него токмо простое вспомогательное противодѣйствіе и не могутъ сообщить ничего существеннаго бытію его. Когда же сіи огненные Начала гораздо ниже Начала жизни, подверженнаго противудѣйствію ихъ, то шѣмъ менѣе могутъ они самихъ себя привести въ дѣйствіе.

Тщешно было бы перебирать весь кругъ обращенія шѣлесныхъ Существъ, чтобы най-

ши первое Начало сего дѣйствія; и естѣли бы кто послѣ сего изысканія сказалъ, что сіи Существа, посланку взаимно противудѣйствуютъ другъ другу, шо не имѣютъ нужды въ иной какой причинѣ для приведенія въ дѣйство свойствъ, находящихся въ нихъ, шошъ принужденъ былъ бы допустить, что было же первое движеніе отъ инуды сообщено сему ихъ кругу, въ которомъ они заключены; ибо самыя дѣйствительнѣйшія Начала тѣлесныя не могутъ ничего сдѣлать безъ противудѣйствія инаго Начала, шо какъ же сіи, которыя ниже ихъ, могутъ обойтиса безъ сего противудѣйствія? Изъ сего явствуетъ, что въ какой бы шокъ круга ни полагаемо было первое дѣйствіе, но при всемъ шомъ необходимо надобно было начаться сему дѣйствію.

Пусть Примѣчатели отвѣчаютъ мнѣ искренно, могутъ ли они шеперь себѣ предсказать, что сіе начашіе дѣйствія находится въ Веществѣ, и шочно принадлежитъ его Натурѣ; и не доказываетъ ли оно напрокивъ Физическимъ образомъ, что оно съ самаго происхожденія своего находится въ зависимости по силѣ онаго непреложнаго Закона, по которому Начало вседневнаго его воспроизведенія зависитъ отъ спеченія и содѣйствія другаго Начала?

Тѣмъ болѣе не лзя мнѣ сомнѣваться о сей Истинѣ, что средства, употребленныя ими

ими къ опроверженію ея, служатъ болѣе къ ея утверженію. Положи, говорящѣ они, шакое и такое - то Вещество вмѣстѣ, шотчасъ примѣтишь, что они закисаютъ, сгниваютъ и дають нѣкое произведеніе; но ежели бы сіи Вещества могли сами другъ ко другу приближиться, нужно ли было бы совокуплять ихъ силѣ посторонней? И шакъ естли сіи частныя составы не могутъ производимы бытъ безъ помощи, посторонней руки, то ко всеобщему составу не то же ли потребно? Ибо онъ по естеству своему не отличенъ отъ прочихъ частей Вещества, ничѣмъ ихъ не превышаетъ и не можетъ состоять подъ инымъ Закономъ.

И шакъ могу, кажется, справедливо возвѣстить необходимость Причины разумной, дѣйствующей самой собою, кошорая бы сообщала Веществу первое дѣйствіе, какъ она же сообщаетъ оное безпрестанно и въ его послѣдственныхъ дѣліяхъ воспроизведенія и возрастнія, и во всѣхъ его дѣлахъ, являемыхъ нашему взору? Не шолько не лзя себѣ представить, чтобы Вещество не получило своего происхожденія отъ Причины, кошорая вѣея, но видимъ, что и нынѣ необходимо нужна ему Причина, кошорая бы непрестанно управляла дѣйствіями его, и что Вещество не могло бы жить и стоять ни единой минушы, ежели бы оставлено было самому себѣ и лишено было бы своихъ Началъ прошлудѣствія.

Нахо-

Наконецъ ежели нужна была Причина въ тому, чтобъ дать первое дѣйствіе Веществу; ежели и нынѣ и всегда нужна помощь сего Причины для содержанія его: то не лзя представить себѣ Вещества, не представляя купно и Причины онаго, которая учиняетъ его тѣмъ, что оно есть, и безъ кошорой не можетъ оно существовать ни одной минуш; и какъ не могу представить въ умѣ образа тѣла безъ врожденнаго Начала, произведшаго оной, такъ не могу представить себѣ дѣятельности тѣла и Вещества безъ Причины Физической, но невещественной, дѣйствующей и разумной купно, которая выше Началъ тѣлесныхъ, и которая дастъ имъ зримыя мною въ нихъ движеніе и дѣйствіе, кошорыя однако, знаю я, не принадлежатъ имъ существенно.

Сіе довольно можетъ намъ изъяснить всѣ правильныя Явленія Натуры, въ кошорыхъ признавши начальницею и путеводительницею вышнюю Причину, коей не можемъ не приписать разумнія, будемъ взирать на порядокъ и точность, царствующія во Вселенной, какъ бы на плоды и естественныя слѣдствія разумнія сего Причины.

Тогда ничто въ Натурѣ не приведетъ насъ въ изумленіе, всѣ ея дѣла и даже разрушеніе Существъ являшя намъ быть просмы и собразны Закону; ибо смерть не есть ничтожестно, но дѣйствіе; и время, которое
со-

составляетъ сію Натуру, не что иное, какъ цѣпь и послѣдованіе дѣйствій, иногда творительныхъ, иногда же разрушительныхъ. Словомъ, можемъ надѣяться во всей вселенной находить вездѣ знаки и свидѣтельства Премудрости, создавшей и содержащей оную.

Но сколько сія Истинна осязательна уму человека, столько часто пораженъ онъ бываетъ превращеніями и безпорядкомъ, которія усматриваетъ онъ въ Натурѣ; кому же приписать сіи противности? Сей ли Причинъ дѣйствующей и разумной, которая есть истинное Начало совершенства тѣлесныхъ вещей? Но сего не лзя никакъ о ней подумать; да и само себѣ противорѣчитъ, чтобы сія мощная Причина дѣйствовала купно для себя и противъ себя.

Сіе безобразное зрѣлище да не умалишь нашего высокаго о ней мнѣнія и да не ослабишь нашего къ ней почитанія. Изъ сказаннаго нами о двойственномъ Законѣ умственному, то есть о противоположности двухъ Началъ, должны мы уже знать, кому приписывать можно зло и безпорядки Натуры, хотя здѣсь еще не мѣсто говорить о побужденіяхъ, которія ведутъ ихъ къ шакowymъ дѣланіямъ.

Но дѣшское недовѣреніе къ симъ Истиннамъ не мало препятствуетъ намъ преуспѣвать въ нашихъ познаніяхъ и въ просвѣщеніи; оно главная причина заблужденій, къ коимъ приведены люди своими выдумками

о сихъ вещахъ и неосновательностію всѣхъ умствованій своихъ, которыми они толкуютъ Нашуру вещей.

Если бы они тщательнѣе разсмотрѣли оныя два разные Начала, которыхъ не могли не признать, увидѣли бы разность и противоположность ихъ способностей и дѣйствій; увидѣли бы, что зло есть чуждо Началу добра; дѣйствуетъ своею собственною силою надъ временными произведеніями сего Начала, съ которыми оно въ единое мѣсто заключено; но не имѣетъ никакой дѣйствительной силы надъ самымъ добромъ, которое носитъся надъ всѣми Существами, поддерживаетъ немогущихъ стоять о себѣ, и оставляетъ по волѣ дѣйствовать и защищаться шѣхъ, которыми дарована отъ него свобода. Увидѣли бы они, говорю, что хотя Премудрость расположила вещи такъ, что зло часто бываетъ поводомъ къ добру, однакожъ шѣмъ не менѣе зло въ то мгновеніе, какъ дѣйствуетъ, бываетъ зло, и потому ни кѣмъ образомъ не возможно его дѣйствія приписать Началу Добра.

Сіе могло бы намъ послужить новымъ доводомъ, о неосновательности системъ человѣческихъ и ушвердиться болѣе въ нашихъ правилахъ, что не иначе можемъ себѣ начертать точное понятіе о Существахъ, какъ различая истинное естество и истинныя свойства ихъ. Но время возвратиться къ нашему предложенію.

Когда

Когда наши шеперешнія примѣчанія о Законахъ, управляющихъ произведеніемъ шѣлъ, показали намъ необходимость Причины вышшей и разумной; когда мы уже видѣли, что два дѣйствователя нижніе, то есть Начало первое, врожденное въ сѣменахъ, и Начало второе, отъ котораго бываетъ прошиводѣйствіе, сами собою не довольны къ произведенію малѣйшаго образованія шѣла: то самая Нашурда и Разумъ поучаютъ насъ симъ Истиннамъ, и не позволяется уже имѣть о нихъ сомнѣнія.

Однако я долженъ подкрѣпить сіе ученіе простымъ примѣчаніемъ, которое прибавитъ еще болѣе силы и важности. И шакъ замѣтимъ, что Причина дѣйствующая, вышшая, всеобщая, временная, разумная, и потому имѣющая познаніе и управленіе нижайшихъ Существъ, имѣетъ въ нихъ вліяніе, которое безъ сомнѣнія до безконечности въ нашихъ глазахъ увеличилось, когда примѣтимъ, что ся дѣйствіемъ всѣ шѣлесныя Существа воспріяли первоначальный ихъ образъ, и ся же дѣйствіемъ содержатся и воспроизводятся, какъ и не престанутъ онымъ же дѣйствіемъ содержаться и воспроизводиться во все продолженіе времени.

Способности шоль мощнаго Существа должны конечно простирашся на всѣ дѣла, имъ управляемыя; оно долженствуетъ бытъ шакъ, чтобы могло надъ всемъ надзирать и начальствовать, то есть обнимать всѣ части своего шворенія.

И

И такъ должны мы предполагать, что оно же само начальствовало при произведеніи и той сущности, которая служишь основаніемъ тѣламъ, такъ какъ пошомъ оно же управляло и образованіемъ ея, и что могущество его и разумніе простирается какъ на естество тѣлъ, такъ и на дѣйствія, произведшія ихъ. Просто будучи въ естествѣ своемъ и дѣйствіи, долженствуетъ подобно всѣмъ простымъ Существамъ являть свои способности вездѣ въ одинакомъ видѣ; и хотя есть различность между произведеніемъ зародышей Вещества и произведеніемъ образовъ, отъ нихъ произшедшихъ, однако не возможно, чтобы Законъ, обоими управлявшій, былъ различной, иначе и дѣйствія были бы разными; что совсѣмъ противно тому, что мы доселѣ примѣщали.

Ибо мы выше сего показали, что тѣ сущности, или стихіи, изъ которыхъ тѣла вообще составлены, суть числомъ *три*. Чрезъ число *три* явленъ Законъ, управлявшій произведеніемъ стихій. И такъ надлежитъ и тому Закону, который управлялъ и управляетъ тѣлесностію сихъ самыхъ стихій, явить себя чрезъ число *трехъ*. Сіе сходство, или подобіе, открывається намъ сначала изъ того, что простаго Существа и дѣйствія должны быть простыя; но когда строжайшее изслѣдованіе и самый опытъ ушвердятъ единообразность сего Закона, тогда будетъ оно для насъ совершенно несомнѣннымъ.

Не

Не признавать зримаго явно сея разумныя Причины дѣйствія надъ Существами, немощными стоятъ безъ нея ни единыя минуты, есть, въ самомъ дѣлѣ, оскверняшь то понятіе, которое имѣть о ней должно. Ибо смѣшивашъ сію разумную Причину съ низайшими причинами всѣхъ дѣлій и всѣхъ произведеній тѣлесныхъ есть то же, что и опровергать ее, и точно предавать Вещество единому правленію сихъ причинъ и сихъ дѣйствій нижнихъ.

Но мы видѣли, что сіи низайшія причины и дѣйствія суть числомъ *два*, то есть, одна врожденная во всѣхъ зародышахъ, а другая, которая происходитъ отъ втораго дѣйствователя, которой необходимо потребенъ во всякомъ дѣлѣ воспроизведенія тѣлеснаго. Теперь да разсмотримъ паки, не справедливо ли я утверждалъ, что не возможно быть никакому произведенію чрезъ сіи двѣ причины, когда онѣ ославлены собственной токмо ихъ силой.

Если онѣ равны силою пребудущъ въ недействительности; если одна другую превышаетъ, то вышшая преодолѣетъ нижнюю и уничтожитъ ее; и тогда останется только одна, которая можетъ дѣйствовать.

Но мы твердо увѣрены, что одна причина не довольно къ образованію никакого тѣлеснаго Существа, и что сверхъ дѣйствія,

И

или

или Начала, врожденнаго всѣмъ зародышамъ; потребно необходимо другое вспомогательное дѣйствіе, дабы привести оное Начало въ движеніе, равно какъ и то нужно, чтобы сіе вспомогательное Начало не преставало дѣйствовать во все продолженіе дѣйствованія врожденнаго Начала. Увѣрены мы, говорю, что безъ стеченія сихъ двухъ причинъ, или сихъ двухъ дѣйствій, не возможно никакому тѣлесному Существу родиться, воспріять надлежащій тѣла видъ и сохранять свою жизнь: но при всемъ томъ ясно видимъ, что сіи двѣ причины, оставлены будучи собственному ихъ дѣйствію, ничего не произведутъ; ибо кошорая нибудь, преодолевъ другую, останется одна.

Не показываетъ ли самое дѣло, что необходимо нужно сего шрешія Причины присутствіе и разумѣніе къ управленію сими двумя нижними, къ содержанію между ними равновѣсія и взаимнаго вспоможенія, на кошорыхъ основанъ Законъ тѣлесной Натуры.

И такъ довольно мнѣ повторить здѣсь вышесказанное. Я доказалъ, что есть Законъ, по кошорому всѣ Начала тѣлѣ покорены противодѣйствію иныхъ тѣлѣ и Началъ вшорыхъ; не легко ли изъ сего Примѣчательнѣе признашь двухъ различныхъ дѣйствовавшихъ, которые нужны къ устройенію тѣла всякаго Существа, имѣющаго образъ?

По-

О всеобщемъ Тройственномъ Числѣ. 131

Потомъ показавъ я, что безъ вышшей и разумной Причины сіи два низайшіе дѣйствовашеля не могутъ дать шѣлу ни малѣйшаго образа; понеже потребно имъ первое дѣйствіе, котораго въ нихъ самихъ не могли мы найти.

И такъ доказано, что необходимо надобно быть во временности дѣйствователю вышшему; и понеже все намъ показываетъ, что есть Причина физическая, невещественная и разумная, начальствующая надъ всѣми дѣлами, которыя Вещество намъ являетъ, то всѣ сіи совокупные доводы должны служить твердо убѣдить насъ. Прейдемъ къ *тройственному числу*, чрезъ которое сія Причина явила въ Стихіяхъ свой Законъ.

Знаю, что не скоро въ томъ со мною согласятся, что я признаю не болѣе *трехъ Стихій*, когда всѣ вообще полагаютъ четыре. Удивятъ многіе, услыша, что я говорю только о *землѣ, водѣ и огнѣ*, умалчивая о *воздухѣ*. И такъ я долженъ изъяснить, для чего надлежитъ въ самомъ дѣлѣ допускать при только Стихи, а для чего воздухъ не въ числѣ ихъ.

Натура показываетъ, что въ шѣлахъ находится три только измѣренія; три только возможные находящіяся раздѣленія во всякомъ Существомъ, имѣющемъ протяженіе; три только находятся фигуры въ Геометріи; три способности, врожденныя во всякомъ Существомъ;

И 2

три

при только міра временныя; при только степени очищенія человѣческаго, или при степени въ истинномъ В. К. Словомъ, въ какомъ ли разсматривай видъ сотворенныя вещи, нигдѣ не можно ничего найти сверхъ трехъ.

Когда же сей Законъ повсюду съ такою точностію усматривается, то для чего же не находишься ему и въ Стихіяхъ, которыя суть основаніе шѣлъ? И какъ бы ему въ сдѣйствіяхъ Стихій явиться, когдабы сами онѣ не были покорены ему? И такъ надлежитъ здѣсь сказать, что самая шѣдность шѣлъ показывается шѣдностію и основаніи ихъ, и противорѣчитъ тому, что сущность ихъ представляющъ въ чешырехъ Стихіяхъ; ибо если бы состояли они изъ *четырехъ стихій*, то были бы нешѣдны, и міръ былъ бы вѣченъ; но какъ они составлены шокмо изъ *трехъ*, то для шого и не имѣющъ быція пошолнаго; понеже не имѣющъ въ себѣ Единицы. Сіе весьма ясно для шѣхъ, которыми извѣстны истинныя Законы чиселъ.

И такъ когда выше сего доказано, что Вещество несовершенно и разрушимо, то необходимость великъ полагать сію рушимость въ сущностяхъ, составляющихъ Вещество, и что число его не можетъ быть совершенное; понеже само Вещество несовершенно.

Не могу я здѣсь не ошзновившся и не предупредишь смяшенія, въ которое могутъ мои
изра-

израженія привести многихъ. Я именую число *три* шлѣннымъ и гибляющимъ; что же будешь сіе *тройственное число*, всѣми шоль благоговѣнно чшимое, что многіе были народы, копорые даље шрехъ и не счисляли?

Я объявляю, что никто вѣще меня не чшишь сего *спящего тройственного числа*; я знаю, что безъ него ничего бы того не было, что видишь человекъ, и что познаешь; я засвидѣтельствую, что по моему мнѣнію оно ошъ вѣка существовало и будешь существовать всегда, и нѣтъ ни единыя во мнѣ мысли, копораябъ сего мнѣ не доказывала; отсюда же почерпну я и ошвѣтъ на настоящее возраженіе, и дерзну сказать моимъ собратіямъ, что сколь ни чтяшь они сіе *тройственное число*, но понятіе ихъ, копорое имѣють о немъ, гораздо ниже того, какое должно бы имѣть; я совѣтую имъ быть осторожнымъ въ своихъ разсужденіяхъ о немъ. Наконецъ то весьма истинно, что *три нахожятся въ единомъ*; но быть не можетъ *едино въ трехъ* безъ того, чтобы такое единое не было подвержено смерти. И такъ мое положеніе ничего не нарушаетъ, и я безъ опасенія могу признавать, что недостаточество Вещества основано на недостаточествѣ числа его.

Совѣтую еще паче моимъ читателямъ различать *спящее тройственное число* ошъ *тройственного числа* дѣйствій во времен-

И 3

ныхъ

ныхъ и чувственныхъ вещахъ; несомнѣнно, что *тройственное*, употребленное въ чувственныхъ вещахъ, рождено, существуетъ и поддерживается вышнимъ *тройственнымъ*; но какъ обоихъ способности и дѣйствія ясна другъ отъ друга оплачены, то не возможно будетъ понять, какимъ образомъ сіе *тройственное* есть нераздѣлимо и выше времени, когда задумать судить о немъ по оному, которое находится во времени; и какъ одно сіе позволено намъ познавать на сей земли, то я въ сей сочиненіи о другомъ почти ничего и не упоминаю.

И для того яропивно было бы моему намѣренію, естли бы захотѣлъ кто вывести заключенія изъ вышесказаннаго мною, и относить ихъ, какимъ бы то образомъ ни было, къ сему высочайшему предмету моего почитанія, развѣ токмо для вящаго увѣренія о превосходствѣ и нераздѣлимости сего *святеннаго тройственнаго числа*. Обращимся къ Стихіямъ.

Я сказалъ, что Воздухъ не въ числѣ Стихіи; понеже въ самомъ дѣлѣ не лзя почесть особливою Стихіею грубую сію жидкость, которою мы дышемъ, которая разширяетъ, или сжимаетъ шѣла, чѣмъ больше, или меньше бываетъ напоена водою, или огнемъ.

Но безъ сомнѣнія въ сей жидкости есть Начало, которое должны мы называть *воздухомъ*.

духомъ. Но оно несравненно дѣйствительнѣе и сильнѣе, нежели Стихій грубыя и земныя, изъ которыхъ тѣла составлены; — что подтверждаютъ безчисленные опыты. Сей Воздухъ есть произведеніе Огня, не сего вещественнаго, намъ извѣстнаго, но Огня, которой произвелъ Огонь и всѣ вещи чувственныя. Однимъ словомъ, Воздухъ необходимо нуженъ къ содержанію и жизни всѣхъ стихійныхъ тѣлъ. Онъ не можетъ пребывать долѣ ихъ; но не будучи, какъ онъ, Вещество, не можетъ быть Стихіею; и слѣдовательно справедливо сказано, что не можетъ онъ входить въ составленіе сихъ самыхъ тѣлъ.

Какое же имѣетъ онъ дѣло въ Naturѣ? Не убоимся сказать, что ему поручено сообщать Существамъ тѣлеснымъ силы и качества сего Огня, которой ихъ произвелъ. Онъ есть возница жизни Стихій, и его только помощію поддерживается ихъ бытіе; ибо безъ него всѣ бы круги возвратились въ центры, изъ которыхъ они произшѣкли.

Но надлежитъ примѣчать, что въ то же время, какъ онъ содѣйствуетъ содержанію тѣлъ, бываешь также главнымъ орудіемъ ихъ разрушенія; и сей всеобщій Законъ Naturы не долженъ уже насъ удивлять: ибо двойственное дѣйствіе, составляющее тѣлесный міръ, научаешь насъ, что не можетъ одно изъ сихъ дѣйствій властвовать иначе, какъ съ управою другого.

И 4

Далѣе

Для сей-то причины, когда Существа тѣлесныя не всѣми своими частными силами пользующся, нужно ихъ предохранять отъ Воздуха, ежели желаетъ кто соблюсти ихъ въ цѣлости. Для сего-то рачительно укрываемы бывають всѣ раны и всѣ язвы, изъ которыхъ бывають такія, для изцѣленія коихъ не требуется иныхъ лѣкарствъ, какъ защита отъ дѣйствія Воздуха; для сего также Живописныя всякаго рода ищутъ покрова, когда хотѣя спать; понеже во время сна Воздухъ сильнѣе надъ ними дѣйствуетъ, нежели во время ихъ бодрствованія, когда всѣ силы ихъ готовы сопротивляться его нападенію и еще обращать оное къ сохраненію своего здравія.

Естьли кромѣ сихъ свойствъ Воздуха желаетъ кто яснѣе видѣть его превосходство надъ Стихіями, то довольно ему замѣшашъ се, что когда Воздухъ сколько можно рачительно отдѣленъ отъ тѣла, то сохраняетъ всегда свою силу и свою упругость, сколь ни насильственные и сколь ни продолжительныя были бы производимы надъ нимъ опыты; для сего должно признать его невреждаемымъ, а се не приличествуетъ ни одной изъ Стихій, которыя разрушаются пошчасъ, какъ только разлучились другъ отъ друга; и такъ для всѣхъ сихъ купно причинъ должно его поставить выше Стихій и не смѣшивашъ съ ними.

Однако могутъ здѣсь мнѣ сдѣлать возраженіе: хотя и не полагаю Воздуха въ числѣ Стихій,
но

но почишаю нужнымъ къ содержанію шѣлъ, и продолженіе бытія его не долѣе ихъ поставляю; сіе самое необходимо, кажется, прибавляешь еще одно Начало къ составу шѣлсныхъ Существъ; и такъ Стихи не будутъ *тропкія*, какъ я прежде утверждалъ. Помощь, изслѣдывая сходство, поставленное мною между Закономъ составленія шѣлъ и числомъ силъ, спротивныхъ шѣла, могутъ заключить, что надлежитъ также умножить и число силъ дѣйствующихъ силъ.

Безъ сомнѣнія. Есть Причина превыше трехъ мною упомянутыхъ временныхъ Причинъ; ибо она и управляетъ ими и сообщаетъ имъ ихъ дѣйствіе. Но сія Причина, властвующая надъ прочими тремя, являетъ себя нашимъ глазамъ чрезъ явленіе ихъ. Она заключила себя во святилищѣ, непроницаемомъ всѣмъ Существамъ, покореннымъ временности, и ея обитель, какъ и ея дѣйствія, суть совершенно внѣ чувственности; и потому не можемъ ее включать въ число трехъ Причинъ, употребленныхъ къ дѣйствіямъ образованія Вещества и ко всякому другому временному дѣйствію.

Сіе - то не позволяло намъ допустить Воздухъ въ число Стихій, хотя онъ купно съ шѣлами, ошъ нихъ раждаемыми, не могутъ жить безъ него ни минушы. Ибо хотя дѣйствіе его необходимо нужно къ содержанію шѣлъ, однако самъ онъ не подверженъ шѣл-

сному зрѣнію, такъ какъ подвержены прочія тѣла и Стихій. Наконецъ въ раздробленіи тѣла видимымъ образомъ находимъ Воду, Землю и Огонь; и хотя несомѣнно знаемъ, что есть тучъ и Воздухъ, однако никогда не можемъ его видѣть; понеже дѣйствіе его есть много чину и иной степени.

И такъ всегда находишь совершенное подобіе между тремя дѣйствіями, нужными къ существованію тѣлъ, и между числомъ трехъ Стихій, составляющихъ тѣла; ибо Воздухъ въ разсужденіи Стихій есть то, что первая и господствующая Причина въ порядкѣ дѣйствій временныхъ, творящихъ тѣла. И какъ сія Причина не смѣшивается съ тремя дѣйствіями, о коихъ теперь говоримъ, хотя и управляетъ ими: такъ и Воздухъ не смѣшивается съ тремя Стихіями, хотя и оживотворяетъ ихъ. И такъ мы основательно можемъ допустить необходимость сихъ трехъ дѣйствій, равно какъ не можемъ не признавать и трехъ Стихій.

При семъ случаѣ намѣренъ я войти въ нѣкоторыя подробности въ разсужденіи всеобщихъ отношеній сихъ трехъ Стихій къ тѣламъ и способностямъ тѣлъ: сіе покажетъ намъ путь къ открытіямъ другаго рода и послужитъ къ вѣщему подтвержденію всѣхъ начальныхъ моихъ положеній.

Анатомисты имѣютъ обычай раздѣлять Тѣло человеческое на три части, то есть Голову, Грудь

Грудь и нижнюю часть Чрева. Безъ сомнѣнія сама Матюра показала имъ сіе раздѣленіе, и тайнымъ побужденіемъ сами они оправдаютъ то, что я намѣренъ сказать о числѣ и разныхъ дѣйствіяхъ трехъ разныхъ Началъ стихійныхъ.

Вопервыхъ находимъ, что въ Чревѣ содержатся и обрабатываются Начала сѣмляныя, потребныя къ произведенію человѣка. Но какъ извѣстно, что дѣйствіе меркурія (ртутіи) есть основаніе всякаго вещественнаго образа, то и неспрудно увидѣть, что Чрево, или нижняя часть Чрева, представляетъ намъ точное изображеніе дѣйствія Стихіи меркуріальной.

Вовторыхъ, Грудь заключаетъ въ себѣ сердце, или средоточіе крови; то есть Начало жизни, или дѣйствія тѣла. Но извѣстно, что огонь, или сѣра есть начало всякаго произрастѣнія и всякаго произведенія тѣлеснаго; и такъ довольно ясно симъ показывается отношеніе Груді, или втораго Чрева къ Стихіи сѣрной.

Что касается до третіей части, или Головы, она содержитъ въ себѣ источникъ и первоначальную сущность Нервъ, которыя въ одушевленныхъ тѣлахъ суть орудія чувствительности; но извѣстно, что соли также свойство есть дѣлать все чувствительнымъ; изъ чего ясно видѣть можно совершенное сходство между ихъ качествами; и такъ Голова имѣетъ неоспоримое отношеніе къ
тре-

претѣй Спихін, или къ соли, что весьма сходно съ ученіемъ Физіологовъ о мѣстѣ и источникѣ нервной жидкости.

При всемъ томъ сколь ни правильны сіи раздѣленія, и сколь ни справедливы ихъ отношенія къ претѣ Спихіямъ, весьма бы ограниченное долженъ имѣть зрѣніе томъ, кто не усмотрѣлъ бы въ нихъ нѣчто болѣе. Ибо кромѣ того, что Голова содержитъ въ себѣ Начало и орудія чувствительности, не можно ли увидѣть, что она еще снабдна всѣми органами, которыми животное можетъ различать вещи полезныя себѣ, или вредныя; и потому особенную имѣетъ должность соблюдать въ невредимости свое Нераздѣлимое? Не усматривается ли также и въ Грудѣ, что кромѣ средоточія крови находящагося еще вмѣстѣлище воды, или сіи ноздреватыя части внутренности, которыя собираютъ воздушную влагу, и ее сообщаютъ огню, или крови, дабы умѣрять ее жаръ?

И такъ не нужно было бы прибѣгнуть къ Головѣ, чтобы найти наши три Спихіи; можно бы видѣть ясно всѣ три въ нижнихъ двухъ частяхъ. Что же касается до Головы, то хотя она и спихійная, однако увидѣли бы, что она какъ по ея орудіямъ, которыми она снабдна, такъ и по мѣсту своему господствуетъ надъ ними, занимаетъ средоточіе треугольника и содержитъ его въ равновѣсіи. Сими способомъ избѣгли бы мы сего всеобщаго

го заблужденія, которое смѣшиваетъ вышнее съ нижнимъ и дѣйствительное со срадагельнымъ; ибо различность сихъ свойствъ начертана ясно даже и на Веществахъ. Но сіи познанія столь высоки, что не могущъ быть открыты всѣмъ.

Сего-то не усмотрѣли Анатомисты; ибо, ослучивъ свою Науку отъ всеобщей связи Знаній, какъ учинилъ человекъ и съ прочими науками, вздумали, что можно разсматривать тѣла и части тѣлъ каждое въ особенностяхи, и увѣрили себя, что выдуманная ими раздѣленія не имѣютъ никакого отношенія къ Началамъ вышней степени.

Однако въ показанномъ мною раздѣленіи нашли бы они осязательное изображеніе *четвертаго числа*, то есть того, безъ котораго не лзя ничего познать; понеже, какъ увидимъ въ слѣдующемъ, оно есть всеобщая эмблема совершенства.

Но теперь я ничего болѣе не скажу о семъ числѣ, дабы не удалился отъ моего предложенія; довольно и упомянуть о немъ, а предложу иные Истинны, относительныя къ расположенію разныхъ Началъ стихійныхъ въ Тѣлѣ человеческомъ, равно какъ и во всѣхъ прочихъ Тѣлахъ.

Когда Примѣчатели съ такою речностію желали познать происхожденіе вещей, то напрасно

прасно было искать онаго внѣ себя и внѣ отдаленности, а надлежало бы обратить взоръ на самихъ себя: Законы собственного тѣла показали бы имъ и тѣ Законы, которые родили все, что родилось: увидѣли бы они, что происходящее въ груди ихъ противоборствіе сырѣи и соли, или огня и воды, поддерживаетъ жизнь Тѣла, и что ежли кошорого нибудь изъ сихъ дѣйствовавшихъ не спанетъ, то и Тѣло перестаетъ жить.

Потомъ, примѣривъ сіе примѣчаніе ко всему, что имѣетъ тѣлесное бытіе, познали бы они, что сіи два Начала противоположностію своею и страженіемъ составляютъ жизнь и обращеніе тѣлесное всея Нашуры; и сего довольно было бы знать; человѣкъ имѣетъ въ себѣ всѣ средства, равно какъ и всѣ доказательствъ Наукъ; ему нужно только разсматривать самаго себя, чтобы узнать, какъ произошли вещи.

Но надлежитъ также примѣнить, что симъ двумъ силамъ, столь враждебнымъ между собою, необходимо нуженъ посредникъ, который былъ бы преградою ихъ дѣйствіямъ и препятствовалъ бы взаимному ихъ одолѣнію; ибо иначе все бы уничтожилось. Сей посредникъ есть Начало меркуріальное, основаніе всякаго тѣлеснаго состава, съ кошорымъ совокупясь оба прочія Начала, стремятся къ единой цѣли; онъ, вездѣ съ ними неопуступно пребывая, принуждаетъ ихъ дѣйствовать по предписанному порядку, то есть производить и содержать образы Тѣла.

Ради

Ради сей гармоніи тѣло животныхъ ощущаетъ безболѣзненно дѣйствование воды чрезъ Легкое и дѣйствование огня чрезъ кровь; понеже тотъ Законъ, коего блюстителемъ есть меркурій, правитъ сими дѣйствіями и размѣряетъ пространство ихъ.

Ради сея же самыя гармоніи земной шаръ пріемлетъ дѣйствіе жидкостей чрезъ поверхность свою, а дѣйствіе огня чрезъ центръ свой, не ощущая отъ того никакого въ себѣ неустройства; понеже тотъ же Законъ и землю управляетъ.

Нѣтъ нужды повторять, что сіи для примѣра показывающіе, что свойство жидкости есть умѣрять жаръ огня, которой бы безъ сего вышелъ изъ предѣловъ, какъ и видимъ примѣръ въ волнованіи крови животныхъ и во всѣхъ изрыганіяхъ подземнаго огня. Ибо не лзя не почувствовать, что когда бы сіи разные огни не умѣряемы были жидкостію, проникающею до самаго центра, то не было бы границъ дѣйствію ихъ, и они воспламеняли бы попеременно всю Тѣла и всю Землю.

Ради сей-то причины животное дышаетъ, а земля подвержена приливу и отливу своей водяной части; ибо животное дыханіемъ принимаетъ въ себя жидкость, которая орошаетъ кровь его, сверхъ иной жидкости, которую онъ въ пищу и питія принимаетъ. И земля приливомъ и отливомъ принимаетъ во всю свои части влагу и соль, нужную къ орошенію ея сѣры, или Начала ея растѣніи.

Не

Не говорю я, какимъ образомъ растѣніе и минералы получаютъ свою влагу: понеже они совокуплены съ землею, то естественно должно имъ получать пищу и развареніе оныхъ отъ своей матери; ибо откуда имъ взять воду для своего орошенія, которая бы не земля принадлежала?

Оставимъ здѣсь нашихъ читателей дѣлать сравненія со всемъ шѣмъ, что сказано имъ было о Причинѣ, дѣйствующей и разумѣющей; пусть примѣчаютъ, что ежели все исходитъ отъ единыя руки, то уповашельно, что Законъ разумный и Законъ шѣлесный одинакое теченіе имѣютъ каждой въ своей отдѣленной части и въ дѣлѣ, ему собственномъ. Пусть они познаютъ наконецъ, что ежели вездѣ есть *летучее*, надлежитъ быть и *неподвижному*, дабы удерживать первое. А мы между шѣмъ не престанемъ показывать, для чего шоль изящныя сравненія почти всегда забвенны были отъ Примѣчателей.

Для того, что не только не разпознали они дѣйствовавшей и Законовъ въ двухъ различныхъ отдѣленіяхъ Существъ, но не усмотрѣли даже, какъ выше мы сказали, дѣйствовавшей и Законовъ различныхъ въ томъ же отдѣленіи; что разлучая всѣ вещи и изсѣдывая каждую порознь, видѣли ихъ одинаковыми и отдѣленными, и не были шоль-ко мудры и разумны, дабы подумать объ отношеніяхъ ихъ съ другими вещами.

На

На примѣръ, они еще не изобрѣли довольно изъясненія приливу и отливу, о коихъ я недавно говорилъ, отъ того единственно, что не отстали отъ вредной привычки разсѣивать науку и разсмащивать каждое Существо въ особенности.

Ибо ежели бы не опіяли они у Вещества Начала его и не перемѣшали обоихъ; ежели бы отъ сего самаго Начала не оплучили Закона вышшаго, дѣйствительнаго и разумнаго, временнаго и физическаго, которой долженствуешь направлять все его теченіе, увидѣли бы что никакое тѣлесное Существо не можетъ обойтись безъ сего Закона; слѣдственно и Земля, какъ и всѣ тѣла, состоить подъ нимъ; увидѣли бы, что надъ сею Землею является существенно могущество двойственнаго Закона, неопытно нужнаго къ бытію всякаго Существа, тѣломъ вещественнымъ одареннаго.

Но изъ прежде реченнаго знаемъ, что одинъ изъ сихъ двухъ Законовъ существенно содержится въ Началѣ тѣлесномъ всякаго Существа, имѣющаго образъ, всеобщаго, или частнаго; а второй отъ него приходитъ: и такъ надлежитъ сему второму Закону быть внѣ Земли, какъ и внѣ всѣхъ тѣлъ, хотя онъ необходимо нуженъ къ бытію ея, такъ же и къ бытію ихъ.

Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ двойномъ движеніи сердца, находящагося въ животномъ

номъ человѣкъ, усмотримъ присутствіе двухъ дѣйствователей, тѣсно сопряженныхъ между собою, управляемыхъ Причиною физическою вышшею, и являющихъ поочередно свое дѣйствіе, осязательное для тѣлесныхъ глазъ. Извѣстно, что сіе явленіе силъ ихъ имѣетъ сходство съ четырью перемѣнами Луны, во время которыхъ огненное солнечное дѣйствіе измѣняетъ силу свою на тояную часть вселенныя.

Хотя сихъ двухъ дѣйствователей познаемъ мы токмо изъ ихъ осязательнаго дѣйствія, равно какъ и Начала тѣла познаемъ только по ихъ тѣлесному произведенію, или по внѣшнему ихъ обложенію; при всемъ томъ неизвинительно сомнѣваться о ихъ силѣ; понеже дѣла ихъ показываютъ се неоспоримымъ образомъ.

И такъ сіе явленіе прилива и отлива есть не иное что, какъ дѣяніе въ большемъ видѣ представленное сего двойственнаго закона, которому всякое тѣло вселеннаго неопредѣленно покорено.

Къ сему присовокуплю и то, что понеже мы видимъ въ теченіи и во всѣхъ дѣлахъ Натуры толикую правильность, и чувствуемъ при томъ, что тѣлесныя Существа, ея составляющія, не могутъ имѣть разумныя: то надлежитъ заключить, что находится во временности рука мощная и просвѣщенная, пра-

правительница ихъ, рука дѣйствующая и поставленная надъ ними ошъ споль же Истиннаго Начала, какъ она сама, слѣдственно неслѣпная, саможивотная, и что Законъ, истекающій какъ ошъ нея, такъ и ошъ онаго Начала, есть правило и мѣра всѣхъ Законовъ, дѣйствующихъ въ тѣлесной Намурѣ.

Знаю, что сколь ни ясны сѣи истинны, но послѣку онѣ въ чувствахъ, по трудно имъ получить доступъ къ Примѣчашелямъ, имъ современнымъ; ибо они, погружаясь въ чувственныхъ вещахъ, потеряли чувствительность къ тому, что не есть чувственное.

Но какъ путь, избранный ими конечно меньше доставляетъ имъ просвѣщенія, нежели показуемый мною, то не умолкну совѣтовать имъ, чтобы причины чувственныхъ вещей искали они паче въ Началѣ ихъ, а не Начало въ вещахъ чувственныхъ; ибо ежели ищутъ Начала Истиннаго и существеннаго, то какъ можно найти его въ наружности? Ежели ищутъ Начала неразрушимаго, то какъ найти его въ томъ, что есть соспавное? Однимъ словомъ, ежели ищутъ Начала саможизненнаго, то какъ найти его въ существѣ, имѣющемъ жизнь зависимую, которая должна кончиться; какъ скоро временное дѣло ея исполнено?

Но я одну только вещь скажу сямъ упрямимъ Искашелямъ химеръ: ежели непремѣнно

желаютъ они, чтобы чувства ихъ понимали, то да начнутъ прежде искать чувствъ говорящихъ; ибо симъ единымъ средствомъ можно снискасть имъ разумніе.

Сей доводъ послѣ будетъ у насъ начальнымъ положеніемъ; онъ дастъ уразумѣть людямъ истинный способъ достигнуть ихъ познаній, которыя должны быть единственною цѣлю ихъ желанія: а между тѣмъ не обѣнимся взглянуть на нѣкоторыя части Натуры, которыя наилучшимъ образомъ могутъ доказать Примѣчателямъ достоверность тѣхъ различныхъ Законовъ, которыя мы имъ предлагаемъ; здѣсь они сами собою убѣждены будутъ въ Истиннѣ тѣхъ Причинъ, которыя выше ихъ чувствъ; понеже увидятъ, что счисленіе ихъ начертано на чувственныхъ вещахъ ощутительнымъ образомъ.

Меркурій, какъ я выше сказалъ, есть вообще посредникъ огня и воды, которыя, какъ враги непримиримые, не могли бы никогда согласно дѣйствовать безъ посредствующаго Начала; понеже сіе посредствующее Начало, занимствуя отъ существа обоихъ, когда ихъ разлучаетъ, въ то же время и сближаетъ другъ съ другомъ; и такимъ образомъ направляетъ ихъ свойства къ пользѣ тѣлесныхъ Существъ.

И такъ въ Натурѣ, равно какъ въ частныхъ тѣлахъ, есть Меркурій воздушный,
ко-

который ошлушаетъ происходящій изъ земляной части огонь ошъ жидкости, долженствующей излиться на поверхность Земли; понеже прежде паденія сего жидкости воздушный Меркурій очищаетъ ее и располагаетъ такъ, чшобъ она сообщила Землѣ благія шокмо свойства; ошъ чего рождаются благотворное качество росы и ея превосходство надъ недромъ дня и надъ шумаомъ, которые оба суть жидкости, худо очищенные.

По причинѣ сего всеобщаго свойства Меркурій во всѣхъ тѣлахъ держитъ средину между двумя враждебными Началами, огнемъ и водою, исполняя въ произведеніи тѣлъ и въ составленіи то же дѣло, какое Причина дѣйствительная и разумная исполняетъ во всемъ, что существуетъ, содержа въ равновѣсіи два Закона дѣйствія и противудѣйствія, на которыхъ состоитъ Вселенная.

Доколѣ Меркурій занимаетъ сѣ мѣсто, дошолѣ благосостояніе частнаго Существа не-вредимо; ибо сія стихія умѣрлетъ общеніе огня съ водою: когда же напротивъ оба сіи Начала получаютъ способъ преодолѣть, или разорвать свои узы, и сойдутся, тогда сражаются всѣми природными своими силами, и производятъ величайшія неустройства и разоренія въ Существо, которое изъ нихъ составлено; понеже въ борьбѣ ихъ непремѣнно надлежитъ одному преодолѣть другого и разрушить равновѣсіе.

Громъ есть совершеннѣйшее для насъ изображеніе сея истинны. Извѣстно, что онъ рождается отъ соляныхъ и сѣрныхъ испареній Земли, которыя, извлечены будучи изъ природнаго ихъ жилища дѣйствіемъ солнца, а земнымъ огнемъ наружу изгнаны, поднимаются въ воздухъ, гдѣ Меркурій воздушный вбираетъ ихъ въ себя и облаиваетъ, подобно какъ въ произведенномъ чрезъ искусство порохъ уголь проникаетъ и облаиваетъ собою сѣру и селитру.

Въ семъ случаѣ Меркурій воздушный не помѣщаетъ себя межъ двухъ Началъ, составляющихъ пары; потому что слишкомъ былъ бы онъ дѣйствующъ, находясь въ семъ мѣстѣ, а притомъ, будучи вышшей степени, нежели они, не можетъ съ ними вмѣстѣ составлять единого шѣла. Но онъ облаиваетъ ихъ и заключаетъ въ себя по природному стремленію сжимаетъ себя въ сферической и круглой видъ и по неслучному его свойству все связываетъ и все обымаетъ.

Къ сему же имѣетъ онъ и другую способность весьма примѣчательную, то есть, дѣлается непостижимымъ намъ образомъ, такъ что самый малѣйшій шарикъ изъ сихъ соляныхъ и сѣрныхъ паровъ находитъ себя въ его частицахъ довольно вмѣстилище. Сіе-то собраніе шариковъ производитъ облака, или массу перуновъ.

Но

Но какъ въ семъ рожденіи грома не можемъ мы не познавъ нашихъ двухъ дѣйствователей, совершенно отличенныхъ другъ отъ друга, то есть соли и сѣры, и сверхъ того изображенія вышшаго дѣйствовавшаго, или сего воздушнаго Меркурія, которой связываетъ двухъ первыхъ: то ясно видимъ, что необходимо нужны всѣ сіи разныя сущности для произведенія какого либо сослага; и сего показываешь намъ единое Вещество.

Но того недовольно, что мы находимъ здѣсь истинные знаки всѣхъ Началъ, на которыхъ учреждены всеобщіе Законы Существъ; надлежитъ еще найти ихъ въ разныхъ дѣйствіяхъ и въ многообразности произведеній, которыя рождаются отъ смѣшенія сихъ сипидныхъ Сущностей.

Примемъ щеперь въ разсужденіе громовыя облака, яко соединеніе токмо дрякаго рода паровъ, то есть земныхъ и воздушныхъ; но ежели бы не было такой силы, которая бы разгорячила ихъ и привела въ закисаніе, то никогда не увидѣли бы мы воспаленія ихъ. И такъ необходимо надлежитъ допустить внѣшній жаръ, которой сообщился бы двумъ веществамъ, заключеннымъ въ Меркуріальномъ имѣстиищѣ, и которой бы раздѣлялъ съ трескомъ всѣ солныше и сѣрные шары, находящіеся въ сихъ облакахъ; сей жаръ есть ошущительное снѣдѣтельство всѣхъ Началъ, которыя мы прежде утвердили, и ко-

шорыя легко могутъ читатели снести съ перешнмъ предложентемъ.

Но дабы шѣмъ удобнѣе учинить имъ сіе, не бесполезно будетъ разсмотрѣть разныя свойства соли и сѣры, которыя оказывающія въ громовомъ ударѣ; ибо чрезъ сіе можемъ подать нѣкоторое понятіе о двухъ главныхъ Законахъ Натуры, послѣку соль и сѣра суть органы и орудія сихъ двухъ Законовъ.

Внѣшній жаръ дѣйствуетъ, какъ мы уже видѣли, на Вещества, составляющія тучу; раззоряетъ меркуріальный ихъ покровъ, который по естеству своему способенъ къ раздѣлимости, проникаетъ до внутренности двухъ Существъ, и зажигаетъ сѣрную часть, которая отражаетъ и отдаляетъ сильно соляную часть, коея присоединеніе было противно истинному ея Закону и дѣлало болѣзнь въ Натурѣ.

При такомъ вспыхѣ Меркурій раздробляется въ столь мѣлкія части, что все, что заключалъ онъ въ себѣ, выходитъ опять на свободу; самъ же послѣ сего совершеннаго разрѣшенія упадетъ съ жидкостію на поверхность земли; и для того то дождевая вода болѣе имѣетъ свойствъ, нежели прочія воды; понеже она болѣе упоена Меркуріемъ; а сей Меркурій гораздо чище Меркурія земнаго.

И такъ вся сія перемѣна производится на прочихъ двухъ сущностяхъ, то есть на
тѣхъ,

нѣхъ, которыя въ Натурѣ тѣлесной суть знаки двухъ Законовъ и двухъ Началъ безтѣлесныхъ. И потому всѣ въ громѣ происходящія дѣйствія основаны на разныхъ смѣшеніяхъ сихъ двухъ Веществъ.

Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что огонь, будучи Начало всякаго дѣйствія стихійнаго, собираетъ пары земные и небесные, изъ которыхъ составляетъ перунъ; онъ же приводитъ ихъ въ кипѣніе, и потомъ раздробляетъ ихъ; и такъ огню должно приписать рожденіе и возженіе перуна.

Что касается до шума, происходящаго отъ возженія перуна, оный не иному чему приписать можно, какъ ударенію соляной части о столбы воздуха; понеже огонь самъ по себѣ не можетъ издавать шуму; что легко видѣть можно, когда онъ дѣйствуетъ на свободѣ; и хотя огонь есть Начало всякаго стихійнаго дѣйствія, однакожъ ни одно изъ сихъ дѣйствій не было бы чувствительно въ Натурѣ безъ соли: цвѣтъ, вкусъ, запахъ, звукъ, магнитная сила, электрическая сила, свѣтъ, все сіе показываетъ себя и является чрезъ нее: для сего то не можемъ сомнѣваться, чтобы она не была также орудіемъ и громоваго шуму; поелику чѣмъ болѣе Вещество перуна напоено соляными частями, тѣмъ сильнѣе удары его и сверканье.

Не можемъ также сомнѣваться, что соль имѣетъ втеченіе въ цвѣтъ молніи, которой

бѣже бываетъ, когда соль господствуетъ, ижели когда сѣра преизобилуетъ.

Наконецъ столь справедливо то, что соль есть орудіе всѣхъ чувствѣнныхъ дѣйствій, что перунъ опасѣе тогда бываетъ, когда изобиуетъ солями; понеже возгараніе его, будучи сильнѣе, производитъ удары крѣпче и раззоренія ужаснѣйшія.

Впрочемъ сіе возгараніе отъ изобиліанія соли бываетъ почти всегда въ нижнѣйшей облака, какъ въ грубѣйшей, менѣе подверженной жару, и слѣдовательно способнѣйшей къ замерзанію, отъ чего и бываетъ градъ.

Напрощивъ, когда перунъ изобилуетъ сѣрою, гремѣніе его не бываетъ столь рѣзко и отрывисто, молнія краснаго цвѣту, и огонь рѣдко достигаетъ до насъ своимъ дѣйствіемъ; понеже тогда обыкновенно вспыхиваетъ вверху по причинѣ слабости сея части облака, и по природному свойству огня стремится вверху.

Для того-то думаютъ, что при всякомъ ударѣ падаетъ перунъ на землю, хотя не всегда имѣемъ очевидное тому доказательство. Для сего также, зная вещества, изъ коихъ состоятъ перунъ, можно узнавать, на которую часть земли можетъ онъ падать, понеже всегда онъ стремится къ сходственнымъ себѣ веществамъ; однакожъ не лзя опредѣлить той самой точки, на которую упа-

упадетъ; ибо для сего надобно совершенно знать путь его стремленія; но въ сраженіи и борьбѣ всѣхъ сихъ разныхъ веществъ направленіе пути переиждется ежеминутно.

Здѣсь ясно видимъ дѣло двойственнаго дѣйствія Натуры. При всемъ томъ всѣ разныя сіи ударенія, толико безпорядочныя по наружности, ежели разсматривать ихъ ближе, равно какъ и всѣ прочія дѣйствія шѣлесныя, представляютъ намъ постоянный Законъ Причины, правящей ими; паче же въ семъ стремленіи веществъ грома къ веществамъ, имъ сходственнымъ, сія причина являетъ свое могущество и свойство.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы перунъ стремился къ такой части земной, въ кошорой бы могъ онъ потерять свое сообщеніе съ воздушными столбами, напоенными шѣма же веществами: то бы стремленіе его пресѣкалось и онъ бы угасъ въ точкѣ паденія своего, когда бы сошлѣло все вещество его. Для сего-то причины перунъ никогда не поднимается вверхъ, ежели упадетъ въ глубокія воды; ибо тогда пресѣкается свободное сообщеніе его съ Воздухомъ, и онъ шамъ не находитъ сходственныхъ себѣ веществъ.

Но когда путь его стремленія идетъ по воздушнымъ столбамъ, опягченнымъ веществами, ему сходными, тогда пробѣгаетъ онъ ихъ съ большимъ, или меньшимъ усугубленіемъ силъ своихъ,
по

по количеству встречающейся ему сходной пищи. И такъ можешь онъ посредствомъ всѣхъ сихъ способъ, изъ коихъ состоитъ атмосфера, проложить весьма быстро разныя дороги, и даже весьма противуположныя другъ другу: равно какъ долженъ онъ обратить свой бѣгъ, когда найдетъ противныя себѣ вещества, или такое мѣсто, гдѣ воздухъ не имѣетъ исхода; понеже шаковый воздухъ, будучи непроницаемъ, дѣлаетъ ему непреодолимое сопротивленіе; слогомъ, онъ не прежде остановится, какъ не найдетъ уже болѣе веществъ для своего питанія; и когда, кажется, уже пресѣкается его теченіе, ежели встрѣятся новыя вещества, сходныя ему, воспріимаетъ онъ силы свои и производитъ новыя дѣйствія.

Вотъ оцъ чего теченіе его кажется бытъ столь непорядочно и вообще столь непонимно; однако не лзя отрицать, что и въ самой сей несправильности есть Законъ; понеже всѣ Начала, доселѣ показанныя, свидѣтельствуютъ о томъ, и всѣ ихъ произведенія являютъ его; и такъ изъ минуш, въ которую бы сѣд Натура себѣ самой была оставлена, и въ которую бы она могла сдѣлать хоть одинъ шагъ безъ сѣд Причины, которая поставлена управлять ею.

Я скажу только одно слово къ тому, о чемъ мы теперь только говорили. Вообще думаешь, что кто увидитъ молнію, тому неопасенъ громовой ударъ. Посмотримъ, какого вѣроятія достойно сіе мнѣніе.

Еще

Если бы въ воздухѣ былъ одинъ только столбъ и однажды бы возжигался перунъ, то по истиннѣ, кто увидѣлъ молнію, тому не опасенъ былъ бы ударъ, который съ нею сопряженъ; ибо Время небесное столь скоро, что не можешь быть примѣчено на Землѣ.

Но какъ воздушные столбы, опягченныя веществами, сходнымъ перуну, бывающъ въ не маломъ числѣ, то можно избѣжать отъ всяку перваго столба и не избавишься втораго, ниже всѣхъ шѣхъ, которые послѣ усмотренной уже молніи восплаются; понеже перунъ не прекратишь своего бѣга, покажется встрѣчашъ будешь столбы, удобные къ его нишанію.

Тогда человѣкъ, который усмотрѣлъ первое блистаніе молніи, напрасно почитаетъ себя въ безопасности, доколѣ не обойдетъ молнію всего ряда вспыховъ предлежащихъ ей.

Однакожъ то правда, что сіе мнѣніе не безъ основанія, и по нѣкоторому отношенію не лзя его оспаривать; ибо не бываетъ молніи безъ вспыху, а шѣмъ паче не бываетъ вспыху безъ молніи; а какъ между ими нѣтъ почти никакого разстоянія времени, въ которое можешь человѣкъ пораженъ быть отъ перваго вспыху, или отъ послѣдняго: то явственно, что онъ не увидишь сверканья того вспыху, коего ударомъ пораженъ будешь:

Сия

Сии примѣчанія натуральныя сколь сами по себѣ ни маловажны, однако показались мнѣ весьма способными, чтобы начертать челоѣку повсемественность того Начала, къ которому долженъ онъ прилѣпяться, ежели желаетъ *знать*: къ сему примолваю только то, что изъ всего того, что я предложилъ, читатель легко дознается, какимъ средствомъ предохранять себя отъ грома. Оно состоитъ въ томъ, чтобы прѣвѣ столбы воздушные всякаго положенія, то есть и горизонтальныя и перпендикулярныя и прогнать къ краямъ устремленіе перуна; ибо тогда находяся въ ередшочіи, не лѣзя опасаться, чтобы оной при-
бавился.

Не скажу я причины сему, дабы не ошѣстунить отъ моей обязанности; пусть читатели сами изыскиваютъ ее; я же прошу ихъ размыслить о томъ, что прочитали о разныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ Стихій, равно какъ и о Законахъ, правящихъ ими, хотя оныя по наружности кажутся бытъ въ величайшемъ неустройствѣ; они безъ сомнѣнія заключатъ изъ сего, что хотя не могутъ усмотрѣть Причинъ и дѣйствователей, блюстителей сихъ Законовъ, однако не возможно отрицать существованія ихъ. Станемъ продолжать наше изслѣдованіе, и докажемъ самымъ челоѣкомъ дѣйствительное бытіе Причинъ вышнихъ, или отъмѣнныхъ отъ чувственнаго.

Выше

Выше сего учиненныя показанія о сходствѣ шрехъ Стихій съ шремъ разными качествами шѣла человѣческаго, могутъ относительно къ человѣку имѣть изъясненіе вышшее и достойное человѣка, которое шѣмъ паще должно быть ему пріятно, что прямо относится къ его Существу, и покажетъ ему различіе способностей его чувственныхъ и способностей разумныхъ, или лучше сказать, способностей его страдательныхъ и способностей дѣйствительныхъ.

Отъ невѣднія сихъ вещей болышею частью люди впади во всѣ Заблужденія о собственномъ ихъ еществѣ; и ради шого, что не усмотрѣли они весьма дѣльныхъ неравностей, не имѣющъ еще первыхъ поняшій о Существѣ своемъ.

Ибо истинная причина, по которой они почли себя подобными скошамъ, есть безъ всякаго сомнѣнія та, что не различили они разныхъ своихъ способностей. И такъ смѣшавъ способности Вещества со способностями умными, не познали они въ человѣкѣ болѣе, какъ единое Существо, а потому и единое токмо Начало и единое ество во всемъ, что существуетъ: такимъ образомъ человѣкъ, скошы, камни, вся Натура, для нихъ суть одинавія Существа, отличающіе другъ отъ друга токмо по составу и расположенію органовъ своихъ и по наружному образу.

Не

Не повторю я здѣсь того, что при началѣ сего сочиненія уже сказалъ о разности врожденныхъ дѣйствій въ Существахъ, равно какъ и о разности всего Вещества и его Начала; изъ чего можно было ясно видѣть, сколько шѣ заблуждали, которые смѣшали всѣ сіи вещи. Но прошу моихъ читателей примѣнить со вниманіемъ, что происходитъ въ сколахъ, которымъ приличествуетъ, какъ и человеку животному, раздѣленіе ихъ образа на три различныя части, и разсмотрѣвъ, не можешь ли намъ каждое изъ сихъ трехъ отдѣленій показать способности, точно разныя, хотя и одному Существу они принадлежатъ, и хотя всѣ имѣютъ цѣлю и концемъ своимъ вещественность.

Кому, въ самомъ дѣлѣ, не извѣстно, что все учреждено по *нѣсу*, *числу* и *мѣрѣ*? Но въсѣ не есть число, число не мѣра, и мѣра не есть ни которое изъ первыхъ. Да будешь же мнѣ позволено, сказать, что *число* есть то, что рождаетъ дѣйствіе; *мѣра* есть, что учреждаетъ его; а *нѣсѣ* то, что производитъ его. Но сіи три слова хотя могутъ вообще ко всему быть прилагаемы, однако безъ сомнѣнія не должны служить то же значить и въ Животномъ и въ Человѣкѣ, одаренномъ умомъ: но шѣмъ не менѣе, если три части шѣла Животнаго основаны на сихъ трехъ Началахъ, должны мы найти ихъ отношеніе къ каждой части.

Посредствомъ органовъ, находящихся въ головѣ, Животное приводитъ въ движеніе Начало

чало своихъ дѣйствій; почему и должно отнести число къ сей части шѣла.

Сердце, или кровь, способно бываетъ къ чувствованію, больше, или меньше сильному, по мѣрѣ силы и по сложенію шѣла животнаго; а какъ пространствомъ сего чувствованія опредѣляется и пространство дѣйствія въ чувственной части; для того мѣра приличествуетъ второму ошдѣленію шѣла животнаго.

Наконецъ чрева дѣло есть, по славъ крошкаго Закона Натуры, разваривать пищу въ желудкѣ, а въ нѣдрахъ приготавливать сѣмена возродительныя. Для сей причины мѣра долженъ относиться къ сей шретіей части, которая купно съ прочими двумя составляетъ существенно всего животнаго.

Понеже мы не можемъ не почувствовать разнаго свойства сихъ шроякаго роду дѣйствій, то необходимо должно признать существовавшую разность и между способностями, являющимися оныя. Пришомъ не можемъ отрицать, что сіи разныя способности вмѣщены въ одномъ Существѣ; и посему не лзя не признаться, что хотя сіе Существо составляетъ единое нераздѣлимое, но шѣмъ не менѣе явствуетъ, что въ немъ не есть все одинаково, что способность возрастать не есть та, которая дѣлаетъ его чувствительнымъ; а сія не есть та, которою Существо производитъ и исполняетъ свои дѣй-

К

ствія

ствія по мѣрѣ своея чувствительности, и что каждое такое дѣяніе имѣетъ на себѣ свой знакъ отличительный.

Пренесемъ сіе примѣчаніе и къ человеку: мы чрезъ сіе можемъ предохранить его отъ ужаснаго того замѣшательства, въ которое тѣшась ввергнутъ его. Ибо ежели примѣчено уже, что въ человекѣ всѣ, число и мѣра представляющіе способности не токмо разныя между собою, но безконечно вышшія тѣхъ, которыя въ Веществѣ чрезъ сіи три Закона намъ явлены; то по справедливости можемъ изъ сего заключить, что Существо, одаренное таковыми способностями, весьма разнствуетъ отъ Существа тѣлеснаго; а познавъ сіе, неизвинительно будетъ смѣшивать одно съ другимъ.

Всякъ легко согласишся на то, что три упомянутыя раздѣленія, могутъ приложены бытъ къ человеку въ отношеніи къ тѣлеснымъ его дѣйствіямъ, какъ и ко всякому Животному; ибо человекъ въ сей части есть Животное. Можетъ онъ, какъ Животныя, помощію органовъ, въ головѣ находящихся, являть свои способности и дѣла Животныя. Онъ ощущаетъ, подобно имъ, чувствованія въ сердцѣ и также, какъ онъ, ощущаетъ въ чревѣ тѣ дѣйствія, которыми по тѣлеснымъ Законамъ покорены всѣ Животныя, ради своего сохраненія и ражданія.

И такъ въ семъ разумнѣи въсѣ, число и мѣра принадлежатъ ему столь же существенно и точно такъ, какъ всякому другому живому.

Но послѣ сего не возможно уже сомнѣваться, чтобъ сіи три знака не имѣли въ человѣкѣ и такихъ содѣйствій, каковыхъ ни малѣйшаго слѣда не представляютъ всѣ свойства Вещества.

Ибо въпервыхъ хотя мы согласились, что всѣ мысли нынѣшняго человѣка приходятъ къ нему отъвне: однакожъ не лѣзя и въ томъ спорить, что внутреннее дѣяніе и сознаніе сихъ мыслей происходятъ внутрь его и независимо отъ тѣлесныхъ чувствъ. Въ сихъ внутреннихъ дѣяніяхъ найдемъ мы совершенное изображеніе сихъ трехъ знаковъ: *числа*, *числа* и *мѣры*; откуда уже потомъ ищемъ всѣ дѣянія чувственныя, на которыя человѣкъ рѣшится по силѣ своей свободы.

Первый изъ сихъ знаковъ есть *число*, которое прилагаемъ мы къ мысли, яко Начало и подлежащее, безъ котораго никакое послѣдующее дѣяніе не могло бы состояться.

Послѣ сего мысли находимъ въ человѣкѣ волю добрую, или злую, и которая одна есть мѣрило его поведенія и сообразности съ правосудіемъ; чего ради причисле всего кажется сей волю второй знакъ, или *мѣра*.

К 2

Внѣшнѣ

Встрѣхъ, отъ сея мысли и отъ сея воли рождается дѣяніе, сходственное съ ними; и сему дѣянію, какъ плоду оныхъ, должно приложить третій знакъ, или пѣсѣ. Однакожъ сіе дѣяніе бываетъ внутри чловѣка, какъ и мысль и воля: правда, что въ послѣдствіи рождается отъ него дѣяніе чувственное, которое представляеть взору шѣлесному порядкъ и печеніе всего того, что происходило въ разумъ; но понеже союзъ внутренняго сего дѣянія съ произшедшимъ отъ него чувственнымъ дѣяніемъ есть истинное таинство чловѣка; для того не могу я далѣе о немъ говорить, не наруша скромности и не подвергаясь опасности; и хотя послѣ, когда буду разсуждать о языкахъ, я говорю и о семъ, однако съ осторожностію.

Но сіе не прешашсвуешь признашь со мною во внутреннемъ, или разумномъ чловѣкѣ вѣсѣ, число и мѣру, изображенія Законовъ, на которыхъ все основано; и хотя признали мы также сіи три знака и въ Скошѣ, однако всячески остережемся сравнивать Скоша съ Чловѣкомъ; понеже въ Скошѣ не дѣйствуютъ они далѣе и не могутъ дѣйствовать, какъ шокмо надъ чувствами; въ чловѣкѣ же напрошивъ дѣйствуютъ надъ чувствами и надъ разумніемъ, но такъ, какъ свойственно каждой изъ сихъ способностей, и притомъ опосишельно къ степени, какую одна передъ другою занимаетъ.

Есть-

Естьли кто упорно отрицаетъ сіи двѣ способности въ Человѣкѣ, то я прошу его обратишь только взоръ свой на самого себя, и онъ увидитъ, что разныя части его тѣла, въ которыхъ являющся сіи способности, суть явные показатели разнствія сихъ способностей.

Когда Человѣкъ желаетъ разсматривать вещь умственную; когда намѣревается рѣшить какое затрудненіе: не въ головѣ ли тогда происходитъ вся его работа?

Когда же напротивъ рождаются въ немъ чувствованіе, какого бы свойства оно ни было, и отъ какого бы побужденія ни произошло, отъ разумнаго, или отъ чувственнаго: не въ сердцѣ ли тогда оказывается всякое движеніе, всякое волненіе, всякія ощущенія радости, удовольствія, печали, боязни, любви и всѣхъ страстей, какія бытъ въ насъ могутъ?

Не чувствуемъ ли также, сколь дѣйствія, происходящія въ каждой сей части нашего существа, противны другъ другу; и ежели бы онѣ не связаны были вышшимъ союзомъ, то сами по себѣ были бы непримиримы?

Явная сія разность долженствуетъ паки убѣдять человѣка, что въ немъ есть больше, нежели одна Натура.

Естьли же человѣкъ, не смотря на свое сословіе отрицаетъ, находитъ еще въ себѣ

Нашуру выше чувственной и тѣлесной; для чего же не хотѣшь ему, допустить подобную Нашуру и во всеобщемъ Чувственномъ, но также отличную и превосходяще Вселенной, хотя и поставленную надъ сего единственно для управленія.

Отсюда же научимся, что должно думать о вопросѣ, которой беспокоитъ вообще людей, то есть: въ которой части шѣла обитаетъ Начало дѣйствительное, или душа, и въ какомъ мѣстѣ назначено сѣдалище всѣхъ ея дѣяній.

Въ Существохъ тѣлесныхъ и чувственныхъ дѣйствующее Начало находится въ крови, которая, какъ огонь, есть источникъ тѣлесной жизни; посему, сообразуясь сказанному нами о разныхъ способностяхъ Существъ, не можемъ мы спорить, что главное его обиталище въ сердцѣ, изъ котораго простираетъ оно свое дѣйствіе во всѣ части шѣла.

Не должно здѣсь препинаться возраженіемъ тѣхъ, которые говорятъ, что если душа тѣлесная въ крови, то должно ей раздѣляться на части и убывать, когда животное теряетъ часть своей крови; ибо утратою крови ослабѣваетъ шокмо дѣйствіе души, поелику теряетъ она средства своего дѣйствованія; понеже, будучи простая, необходимо должна быть нераздѣльна.

И

И такъ то, что называемъ смертію тѣла, есть не иное что, какъ совершенной конецъ сего дѣйствія, которое лишается своихъ помощниковъ, какъ то бываетъ въ болѣзняхъ, отъ истощенія силъ происходящихъ; или спѣсняется, какъ то бываетъ въ микрочныхъ болѣзняхъ; или наконецъ чрезмѣрно дѣлается свободнымъ, и чрезъ то прекращеннымъ и прерваннымъ, какъ то бываетъ при уязвленіяхъ членовъ, необходимо нужныхъ къ жизни тѣла.

Хотя и утверждаю я, что жизнь, или душа тѣлесная находится въ крови, однако долженъ примолвить и то, что кровь есть нечувствительна. Сіе замѣчаніе можешь показати людямъ разность между способностями Вещества и способностями Начала Вещества, и не допустишь ихъ смѣшивать два Существа столь различныя.

Поселику человекъ подобенъ животнымъ жизнию его тѣлесною и чувственною, то все, приписуемое дѣйствующему Началу животному, можешь ему приличествовать относительно токмо къ сей его части. Но что касается до его Начала разумнаго, какъ оно не сотворено обитать въ Веществѣ, то весьма ошибаются люди, когда ищутъ жилища его въ Веществѣ, и назначають ему обиталище недвижимое и узъ, взятыя отъ составовъ тѣлесныхъ, будто частица Вещества нечислаго и шаткаго можешь служить оградой Существоу, сея природы.

К 4

Гораз-

Гораздо достовернѣе можно сказать, что оно, яко Существо невещественное, не можетъ, какъ токмо съ невещественнымъ же Существомъ имѣть союзъ, или сродство, а со всякимъ другимъ Существомъ общеніе его есть не возможно.

На невещественномъ тѣлесномъ Началѣ человѣка, а не на иной какой части Вещества его опочиваетъ Начало его разумное: съ нимъ-то оно совокуплено на время Всевышняго десницы, осудившею его въ сіе узилище; однако по естеству своему оно господствуетъ надъ тѣлеснымъ Началомъ, какъ и тѣлесное Начало господствуетъ надъ тѣломъ; и нельзя уже намъ сомнѣваться въ томъ, что оно въ верхней части тѣла, или въ головѣ, какъ выше показали мы, являетъ всѣ свои способности; однимъ словомъ, оно употребляетъ сіе Начало къ исполненію чувственныхъ дѣлъ сихъ способностей. Символъ-то средствомъ ясно распознается обиталище и должность двухъ разныхъ Началъ человѣка.

Однако, не взирая на то, что Начало тѣлесное по своей натурѣ и по своему мѣсту ниже разумнаго Начала, человѣкъ ради союза своего съ нимъ ощущаетъ въ своемъ разумномъ Существомъ страданія, безпокойства и недостаточества, и ту страшную темную, которая вводитъ его въ Заблужденія. Сей-то союзъ принуждаетъ его покаряться дѣятельно чувствамъ сего тѣлеснаго Начала, кото-

раго

раго посредство нынѣ ему необходимо нужно, чтобъ наслаждаться истинными принадлежностями, ему опредѣленными.

Но какъ сіе посредство переменчиво и непостоянно, и не всегда показываетъ ему свѣтъ въ полномъ сіяніи; то для сего человѣкъ и не получаетъ отъ него тѣхъ выгодъ и удовольствій, которыя вѣстны, естеству его.

Для сего - то поврежденія натуральныя, или случайныя, которыя можетъ ощущать Начало чувственное тѣлесное, весьма вредны и разумному Началу; потому что отъ нихъ слабѣютъ и исполнители его дѣйствій и орудіе представленій его.

Сии приключенія шакъ повралились Матеріалистамъ, что они почли ихъ твердою подпорою своей системы, то есть, положи за основаніе разумныхъ способностей человека сложене тѣла его, сдѣлали ихъ зависящими во всемъ отъ добраго, или худаго расположенія тѣла, которое происходитъ отъ переменнаго теченія Натуры.

Но послѣ того, что сказано было о Свободѣ человека и о разности двухъ Существъ, составляющихъ его, сии возраженія неважны: человекъ не всеми пользуется способностями, которыя могли бы принадлежать разумному его естеству; понеже по самому своему происхожденію не всѣ люди получаютъ одина-

кую мѣру способностей, и понеже премногіе случаи, не зависящіе отъ ихъ воли, могутъ сжеминушно разширивать тѣлесное ихъ сложеніе: но человѣкъ виновенъ, когда собственнымъ иерадѣніемъ погубляетъ тѣ способности, которыя даны ему. Не всѣ рождены для одинакаго Наслѣдія, но всѣ отвѣтствуютъ за то, которое имъ по жребію дано.

И такъ, какое бы неустройство, какой бы безпорядокъ ни ощущалъ человѣкъ въ своемъ тѣлесномъ составѣ и въ разумныхъ свѣихъ способностяхъ, не должно почитать его для сего неповиннымъ предъ Правосудіемъ; понеже сколь ни мало число и сила оставшихся ему способностей, но онъ долженъ дать въ нихъ отчетъ; а только отъ того, которой находится въ безумствѣ, истинное Правосудіе не можешь ничего взыскивать; потому что тогда уже сіе Правосудіе наказуешь его.

Не надобно также думать вмѣстѣ съ нашими противниками, что шакотыя неустройства и безпорядки тѣлесные Началомъ своимъ имѣютъ нѣкій свѣпый Законъ, которымъ оны шщатся исполковать Натуру. Мы въ слѣдующемъ покажемъ, какъ поведеніе человека въ тѣлесномъ его житіи просиращается и на самыхъ его потомковъ; покажемъ также въ пристойномъ мѣстѣ, сколь велики способности Начала, или сея причины временныя, которой необходимо должно быть поручено правленіе Вселенныя.

И

И такъ, размышляя о естественъ сѣхъ причинъ временныя повсемѣстныя, которая не токмо существенно господствуетъ надъ шѣлами, но которая должна бытъ предводительницею во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ, легко увидимъ, можеть ли что нибудь случиться въ сѣхъ шѣлсной области безъ побудительной причины и цѣли.

Но паче должно вѣришь, что всѣ сѣхъ безобразія, всѣ сѣхъ приключенія, которымъ подвержены мы какъ по нашему шѣлсному Существоу, такъ и по Существоу разумному, всеконечно имѣють свое Начало; но что мы не всегда его познаемъ; ибо ищуть его обыкновенно въ мертвомъ Законѣ Вещества вмѣсто того, чтобы искать въ Законахъ Правосудія, въ злоупотребленіи нашей воли, или въ прегрѣшеніяхъ нашихъ Предковъ.

Пусть ослабленный и легкомысленный человѣкъ ропщетъ на сѣхъ Правосудіе, которое просиращеть наказаніе за опционскіе грѣхи на потомство. Не приведу я ему въ доказательство сего Закона физическаго, по которому нечистый источникъ сообщаетъ свою нечистоту потокамъ своимъ; понеже сѣхъ Законъ всѣмъ извѣстный бываетъ ложенъ и во зло употребляемъ, когда прикладываемъ его къ тому, что не есть шѣло. Еще менѣе узришь таковой человѣкъ, что сѣхъ Правосудіе, какъ можеть наводить скорбь на Дѣтей чрезъ Родителей, такъ можеть убѣждать и омывать Родителей.

Родителей чрезъ Дѣтей; и сего довольно, чтобъ остановить наши Умствования о семъ Правосудіи, доколѣ не будемъ допущены въ его Совѣтъ.

Сіе благоразумное, праведное и спасительное помышленіе есть награда отъ самой Премудрости: какъ же она даруетъ оное тѣмъ, которые думаютъ, что могутъ обойтись и безъ ея свѣтильника, и увѣрились, что не имѣютъ нужды въ иномъ предводителѣ, кромѣ собственныхъ чувствъ и грубыхъ общенародныхъ понятій?

Вопросъ, объясняемый мною о мѣстѣ, которое занимаетъ душа въ тѣлѣ, ведетъ меня естественнымъ образомъ къ другому столь же важному вопросу о тѣлесномъ Началѣ, и которой не менѣе затрудняетъ Примѣчатель, то есть: для чего человекъ, лишившійся по случаю котораго нибудь члена, нѣсколько времени имѣетъ чувствованія, которыя кажутся бытъ въ томъ членѣ, коего уже онъ не имѣетъ.

Если бы душа, или Начало тѣлесное по мнѣнію Матеріалистовъ была дѣяима, то конечно по отрѣзаніи члена человекъ не спрдалъ бы въ сей части; понеже доли тѣлеснаго Начала съ отнятіемъ члена, въ которомъ онъ находился, разорвали бы связь съ своимъ источникомъ, исчезли бы сами собою и не могли бы дать никакого знака чувствительности. Но

Но и не въ членѣ отрѣзанномъ должны мы искать Начала сея чувствительности; понеже напрошивъ сей членъ съ минушы своего отдѣленія уже есть ничто для тѣла, отъ котораго онъ отдѣленъ.

И такъ единственно въ самомъ тѣлесномъ Началѣ можемъ найти причину сего произшествія, и вспомнявсъ Истинны, доказанныя мною, можемъ сказать, что въ составѣ чловѣка шеперешняго какъ тѣлесное его Начало служить орудіемъ и органомъ способностямъ разумнаго его Существа, такъ тѣло его служить орудіемъ и органомъ способностямъ тѣлеснаго его Начала.

Мы видѣли, что когда сіе тѣлесное Начало ощущаетъ разстроеніе въ главныхъ органахъ тѣла, которые непремѣнно нужны для дѣйствованія разумными способностями; то можемъ случиться, что и разумное Начало страдаетъ отъ шого; но не уповаю, чтобы кто подумалъ, что шакое страданіе можетъ дойти до шого, чтобы повредишь ещество сего разумнаго Начала, ниже до шого, чтобы раздѣлить его какимъ либо образомъ. Извѣстно, что оно, поелику простое Существо, всегда пребываетъ одинаково, а шокмо въ способностяхъ своихъ ощущаетъ неустройство, и то потому, что какъ органъ нужный для дѣйствованія ихъ, и которой долженъ доставлять ему прошиводѣйствіе разумное виѣшнее, безъ коего не льзя ему обойтись,

шися, не находится въ состояніи совершенномъ; но дѣйствіе сихъ способностей разумныхъ уничтожается, или возвращается на самое разумное Существо.

Въ первомъ случаѣ, то есть, когда дѣйствіе способностей уничтожается, Существо разумное доказываетъ токмо въ себѣ лишеніе; и сіе есть зачатое слабоумія, или безумства; но не бываетъ пути болѣзненнаго чувствованія, какъ то и извѣстно, что дурачество не сопряжено съ страданіемъ.

Во второмъ случаѣ, то есть, когда дѣйствіе обращено на самое Начало, показывается въ немъ смятеніе, безпорядокъ и недугованіе, которое есть точное страданіе разумное; понеже сіе Начало, которое всегда стремится дѣйствовать, чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ употребленіи своихъ способностей.

Точно то же бываетъ и въ страданіи тѣлесномъ въ случаѣ лишенія члена. Тѣло должно служить органомъ Началу тѣлесному, одушевляющему его: если сіе тѣло теряетъ который нужный членъ, то и Начало тѣлесное чрезъ то теряетъ часть своего органа, и не можетъ уже дѣйствовать своими способностями во всемъ ихъ пространствѣ; понеже дѣйствіе той способности, кторой нуженъ былъ ошнйшой членъ, не находя принадлежащаго себѣ пособника, уничтожается, или обращается на самого себя: тогда то происходитъ смятеніе и болѣзнь, весьма чувствительныя въ тѣлесномъ Началѣ,
отъ

отъ коего оно истекло, и шѣмъ паче, что ошняніемъ члена подастся удобность внѣшнимъ и раззорительнымъ дѣйствіямъ отражать съ вѣщею скоростію дѣйствіе тѣлеснаго Начала, и понуждаютъ его обратиться къ своему средоточію.

И такъ, не язирая на сіе страданіе, не можемъ допустить, что тѣлесное, или другое какое Начало утратило часть отъ себя, а признаемъ просто, что всякое Существо тѣлесное, имѣя нужду въ органахъ для исполненія своего дѣйствія, долженствуетъ тогда страдать, когда сіи органы разспросны; потому что они не могутъ тогда производить дѣла, имъ свойственнаго.

Не совсѣмъ бесполезно замѣнить, что сіе можетъ только случиться надъ четырью вышними членами, или надъ четырью отношеніями тѣла: ибо изъ шрехъ главныхъ частей, составляющихъ шуловище съ головою, ни коѣрое не можетъ быть ошнято безъ неминуемой гибели всего тѣла.

Повторимъ кратко все то, о чемъ шеперь говорено. Показалъ я чрезъ разныя свойства Стихій многія различныя дѣйствія въ составѣ тѣла; показалъ я, что кромѣ двухъ прошивуположныхъ дѣйствій, врожденныхъ въ сихъ тѣлахъ, есть Законъ вышній, копорымъ они управляемы, даже и въ самыхъ величайшихъ сраженіяхъ ихъ и въ величайшемъ ихъ

ихъ возмущеніи ; показалъ я потомъ, что сей вышій Законъ находится и нынѣ въ человѣкѣ, въ которомъ онъ ошлеченъ отъ чувственнаго, хотя и сопряженъ съ онымъ : и такъ не можемъ уже отрицать, что есть три дѣйствія, необходимо нужныя для пушководительства временнымъ вещамъ, по подобію трехъ Стихій, изъ коихъ составлены тѣла.

Изъ сихъ трехъ дѣйствій, которыхъ поставила первая Причина управлять рожденіемъ Существъ тѣлесныхъ, одна есть сія Причина временная, разумная и дѣйствительная ; которая опредѣляетъ дѣйствіе Начала, врожденнаго въ Зародышахъ чрезъ посредство втораго дѣйствія, или того отражательнаго дѣйствія, безъ котораго, какъ мы выше признали, не было бы никакого произведенія ; и безъ сомнѣнія изъ всего того, что мы видѣли доселѣ, довольно ясно усматривается и необходимость сей Причины разумной, коея дѣйствіе вышнее долженствуетъ править двумя дѣйствіями нижними.

Какимъ же образомъ случилось сіе, что люди не познали ее, и вздумали, что можно безъ нея успѣвать въ познаніи Натуры? Сего видна теперь причина. Они превратили числа, на коихъ основаны сіи дѣйствія, такъ какъ превратили и тѣ, на коихъ основаны Стихіи ; ибо съ одной стороны гдѣ *три*, тамъ признали *два* ; съ другой же стороны тамъ думаютъ видѣть *четыре*, гдѣ есть только *три* ; то есть, рассматривая два страдательныя

ныя дѣйствія шѣлъ, потеряли они изъ виду Причину дѣйствующую и разумную, и отъ того не разпознали и смѣшали дѣйствіе и способности сего Причины со способностями двухъ нижнихъ дѣйствій, равно какъ не разпознали страдательной способности трехъ Стихий отъ способности дѣйствительной воздуха, который есть одно изъ сильнѣйшихъ Началъ производящихъ Стихий. Когда же такимъ образомъ обезображены стали сіи числа, то Примѣчатели не усмотрѣли уже отношенія, находящагося между тройственнымъ числомъ Стихий и тройственнымъ числомъ дѣйствій, который всеобщее и частное строеніе шѣлъ производить.

Не усмотрѣвъ же сего отношенія и уничтожа его, не почувствовали они необходимости и превосходства сего дѣйствія разумной Причины надъ двумя нижними дѣйствіями, служащими основаніемъ всякому произведенію шѣлесному: всѣ сіи разные Причины и дѣйствія приняли они одно за другое, или лучше сказать, всѣхъ ихъ смѣшали въ одно.

Да и могли ли они предостеречь себя отъ сего заблужденія, когда сперва уже смѣшали Вещество съ Началомъ Вещества; а приписавъ Веществу всѣ свойства Начала его, легко было имъ приписать ему также всѣ свойства и дѣйствія вышнихъ Причинъ, которые непременно нужны для его существованія.

Л

Но

Но теперь не лзя не увидѣть, что не признавать могущества и необходимости третьей Причины есть лишить себя той помощи, которая одна остается Человѣкамъ ко изъясненію теченія Натуры; есть давать ей иные Законы, нежели какіе она получила; есть приписывать ей то, чего нѣтъ въ ней; словомъ, сіе есть допускать то, что не только не имѣетъ правдоподобія, но что въ всякія возможности.

Кому не извѣстно, что поставили люди на мѣсто сего Причины необходимыя? Кто не вѣдаетъ тѣхъ дѣтскихъ умствованій, которыми они хотѣли безъ нея исполковать Законы Вещества и соорудить Систему всееленныя? Слѣпые толкователи происхожденія вещей, цѣли сотворенія, долговременности его, дѣйствій его, сколько ни изъясняли они все сіе, всегда говорили языкомъ сомнѣнія и неизвѣстности; и все ихъ ученіе не столько есть Наука, сколько непрестанный вопросъ.

Когда могли единою силою своего разума сдѣлать сами сіи примѣчанія и усмотрѣть необходимую надобность Начала, которое бы предводительствовало Натурѣ; тогда или искали сего Начала въ самомъ первомъ Существомъ и не убоились унижать его предъ нами, не отдѣляя дѣйствія его отъ дѣйствій чувственныхъ вещей, или слегка мыслили о необходимости дѣйствовавшаго посредствующаго между Существомъ первымъ и

Ве-

Веществомъ, и не давъ себѣ довольно времени разсмотрѣть, какаябъ могла быть сія посредствующая Причина, назвали ее невразумительно причиною слѣпою, рокомъ, случайностію и иными именами, копорыя, будучи безъ жизни и дѣйствія, усугубляли только тѣмъ, въ коей человекъ нынѣ погруженъ.

Не увидѣли они, что сами виною сеятѣмы, что сія случайность рождена единственно отъ воли человека и мѣсто свое имѣетъ только въ невѣжествѣ его; ибо не можетъ онъ отрицать, что законы, на копорыхъ состоятъ всѣ Существа, должны имѣть дѣянія неизмѣняемыя и вліяніе всеобщее; но когда онъ разстроиваетъ исполненіе оныхъ въ степеняхъ Существовъ, подчиненныхъ власти его, или когда самъ себя ослабляетъ: тогда не зрѣтъ уже болѣе сихъ нерушимыхъ Законовъ и заключаетъ, что они и не существуютъ.

При всемъ томъ не лѣзя ему подумать, чтобы въ дѣяніяхъ и твореніяхъ первыя Причины могла быть случайность; понеже какъ сія причина есть единственный и неизчерпаемый источникъ всѣхъ Законовъ и всѣхъ совершенствъ, то надлежитъ и порядку, копорой вокругъ ея царствуетъ, быть неизмѣняему, подобно собственной сущности ея.

Нижѣ въ дѣлахъ временныя разумныя Причины можетъ имѣть мѣсто сія случайность;

ность; потому что какъ ей особенно поручено временное твореніе Причины первая, то не возможно сему творенію не стремиться непрестанно къ своей цѣли и не одолевашь всѣхъ препонъ.

И такъ шокмо въ дѣяніяхъ частныхъ Нашуры шѣлесной и въ дѣлахъ воли человѣческой можемъ мы не увидѣть правильности и содѣйствій всегда вѣрныхъ и всегда предвидимыхъ. Но есѣли бы человѣкъ не забывалъ никогда, сколь шѣснымъ союзомъ сіи дѣянія частныя съ волею его связаны, есѣли бы всегда въ памяти содержалъ, что онъ поставленъ царствовать надъ самимъ собою и надъ чувственною областью; тогда увидѣлъ бы онъ, что, исполняя свое званіе, не шокмо могъ бы узрѣть Законы всеобщіе, которыми правятся вышшія области, и которые онъ шоль часто не узнавалъ; но даже почувствовалъ бы, что власть сихъ Законовъ, навсегда нерушимыхъ, изливается даже и на его Существо, равно какъ и на частныя приключенія темныя его области, то естѣ, тогда бы не было случайности ни въ отношеніи къ нему, ни въ отношеніи къ какому либо произшествію въ Нашурѣ.

Тогда есѣли бы усмотрѣлъ онъ неустройство въ частныхъ дѣяніяхъ сея Нашуры, или есѣли бы не зналъ причинъ происшествій ихъ и правилъ, по коимъ они учреждаются, не могъ бы принесть сего безпорядка и сего

сего невѣжества иному чему, какъ шокмо своему нерадѣнію, или несправедному употребленію воли своей, кошорая или не воспользовалась тогда всѣми своими правами, или предпочла беззаконныя.

Но чѣмобѣ снискашь разумѣніе сихъ истиннѣ, надлежишь больше имѣть упованія, нежели каковое примѣчашли имѣють, на великость человека и на могущество воли его; надобно вѣришь, что ежели онъ выше сущесствъ, окружающихъ его, то пороки его, равно какъ и добродѣтели, должны имѣть непремѣнное отношеніе и вліяніе на все его Владѣніе.

И шакъ должно согласиться, что невѣжество и развратная воля человека суть единственныя причины сихъ сомнѣній, кошорыми видимъ его обуреваема ежедневно. Такимъ образомъ попустивъ заглядѣться въ себя идеѣ порядка и закона, объемлющаго все, поставилъ человекъ на мѣсто ихъ первую химеру, какая представилась его воображенію; ибо и въ самомъ ослѣпленіи своемъ ищешь онъ непрестанно начальной причины движущей Натуру: такимъ образомъ возобновляешь непрестанно сіе наказаніе достойное заблужденіе, чрезъ кошорое, посвѣявъ добровольно вокругъ себя неизвѣстность и случайность, сдѣлался столь несправедливъ и несчастенъ, что приписываетъ вину оныхъ своему Началу.

И тѣ самыя, которые не отрицали, что тѣлесныя вещи имѣли начало, не полагали имѣ иной причины, какъ случайность, не вѣдая, что надобно быть первой Причинѣ существованія ихъ, или не подумавъ, чтобы Причина, которая вѣ въ ихъ, могла рачить о нихъ столько, чтобы привести ихъ въ дѣйствіе; однакожъ, увѣрены будучи, что сіе существованіе не безначально, вѣспили они все въ однѣ свойства тѣла и силу дѣйствующую врожденную, которая одушевляетъ ихъ, и Законъ вышшій, повелѣвшій имъ родиться.

Такому же слѣдовали они порядку и въ изъясненіи Закона, содержащаго бытіе сихъ самыхъ существъ тѣлесныхъ; да сему и нельзя было уже быть иначе. Положа происхожденію вещей основаніе мечтательное и ложное, надлежало сообразовать съ нимъ и прочее зданіе; и такъ по ихъ мнѣнію тѣла живутъ сами собою и рождаются сами собою.

Что касается до тѣхъ, которые утверждали, что Вещество и тѣлесныя Существа всегда свое имѣли бытіе, то ихъ заблужденіе гораздо грубѣе и оскорбительнѣе для Истинны. Оба сія ученія равно не познали Закона и первыхъ Причины вещей, но одно изъ нихъ проповѣдывало только, что въ истолкованіи происхожденія вещей можно обойтись и безъ Причины дѣйствительной

■

и разумной; другое же уничтожило сію Причину, поставя на равнѣ съ нею Начало дѣйствительное шѣлесныхъ Существъ и не почитая ее ни выше, ни дреснѣ Вещества.

Примѣчашеди далѣе поступили; ибо положивъ шоль невнятные успавы теченію и естеству вещей, заключивъ себя въ шоль шѣсномъ кругу, принуждены были приводить къ сему кругу всѣ явленія и всѣ произшествія, зримыя во вселенной. По ихъ мнѣнію Существо, не имѣющее ни разумнія, ни цѣли, сотворило и непрестанно шворитъ всѣ вещи; и послѣку двѣ шолько Причины сущѣ орудія всего, что шворится, то, какъ скоро нашли сихъ двухъ Причинъ въ Существахъ шѣлесныхъ, не почли за нужное искашь вышней Причины.

Щастіе, что Натура не покаряется мыслямъ человѣковъ; какъ ни слѣпа она, по ихъ мнѣнію, но оставяетъ ихъ умшвовать, а сама исполняетъ свое дѣло. Сіе есть купно и неощисенное для нихъ благо и изящнѣйшій знакъ великости Существа физическаго и временнаго, которое правитъ ими, что теченіе сѣя Натуры шоль швердо и неколебимо; ибо не позволяя системамъ человѣческимъ проникнуть себя, и доказывая недостатокъ оныхъ постояннымъ своимъ слѣдованіемъ данному ей Закону, принудитъ она ихъ можетъ быть нѣкогда признаться въ своихъ заблужденіяхъ, оставивъ мрачныя штези, по коимъ они влачашся,

чапся, и искашь Истинны въ свѣдѣвшемъ источникѣ.

Но дабы предупредить беспокойство подобныхъ мнѣ, которые могутъ подумать, что сія Причина дѣйствующая и разумная, о которой имѣ говорю, есть вымышленное и мечшательное Существо, скажу имѣ, что есть люди, которые познали ее Физическимъ образомъ, и что всякой также узналъ бы ее, когда бы возложилъ на нее свое упованіе и пощился очистишь и укрѣпишь свою волю.

Однако долженъ я увѣдомишь, что не принимаю сего слова *Физическій* въ общенародомъ смыслѣ, приписывающемъ существованность и бытіе тѣмъ только вещамъ, которыя ощущаются чувствами вещественными. Самое малое размышленіе о всемъ томъ, что содержится въ семъ Сочиненіи, довольно покажетъ, сколь мало люди понимаютъ смыслъ слова *Физическій*, когда прилагаютъ его къ наружностямъ вещественнымъ.

Прежде, нежели приступаю къ другому предложенію, останавлиюсь я здѣсь на время, чтобы отвратить могущее родиться затрудненіе, хотя я его нѣсколько уже рѣшилъ. Въ началѣ сего сочиненія сказалъ я, что существуютъ два Начала противоположныя, которыя сражаются другъ съ другомъ, и хотѣя

шя довольно я показалъ, что зло: Начало ниже добраго: однако послѣ примѣчаніи, копорыя дѣлали мы надѣ тѣлесною Нашурою, можеть кто подумать, что сіи два Начала имѣють необходимую другѣ вѣ другѣ нужду къ своему существованію, такѣ какѣ показали мы, что двѣ нижнія Причины, заключенныя вѣ тѣлесныхъ существахъ, необходимо другѣ другу нужны вѣ рожденіи произведенія.

Кѣ избѣжанію сея ошибки довольно припомнишь мой доводѣ, что всякое произведение, всякое дѣло, всякой плодѣ вѣ тѣлесной Нашурѣ, равно какѣ и во всякомѣ другомѣ чинѣ Существѣ, бываетѣ всегда ниже своего Начала роишеся. По сей низости тѣлесная Нашура немощна сама собою роишеся безѣ дѣйствія двухъ Причинѣ, копорыя мы признали вѣ ней и копорыя доказываютѣ ея слабость и зависимость.

Но ежели временное сіе сотвореніе произошло отѣ Начала вышняго и добраго, какѣ и не можемѣ вѣ томѣ сомнѣваться; то сіе Начало долженствуешь повсюду являшь свое превосходство и свою главѣйшую принадлежность, копорая есть имѣть вѣ себѣ все безѣ изѣятія, кромѣ зла, и кромѣ своихъ собствѣнныхъ способностей не имѣть нужды ни вѣ чемѣ къ сотворенію всѣхъ своихъ произведеній. Какое же должно бытъ состояніе злаго Начала? Не то ли, чтобы шоко служишь къ показанію великости и могущес

ствя добраго Начала, котораго никогда не возмозуть поколебать злоухищренія злаго.

И такъ не лзя сказать, чтобъ злое Начало было и есть нужно вообще къ существованію и явленію способностей добраго Начала, хотя сіе злое Начало, имѣя вѣщеніе въ бытіе времени, необходимо нужно къ поданію случая рожденіямъ всѣхъ явленій временныхъ; ибо, какъ есть явленія не во времени, и какъ Начало злое не можешь выступить изъ временности, явствуешь, что Начало доброе дѣйствуешь безъ него: что можно видѣть подробнѣе въ послѣдующемъ.

И такъ да научатся здѣсь люди ошлывать паки Законы и способности Начала единственнаго, вообще и во всемъ добраго и самодивненнаго, ошъ Законовъ и способностей низайшаго Существа вѣщественнаго, которое ничего своего не имѣешь и не можешь жить безъ вѣдшихъ исиоможеній.

Довольно, думаю, показалъ я подобнымъ мнѣ, сколь неосновательны мнѣнія чловѣческія о всѣхъ пунктахъ, о которыхъ доселѣ разсуждаемо было. Поставлены будучи на пущь, чтобы научишься ошлывать шѣла ошъ Начала, врожденнаго имъ, убѣждены будучи о прошломъ, единствѣ и невѣщественности сего Начала нераздѣльнаго, несообщаемаго, которое же шерпитъ никакого смѣшенія, и которое всегда пре-

пробываетъ одинаково, хотя образъ, которой оно производитъ и которымъ себя одѣваетъ, и подверженъ безпрестанной перемѣнѣ, могутъ они ясно видѣть, что подобно Веществу состоятъ неоспоримо въ зависимости, и дѣйствуетъ однако по Законамъ всегда одинаковымъ; по двѣ нижнія Причины, содѣйствующія воспроизведенію его, и всѣ дѣянія бывшія его не могутъ всеконечно обойтись безъ дѣйствія Причины вышшей и разумной, которая повелѣваетъ, чтобы онѣ дѣйствовали, и управляетъ ими, чтобы дѣйствовали съ успѣхомъ.

Слѣдственно признаются они, что двѣ нижнія Причины необходимо должны быть покорены законамъ Причины вышшей и разумной для того, чтобы времена и единообразность были наблюдаемы во всѣхъ ихъ дѣяніяхъ, чтобы плоды всѣхъ ихъ разныхъ дѣйствій не были ничтожны, безобразны и сомнительны, и чтобы могли мы понимать порядокъ, которой повсюду царствуетъ.

Нетрудно имъ будетъ потомъ согласиться, что сія вышшая Причина, не будучи покорена никакимъ Законамъ Вещества, хотя и поставлена ему путеводеиельницею, долженствуетъ быть совсѣмъ ошмѣнна отъ него, что средство къ познанію обѣихъ есть поставлять каждаго изъ нихъ въ своей степени, примѣчать особенныя ихъ способности, сравнивать ихъ другъ съ другомъ для того, чтобы уви-
дѣть

дѣль ихъ разности, а не для того, чтобы смѣшать ихъ, дѣлать сіе различіе и въ прочихъ Существахъ Натуры и въ малѣйшихъ ея частяхъ, гдѣ и тѣлесныя и умныя очи показываютъ намъ, что есть всегда вмѣстѣ два Существа, и что онѣ соединены насиліемъ; но при томъ помнишь всегда, что сей союзъ есть временной, а не почишаешь его такимъ, который всегда былъ и долженъ всегда быть; ибо напрошивъ мы видимъ, что онъ ежедневно прекращается.

Сии всѣ примѣчанія учиняшъ человека благоразумнымъ и мудрымъ, и воспретяшъ ему пускаться безумно въ невѣдомыя стези, изъ которыхъ не можешь выйти иначе, какъ обратнымъ шествіемъ, или долженъ впастъ въ отчаяніе, когда почувствуешь, что далеко зашелъ, а времени ему мало осталось. Онъ же отведутъ его отъ камня претѣканія, о которой многіе падаютъ, когда сами собою и при томъ окруженные мракомъ держатъ судить о своемъ собственномъ и о естествѣ Истинны. Мы увидимъ далѣе частыя паденія, которыя были и суть слѣдствіями вышереченнаго. Увидимъ, что сіе есть источникъ большей части человѣческихъ страданій, равно какъ ради отторженія своего отъ свѣтлаго состоянія перваго человека часъ отъ часу нынѣ болѣе ушопавшъ въ ступѣ и бѣствіи.

4.

Нѣкоторые люди, воспишанные въ невѣжествѣ и лѣнности, достигнувъ зрѣлаго возраста, вознамѣрились осмошрѣть пространное Царство; но какъ были побуждаемы къ тому суешнымъ токмо любопытствомъ, то мало старались узнать истинныя средства, которыми управляема была сія страна. Они не имѣли ни сколько отважности, ниже довѣренности, чшобы получить доступъ къ Вельможамъ, которые могли бы имъ открыть тайныя пружины правленія; и такъ вольсшвовались шѣмъ, что скишались изъ города въ городъ и смосрѣли безъ всякаго вниманія на публичныя мѣста, гдѣ, видя толпящіяся сходбищи народа, кошорой казался бытъ оставленъ собственной волѣ, не подумали ни мало о порядкѣ и мудрости законовъ, тайно охраняющихъ покой и благоденствіе жителей; они возмнили, что всѣ граждане равно праздны, и живущъ въ совершенной независимости.

Въ самомъ дѣлѣ все видимое ими не являло не просвѣщенному ихъ разуму ни правилъ, ни Закона. Такимъ образомъ, слѣдуя убѣжденію токмо своихъ глазъ, не могли они познать, что люди, имѣющіе вышшій санъ и власть, правили симъ народомъ, кошорой, казалось имъ, шашался безпорядочно: они увѣрили себя, что въ землѣ сей нѣтъ ни Зако-

ко-

коновъ, ни начальника, или сжели оной и
есть, но не имѣшъ ни силы, ни дѣйствія.

Прельстися такою независимостію и не
предусмотря худата слѣдствія своихъ дѣй-
ствій, почли себя самовольными и неподвер-
женными никакому закону и вздумали, что
могутъ свободно вдашся своимъ прихожамъ;
но скоро учинились жертвами своего заблуж-
денія и неосторожныхъ Умствованій; ибо
не дремлющіе Правители Государства, увѣдѣвъ
о ихъ безпорядкахъ, лишили ихъ Свободы и
толь крѣпко заключили во узы, что они,
помяся въ глубокомъ мракѣ, не могли и знашь,
возвращенъ ли имъ будетъ когда сѣшъ.

Таковъ шочно былъ поступокъ и участь
шѣхъ, которые дерзнули сами собою судить
о Человѣкѣ и Натурѣ: занимаясь всегда без-
полезными и суешными ученіями, заключили
чрезъ навѣкъ свое зрѣніе въ шѣсныя предѣлы,
и не могли обозрѣшь всей обширности пред-
лежащаго имъ пути, остановились при наруж-
ностяхъ вещей, и не стараясь проникать да-
лѣе, не узнали, или ошвергли все то, чего
не могли усмотрѣть. Въ шѣлахъ узрѣли они
только обложеніе ихъ и преобразили оныя въ
Начала. Въ Законахъ сихъ шѣлъ увидѣли
два только дѣйствія, или двѣ причины низ-
вія, и шотчасъ ошвергли Причину вышнюю,
дѣйствительную и разумную, кося дѣла смѣ-
шали съ дѣлами двухъ прочихъ причинъ.

По-

Потомъ, обнадѣясь на свои заключенія, сдѣлали изъ всего Существо вещественное условное, къ которому безумно примѣняли всѣ Существа Натуры, совсѣмъ обезображенной ими; и по сему-то недостаточному образцу отважились начертать Человѣка.

Да и подлинно не лзя ожидать, чтобъ они не сдѣлали тѣхъ же ошибокъ въ разсужденіи его, какія сдѣланы были прежде въ разсужденіи всей Натуры. Не только не лучше въ его тѣлѣ, какъ и въ прочихъ Существахъ тѣлесныхъ, различили они Начало отъ вмѣстилища его, или наружной одежды, и не лучше познали и изслѣдовали теченіе его и Законы; но еще превратно смѣшали сіе тѣлесное вмѣстилище человѣка съ его Существомъ разумнымъ и мыслящимъ, такъ какъ смѣшали они Начало врожденное во всѣхъ тѣлахъ съ Причиною дѣйствительною и разумною, которая управляетъ тѣлами.

Такимъ образомъ, не разпознавъ сперва Причины вышшей отъ способностей, врожденныхъ въ Существо тѣлесное, а потомъ смѣшавъ способности двухъ разныхъ Существъ, составляющихъ нынѣшняго человѣка, не возможно было имъ признать въ нихъ дѣйствіе сея самой Причины дѣйствительной и разумной, которая, сообщая Naturѣ всѣ силы, подаетъ купно и человѣку чрезъ его разумніе всѣ понятія о потерянномъ имъ благѣ. При всемъ ихъ невѣжествѣ не только отважились они дерзновенно опре-

опредѣлять Естество и Натуру человека, но еще вздумали толковать всѣ усматриваемыя въ немъ несогласія и положить основаніе дѣламъ его.

Когда человекъ ложно умствуетъ о стихійной Naturѣ, заблужденія его, какъ мы видѣли, неважны имѣютъ слѣдствія: ибо послѣку мнѣнія его не могутъ имѣть вліянія въ всегдѣшнее теченіе Существъ, то непремѣняемые Законы ихъ не престають исполняться съ одинакою точностію, хотя человекъ не позналъ и обезобразилъ Начало оныхъ. Но не таковы ошибки, относящіяся къ нему самому: онъ конечно будущъ ему всегда пагубны; ибо какъ онъ есть самъ блюститель своего Закона, то при всякомъ своемъ проступкѣ, или забвеніи онаго дѣйствуетъ прошивъ себя самого и къ явному своему предосужденію; словомъ, естъли справедливо сіе, что онъ тогда и бываетъ щастливъ, когда знаетъ и исполняетъ Законы своего Начала; то заключенія его и страданія суть явный знакъ его Заблужденій и проступковъ, отъ сего воспослѣдовавшихъ.

Посмотримъ же, что можетъ произойти отъ сего Существа такъ обезображенного; можетъ ли оно стоять безъ главнаго своего подкрѣпленія?

Не трудно угадать намъ слѣдствія сего разсмотрѣнія, ежели приведемъ на память

скач

сказанное нами о томъ состояніи, въ которое должна бы была прийти Нашура, когда бы предана была страдательному дѣйствию двухъ нижнихъ Существъ, необходимо потребныхъ для всякаго воспроизведенія шѣлеснаго. Извѣстно, что сіи два Существа, будучи страдательныя, никогда не могутъ сами собою ничего произвести, ежели Причина дѣйствительная и разумная не дастъ имъ власти и силы привести въ дѣйство то, что находится въ нихъ.

Но естли бы можно было предположить въ сихъ нижнихъ дѣйствовавшихъ волю, оставя однако ихъ въ прежнемъ безмолвіи: то дѣлаушъ, что когда вознамѣрятся они произвести въ дѣйство сію волю безъ помощи Причины дѣйствительной, отъ которой необходимо зависѣть, то два ихъ будутъ безобразны и окажутъ въ себѣ весьма явный безпорядокъ.

Теперь то, чего не можемъ сказать о сихъ нижнихъ дѣйствовавшихъ, лишенныхъ воли, приложимъ къ человѣку, одаренному оною, и пощипмъ еще лучше открыть вредные плоды его заблужденій, которыхъ намѣремы мы опровергать.

Человѣкъ нынѣ состоитъ изъ двухъ Существъ: изъ одного чувственнаго, а другаго разумнаго. Мы даемъ уразумѣть, что въ происхожденіи своемъ не подвергши онъ былъ саму сощавленію, и что, пользуясь преимуще-

М

стиими

ствами простаго Существа, имѣлъ въ себѣ все и ни въ чемъ не имѣлъ нужды для своего содержанія; понеже все содержалось въ драгоценныхъ дарахъ, полученныхъ имъ отъ своего Начала.

Показали мы пошомъ, съ какими спротивными и непремѣнными условіями Правосудіе сопрягло возстановленіе человѣка, учинившагося преступникомъ чрезъ несправедное употребленіе своей воли. Видѣли мы, говорю, сколь страшнымъ и сколь многочисленнымъ преткновеніемъ подвержено обитаніе его въ области чувственной, кошорая столь противна истинному естеству его. А припомъ признали мы и то, что шло, коимъ онъ нынѣ обложенъ, будучи одного роду съ чувственными вещами, есть для него темная завѣса, закрывающая отъ взору его истинный свѣтъ; она же есть и непрестанный источникъ мечтаній его и орудіе новыхъ его преступленій.

И такъ въ происхожденіи своемъ человѣкъ имѣлъ Закономъ своимъ царствовать надъ чувственною областію, равно какъ и нынѣ еще ему сіе принадлежитъ; но какъ онъ одаренъ былъ силою несравненною, и не связанъ былъ никакими пушами, то и продолжалъ всѣ претпашствія.

Нынѣ же не имѣетъ уже тѣхъ силъ, ни же той Свободы; а при всемъ томъ находишся гораздо въ большей опасности, такъ что
не

не лѣзя изъяснишь, коликимъ неудобствамъ подверженъ въ сраженіи, которое нынѣ долженъ выдерживать.

Вошѣ какъ ужасно состояніе нынѣшняго человѣка! Когда произнесено было прошиву него молніеносное опредѣленіе, что ошѣ всѣхъ даровъ, полученныхъ имъ, осталась у него шѣнь шокмо Свободы, сирѣчь воля, не имѣющая почти никогда ни силы, ни власти. Все прочее могущество ошѣашо было; и ставъ соединенъ съ Существомъ чувственнымъ, сдѣлаался не иное что, какъ составъ двухъ нижнихъ Причинъ, по подобію оныхъ, которыя правятъ всѣми шѣлами.

По подобію, говорю, а не по равенству; по-меже цѣль двухъ естествъ человѣческихъ гораздо благороднѣе, и свойства ихъ гораздо ошѣннѣе; но что касается до дѣлнія и работы способностей ихъ, оба они подчинены совершенно тому же Закону; и двѣ нижнія Причины, изъ коихъ составленъ нынѣшній человѣкъ, не имѣютъ, такъ сказать, сами по себѣ болѣе силы, нежели двѣ нижнія Причины шѣлесныя.

Правда, что человѣкъ, яко разумное Существо, всегда имѣетъ надъ шѣлесными Существовами сіе преимущество, что чувствуетъ нужду, которая онымъ неизвѣстна: однако не больше ихъ можешь самъ собою удовольствоваться ей; не больше также можешь самъ со-

М 2

бою

бою оживошворить разумныя свои способности, какъ и онѣ не могли одушевить своего Существа, то есть, не можешь онѣ лучше ихъ пробыть безъ Причины дѣйствительной и разумной, безъ которой ничто, сущее во времени, не можешь дѣйствовать успѣшно.

Какіе же плоды можешь нынѣ человѣкъ произвести, когда при всемъ своемъ безсиліи, которое въ немъ видимъ, вздумаетъ, что вѣтъ ему инаго Закона, кромѣ собственной воли, и когда отважился существовать безъ предводительства сего Причины дѣйствительныхъ и разумныхъ, отъ которой онѣ прошивъ воли зависить и отъ которой долженъ всего ожидать, равно какъ и Существа тѣлесныя, съ которыми онѣ къ несчастію его смѣшанъ сшалъ?

Конечно собственныя его творенія не будутъ имѣть никакой важности, ни силы; понеже лишены единственнаго своего подкрѣпленія; а двѣ нижнія Причины, изъ коихъ онѣ нынѣ составленъ, непрестанно въ немъ сражаясь, будутъ только терзать его и погружать въ горестнѣйшую неизвѣстность.

Онѣ подобенъ двумъ линиямъ угла, которыя могутъ двигаться каждая въ противоположную сторону, удаляясь другъ отъ друга, сближаясь, сходясь и положены быть одна на другую; но не могутъ пронавести никакой фигуры, еслили не присоветуетсяна будетъ къ нимъ

нимъ шрети́я линіа: ибо сіа шрети́а необходимо нужна, дабы утверди́шь непостоянность двухъ первыхъ, дабы ограничи́шь ихъ положеніе, дабы различи́шь ихъ ошущипельнымъ образомъ другъ отъ друга, и состави́шь накои́щецъ фигуру, безъ сомнѣнія обильнѣйшую изъ всѣхъ фигуръ.

Вотъ однако какими напрасными покушеніями занимается человѣкъ ежеднѣвно: шрудитъся надъ невозможнымъ дѣломъ; желаетъ состави́ть фигуру изъ двухъ линіа, то есть довольствуется шокмо дѣйстви́емъ двухъ нижнихъ Причинъ, изъ которыхъ составлено нынѣшнее естество его, и непрестанно склоняетъ изключи́ть сію Причину дѣйствительную и разумную, безъ которой не возможно пребы́ть. Такимъ образомъ, не взирая на очевидную необходимость сея Причины, удаляется отъ нея, бѣгаетъ отъ мечты къ мечтѣ, и не находи́тъ себѣ постоянной шочки; понеже безъ содѣйствія шрети́аго Начала не можно бы́ть совершеніау дѣлу; а ежели кто желаетъ, скажу на сіе доказательство, что какъ скоро кто дошелъ до *трехъ*, шотъ уже бываетъ и при *четырехъ*.

Размыслиая шотомъ о ужасной неизвѣстности, въ коей зри́тъ себя, изумляется, видя безпорядокъ, сопровождающій споы его, и шотчасъ отрицаетъ бытіе сего Начальника порядка и мира, котораго не позналъ онъ или отъ нерадѣнія, или отъ малошрдіа.

А иногда, влекомый силою Истинны, ропщѣ на сіе Начало, которое сперва отвергнувъ, и чрезъ то самъ доказываетъ справедливость сказаннаго нами о переѣчивости и безразсудности всякаго Существа, котораго способности не совокуплены и не укрѣплены природнымъ ихъ узломъ.

Не токмо не лзя намъ подумать, чтобы человекъ могъ всѣми своими ошибками хотя мало поколебать сію Причину, отъ которой онъ удаляется; но изъ естества его теперь мы должны познать, что онъ одинъ страдаетъ за свои заблужденія; понеже, яко Существо свободное, одинъ онъ можетъ виновенъ быть: надлежитъ знать, что сія Причина, невредимая въ своихъ способностяхъ, какъ и въ своемъ естествѣ, простираетъ лучи свои на человека; они очищаютъ его, а сами неосквернены остаются.

И такъ станемъ продолжать наши разсужденія и объяснимъ затрудненія, встрѣчающіяся Примѣчателямъ, когда ошваживаются одни безъ предводителя разсматривать установленія земныя, учрежденныя ли отъ самихъ людей, или тѣ, которымъ они приписываютъ высшее происхожденіе. Здѣсь то ослабленные люди, не умѣя отличить произвольнаго отъ неизмѣняемаго, составили изъ обоихъ безобразное смѣшеніе, которое удобно можетъ замѣнить самыя чистыя понятія. Впрочемъ изслѣдованіе сихъ вещей безъ сомнѣнія есть важ-

важнѣйшее для человѣка, въ которомъ весьма нужно ему остерегаться ошибокъ; понеже отсюда онъ долженъ научиться править своими способностями.

Исследуемъ, для чего люди, смотря на разные всѣхъ временъ и разныхъ Народовъ успавы, употребленія, обычаи, законы, религіи, богослуженія, вздумали, что нѣтъ ничего истиннаго, все поставлено на произволѣи и на договорномъ согласіи человѣческомъ; и что послѣднее все между людьми есть произвольное и условное, то предписаніе должностей и порядковъ натуральныи и существенныи, которой долженъ служить имъ свѣтомъ путеводствующимъ, есть мечта.

Если бы справедливо было то, что все учреждено на договорномъ согласіи, какъ они утверждаютъ, праведно было бы ихъ заключеніе; понеже тогда не было бы различія между добромъ и зломъ; слѣдственно всѣ ихъ поступки были бы ни добры, ни злы, и никто бы не имѣлъ причины полагать прѣвиль ихъ дѣламъ. Но еслии Примѣчатели ошибаются отъ того, что не усмотрѣли въ человѣкѣ двухъ способностей, составляющихъ его; еслии смѣшали въ немъ разумное съ чувственнымъ и опирали къ первому всѣ премѣненія и разногласія, которыми второе подвержено; еслии прибавили къ симъ заблужденіямъ еще и то, что смѣшали Причину дѣйствительную и разумную съ частными

способностями человека: но можемъ ли мы имѣть какую довѣренность къ столь неосновательному и ложному ученію?

Таковы однако были путь изслѣдованій ихъ, сирѣчь, они почти никогда не простирали взора своего далѣе чувственности: но какъ сія способность чувственная ограничена, и не имѣетъ силы потребной, чтобы управлять собою, то всегда повторяетъ взору ихъ знаки шокмо разнообразія, зависимости и неизвѣстности; и такъ ошъ нея единственно и ошъ нея, преданной собственному ея Закону, введены всѣ разности, которыя примѣчательны на землѣ.

Въ самомъ дѣлѣ всѣ части порядка гражданскаго и политическаго, соединяющаго разныхъ Народовъ, имѣютъ ли иную цѣль, какъ шокмо Вещество? И самая нравственная часть всѣхъ ихъ учрежденій вознесишся ли выше сего порядка человѣческаго и видимаго? Самыя добродѣтелившія установленія приведены къ правиламъ чувственнымъ и къ Законамъ вишнимъ; потому что Установители ихъ, шествуя одни безъ пушеводца, не могли достигнуть далѣе сего предѣла.

И шакъ разумная способность человека совсѣмъ за ничто имѣнена въ сихъ дѣлахъ; а шакъ менѣе еще что либо значаа въ шѣхъ примѣчаніяхъ, которыя столь часто надѣ нами

ни дѣланы были. Чего ради надлежишь остерегаться принимаша произшедшія отъ того умствования, не изслѣдовавъ прежде, какъ далеко можешь проспираться ихъ заключенія, и можно ли ихъ прилагать ко всему; а безъ этого не возможно намъ допустить ихъ; потомуже Истина должна быть всеобщая.

Начнемъ наши примѣчанія съ Установленія почитенійшаго у всѣхъ Народовъ вообще, которое праведно почитаютъ они твореніемъ не человѣческихъ рукъ. Усердіе, съ которымъ во всемъ мірѣ чщится сіе священное постановленіе, доказываетъ ясно, что всѣ люди имѣютъ въ себѣ изображеніе его и идею. Во всѣхъ Народахъ видимъ совершенное единообразіе въ главномъ основаніи Религіи; всѣ ни признаютъ вышнее Существо, всѣ почитаютъ за долгу молишь его, и всѣ молясь ему; всѣ чувствуютъ надобность, чтобъ молитва ихъ имѣла свой образъ, всѣ и учредили оный; и никогда воля человѣческая не могла уничтожить сея истины, или пославши другую на мѣсто ея.

Однако способы поклоненія первому Существу, употребляемые у разныхъ Народовъ, представляющъ намъ, подобно прочимъ установленіямъ, разногласія и непрестанныя и произвольныя ошѣбны какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи, такъ что маѣ всѣхъ Религій не находишь и двухъ, которыя бы одинакомъ образомъ чщали его. При семъ спрощу я,

могла ли бы сія разность быть, когда бы люди слѣдовали единому предводительству и не потеряли изъ виду единственнаго свѣта, могущаго ихъ просвѣщать и согласить? Слѣшь же сей есть ли иное что, какъ не сія Причина дѣйствительная и вышшая, которая должна держать равновѣсіе между чувственными ихъ и разумными способностями, и безъ которой не возможно ни одного праваго шага сдѣлать?

Она должна питать въ человѣкѣ первоначальную идею о Существѣ единомъ и всеобщемъ, равно какъ и познаніе Законовъ, по которымъ человѣки должны тогда поступать, когда сіе Существо позволяетъ имъ приближиться къ себѣ. Удаляясь отъ сего свѣта, человѣкъ предаётся руководству собственныя токмо способности, которыя и сами тогда ослабѣваютъ и совѣтъ, почти уничтожающа; тѣмъ возлагаетъ на нихъ толь ирачный покровъ, что безъ помощи благотворнаго десницы никакъ не можешь онъ что-либо сдѣлать.

При всемъ томъ хотя человѣкъ тогда бываетъ оставленъ самому себѣ, однако шѣмъ не менѣе обязанъ *путешествовать*. Чего ради среди сего ужаснаго невѣжества мучимый идею и надобностію сего Существа, и чувствуя себя ослученна отъ него, возводитъ шѣ ему смиренный взоръ свой и чпштъ, шакъ какъ смыслъ его велитъ; и хотя не вѣдаешъ онъ, шу ли воздаешъ онъ честь, какой

кой требуетъ сіе Существо, однако лучше желаетъ воздавать оную, какъ умѣетъ, нежели отъ невоздаванія никакой мучиться тайнымъ вѣкиимъ угрызѣніемъ и раскаяніемъ.

Сіе есть частію Начало ложныхъ Религій, обезобразившее ту, которой должна была слѣдовать вся Земля: такъ дивно ли, что дѣла благочестивыхъ челоѣка и богослуженіе его столь разнообразны; дивны ли всѣ сіи противорѣчія, всѣ сіи обряды, противные другъ другу, и всѣ сіи чиноположенія, которыя опровергають другъ друга, и которыя въ самомъ дѣлѣ не представляютъ разуму ничего истиннаго? Все сіе не есть ли плодъ челоѣка, которой, снявъ броду съ своего воображенія, все творитъ по прихотямъ и по своей слѣпой волѣ? Не долженствуетъ ли все сіе здравому разсудку показаться не важнымъ; понеже не видишь онъ путъ отношенія между Служеніемъ и тѣмъ Существомъ, къ которому Установители и ихъ сообщники желали оное возносить?

Но спрошу я, не большая ли часть сихъ разногласій и самыхъ ошущительныхъ противностей касается токмо того, что подвержено плѣтскому зрѣнію челоѣка, сирѣчь чувственности? Какое же можно сдѣлать заключеніе противу сего Начала, котораго въ нихъ и слѣдовъ не видно? Не оспается ли оно твердо и неровержимо, хотя бы мрачный смыслъ челоѣческій вселъ перемѣны даже и въ теорію

рію и въ догматы; понеже доколѣ человѣкъ испровѣщенъ единственныи своимъ свѣтомъ и не утвержденъ на своемъ единственномъ основаніи, не можешь утвердъ бытъ о несложности и чистотѣ своего ученія и о правотѣ своихъ дѣйствій; и наконецъ, какого бы свойства ни былъ сіи заблужденія, возмогушь ли онѣ что либо противу Истинныи?

Ежели еще не престали Примѣчашели заблуждашь и сѣпопоспсывать, то для того, что не различають они человека, изуродованнаго и владѣющаго токмо частію себя, отъ человека обладающаго всѣми своими способностями; а потому, что не различають источника зараженнаго, изъ коего человекъ почерпаетъ безобразныя свои произведенія, отъ того, изъ котораго надлежало бы ему почерпашъ, проповѣдывають намъ его неспособныи познашь что либо посноряющее и вѣрное.

Однако посмотрииъ, до чего можешь простирашья собственная власшь человека, когда оставленъ онъ самъ себѣ; дадимъ ему принадлежащія права, и рассмотримъ, нѣтъ ли чего выше, нежели что онъ дѣлаетъ и знаетъ.

Вопервыхъ, видѣли уже мы, что люди со всѣми своими умствованиями о Натурѣ должны покаряться Законамъ ея: мы довольно показали, что Законы сего Натуры неспоряныи и непрѣмныи, конія исполненіе оныхъ по слѣдствію двухъ дѣйствій, находя-

щихся

щихся во вселенной, часто повреждаемо бы-
вашь.

Вотъ уже и есть одна Истинна, надъ
которою произволеніе человѣка не имѣетъ ни-
какой силы. Поздно теперь противъ сего
представляешь чувствованія и впечатлѣнія вся-
каго рода, производимыя разными шѣлами въ
нашихъ чувствахъ и разнствующія во вся-
комъ нераздѣльномъ, которыя подали поводъ
опровергать, что нѣтъ никакого правила въ
Твари. Мы предваряли сіе возраженіе, сказавъ,
что Натура можетъ дѣйствовать шокмо
черезъ отношеніе.

Можно еще подтвердить сіе положеніе
шѣмъ, что сей Законъ отношенія не болѣе
произволенію человѣка подверженъ, какъ и са-
ма Натура, и что мы невластны ни въ чемъ
перемѣнить слѣдствій сего Закона; ибо оп-
ровергать оныя и предупреждать не есть
перемѣнять ихъ, а напротивъ сіе есть
иначе утверждать ихъ постоянность.

И такъ ясно познаемъ, что есть въ
шѣасной Naturѣ Власть 'выше' человѣка,
которая покаретъ его своимъ Закономъ:
не можемъ мы о бытіи ея сомнѣваться, хотя
познаніе человѣка познашь и изъяснишь сію
Власть весьма рѣдко награждено было доволь-
нымъ успѣхомъ и просвѣщеніемъ.

Вотъ-порыхъ, приведемъ себѣ шолько на-
память, какъ мы доказали слабость и немощу
На-

Натуры въ разсужденіи тѣхъ Началъ, отъ которыхъ получила она свое происхожденіе и ежедневно получаетъ свое существованіе и свое противудѣйствіе, то и увидимъ, что ежели человекъ подчиненъ Натурѣ сей, тѣмъ паче долженъ быть подчиненъ вышшимъ Началамъ, управляющимъ ею и содержащимъ ее; и хотя онъ столь же мало понялъ власть ихъ, какъ и Натуры, однако бышіе ихъ отрицашъ запрещаешъ разсудокъ, ежелибъ чувство и не ушверждало.

Что же произойдетъ изъ всего того, что человекъ можетъ сдѣлать, выдумать, сказать, поставишь прощину Законовъ сихъ Началъ вышнихъ? Не шокмо онъ не повреждается отъ сего ни мало, но влщше являющъ свою силу и власть, предавъ человека, удаляющагося отъ нихъ, собственнымъ его сомнѣніямъ и смышенному воображенію, и осудивъ его пресмыкашся, доколѣ не захочешъ ихъ познашъ.

Довольно и сихъ примѣчаній, чтобъ показашъ, сколь недостаточенъ человекъ, когда принимаетъ чувственность за правило себя и за предводителя; ибо ежели немощь, приобщенная въ тѣлесной Натурѣ, не позволяешъ намъ приписывать ей дѣла, производимыя ею; ежели человекъ собственнымъ разсудкомъ можетъ достигнуть до возчувствованія несопмѣнной надобности въ помощи Причины дѣйствительной, безъ
ко-

которой тѣлесныя Существа не имѣли бы никакого видимаго дѣйствія: то человекъ имѣетъ нужду только въ самомъ себѣ, дабы признать бышіе сея Причины дѣйствительныя и разумныя, и дабы чрезъ нее достигнуть до Причины первыя и единственныя, которая произвела и въ себя всѣ Причины временныя, опредѣленныя къ совершенію ея твореній и къ исполненію вѣдній ея.

Я объявилъ, что сія Причина дѣйствительная и разумная имѣетъ всеобщее дѣйствіе какъ надъ Нашурою тѣлесною, такъ и надъ Нашурою мыслящею. Въ самомъ дѣлѣ она есть первая изъ Причины временныхъ и тѣлесныхъ, безъ которой никакое Существо, имѣющее бытіе во времени, не можетъ стоять; она дѣйствуетъ надъ сими Существами по самому Закону естества своего и по правамъ ея чина во вселенной. И пошому, не взирая на то, что Существа, населяющія сію вселенную, постигаютъ ее, или нѣтъ, она каждому изъ нихъ подаетъ помощь; а понеже она есть дѣйствительная и разумная, надлежитъ и Существамъ мыслящимъ быть участниками ея благотворенія, равно какъ и не мыслящимъ.

Вотъ для чего утверждалъ я, что всѣ Народы земные необходимо признали вышнее Существо. Не сдѣлали они всѣхъ различій, которыя поставилъ я между разными причинами; не отличили они сея Причины дѣйствительныя и разумныя отъ Причины первыя,
407

вои Истинны, не записшиа отъ Чолопка.

которая совершенно оидълася отъ чувствительности и времени; часто и смѣшивала ее съ низкими Причинами Творенія, которыми иногда воздавали они честь; и для того не получали отъ своего богослуженія той помощи, которой могли бы ожидать, когда бы шестивокали по пути, болѣе освященному. Но сіе предложеніе весьма далеко заведетъ насъ.

Довольно замѣтить, что посланку дѣйствіе сея Причины дѣйствительная и разумная есть всеобщее, то должно было человѣку и по чувствованію и по размышленію познавать необходимость ея; и какъ бы онъ ее ни представлялъ себѣ, могъ обмануться въ истинномъ только свѣдѣніи ея, а не могъ не познавать бытія ея.

Послѣ сего признанія человѣкъ не могъ не прослѣдовать своего шествія далѣе; чувствительного и собственныя размышленія направляя второй его шагъ, какъ и первый, хотя онъ съ самимъ собою, идя по сей новой стезѣ, не могъ обрѣсти болѣе известности, ниже вѣдущаго просвѣщенія.

Но наконецъ, что бы онъ шутъ ни открывалъ, когда уже призналъ Причину вышнюю въ Натурѣ, когда призналъ также, что она выше и мысли его, не могъ отрицать, что находящаяся и Законы, которыми она дѣйствуетъ надъ всеми покоренными ей, и что, если Существа, долженствующія всего оми-
дать

дать отъ нея, не исполняютъ сихъ Законовъ, не могутъ надѣяться отъ нея никакого просвѣщенія, жизни, или подкрѣпленія.

Къ симъ заключеніямъ доведенъ онъ чрезъ примѣчаніе теченія самой Натуры тѣлесной, съ которою онъ соединенъ, на примѣръ: увидѣвъ онъ, что когда преступилъ Законы ея въ разсужденіи временъ и въ разсужденіи производства земледѣлія, то земля давала ему плоды несовершенные и нездоровые; увидѣвъ, что когда не соблюлъ порядка четырехъ временъ года и всей точности въ воздѣлываніи земли, то получилъ изъ того слѣдствія безплодныя и безуспѣшныя. Сіе самое научило его ощутительнымъ образомъ, что сія тѣлесная натура управляется Законами, и что Законы сіи принадлежатъ существенно Причинѣ дѣйствительной и разумной, кося необходимость чувствуютъ все люди.

Подобнымъ образомъ, размышляя потомъ и о своемъ Существѣ мыслящемъ, почувствовалъ, что послѣдствіе ничего не можешь безъ Причины первыя, то нужно стараться всачески умилоstinивши ее себя; понявъ онъ, что понеже сія Причина охраняетъ его и печется о его благосостояніи, то надлежитъ быть поставленнымъ отъ нея и средствамъ къ сохраненію его отъ зла; что слѣдственно дѣянія, служащія въ пользу человеку, должны угодны быть сей Причинѣ, и что вредныя ему несообразны

Н

ся

ея Закону, который есть дѣлать благополучными всѣ существа, и что слѣдовательно сіи существа не могутъ ничего лучше сдѣлать, какъ дѣйствовать всегда по ея хотѣнію и волѣ.

Но какъ человекъ не могъ одинъ изслѣдовать, имѣетъ ли выдуманное имъ богослуженіе вѣрныя отношенія какъ къ нему, такъ и къ Существу первому, которому желаетъ онъ воздавать честь: то всякъ по произволенію полагалъ способы, удобнѣйшіе по его мнѣнію умилоствивать сіе Существо; и всѣ Народы, которые сами собою вступали въ изысканіе сего установленія, учредили оное такъ, какъ воображеніе ихъ, или частное какое обстоятельство совѣщало разуму.

Вотъ для чего всѣ Племена земныя разнствуютъ между собою какъ въ обрядахъ богослуженія, такъ и въ самомъ понятіи и изображеніи того Существа, которое было цѣлію ихъ служенія! Вотъ для чего также, хотя разнствовали они между собою въ правилахъ богослуженія, но всѣ согласны были въ томъ, что необходимо надлежитъ бному быть; потому что всѣ увѣрены о бытіи Существа вышшаго и всѣ чувствовали нужду и желаніе имѣть его своимъ подкрѣпленіемъ.

Если бы люди, преданные такимъ образомъ себѣ самимъ, имѣли столько же добродѣтели и чистой совѣсти, сколько ревности къ
симъ

тимъ учрежденіямъ, каждый бы изъ нихъ славовалъ мирно принятому богослуженію, не угнѣвая шѣхъ, въ которыхъ примѣчаеиъ разнствія. Но какъ ревность безъ прощвенія скоро вводитъ въ заблужденіе, то люди безъ всякаго извѣстія предпочли свое твореніе всѣмъ прочимъ; то же самое начальное основаніе, которое побудило ихъ самихъ собою учредить богослуженіе, вслѣло имъ почитать его единымъ истиннымъ; они вздумали, что тѣмъ лучше исполнятъ свои должности, когда не попускаютъ быть никакому другому; они смѣнили себѣ въ заслугу предъ симъ идоломъ сражашься и гнать другъ друга; понеже въ мрачныхъ своихъ намѣреніяхъ соединили честь его съ своими выгодами, такъ что нѣтъ почти ни единого Народа, которой бы не думалъ, что тѣмъ чинитъ вышшее Существо, когда осуждаеиъ богослуженіе, разнствующее отъ избраннаго имъ.

Сіа есть, какъ всякому извѣстно, одна изъ главнѣйшихъ причинъ браней, какъ всеобщихъ, такъ и частныхъ, и неустройствъ, которыя ежедневно возмущаютъ разныя части Тѣла политическаго и опровергаютъ крѣпчайшія Государства, хотя впрочемъ есть безчисленныя другія причины раздора довольно извѣстныя и столь сущныя, что не стоить того, чтобы я въ семъ Сочиненіи вступалъ въ изчисленіе ихъ и разсмотреніе.

Но всѣхъ сихъ заблужденій и всѣхъ злодѣйствъ, которыя учинили люди во имя сво-

Н 2

ся

ея Религін, есть ли иной источникъ, какъ не то, что они поставили себя на мѣсто просвѣщенныя руки, долженствующей предводительствоватьъ ими, и что думали бытъ руководимы истиннымъ Началомъ, когда въ самой вещи сами себя руководствовали?

И такъ надлежитъ поспѣшь заключить изъ предъидущаго, что всѣ человѣки, по своимъ единственно размышленіямъ и по гласу внутренняго чувства, не могли не признавать бытія нѣкоего Существа вышняго, равно какъ и надобности служить ему. Сія идея не можетъ человѣкъ самъ совершенно загладить, хотя и часто зашивається она у многихъ.

Что и неудивительно въ самомъ дѣлѣ; ибо есть и такіе люди, которые загладили въ себя идею даже своего существа, и въ которыхъ шолко ослабѣли внутреннія способности, что почли себя смертными и гиблущими.

Но равнымъ образомъ надлежитъ заключить, что какъ сія идея о бытіи вышняго Существа и о необходимости богослуженія неопредѣльна отъ самой сущности человѣка, то также она есть послѣдній предѣлъ, до котораго можетъ человѣкъ на сей землѣ самъ собою достигнуть: сія шолко плоды могутъ произрасти отъ способности его чувственной и разумной, когда обѣ дѣйствуютъ совѣстными шолко силами. Сіе чувствованіе
есть

есть первоначальное сѣмя въ человѣкѣ; но ежели противодѣйствіе иныя силы не приведѣтъ его въ движеніе, то не можѣтъ оно явить ничего твердаго, и произведенія его не будутъ имѣть никакой крѣпости, подобно какъ зародыши Существъ шѣлесныхъ остались бы не дѣйствительны и безплодны, ежелибъ Причина дѣйствительная и разумная не направляла ихъ противодѣйствія и всѣхъ вообще дѣній, относителныхъ къ нимъ.

Гораздо болѣе удостовѣримся въ истиннѣ сего предложенія, когда размыслимъ о естествѣ и свойствахъ Причины разумныя и дѣйствительныя; она отлична отъ Причины первой; она есть первый дѣйствовавшая ея: не даѣтъ она сѣмянъ Существамъ шѣлеснымъ, но одушевляетъ ихъ; не даѣтъ она человѣку способностей разумныхъ и чувственныхъ, не правитъ и просвѣщаетъ ихъ. Однимъ словомъ, ея, какъ первой и превышшей всѣхъ Причинъ временныхъ, поручено предводительство надъ ними, и ни которая изъ сихъ Причинъ не можѣтъ пребыть безъ ея помощи и не покаряться ей.

Ежели чрезъ нее токмо единую являютъ себя вещи, то ничто не можѣтъ безъ нея учиниться чувствительнымъ; а какъ мы не можемъ на сей землѣ *познавать* инымъ образомъ, какъ токмо чрезъ чувственное, то какой же получимъ успѣхъ въ познаніяхъ, когда сія Причина дѣйствительная и разумная

Н 3

сама

сама не будетъ содѣйствовать намъ и не произведетъ того, что единой шокмо съ нею можно производить во вселенной?

И такъ мы видимъ, сколь нужно обзвѣтъ способностямъ человека предводительство и подкрѣпленіе сего Причины временныя повсемѣстныя. Не подастъ она ему идеи о Существомъ первомъ, коего она есть первая Причина дѣйствующая, не покажетъ сего существа сего первого Существа, являя оныя чрезъ произведенія чувствительныя; неже подастъ ему идею о служеніи сему первому Существомъ, не просвѣтитъ понятія его объ ономъ, не представитъ ему чувствительнымъ образомъ способности сего первого Существа, дастъ ему равномерно почувствовать и точныя средства воздавать ему честь.

Здѣсь вижу конецъ всѣмъ сомнѣніямъ человеческимъ и всѣмъ воспослѣдовавшимъ отъ нихъ разногласіямъ: сего Причина дѣйствительная и разумная, опредѣлена будучи приводитъ все въ дѣйство и правитъ, конечно примирить все, когда власть ея призовется въ помощь. Единственное для человека средство избѣгать погрѣшностей есть то, чтобы не оступать отъ нея ни въ какихъ дѣяніяхъ, ни въ какихъ установавленіяхъ, ни въ какихъ учрежденіяхъ, такъ какъ она ни изъ какого порядочнаго дѣянія Природы не исключается. Тогда человекъ твердо можетъ быть увѣренъ, что знаетъ истинныя отношенія того, чего нѣтъ; не будетъ

дешъ тогда разногласіа между Религіями Народовъ, понеже всѣ они будутъ имѣть единый свѣтъ; не будетъ у нихъ раздоровъ въ догматахъ и богослуженіи, понеже познають первую причину вещей; кратко сказать, все будетъ въ согласіи, понеже всякъ будетъ шествовать по истинному своему Закону.

И такъ не можемъ сомнѣваться, что всѣхъ разностей, которыя видимъ въ догматахъ и богослуженіи народовъ, источникомъ было то, что сіи народы въ установленіяхъ своихъ не удерживались на сей Причинѣ дѣйствительной и разумной, которая единая долженствовала быть ихъ путеводительницею, и которая одна могла соединить ихъ; не можемъ, говорю, сомнѣваться въ томъ, что Свѣтъ ея есть единственная почка соединенія, что въ ея ничего не лѣзя надѣяться, кромѣ заблужденія и страданія, и что ея единой приличествуетъ по ея естеству и свойству сія истинна необходимая, что въ центра нѣтъ ничего посторонняго.

Надѣюсь, что изъ сказаннаго здѣсь мною, никто не вздумаетъ подозрѣвать меня, чтобы я намѣренъ былъ уравнивать всѣ разныя богослуженія земныхъ Народовъ и не отдавать ни которому изъ оныхъ преимущества, или бы проповѣдывать бесполезность богослуженія. Напротивъ я утверждалъ, что нѣтъ ни единого народа, которой бы не чувствовалъ нужды въ ономъ; и теперь утверждаю, что

богослуженіе всегда будетъ существовать, доколѣ будутъ люди на землѣ; но доколѣ не будутъ они утверждаться на общемъ основаніи, не могутъ избѣжать раздѣленія, и слѣдственно не возможно будетъ имъ достигнуть желаемой цѣли. И такъ не шюмо я утверждаю необходимость богослуженія, но еще показываю яснѣе необходимость единого богослуженія; понеже подѣ управленіемъ единого Начальника, или единой Причины долженствуешь оно быть.

Не должно также спрашивать у меня, какое изъ всѣхъ учрежденныхъ богослуженій есть истинное: главное положеніе, которое я теперь доказалъ, служишь вмѣсто отвѣта на всѣ такіе вопросы. То богослуженіе, которымъ предводительствуешь сія Причина дѣйствительная и разумная, всеконечно есть правое и доброе; но въ которомъ не начальствуешь она, то богослуженіе или никакое, или худое: вошь правило. Наставниковъ и путеводителей народныхъ долгъ есть сличать свои устаны и свое пугево-дительство съ Закономъ, которой мы имъ представляемъ; наше же намѣреніе не есть судишь о учрежденныхъ богослуженіяхъ, но подашь способъ Начальникамъ оныхъ и Служителямъ судишь самихъ себя.

Я долженъ ожидать здѣсь возраженія, которое само собою слѣдуетъ, относительно-го до сѣя Причины дѣйствительной и разумной,

умныя, которую объявилъ я Начальницею главною и единственною надъ всею, что долженствуетъ производимо быти во вселенной. Могутъ люди согласиться въ томъ, что необходимо должна дѣйствовать сія Причина надъ Существами тѣлесными; правильность и единообразіе содѣйствій ея въ произведеніяхъ не позволяють имъ въ томъ сомнѣваться: однако скажутъ мнѣ, что хотя они и признають необходимость ея дѣйствія въ управленіи поступковъ человѣческихъ, но какими же средствами узнавать имъ, присутствуетъ ли она при нихъ когда, или нѣтъ? Ибо какъ догматы и учрежденія ихъ въ семъ родѣ ни мало не имѣютъ единообразности, то надлежитъ имъ имѣть иной Законъ, а не мнѣніе только, дабы увѣриться, на правомъ ли они пути.

Здѣсь - то человѣкъ показываетъ слабость свою и немощь, и тѣмъ самымъ придаетъ важность и силу нашему доводу; ибо ежели бы человѣкъ могъ самъ собою избрать и основать богослуженіе, то власть Причины дѣйствительныя и разумныя, которую призналъ я за непременно нужную, была бы излишна въ семъ случаѣ.

Ежели же сія Причина дѣйствительная и разумная не можетъ никогда познана быти чувствительнымъ образомъ отъ человѣка, то не можно ему никакъ достоверно знать, что онъ нашелъ добрый путь, и что богослуженіе

Н 5

ніе

ніе его истинно; понеже сія Причина должна все производить и являть: и такъ надобно человеку имѣть сію достоверность, но получить ее не отъ человека же; а надобно, чтобъ сама сія Причина представила разуму и глазѣмъ его ясныя свидѣтельства своего одобренія; надобно ему наконецъ, поелику люди могутъ его обмануть, имѣть средства не обманываться самому, и имѣть всегда при себѣ, къ чему бы могъ онъ прибѣгнуть и получить очевидную помощь.

Прежнія положенія, которыя столь часто я доказывалъ, довольно подтверждають достоверность теперешняго предложенія. Не признали ли мы на многихъ мѣстахъ, что человекъ свободенъ? А яко свободное существо, не отвѣчаетъ ли онъ за свои дѣла добрыя, или злыя, которыя должны происходить отъ выбора мыслей добрыхъ, или злыхъ, входящихъ въ него? Но былъ ли бы онъ повиненъ отвѣчать за нихъ, когда бы не имѣлъ въ себѣ способности распознавать ихъ безошибочно? И такъ видимъ, что всякое дѣланіе, которое онъ раждаетъ, обязанъ неосмыслимо сличать съ даннымъ ему правиломъ, и доколѣ не увидитъ сообразности своихъ дѣлъ съ симъ правиломъ, дошолъ нѣтъ ничего для него надежнаго.

Но какое же быть можетъ сіе правило, какъ не соизволеніе и согласіе Причины дѣйствительной и разумной, которая, упрямая

для всѣхъ Существами, покоренными времени, должна очевидное держашь равновѣсіе между разными способностями человѣка, подобно какъ держишь бносе между разными дѣйствіями Существъ тѣлесныхъ, или Веществъ?

Ибо ежели она опредѣлена правительницею способностей человѣка, шѣмъ паче надлежишь ей управлять дѣйствія оныхъ. Въ дѣйствіяхъ же сихъ важнѣйшее есть наблюдать вѣрно Законы, могущіе умилоштивить къ нему первое Начало, и приблизить его къ сему Существу, коцорому воздавать честь повсюду чувствуешь себя обязаннымъ. Когда же Причина дѣйствительная и разумная есть надежнѣйшая подпора, долженствующая поддерживать всѣ стопы его; когда она есть необманимый свѣтъ, долженствующій освѣщать всѣ дѣянія мыслящаго Существа его: то необходимо надлежитъ сему же всеобщему Путеводителю начальствовать и въ устанавленіи богослуженія человѣческаго, какъ и во всѣхъ прочихъ его дѣйствіяхъ, и начальствовать такъ, чтобы глаголъ его и свидѣтельство не подвержены были никакому сомнѣнію.

Знаю, что симъ вопросъ еще не рѣшенъ; доказать, сколько нужно, чтобы Причина дѣйствительная и разумная сама положила Законы нашимъ поклоненіямъ первому Началу, не есть доказать, что она уже и полагаетъ нынѣ. Но я объявляю, гдѣ человѣкъ долженъ искать

искашь сему свидѣтельства; да не ожидаюшъ отъ меня дальнѣйшихъ показаній. Не приведу я въ примѣръ моего собственнаго опыта, сколь много ни обязанъ я полагаться на оный. Было время, когда бы я ни мало не повѣрилъ шѣмъ истиннамъ, которыя теперь ва неоспоримыя признаю. Несправедливъ былъ бы я и безразсуденъ, когда бы вздумалъ повелѣвать моимъ чинамъ, чтобы они мнѣ вѣрили. Нѣтъ! не обинуясь повшорю, что сердечно желаю, чтобы никто изъ нихъ не полагался на мои слова; ибо я, поелику человекъ, не имѣю права на довѣренность моихъ собратій: но я бы несказанно возрадовался, когда бы каждой изъ нихъ возникла столь высокую мысль о себѣ самомъ и о Причинѣ, бдящей надъ его благоденствіемъ, чтобы могъ твердо уповать, что чрезъ терпѣливость и щпаніе можно ему удосновиться въ истиннѣ.

Я знаю, что съ намѣреніемъ мудрымъ, и которое непонятно простояудимамъ, Начальники и Служители всѣхъ почти Религій проповѣдывали догматы свои съ благоразуміемъ, а паче со скромностію, которая достойна похвалы: они безъ сомнѣнія знали совершенно, сколь высоко ихъ званіе, и чувствовали, сколь нужно бытъ отдалену отъ нихъ простому народу: и сіе дѣлали они конечно ради того, что яко блюстители ключа Науки, желали лучше привести народъ къ слѣпому почи-
панію

шанію ея, нежели повергнуть тайны ея въ оскверненіе.

Если точно таковы были побудительныя причины сего ихъ поступка, не могу онаго похвалить. Покровъ и безмолвіе есть предпочтительное убѣжище истинны; и обладающіе ею не могутъ довольныхъ взять предосторожностей, дабы сохранивъ ее въ чистотѣ; но не можно ли также представишь имъ, что опасно, чтобы сіе не попрепятствовало распространенію ея; что ихъ долгъ есть открыть ей способы къ произраженію своихъ плодовъ, пешися о ея защищеніи, а не погребать ее; наконецъ, что излишнее тщаніе сокрывать ее можешь быть пресѣкаетъ путь къ достиженію цѣли ея, которая есть распространиться и возгорѣшиться.

И такъ благоразуміе, думаю, велитъ имъ изслѣдовать прилѣжнѣе слово *Таинство*, изъ котораго сдѣлали они ограду своимъ Религіямъ. Могли бы они наложить покровъ на важнѣйшіе пункты, и открытіе оныхъ поставивъ издою трудовъ и постоянности, и шѣмъ испытывать своихъ учениковъ, и подавая такимъ образомъ упражненіе разуму ихъ и ревности; но не должно было сіи открытія сдѣлать столь трудными, чтобы весь міръ пошерлялъ надежду получить оныя; не должно дѣлать безполезными извѣстнѣйшія способности Сущаго мыслящаго, которое, рождено будучи въ
обж-

обителѣ свѣта, довольно несчастно и тѣмъ, что не обитаетъ тамъ, ежели бы еще и не ошнѣли у него надежды узрѣть его, на сей землѣ; однимъ словомъ, я бы на мѣстѣ ихъ воззвѣстилъ Таинство, яко истинну покровенную, а не яко непроницаемую; и я имъ щастіе знать доказательство, что сіе опредѣленіе было бы гораздо лучше.

И такъ ничто не препятствуетъ мнѣ твердо стоять въ тѣхъ основательныхъ положеніяхъ, которыя стараюсь напоминать людямъ, и увѣрить моихъ собратьевъ не только въ томъ, что надлежитъ необходимо Причинѣ дѣйствительной и разумной управлять ими во всѣхъ ихъ дѣяніяхъ, слѣдственно и въ имѣющихъ отношеніе къ богослуженію; но еще и въ томъ, что въ ихъ власти состоятъ увѣриться о ней самимъ чрезъ себя, и тогда не останется у нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ посмотримъ только на поведеніе разныхъ народовъ, увидимъ, что всѣ они почитаютъ свое богослуженіе утвержденнымъ на томъ основаніи, которое я предлагаю. Кто не знаетъ, съ какимъ рвеніемъ защищали они свои церемоніи и догматы богослуженія? Не каждый ли изъ нихъ поборалъ по своей Религіи съ такою ревностію и ошважностію, какъ бы твердо увѣренный, что сама истина ушановила ее?

Но

Но что я говорю? Не всё ли Токи, не всё ли Мнѣнія ограждали себя именемъ истинны? Не видѣлъ ли свѣтъ, что самые величайшихъ мерзостей Служители прикрывались священнымъ симъ именемъ, зная, что симъ средствомъ удобнѣе обольщать народъ? Отъ чего же сей путь сталъ общій всѣмъ, ежели Начало онаго не находилось въ словѣхъ? Для чегобъ человеку и при самой неправотѣ своей искать подкрѣпленія въ семъ имени, ежели бы не признавалъ онъ внутренно, что сіе имя мощно и ему нужно; а при томъ для чего увѣрять, что истинна правитѣ сполнаи что, естли бы не чувствовалъ онъ, что они могутъ дѣйствительно ею направляемы быти?

Надѣмся, что сихъ примѣчаній довѣстѣ къ удостовѣренію чисташелей нашихъ въ томъ, что необходимо нужно и возможно впечатленіе Причины дѣйствительной и разумной во всѣ дѣяствія человека, а особливо въ познаніе и дѣланіе тѣхъ Законовъ, которыми должно управляемо быти ихъ служеніе первому Существу, котораго никто чистосердечно не могъ не признавать.

И такъ когда самое естество ихъ предписываетъ имъ Законъ никогда не ходитъ безъ сея помощи, и когда всѣ доселѣ начертанныя главныя положенія показываютъ, что есть возможность получить оную: то явствуетъ, что они не престанутъ заблуждаться и подвергати себя всякимъ опасностямъ, до-
колѣ

когда будутъ дѣйствовать сами собою. Но еще виновнѣе учинятся, ежели объявлять себя прочимъ людямъ за такихъ, которые путешествовательствуемы истиннымъ свѣтомъ, а сами не будутъ точны о немъ увѣрены.

Но сколько бы ни заблуждали они, или сколько бы ни безсовѣстны были, какія бы ни вводили неспоспѣхности въ свои установленія, касающіяся до Религіи, мы теперь уже знаемъ, какъ я и прежде сказалъ, что не лѣзя изъ того заключаешь, что нѣтъ ни правила, ни истинны для человѣка. Но паче должны мы увидѣть, что ошибки людей въ семъ родѣ могутъ пасть токмо на наружныя и на чувственные пункты Религіи ихъ, и что, понеже люди ниже перваго Существа и ему совершенно подчинены, то всѣ ихъ мнѣнія и всѣ противорѣчія никогда не могутъ поколебать его.

Сіе есть первое заключеніе, которое должно вывести изъ всего вышесказаннаго о различіи Религій и богослуженій. Оно не допуститъ человѣка благоразумнаго и привыкшаго проникать сквозь покровы вещей обманушеся разнообразностію сихъ учрежденій, ниже колебаться при всеобщихъ людскихъ противорѣчіяхъ. Теперь онъ долженъ уже видѣть источникъ оныхъ и не сомнѣваться, что ежели человѣкъ имѣетъ идею врожденную о первомъ Существовѣ, то надлежитъ ему имѣть и средство неизмѣняемое и единообразное, чрезъ которое бы

бы могъ засвидѣтельствовать ему, что знаешь его и воздаешь ему досподобающую честь; средство, должствующее быть единымъ и также неколебимымъ, какъ и самое Существо сіе, не смотря на то, что люди ошибающіеся ежедневно въ сущности и того и другого.

Изъ сего купно видѣшь можемъ, сколь недостойны вѣрошія шѣ, которые тщяся доказывать Религію Наукою о правахъ, и сколь праведно награждается такое ихъ тщаніе худымъ успѣхомъ. Ибо нравственная Наука хотя есть изъ первыхъ должностей совершеннѣйшаго человѣка, однако не всегда преподаваема была Училищами, сколько просвѣщенными, чтобы можно было ее справедливо употреблять къ сему; она всегда почти простиралась не далѣе чувственности шѣлесной, и потому должствовала различивать по мѣстамъ и по разнымъ навыкамъ, на которыхъ человѣкъ основывалъ свою добродѣтель; сверхъ того какъ сія нравственная Наука есть только прибавокъ къ Религіи, то хотя бы до самаго крайняго совершенства доведена была, то и тогда бы употреблять ее за доказательство значило бы сказывать, что истинные доводы неизвѣстны, но что есть доводы, которые необходимо должны такими называться.

Не бесполезнымъ почитаю здѣсь упомянуть, что въ семъ случаѣ погрѣшаютъ нынѣшніи Ученія, которые приводятъ всѣ Законы человѣка къ нравственной Наукѣ, и всю

О

свою

свою Религію къ дѣяніямъ человеколюбія, или къ утѣшенію несчастныхъ въ вещественномъ порядкѣ, сирѣчь, къ сей добродѣтели, толь естественной и столь незнатной, на которой современники наши хотѣли соорудить сіи стѣны сѣби, и которая, заключаая человека въ кругъ дѣла, совсѣмъ спрдашельныхъ, бываетъ шокмо покровомъ невѣжеству и шерасть тогда всю свою цѣну въ глазахъ мудреца. Добродѣтель сія безъ сомнѣнія есть въ числѣ нашихъ обязанностей, и никто не долженъ ни подъ какимъ видомъ пренебрегать ее; но сіи учителя не смѣняли бы нашихъ должностей въ кругъ дѣяній временныхъ и чувствѣнныхъ, не смѣли бы не увѣрили себя, что вещи чувствѣнные и человекъ одного чина и одной природы.

Послѣ сего заключенія должны мы ожидать втораго, которое поможетъ намъ сразить и опровергнути другое заблужденіе Примѣчателѣй, относительно къ сему же, и которое естественно прѣистекаетъ изъ того же источника.

Въ самомъ дѣлѣ, ежели, по ихъ мнѣнію, познаніе вышшаго Существа, чтимаго ими, равно какъ и надобности богослуженія, не есть врожденное человеку, то происхожденіе и зачатіе установленія Религіи было бы совсѣмъ неизвѣстно. Весьма трудно было бы узнать, какимъ образомъ, или когда оныя выдуманы; ибо въ такой случаѣ не было бы для людей иного пра-

правила и Закона, какъ токмо непрестанныя превращенія Нашуры, или побужденія прихотей и воли: слѣдственно каждая минута могла бы быть эпохою новой Религія, равно какъ всякую минуточку могли бы уничтожаться древнѣйшія Религіи, и опровергаемы быть другъ за другомъ всѣ какія ни есть на земли.

Ежели принять сіе предположеніе, то явствуетъ, что какъ таковыя учрежденія были бы токмо швореніе слабостей и прибышка, всякой истинный человѣкъ не токмо могъ бы ихъ презрѣть, но обязанъ былъ бы употреблять всѣ свои силы къ испребленію малѣйшихъ слѣдовъ ихъ какъ въ себѣ, такъ и въ своихъ собратіяхъ.

Но понеже доказано нашими начальными положеніями, основанными на самомъ существѣ человѣка, всеобщее основаніе всѣхъ Религій для всѣхъ народовъ, то всякъ долженъ уже удостовѣриться, что сіе чувствованіе родится вмѣстѣ съ человѣкомъ; слѣдственно опровергается тѣмъ всякое затрудненіе, въ разсужденіи происхожденія сей идеи о вышшемъ Существѣ и о должномъ Ему служеніи.

Согласіе и сходство идей о сихъ двухъ пунктахъ, принимаемое у всѣхъ народовъ, суть естественныя плоды сего неплѣннаго сѣмени, врожденнаго во всѣхъ людяхъ, которое говорило имъ во всѣ времена, хоша и то неоспоримо, что люди всегда дѣлали изъ него не-

лѣпыя и аджныя употребленія; шже можно сказать и о единообразности Законовъ, которую надлежало бы имъ наблюдать въ ихъ богослуженіи; ибо хотя чрезъ пагубное сльдствіе ихъ Свободы непрестанно удаляются они и никогда почти не узнаютъ Причины физической, вышшей, поставленной руководствовать симъ богослуженіемъ, равно какъ и всѣми прочими ихъ дѣяніями; но скоро увидимъ, что никогда они не были лишены способности чувствовать ее и разумѣть; поже какъ скоро привязаны стали ко времени, ея Причина дѣйствительная и разумная, которая существенно надзираетъ надъ временемъ, никогда не могла упустить ихъ изъ виду, и они бы пользовались симъ преимуществомъ, есѣли бы не сами убѣгали и осмывали ее.

Есѣли желаемъ вѣще убѣдить себя объ отношеніяхъ, находящихся между человекомъ и сими лучезарными истиннами, которыхъ блжстнтелемъ его признаемъ, разсмотримъ только свойство мысли; увидимъ тотчасъ, что мысль, будучи проста, единственна и непреложна, не можетъ совмѣстна быть, какъ шмо единому роду Существъ; ибо нѣтъ ничего общаго у Существъ разнаго естества; увидимъ, что когда человекъ имѣетъ въ себѣ сію первоначальную идею о Существѣ высочайшемъ и о исполнительницѣ его изволеній Причинѣ дѣйствительной и разумной, надлежитъ и ему быть шол же Сущности съ симъ
вы-

высочайшимъ Существомъ и съ Причиною, которая есть посредница между обими; увидяъ, говорю, что мысль всѣмъ имъ обще должна принадлежать, а всѣ Существа, немогуція принимать сообщенія сея мысли, ниже подашь малѣйшій оныя знакъ, непременно должны быть исключены изъ чину сихъ Существъ, о которыхъ теперь говоримъ.

Такимъ образомъ человекъ могъ бы снискать познаніе о себѣ самомъ, когда бы научился отличать себя отъ всѣхъ Существъ стращательныхъ и тѣлесныхъ, окружающихъ его. Ибо какъ бы онъ ни силился вразумить ихъ во уставы правосудія, въ познаніе высочайшаго Существа и въ прочія вещи принадлежащія мысли его, не увидѣлъ бы ни въ одномъ изъ сихъ Существъ тѣлесныхъ и чувственныхъ никакого знака, никакого доказательства, что оно понимаетъ его. Все, что можетъ онъ ожидать, да и то не отъ всякаго животнаго, что заставитъ понять и исполнить дѣянія своей воли, не могли однако вразумить его въ причину оныхъ; да и къ сему сообщенію, чинобы учинить его совершеннымъ, потребно человеку вспомнить природной ихъ языкъ, коего знаніе онъ утратилъ; ибо поддѣланные средства, которыми нынѣ дополняетъ сей недостатокъ, суть токмо доказательства его безсилія и того, что великость не состоитъ въ хитрости, но въ силѣ и власти.

Когда же напрошивъ того человѣкъ, представши устремлять свой взоръ на Существа чувственныя и шѣлесныя, обращаетъ его на свое собственное Существо, и въ намѣреніи познать оное, рачительно употребляетъ свою способность разумную: тогда зрѣніе его расширяется далеко; тогда понимаетъ онъ, и такъ сказать, осязаетъ лучи того свѣта, котораго хотя чувствуетъ быть внѣ себя, но котораго также чувствуетъ сходство съ собою; новыя идеи вступаютъ въ него, удивляется онъ радостно, что онъ кажется быть ему нечужды. Но увидѣлъ ли бы въ нихъ толикое сходство съ собою, ежели бы источникъ ихъ и его не были подобные? Чувствовалъ ли бы въ себѣ такую радость и удовольствіе, взирая на лучи истинны, изливающіеся на него, естли бы ихъ и его Начало не имѣли одинаковой сущности?

Сіе показываетъ намъ, что, поелику мысль человѣка подобна мысли перваго Существа и Причины дѣйствительной и разумной, надлежало быть между ими совершенному сообщенію съ Начала бытія человѣка. Когда же подлинно на сей взаимности, находящейся между всякимъ Существомъ мыслящимъ, основаны всѣ Законы, долженствующіе направлять человѣка какъ въ познаніи сего высочайшаго Существа, такъ и въ служеніи, Ему воздаваемомъ: то можемъ теперь видѣть ясно, какое должно быть происхожденіе Религіи между людьми, и не столь же ли она драгоценна, какъ и они сами.

Однако

Однако, показанное теперь мною, подобіе между всѣми Существами, одаренными мыслію, истребуеѣтъ, чтобы я припомѣ замѣтилъ несъма важное различіе, которое упущаеѣтъ большая часть людей, и отъ того скипаеѣтся въ густомѣ мракѣ и подвергаеѣтся оцѣбкамѣ, несъма неизвинительнымѣ.

Въ самомѣ дѣлѣ, когда приписываюѣтъ люди мыслѣ Существу невещественному, какѣ-то челоѣвѣку, и когда припомѣ услышатъ отъ кого, какѣ-то и отъ меня слышали, что Начало Вещества еѣтъ невещественное: то хотяѣтъ, чтобы и сіе Начало имѣло мыслѣ, и не умѣюѣтъ вообразить, чтобы можно было опиѣсать еѣ въ немѣ.

Съ другой стороны еѣтели я опиѣмаю мыслѣ у невещественнаго Начала Вещества, недоумѣваюѣтся, что не должно ли опиѣсать еѣ также и у невещественнаго Начала челоѣвѣка; понеже въ обоихъ сихъ различныхъ Существахъ мняѣтъ они видѣтъ одинакое еѣстество, и слѣдѣственно одинакія свойства. Но сіе еѣтъ плодѣ того же заблужденія; для того что не хотяѣтъ различить двухъ еѣстествъ, имѣющихъ различныхъ между собою, выпадаюѣтъ они въ сія великія погрѣшности. Обратимъ же ихъ къ первымъ Началамъ, на которыхъ мы уже ушвердились.

Всѣ невещественныя Существа происхо-
дятъ посредѣственно, или непосредѣственно отъ
О 4 едина-

единого источника, однако не суть равны. О семъ ихъ неравенствѣ не можемъ сомнѣваться; понеже человекъ, который есть Существо невещественное, признаетъ выше себя Существо невещественнаго, кѣмъ обязанъ онъ почтеніемъ и уваженіемъ, яко зависящій отъ нихъ; признаетъ, что хотя по своему существу и по невещественной мысли и подобенъ онъ симъ Существомъ невещественнымъ, однако гораздо ниже ихъ, потому что можетъ лишиться употребленія своихъ способностей и заблудиться, когда напрошивъ Существа, господствующія надъ нимъ, удалены отъ вся страшныя опасности.

Вещества Начало есть невещественное и негибнущее, также какъ и невещественное Начало человека; но разность между ими есть та, что одно одарено мыслию, а другое не имѣетъ оной; и сіе потому, какъ я недавно сказалъ, что Существо невещественное человека происходитъ непосредственно отъ источника Существъ, а невещественное Существо Вещества происходитъ отъ онаго чрезъ посредство.

Не нарушу, думаю, скромности, если скажу, что различаетъ ихъ обоихъ число, какъ-то послѣ изъяснено будетъ; но паче надѣюсь показать чрезъ то истинную услугу подобнымъ мнѣ, когда увѣрю ихъ, что есть Существа невещественныя, которыя не мыслятъ. Ибо многіе изъ современныхъ мнѣ

При-

Примѣчателѣй не починали себя уже Материалистами, какъ скоро могли дойти до того, чшобѣ допустить и признать со мною нешественное Начало въ Веществахъ. Но Материализмъ состоятъ ли единственно въ не- совершенномъ познаніи и въ несправедливой идее о Веществахъ и ея Началѣ, и не есть ли нче и не будетъ ли всегда настоящій Материализмъ шомъ, которой спавитъ въ шомъ же родѣ и чинѣ нешественное Начало человека разумнаго и нешественное Начало Вещества.

И такъ всячески совѣую не смѣшивать истинныхъ понятій, которыя есть въ насъ о сихъ вещахъ, и вѣрить, что есть Существа нешественныя, которыя не мыслятъ. Сіе различіе и сія истинна должныствуютъ разрѣшать всѣ затрудненія, относительныя къ сими вещамъ.

Естьли однако остается еще сомнѣніе о мысли, которую я представлялъ общюю и единообразною во всѣхъ Существахъ, отличныхъ отъ Вещества и отъ чувственности, и во ушверженіе сего сомнѣнія приведетъ кто сію столь примѣтную разность въ разумныхъ способностяхъ людей, что каждой изъ нихъ столь же неравно снабдивъ сими способностями, какъ и шлестыми и чувственными? я согласенъ съ таковымъ сомнящимся, что въ самомъ дѣлѣ, судя по всеобщей разности, усматриваемой въ разумныхъ способностяхъ

человѣческихъ, трудно покажется повѣрить, чтобы всѣ люди имѣли равную идею о ихъ Существѣ, равно какъ и о служеніи, коимъ обязаны ему.

Но мы никогда и не утверждали, что идеи всѣхъ равны въ разсужденіи сего цѣли, довольно для насъ, что онѣ подобны. Не нужно, да и не возможно, чтобы всѣ люди чувствовали равно свое Начало; но то неоспоримо, что всѣ чувствуютъ его, и нѣтъ ни одного, который бы не имѣлъ о немъ идеи, какова бы она ни была. Сего признанія только желаемъ мы отъ людей, а прочее довершить есть дѣло Причины дѣйствительной и разумной.

Не удаюсь отъ моего предложенія, если поговорю нѣсколько о природной разности, усматриваемой въ разумныхъ способностяхъ челоѣка; да и полезно научиться знать, каковы были бы они въ первобытномъ своемъ происхожденіи, когдабъ челоѣкъ пребылъ въ своей славѣ, и каковы нынѣ, когда онъ низпалъ отъ оной.

Когда бы челоѣкъ и удержалъ при себѣ всѣ преимущества первобытнаго своего состоянія, и тогда бы безъ сомнѣнія въ разумныхъ способностяхъ потомства каждаго челоѣка оказалась разность; ибо какъ всѣ сіи способности суть знаки Начала перваго, отъ котораго они происходятъ, а сіе
Нача.

Начало есть всегда ново, хотя всегда одинаково; то изобразительные его знаки должны служить собою являть непрестанную его новостъ, и чрезъ то показывать его обиліе. Но сіи разности не токмо бы не произвели въ челоѣкахъ несовершенства, ниже нанесли бы имъ печаль и уничиженіе, но никому изъ нихъ не были бы и примѣшны; въ непрерывномъ наслажденіи своимъ не имѣли бы они времени сравнивать ихъ, и хотя бы данныя имъ способности не равной были мѣры, однако обильно удовольстворяли бы всякаго, кому онѣ достались.

Напротивъ того въ шеперешнемъ состояніи челоѣка, кромѣ сихъ неравенствъ, отъ первобытнаго состоянія текущихъ, которымъ не льзя не быть, подверженъ онъ еще и другимъ, происходящимъ отъ Законовъ чувствѣнныхъ странъ, имъ обитаемыхъ; и сіе усугубляетъ трудность употребленія первобытныхъ его способностей и шѣмъ паче увеличиваетъ разность ихъ. Однакожъ, какъ онъ не осужденъ къ смерти и ко всегдашнему лишенію сихъ первобытныхъ способностей, стихійная область усугубляетъ ему токмо препятствія, а онъ всегда обязанъ непремѣнно трудиться, чтобы преодолевать оныя. Наконецъ и нынѣ, какъ и въ первобытномъ его состояніи, довлѣла бы мѣра даровъ, ему посланныхъ, естли бы всегда имѣлъ онъ твердое намѣреніе употреблять ихъ въ свою пользу.

Но

Но кому не извѣстно, что человѣкъ не только не старается обращать сіи преніяшствія къ своимъ выгодамъ и въ своей славѣ, но умножаетъ оныя ложнымъ употребленіемъ своей воли, неправильными рожденіями, невѣдѣніемъ вещей, сходственныхъ, ему или противныхъ, въ которое онъ ежедневно углубляется, также множествомъ и другихъ причинъ, которыя непрестанно губятъ въ немъ сіи способности, и столь много безобразяютъ, что почти не возможно и разпознавать ихъ.

Симъ образомъ человѣкъ, поспешно упавъ, теряетъ истинное понятіе о принадлежащихъ ему преимуществахъ; ощущаетъ въ сердцѣ своемъ нѣкую пустошу, и не зная болѣе истинныхъ своихъ услажденій, унижается и ставитъ себя цѣну по разностямъ условнымъ, которыя въ разращенной только его существуютъ, но къ которымъ онъ потому болѣе привлекается, что выпускаетъ изъ рукъ единственную свою podporу, не имѣетъ ничего, что бы его подкрѣпляло.

Однако, не взирая на сіи первобытныя разности, усугубленныя еще или пресканианіями, поощаженными человѣку въ чувственной странѣ, или перочными его навыками, можемъ ли мы сказать, что измѣнилось естество человѣка, когда уже видѣли, что и шѣлесныя Существа не измѣняютъ онаго, не взирая на то множество перемѣнъ, которыми

рымъ собственный Законъ ихъ и рука человѣческая можетъ ихъ подвергнуть?

Когда же самая природа и сущность человѣковъ влечетъ ихъ признавать высочайшее Существо, и показываетъ, что посланку они привязаны къ чувственной странѣ, надлежитъ быть чувственному и способу возсылать оному Существоу моленіе: то нѣтъ сомнѣнія, что, какъ бы люди ни заблуждали, Законъ для нихъ никогда не можетъ претѣмляться. Могутъ они дѣло свое болѣе продолжать и учинить затруднительнѣе, какъ въ самой вещи ежедневно и дѣлающъ по своему ослабленію и неразумію, но никогда не могутъ избавиться отъ обязанности исполнять оное. На одного можетъ быть наложено болѣе, нежели на другаго отъ природы самой, или отъ собственной погрѣшности; но тѣмъ не менѣе каждой долженъ заплатить свою дань; а сія дань со стороны человѣка не иное что, какъ чувствованіе, сознаніе и справедливое употребленіе способностей, составляющихъ его.

И такъ, сколькобъ ни обезображенъ былъ человѣкъ, всегда должны мы находить въ немъ первый Законъ его, понеже естество его есть то же; должны всегда почитать его подобнымъ тому Существоу, которое сообщаетъ ему мысль, понеже сія мысль не можетъ находиться соотвѣтственною, какъ шокъ между Существами одинакаго естества; должны мы, говорю, признавать его совокуплен-
нымъ

нымъ нераздѣльно съ идеею Начала его и съ идеею должностей, привязывающихъ его къ оному; понеже мы согласились, что сіи идеи суть общія всѣмъ людемъ; слѣдственно не лъзя отрицать, что онѣ рождаются и непрестанно живутъ съ человѣками. Для сего мы отнесли къ самому происхожденію человѣка эпоху рожденія Религій его.

Какого же уваженія стоить тѣ безразсудныя и несмысленныя мнѣнія, копорыя сіе священное установленіе производятъ отъ страха и боязни человѣковъ? Какъ могла отъ сихъ слабостей родиться столь высокая идея о пушеводителѣ, которой можеть ихъ просвѣщать и утверждать ихъ стопы, естли бы не было уже сего сѣмени внутри ихъ? Когда же имѣють въ себѣ сіе сѣмя, для чего приписывать ему иное происхожденіе?

Нѣтъ! не лъзя сказать, чтообъ устрашительныя переменны Нашуры родили въ человѣкѣ сію идею. По большей мѣрѣ могли онѣ быть средствами возбудить въ человѣкѣ драгоцѣнныя способности, которыя столь часто усыплены бывають; но ошнюдь не сообщали ему сѣмени сихъ способностей, понеже по нимъ только онѣ и есть человѣкъ.

А еще менѣе онѣ подали ему все просвѣщеніе и всѣ знанія, нужныя къ совершенному отправленію должностей, ошносительныхъ къ его Религій и его служенію; понеже какъ скоро

го человекъ чувствуетъ въ себѣ недостатокъ сего просвѣщенія, тотчасъ же чувствуетъ, что получишь оное можешь только отъ Причины разумной, которая поколику выше его, инако имѣетъ наче выше Натуры вещественной. Но какъ человекъ при всей своей бѣдности и недостаткѣ по естеству своему выше сея самыя Натуры тѣлесной, то какой же помощи и какого просвѣщенія отъ нея ожидать можешь?

Изъ сего видно, сколь посредственные плоды всѣми переменами стихійной Области могли быть произведены въ человекъ, и сколь безразсудно искать въ нихъ источника силъ его и великости.

Чрезъ сіе не утверждаю, какъ и выше я сказалъ, чтобы страшныя происшествія, которыми Натура стихійная подвержена, не были часто возбудителями способности разумныхъ, въ человекъ уснувшихъ, и не приводили ему на память идеи перваго Существа и необходимости служить ему.

Я даже соглашаюсь, что человекъ въ скорбномъ своемъ состояніи, въ которое онъ часто впадалъ и которое должноствовало сдѣлаться ужаснѣе ради всегдашняго невѣжества, изъ вещей, разбѣянныхъ вокругъ его, избралъ такія, которыя показались ему мощнѣе прочихъ, и пресилъ отъ нихъ помощи противу угрожающихъ несчастій. Соглашаюсь,
что

что избравъ себѣ сихъ Боговъ, воздавалъ имъ почтеніе чувственное и приносилъ жертвы. Соглашаюсь, что та же ошибка могла быть въ разныхъ частяхъ земли въ разныхъ видахъ, по мѣрѣ большей, или меньшей боязни челоука, и сія могла быть причина разнскихъ между Религіями.

Что же можно изъ сего вывести противное положеніямъ, мною защищаемымъ? Не видна ли побудительная причина сихъ установлений, и не видно ли, сколь маловажны предлогъ оныхъ? Не явствуетъ ли наконецъ, что самые установившии, не могли утѣшить немощи своихъ Идоловъ, старались подкрѣпить ихъ размноженіемъ числа ихъ, часто ошметали ихъ по своей волѣ и на ихъ мѣста иныхъ поставяла, и также неспособны были и въ выборѣ средствъ къ умалостиженію ихъ? Но когда бы неподвижное сѣшло на правляло намѣренія ихъ, тогда бы и они сами и дѣла рукъ ихъ были безопасны отъ сихъ противорѣчій.

Изъ сего явствуетъ, что изслѣдовавши сего дѣла излишно распространили свои заключенія. Что страхъ и суевѣріе въ разныхъ мѣстахъ родили установленія Религій, или справедливо сказать, ввели разности въ учрежденныя уже Религіи, несправедливо было бы изъ сего заключить, что таковы источники и всѣхъ Религій, и что отсюда челоукъ почерпнулъ начальные правила и понятія, некоторы

рия ему суть общи со всѣми подобными ему. Однако не невозможное дѣло показать еще яснѣе причину сего заблужденія, и открыть ее совершенно.

Не объявилъ ли я, что человѣкъ составленъ изъ способностей чувственныхъ и изъ способностей разумныхъ? Не надлежало ли изъ сего понять, что поелику чувственныхъ его способности общи ему со скотами, то онъ способенъ къ навыкамъ, также какъ они; а сіи навыки, принадлежа всѣ чувственному, не могутъ родиться иначе, какъ помощію причинъ и средствъ чувственныхъ же?

Не надлежало ли съ другой стороны понять, что разумныя способности человека, поелику принадлежатъ къ тому чину, которой выше чувственныхъ причинъ, не могутъ состоять подъ начальствомъ сихъ чувственныхъ причинъ, и что ради приведенія въ движеніе и ради оживотворенія ихъ потребно противодѣйствіе причины и дѣйствозателя иного чина, то есть, которой бы былъ одинаковаго естества съ разумнымъ Существомъ человека.

Здѣсь находится рѣшеніе задачи: надлежитъ различить дѣла человека чувственныхъ отъ первыхъ его идей, которыя принадлежатъ разумному его Существому; надлежитъ разсмотрѣть, что климатъ, раствореніе воздуха и всѣ приключенія Нашуры вещественной и чувственной, больше, или меньше важныя,

II

могутъ

могутъ дѣйствовать на нравы, навики и на внѣшнія дѣла человѣка, могутъ даже по связи его съ чувственностію дѣйствовать спрavedливымъ образомъ на его разумныя способности; но что спеченіе всѣхъ стихійныхъ перемѣнъ, какіябъ онѣ ни были, не могутъ ему подать идеи о вышней Причинѣ, иже о главныхъ пунктахъ, которые мы въ немъ отыскали; понеже, однимъ словомъ, всѣ теперь изслѣдываемыя нами причины, будучи по своему естеству въ чинѣ чувственныхъ вещей, могутъ дѣйствовать на чувственное, и никогда на разумное.

Тогда увидимъ во всѣхъ сихъ пладахъ немощи и страха человѣческаго ложное шокмо употребленіе и безразсудное направленіе разумныхъ его способностей; но не увидимъ въ нихъ никогда происхожденія ихъ. Ибо сіи способности разумныя когда и дѣйствуютъ надъ чувственнымъ, то просто шокмо производятъ его въ движеніе, а не созоряютъ оно, хотя они и выше его: колыми наче, когда дѣйствуетъ надъ ними чувственность, не получаютъ отъ нея никогда рожденія своего, ни жизни, хотя она и колеблетъ ихъ.

И шакъ, мы опять возвращаемся къ нашему главному положенію, что начатіе Религіи относитъ должно къ первой минутѣ бытія человѣка.

Кисли

Ежели послѣ такихъ доводовъ держа-
щіеся противнаго мнѣнія еще оубо него не
остановятъ и упорно будутъ утверждать,
что человекъ обрѣлъ въ нижнихъ и чувствен-
ныхъ причинахъ источникъ шѣхъ помѣшій и
всего просвѣщенія, которыхъ, какъ мы утвер-
ждаемъ, сѣмя имѣетъ оубо въ себѣ: то для
конечнаго опроверженія ихъ системы довольно
спросить у нихъ слѣдующее: ежели, по ихъ
мнѣнію, перемѣны вѣщественной Натуры дали
человѣкамъ Религію, то для чего же скоты не
имѣютъ своей Религіи? ибо они находились
при всѣхъ сихъ перемѣнахъ, также какъ и
люди.

Не останавливаясь долѣе при такомъ мнѣ-
ніи, а поспѣемъ иначе познать всю цѣну
сего насажденнаго въ насъ сѣмени; поспѣемъ,
говорю, возчувствовать, что ежели сѣе драга-
цѣнное сѣмя, получа свое природное *удобрѣніе*,
долженствуетъ дать намъ неисчетныя плоды,
то также ничего не произведетъ, кромѣ без-
порядка и смѣшенія, ежели получишь чуждыя
ему *удаврипанія*. Наконецъ припишемъ самъ
ложнымъ *удаврипаніямъ* недоумѣнія чело-
вѣка, которыя показалъ онъ во всѣхъ сво-
ихъ шагахъ, которымъ дѣлалъ безъ предво-
дителя своего.

Но я предвижу любопытство моихъ Чи-
тателей о семъ природномъ *удаврипаніи*, о
непреложныхъ содѣйствіяхъ Причины дѣйстви-
тельной и разумной, которая имеетъ призна-

на, за непремѣнно нужный для человѣка свѣтъ; словомъ, о сей Религіи и о семъ единственномъ богослуженіи, кошорые, по объясненнымъ мною положеніямъ, привели бы всѣ богослуженія къ единому Закону.

Хотя уже сказалъ я, что человѣкъ не отъ подобнаго своего долженъ ожидать доводовъ и свидѣтельствъ вѣрныхъ о сихъ истиннахъ; по малой мѣрѣ можешь получишь отъ него начертаніе ихъ, кошорое я и намѣренъ ему предложить.

Однако я не скрою отъ него, какое себѣ насиліе дѣлаю, предпринимая сіе. Не могу взглянуть на науку безъ стыда, видя все что человѣкъ утѣшилъ, и я желалъ бы, чтобъ никто не узналъ отъ меня шого, что я знаю; ибо не нахожу въ себѣ ничего достойнаго; для сей-то причины не могу изъясняшь сихъ вещей иначе, какъ символами.

Религія человѣка, въ первобышнемъ его состояніи, подчинена была наружному богослуженію, какъ и нынѣ, хотя образъ онаго былъ особенный. Главный Законъ сего человѣка былъ обращать непрестанно взоръ свой отъ *постока до запада*, и отъ *сѣвера до полудня*, то есть опредѣлять *широты* и *долготы* во всѣхъ частяхъ вселенныя.

Чрезъ сіе получалъ онъ совершенное свѣдѣніе всего, что въ ней происходило; очищалъ
отъ

отъ злодѣевъ всю свою область, безопасно дѣлалъ дорогу путешественникамъ благонамѣреннымъ, и учреждалъ порядокъ и тишину во всѣхъ государствахъ, покоренныхъ владычеству его; чрезъ сіе являлъ онъ въ полнотѣ могущество и силу первыя Причины, возложившей на него сей высокій санъ; и сіе служеніе было самое достойное, почтительное и угодившее для нея; ибо, будучи по естеству своему *едина*, не имѣла она никогда иной цѣли, какъ распространить повсюду свою *единицу*, то есть устроить блаженство всѣхъ Существъ.

Однако, естли бы человѣкъ въ отправленіи вѣренныхъ ему обширныхъ должностей не имѣлъ вспомошествованія, не могъ бы одинъ объять всѣхъ ея частей: чего ради имѣлъ онъ при себѣ служителей вѣрныхъ, которые исполняли его велѣнія съ точностію и скоро. Онъ помыслилъ, служители читающъ его изволенія, и начертающъ ихъ письмами, шоль ясными и шоль изразительными, которыми безопасно были отъ всякаго двосмыслія.

Понеже первая Религія его неизмѣнима, то хотя и палъ онъ, однако обязанъ еще кѣмъ же должностямъ; но какъ перемѣнилъ онъ климатъ, то надлежало перемѣниться и Закону, по которому долженъ онъ отправлять дѣла Религіи.

Перемѣна сія состоятъ въ томъ, что ему сдѣлались необходимыми въ богослуже-

ним чувственным средствамъ, въ которомъ никогда не должно бы имъ имѣть мѣста. Однакожъ какъ сія средства сами представляють ему естественнымъ образомъ, то не великъ ему трудъ сыскать ихъ, но гораздо большій данъ имъ силу и употреблять съ успѣхомъ.

Первыхъ, при всякомъ шагѣ находить онъ свой *Опшаръ*; и сей *Опшаръ* всегда украшенъ *Ломтирами* неугасающими, которыми шель не долго будеть существовать; какъ и самый *Опшаръ*.

Вторыхъ, всегда имѣетъ онъ при себѣ *луретъ*, такъ что каждую минушу можетъ совершать дѣла своей Ресмиа.

Но при всѣхъ сихъ преимуществахъ ужасно и подумать, сколько опдаленъ человекъ отъ своей мечты, сколько еще надлежитъ ему дѣлать покушеній для пріобрѣтенія возможности исполнить совершенно первый свои обязанности; да и когда достигнетъ онъ сего, останется всегда въ невозвратномъ порабощеніи, которое будеть являть надъ нимъ даже до конца жестокости его осужденія.

Сіе порабощеніе состоитъ въ томъ, что самъ собою ничего не можетъ, а всегда долженъ зависѣть отъ сел Причины дѣйствительныхъ и разумныхъ, которая одна шелько можетъ наставить его на путь, когда онъ онаго

оного удалился, которая одна можеть поддержать его на ономъ, и которая должна нынѣ направлять всѣ снопы его, такъ что безъ нея не только не можеть онъ ничего познать, но даже никакихъ плодовъ отъ своихъ познаній и собственныхъ способностей получить не можеть.

А припомъ, не имѣеть онъ того, чѣмъ во время своей славы владѣлъ; тогда читалъ онъ самыя сокровеннѣйшія мысли и своихъ Начальниковъ и подчиненныхъ, и могъ слѣдственно по своей волѣ имѣть съ ними сообщеніе. Но въ страшномъ наказаніи, коему нынѣ подвергнулся, не можеть льститься возстановить сіе сообщеніе иначе, какъ начавъ прежде учиться *писать*; щастливъ онъ, когда уже вступастъ въ обученіе *читать*; ибо есть многіе люди, и припомъ славные своими знаніями, которые проводятъ жизнь, *не читая* никогда.

Однако не лзя сказать, чтобы нѣкоторые и *не читали*, *не писали* никогда; но сіи суть особенныя преимущества, а всеобщій законъ есть начинать *писаніемъ*; напрошивъ сего въ первобытномъ состояніи человѣкъ могъ свободно заниматьса всегда *чтеніемъ*. Но какъ наказаніе человѣка должно происходить во времени, то сей Законъ времени обязываетъ его восходить постепенно, хотя поспѣшно, но неосмыленно. нужно ради возстановленія своихъ правъ и познаній; напрошивъ чего въ первомъ его происхожденіи ничего

медленно не дѣлалось, и каждая его способность соотвѣтствовала всегда нуждамъ его, и тотчасъ дѣйствовала по его желанію.

Сія неизреченныя преимущества заключались въ обладаніи и разумнѣи Книга безцѣнной, которая была въ числѣ даровъ, полученныхъ человекомъ съ его рожденіемъ. Хотя сія Книга состояла изъ десяти только листовъ, но заключала въ себѣ все просвѣщеніе и всѣ Науки о томъ, что было, что есть и что будетъ; и могущество человека было тогда столь велико, что онъ имѣлъ способность читать вдругъ на десяти листахъ Книги и обозрѣвать ее однимъ взглядомъ.

По низверженіи его хотя и оспалась при немъ сія Книга, но лишился онъ способности читать ее столь удобнымъ образомъ, и не иначе можетъ уже знать всѣ листы ея, какъ одинъ послѣ другаго. Однакожъ никогда не вступитъ онъ въ полное обладаніе своихъ правъ, пока не вычитъ всѣхъ ихъ; ибо хотя каждой листъ содержитъ въ себѣ познаніе особенное и себѣ собственное, однако всѣ они десять такъ связаны, что не льзя ни одного совершенно узнать, не познавъ всѣхъ ихъ; и хотя я сказалъ, что человекъ не иначе можетъ ихъ читать, какъ одинъ послѣ другаго, но ни одинъ шагъ его не будетъ вѣренъ, ежели всѣхъ онъ совсѣмъ не прочтетъ, а особливо четвертаго, которой служитъ точкою соединенія всѣмъ прочимъ.

Ис.

Истиннѣ сей люди мало внимали, а весьма было важно имѣ примѣнить ее и познать; ибо всѣ рождающіяся съ Книгою въ рукахъ; и стремились изученіе и разумѣніе сей Книги есть точная ихъ обязанность, но легко разсудить, сколь важно, чтобы не сдѣлать въ разсужденіи ся ошибокъ.

Но ихъ нерадѣніе въ семъ случаѣ дошло до крайности: никто почти изъ нихъ не усмотрѣлъ сего естественнаго союза десяти листовъ Книги, по коему они совершенно нераздѣлимы. Иные остановились въ половинѣ сей Книги, другіе на третьемъ листѣ, нѣкоторые на первомъ, откуда и произошли безбожники, матеріалисты и деисты; иныежъ хотя и усмотрѣли союзъ сей, но не поняли этого важнаго различія, которымъ отдѣляются листы другъ отъ друга, и увидя, что всѣ они совокуплены, почли ихъ равными и одинакаго свойства.

Что же произошло изъ сего? То, что поставя себя предѣль на томъ мѣстѣ Книги, котораго пройти не имѣли мужества, и утверждаясь на своемъ мнѣніи, которое однако изъ сей же книги почерпнуто, возмнили, что имѣютъ ее всю, а потому возмечтавъ, что не могутъ уже ошибиться въ своемъ ученіи, тѣпились всѣми силами сіе доказать. Но отсѣченныя сіи истинны, не получая никакого питанія, скоро погибли въ рукахъ опощевшихъ ихъ; и у сихъ несмысленныхъ

людей остался только призракъ Науки, который не могли они показать за твердое и вѣрное за истинное существо, не прибѣгнувъ къ обману.

Отсюда-то произошли всѣ тѣ заблужденія, которыя въ послѣдствіи сего сочиненія рассмотримъ, равно какъ и тѣ, которыя уже мы показали въ разсужденіи двухъ противоположныхъ Началъ, въ разсужденіи естества и Законовъ Существъ тѣлесныхъ, въ разсужденіи разныхъ способностей человека, въ разсужденіи начальныхъ положеній и происхожденій Религии его и богослуженій.

Мы увидимъ послѣ, на какую особенно часть Книги пали ошибки; но прежде дополнимъ идю, какую должно имѣть о себѣ несравненной Книгѣ, и опишемъ разные Науки и разные свойства, которыхъ познаніе заключается въ каждомъ ея листѣ.

Первый листъ предлагалъ о повсемстивномъ Началѣ, или о Центрѣ, изъ котораго непрестанно изтекаютъ всѣ Центры.

Второй о случайной Причинѣ вселеннаго; о двойственномъ Законѣ тѣлесномъ, который поддерживающъ ее; о двойственномъ Законѣ разумномъ, дѣйствующемъ во времени; о двойственномъ естествѣ человека, и вообще о всемъ, что составлено и создано на двухъ дѣйствіяхъ.

Треть

Третій объ основаніи Тѣлѣ , о всѣхъ содѣйствіяхъ и произведеніяхъ всѣхъ Родовъ. Здѣсь находится число невещественныхъ Существъ, которыя не мыслятъ.

Четвертый о всемъ дѣйствующемъ ; о Началѣ всѣхъ Языковъ какъ временныхъ , такъ и вѣчныхъ , которые вѣи времени ; о Религіи и богослуженіи человѣка. Здѣсь находится число Существъ невещественныхъ , которыя мыслятъ.

Пятый о Идолопоклонствѣ и гнѣсінѣ.

Шестый о Законахъ созданія міра временнаго , и о естественномъ раздѣленіи Круга полушаріемъ, или радіусомъ.

Седьмой о причинѣ Вѣтровъ , Приливъ и Отливъ моря; о Дѣйствіяхъ географической человѣка; о истинной его Наукѣ и источникахъ произведеній его разумныхъ , или чувственныхъ.

Осьмій о числѣ временномъ того , который есть единственное подкрѣпленіе , единственная сила и единственная надежда человѣка, то есть объ ономъ Существѣ истинномъ и физическомъ , которое имѣетъ два имени и четыре числа ; поелику оно есть дѣйствительное купно и разумное, и поелику дѣйствіе его просируется на четыре Міра. Вѣсемъ же дѣлѣ о Правосудіи и о вѣсѣ властахъ

стяжѣ законодательныхъ, гдѣ также содержится и права Государей, и власть Полководцевъ и Судей.

Девятый о зачатіи чловѣка тѣлеснаго во чревѣ жены, и о рѣзѣленіи треугольника всеобщаго и частнаго.

Десятый наконецъ былъ пушь и дополнение къ девяти предъидущимъ. Сей безъ сомнѣнія былъ существеннѣйшій, безъ котораго всѣ прочіе были бы невѣдомы; ибо когда расположишь всѣ десять въ кругѣ по числительному ихъ порядку, то увидишь, что сей болѣе всѣхъ имѣетъ смежности съ первымъ, отъ котораго все исходитъ; и ежели желаешь кто судить о важности его, то надобно знать, что чрезъ него Создатель вещей есть непобѣдимъ; понеже онъ есть ограда, защищающая его со всѣхъ сторонъ, которую никакое Существо перейти не можетъ.

И такъ, понеже въ семъ исчисленіи содержится всѣ знанія, которыхъ можетъ чловѣкъ желать, и Законы ему предписанные, то явственно, что никакой науки не постигнешъ, ниже можешь исполнить своихъ истинныхъ должностей, не прибѣгнувъ къ сему источнику. Мы теперь уже знаемъ, кака рука должна быть его пушеводителемъ; и какъ безъ нея руки не можетъ чловѣкъ ни на едину пядь приблизиться къ сему обильному источнику, такъ равнымъ образомъ можетъ онъ
быть

быть увѣренъ, что достигнетъ онаго, когда забудетъ свою волю, и позволишь дѣйствовать волѣ Причины дѣйствующей и разумной, которая одна должна за него дѣйствовать.

И такъ поздравимъ его, что онъ еще можешь въ бѣдности своей обрѣсти такого помощника; да наполнился сердце его надеждою, зря, что и нынѣ возможно ему безошибочно открыть въ сей драгоценной Книгѣ естество и свойства Существъ, причину вещей, истинные и непреложные Законы Религій своей и служенія, которое непременно обязанъ онъ воздавать первому Существу, то есть, послѣку человѣкъ есть купно разуменъ и чувственъ; а какъ нѣтъ ничего такого, что бы не было которое нибудь изъ обоихъ; слѣдственно долженъ онъ познать отношенія свои ко всему, что существуетъ.

Ибо, когда Книга содержитъ въ себѣ не болѣе десяти листовъ, но при всемъ томъ заключаетъ въ себѣ все: то нѣтъ ничего такого, чтобъ не принадлежало по своей натурѣ къ которому нибудь изъ сихъ десяти листовъ. Почему всякое Существо показываетъ само свой чинъ и къ которому листу принадлежишь. И такъ каждое Существо подаетъ намъ средства познать все, что до него относится. Но дабы направить себя на путь познанія, надлежишь умѣть распознавать Законы истинные и простые, которые составляютъ естество Существъ, отъ Законовъ вымышленныхъ
людей.

людьми на мѣсто сихъ, ежедневно подставляемыхъ.

Обратимъ взоръ на ту часть Книги, которая, какъ я сказалъ, болѣе прочихъ упомянута была во зло. Она есть четвертый листъ, котораго, какъ мы признали, болѣе всѣхъ относится къ человеку; посланку на немъ написаны должности человека и справедливые Законы его Существа мыслящаго, равно какъ и правила Религій его и богослуженія.

Въ самой вещи естли бы онъ славовалъ точно, постоянно и съ чистымъ намереніемъ всѣмъ пунктамъ, ясно тамъ написаннымъ, могъ бы онъ получить помощь отъ самой руки, наказавшей его, вознестись надъ сею развращенною Страною, въ которую изгнанъ въ наказаніе, и обрѣсти славы древняго шая власти, по силѣ которой опредѣлялъ онъ нѣкогда *широты* и *долготы* для удержанія всеобщаго порядка.

Но какъ съ симъ четвертымъ листомъ сопряжены были столь сильныя вспоможенія, то, какъ мы сказали, и заблужденія его въ сей части должны бытъ важнѣйшія; и въ самомъ дѣлѣ, естли бы человекъ не пренебрегъ преимуществъ сего листа, то все на Землѣ пребывало бы еще, въ блаженствѣ и мирѣ.

Первое заблужденіе человека было то, что переставлялъ сей четвертый листъ, и мѣсто

что его занялъ плетымъ, на которомъ написано, о идолопоклонствѣ; понеже такимъ образомъ обезобразивъ Законы своей Религии, не могъ получить отъ нихъ тѣхъ плодовъ и той помощи, какіе получилъ бы, есмьли бы пребылъ въ истинномъ богослуженіи. Напротивъ сего, получа въ награду только тѣмъ, погрузился въ нее, такъ что не возжелалъ и свѣта.

Таковъ былъ поступокъ Начала, о которомъ сперва мы сказали, что оно учинилось влчмъ по собственному изволенію; таковъ поступокъ былъ и перваго человѣка, таковъ же и многихъ его потомковъ, а особливо между Нарадами, пріемающими свой *Востокъ* при Югъ Земли.

Сіе заблужденіе, или сіе беззаконіе не прощается, а подвержено напротивъ неупустительному и строжайшему наказанію; но простолудимы безопасны отъ сихъ заблужденій; ибо шествующіе токмо падаютъ, а большая часть не шествуетъ; однакожъ какъ можно поступить вдалѣ, не шествуя?

Второе заблужденіе состоитъ въ грубомъ понятіи о свойствахъ, принадлежащихъ сему четвертому листу, и въ томъ, что почтенны они удобными къ истолкованію всего; ибо прикладывая ихъ къ вещамъ, съ кошорыми не могутъ они сходствовать, не возможно ничего обрѣсти.

Кому

Кому не извѣсны также худыя успѣхи тѣхъ, которые полагающъ четыре Спихи за основаніе Вещества, не смѣющъ опиять мысли у скошовъ, стараются сыскать сходство между численіемъ Солнечнымъ и численіемъ Луннымъ, которые ищущъ на земли долгошы и квадратуры круга; однимъ словомъ, которые сжедневно ищущъ подобныхъ отккрышъ и никогда не находящъ удовольствительныхъ себѣ успѣховъ, какъ то мы въ продолженіи сего Сочиненія будемъ показывать? Но какъ сіе заблужденіе не устремлено прямо прошиву всеобщаго Начала, то послѣдователи его наказуются шокмо невѣжествомъ, и оно не прѣбуешъ очищенія.

Есть еще шрешіе, которое состоишъ въ томъ, что человекъ при семъ своемъ невѣжествѣ возмнѣлъ себя бышъ владѣтелемъ священныхъ преимуществъ, которыхъ въ самомъ дѣлѣ четвертый сей листъ могъ бы ему сообщить; въ таковой мысли разбѣялъ между подобными себѣ составленныя имъ самимъ неправедныя пеняшя о Истиннѣ, и обратилъ на себя взоры Народовъ, которымъ надлежало бы возводить оныя къ первому шокмо Существу, къ Причинѣ физической дѣйствующей и разумной, и къ шѣмъ, которые трудами своими и своими *качествами* снискали право предшавляшъ на Земли лице ея.

Сіе заблужденіе меньше перваго пагубно, но гораздо вреднѣе втораго; понеже оно
по:

подаетъ людямъ ложную и дѣшскую идею о Создателѣ вещей и о путяхъ, ведущихъ къ Нему; ибо наконецъ всякой изъ тѣхъ, которые имѣли столько неразумія и дерзости, что не устыдились такъ о себѣ объявлять, учредилъ особливую Сисстему, особливое Ученіе и особливую Религію. Но сіи учрежденія, и сами по себѣ и по недостаточному своему пошановленію нешвердыя, не могли не быть еще болѣе повреждаемы, такъ что, будучи темны и мрачны съ самаго зачатія своего, въ продолженіи времени совершенно открыли свое безобразіе.

Присовокупимъ страшныя злоупотребленія познаній, заключающихся въ четвертомъ листѣ Книги, коея блюстителями родимся; присовокупимъ произшедшій отъ того безпорядокъ къ тому, что мы замѣтили о невѣжествѣ, страхѣ и немощи людей, и ошложимъ символы: то и будемъ имѣть изъясненіе и происхожденіе сего множества Религій и богослуженій, употребляемыхъ между Народами.

Смотря на сію безобразную ихъ разноту и взаимное противорѣчіе, обличающее несправедливость ихъ, не можемъ не ощущать къ нимъ презрѣнія; но когда вспомнимъ, что сіи разности и сіи нещности падали всегда шокмо на чувственное; когда вспомнимъ также, что Человѣкъ, по дару мысли своея будучи образъ и подобіе перваго Существа мыслящаго, всѣ свои

Р

Зако-

Законы приносятъ съ собою; тогда признаёмъ, что и Религія его равномерно съ нимъ же рождается; что не токмо она въ немъ не есть слѣдствіе примѣра, упрямства, невѣжества и страха, который могъ бытъ въ немъ произведенъ превращеніями Натуры; но что напротивъ сія - то всѣ причины такъ часто ее обезображивали и доводили Человѣка къ тому, что онъ сталъ недоумѣвать своему единственному средству противу золь своихъ. Тѣмъ паче признаемся, что онъ единъ страдаетъ отъ своихъ перемѣнъ и слабостей; что источникъ его бышя и пущя, коимъ ему позволено достигнуть къ оному, тѣмъ не менѣе пребудутъ чисты, и что можетъ онъ твердо уповать обрѣсти точку соединенія, которая бы была общая со всѣми подобными ему, когда только обратишь очи къ сему источнику и къ единственному свѣту, могущему его шуда проводить.

Сія - то надлежитъ намъ имѣть понятія о истинной Религіи Человѣка и о всѣхъ тѣхъ, которые на земли несправедно носили сіе имя. Теперь изслѣдуемъ причину заблужденій, учиненныхъ примѣчателями въ Полишикъ; ибо разсмотрѣвъ Человѣка самаго въ себѣ и относительно къ его Началу, весьма нужно кажется разсмотрѣть его въ отношеніяхъ къ подобнымъ ему.

5.

Когда разсматриваемъ человека въ политическихъ его отношеніяхъ, то подобно какъ и въ предъидущихъ примѣчаніяхъ представляется онъ въ двухъ видахъ: въ первомъ, каковъ онъ могъ и долженъ бы быть въ общественномъ состояніи; а во второмъ, каковъ онъ есть въ томъ же состояніи. Изслѣдывая соотношеніемъ, каковъ онъ долженъ бы быть въ общественномъ состояніи, научимся судить лучше и о томъ, каковъ онъ есть нынѣ. Сіе сличеніе есть несомнѣнное и единственное средство открыть ясно тайнства, въ которыхъ скрывается происхожденіе обществъ, показать основаніе правъ Государей и положить правила управленія, по которымъ государства могли и должныствовали бы быть содержимы и управляемы.

Политикамъ, которые больше прочихъ старались слѣдовать теченію Натуры, величайшее было затрудненіе согласить всѣ общественныя Установленія съ начальными правилами правосудія и равенства, усматриваемыми въ нихъ. Какъ скоро сѣдали они, что человекъ свободенъ, то и вѣдумали, что онъ рожденъ бытъ независимымъ, и потчасъ судили, что всякое подвластіе противно истинной сущности его.

И шакъ въ самомъ основаніи, по ихъ мнѣнію, всякое Правленіе есть погрѣшность, и человекъ не долженъ бы имѣть надъ собою ниаго начальника, кромѣ самаго себя.

Р 1

Но

Но какъ мнимая сія погрѣшность зависимо-
сти чловѣка и властвованія надъ нимъ вездѣ
непрестанно встрѣчается ихъ глазамъ, то не
могли они удержаться отъ любопытства,
чтобы не поискашь происхожденія и причины
ея; тогда-то воображеніе ихъ, принявъ самую
вещь за ея Начало, пустилось лстать по
своей волѣ, и тогда-то Примѣчатели показали
столько же малознанія, сколько и въ изъясне-
ніи происхожденія зла!

Они вздумали, что проворство и сила
вручили начальство повелителямъ чловѣковъ;
и что верховная Власть основана токмо на
бесилии попустившихъ себя покорить. Чего
ради сіе немощное право, не имѣя никакой
существенной твердости, можешь, какъ ви-
димъ, быть колеблемо и попеременно пере-
ходишь во всякія руки, которыхъ имѣють силу
и дарованія, пошребныя къ завладѣнію онымъ.

Другимъ понравилось описать подро-
бно насильственные, или хитрые способы,
которыми, по ихъ мнѣнію, основаны государ-
ства; они представили намъ ту же систему
въ обширѣйшемъ видѣ. Таковы суть тщет-
ныя умствованія тѣхъ, которые полагаютъ по-
будительною причиною сихъ учрежденій ну-
жды и суровость первыхъ людей, и говорили,
что сіи необузданные люди, живучи какъ лов-
цы въ лѣсахъ, дѣлали набѣги на упражняв-
шихся въ земледѣліи и скотоводствѣ, желая
пользоваться всеми выгодами ихъ; что по-
шомъ

шомъ для удержанія своего превосходства, насиліемъ присвоеннаго, и которое было точное угнѣшеніе, сіи хищники власти принуждены были учредить законы и наказанія. Такимъ образомъ кто былъ хитрѣе, отважнѣе и замысловатѣе всѣхъ, остался наконецъ властелиномъ и утвердилъ свое господствованіе.

Но тошчасъ и видно, что сіе не могло быть первое общество; понеже предполагающя уже земледѣльцы и пастухи. Однакожъ шаково почти было главное мнѣніе шѣхъ Полишиковъ, которые рѣшительно утверждали, что Начало правосудія и равенства не могло никакъ быть основаніемъ Правленій. Къ сему же заключенію приводили они всѣ свои системы и нужныя къ подтвержденію ихъ примѣчанія.

Нѣкоторые думали поправить сію несправедливость, положа за основаніе всякаго общества общее согласіе и единодушное изволеніе нераздѣлимыхъ, изъ которыхъ оно составлено, и которые, поелику не сильны были каждой въ особенности переносить опасныя слѣдствія естественной свободы и независимости подобныхъ своихъ, принуждены были отдавать въ руки единаго, или нѣсколькихъ людей, права естественнаго своего состоянія и обязаться соединенными силами подкрѣплять власть избранныхъ ими начальниковъ.

И такъ, въ силу сего добровольнаго поступленія, власть, отъ него происшедшая, не

есть уже, говоряшъ они, несправедная. Потомъ, основавъ власть Поведителя на томъ же согласіи, равно какъ и выгоды Подданныхъ, учредили такимъ образомъ полишическія Тѣла; остается между ими разность въ частныхъ токмо средсвахъ управленія, которыя могутъ перемѣняясь по временамъ и случаямъ.

Сіе мнѣніе кажется быть самое разсудительное и сходнѣйшее съ желаемымъ естественнымъ понятіемъ о правости Правленій, въ которыхъ особы и мнѣніе находятся подъ покровительствомъ верховнаго Начальника, и въ которыхъ сей Начальникъ, имѣя цѣлю токмо общее благо, ничѣмъ болѣе не занимается, какъ поддерживать Законъ, долженствующій доставлять оное.

Напротивъ того въ насильственномъ соединеніи зрится токмо образъ свирѣпства тнуснаго, гдѣ Подданные суть жертвы, и гдѣ Тирани въ выгоды общества, надъ которыми учинился владыкою, единому себѣ присволяетъ. О правленіи сего рода не стану я много говорить, хотя оно и не безъ примѣровъ; но послѣку не видно въ немъ никакихъ слѣдовъ правосудія, ни разсудка, не можетъ оно согласоваться ни съ которымъ истиннымъ начальнымъ правиломъ, природнымъ человеку; иначе скопище разбойниковъ надлежало бы называть полишическимъ Тѣломъ.

Одна-

Однакожь не довольно начертать понятіе о произвольномъ соединеніи людей; не довольно также и того, что въ образѣ Правленія, который бы оцѣ него произошелъ, кажется было бы болѣе правильности, нежели во всѣхъ учрежденныхъ насиліемъ: надлежитъ еще рачительно изслѣдовать, возможно ли сіе добровольное совокупленіе, и не столь же ли мечтательно и сіе зданіе, какъ и насиліемъ учрежденное общежительство. Сверхъ того надлежитъ разсмотрѣть, что ежели бы и возможно было такое согласіе, то могъ ли бы человѣкъ законнымъ образомъ приступить къ такому постановленію.

По сему-то изслѣдованію Политики могутъ судить о дѣйствительности Правъ, служащихъ во основаніе Обществамъ; и когда найдутся они недостаточными, легко будетъ усмотрѣть, узнавши, въ чемъ они погрѣшаютъ, какія необходимо должно поставить на мѣсто ихъ.

Не требуется великаго размысленія, чтобы почувствовать, сколь трудно представить себѣ добровольное соединеніе цѣлаго Народа. Чтобы мнѣнія всѣхъ могли быть единогласны, надобно, чтобы всѣ одинаково представляли себѣ побудительныя причины и условія новаго обязательства; а сего не бывало и быть никогда не можетъ въ той Странѣ и среди тѣхъ вещей, которыхъ основаніе и предметъ есть Чувственное; ибо

не должно болѣе сомнѣваться, что въ Чувственномъ все относительное и нѣтъ ничего постояннаго.

Кромѣ того, что надлежало во всякомъ Членѣ утѣшить склонность къ любоначалию, или желаніе быть близкимъ къ Начальнику, требуется еще соглашеніе безчисленныхъ мнѣній, которое никогда еще между людьми не встрѣчалось, какъ о выгоднѣйшемъ образѣ Правленія, такъ и о всеобщей и частной пользѣ и о множествѣ другихъ вещей, которыя должны составлять Спашьи Договора.

И такъ не нужно распространять примѣчанія, чтобы согласиться, что учрежденіе общежительства на свободномъ произволеніи всѣхъ членовъ ни малаго не имѣетъ правоподобія, и чтобы признаться, что не возможно, чтобы было когда подобное общество.

Но допустимъ возможность сего, допустимъ сіе единодушное стеченіе всѣхъ голосовъ, и положимъ, что образъ сего Правленія, равно какъ и Законы, приличествующіе ему, утверждены общимъ согласіемъ: остается еще спросить, имѣетъ ли человѣкъ право вступить въ такое обязательство, и согласно ли съ разсудкомъ полагаться на тѣ обязательства, которыя онъ самъ составилъ.

Изъ всего сказаннаго доселѣ о человѣкѣ читатель долженъ уже знать его столько, чтобы

чтобы напередъ почувствовать, что таковое право никогда не могло быть ему дано, и что сіе его Дѣяніе было бы ничтожно и излишно. Во-первыхъ припомнимъ о той Указательницѣ пуши неизмѣняемой, которую мы признали предводителемъ его, не упустимъ никогда изъ памяти нашей, что всѣ шаги его, которые безъ ея руководства онъ дѣлаетъ, бывающіе сомнительны, понеже безъ нея человекъ не имѣетъ свѣта, и она по самой сущности своей поставлена руководствовать ему и начальствовать при всѣхъ его дѣйствіяхъ.

И такъ ежели бы человекъ безъ соизволенія сей Причины, бдящей надъ нимъ, вступилъ въ столь важное обязательство, каково есть подчиненіе себя другому человеку: то онъ долженъ въ сомніи находиться, сообразенъ ли поступокъ его собственному его Закону, и слѣдственно служить ли къ его благополучію; и сего бы довольно было удержатъ его, ежелибъ хотя мало внушилъ онъ гласъ благоразумія.

Потомъ, размысливъ прилѣжнѣе о своемъ поступкѣ, не признался ли бы, что не только онъ подвергается бытъ обманутъ, но еще и всѣ главные уставы Правосудія прямо нарушаетъ, уступая другимъ людямъ тѣ права, которыми законно не можешь располагать, и о которыхъ знаетъ, что они существенно содержащіяся въ рукѣ, долженствующей все за него дѣлать?

Вторыхъ , сіе обязательство было бы неосновательно и безразсудно потому , что ежели воиспину сія Причина , о коей говоримъ , должна бытъ ему всегда и вездѣ пуководительницею , и всю нужную къ тому власть и силу имѣеть въ себѣ , то совѣмъ бесполезно употреблять вмѣсто ея инаго руководителя. Тѣмъ паче должны мы тоже сказать , разсуждая о человѣкѣ сходственнѣе Полипиками : немощь , говорящѣ они , и нестерпимая трудность естественнаго состоянія принудила его выбрать себѣ Начальниковъ и Покровителей. Въ самомъ дѣлѣ , ежели бы сей человѣкъ имѣлъ силы поддерживашъ себя , не имѣлъ бы нужды въ постороннихъ подкрѣпленіяхъ ; а ежели не имѣетъ онъ сихъ силъ ; ежели , потерявъ оныя , хочетъ ими поступить-ся другому человѣку : то что же ему дастъ и гдѣ же искать того , что составляетъ вещество Договора ?

И такъ въ самой вещи добровольное общежителство учрежденіе есть столь же несправедное и безразсудное дѣло , сколько и несбытное ; потому что въ немъ долженъ человѣкъ человѣку вручить такое право , кошорымъ самъ не обладаетъ , то есть право располагать самимъ собою ; и потому , что когда отдаетъ право , кошораго самъ не имѣетъ , то дѣлаетъ договоръ , ничего незначащій , кошорому ни Начальникъ , ни Подчиненные не могутъ дать никакой силы , поелику не могутъ онъ связать ни того , ни другаго.

Тѣ

Теперь совокупимъ все вышесказанное. Если насильственное составленіе общества есть явное свирѣпство, а добровольное не возможно и купно противно Правосудію и разуму: то гдѣ же найти намъ истинныя Начала правленій? Ибо наконецъ есть Государства, которыя познали ихъ и имъ слѣдуютъ.

Въ семъ-то изысканіи, какъ я уже сказалъ, Полищики всѣ свои силы истощаютъ; и если бы только могли они найти, что мы видѣли, то справедливо можемъ утверждать, что они не сдѣлали еще первыхъ шаговъ къ своей Наукѣ.

Есть, правда, въ нихъ нѣкій тайный гласъ, побуждающій ихъ согласиться, что какая бы ни была причина составленія политическаго Тѣла, но Глава его есть непременно блюститель верховной власти и могущества, которое само собою долженствуетъ подчинять ему всѣхъ подданныхъ; признаютъ они, говорю, въ Государяхъ превосходную силу, которая естественнo вселяетъ почтеніе и повинненіе.

Сіе и я за честь себѣ поставляю вмѣстѣ съ Политиками исповѣдать предъ цѣлымъ свѣтомъ; но какъ не могли они открыть, откуда сіе превосходство должно произойти, то не умѣли сдѣлать себѣ ономъ яснаго понятія, и для того дальнѣйшіе ихъ

ихъ заключенія ничего имъ не открыли, кромѣ
лжи и противорѣчій.

Почему многіе изъ нихъ, не весьма довольны будучи своими открытіями, и не находя способевъ изъяснить человека въ обществѣ, прибѣгли къ первой своей идеѣ и принуждены были сказать, что ему не надлежало бы быть въ обществѣ; но мы ясно увидимъ, что сія догадка не болѣе основательна, какъ и вздуманная ими о средствахъ, составившихъ общественство, и что она есть паче ясное доказательство недоумѣнія и шоролливости ихъ Разсужденій.

Чтобы рѣшить сей вопросъ, спѣшитъ только посмотреть на человека. Жизнь его не есть ли цѣль непрерывныхъ зависимостей? Самое дѣяніе вступленія его въ шѣлесную жизнь не являетъ ли уже знаковъ подвластности его, къ коей осужденъ онъ на все время живота? Въ рожденіи его не нужно ли дѣйствіе внѣшней причины, дабы зародыша его оплодотворить и возбудить въ немъ противо-дѣйствіе, безъ котораго онъ не жилъ бы? А сіе не есть ли то уничижительное подвластіе, которое обще ему со всѣми существами Натуры?

Какъ скоро явился онъ на свѣтъ, сія зависимость бываетъ еще ощутительнѣе; потому что глаза шѣлесныя человѣковъ суть уже свидѣтели ея. Тогда въ совершенномъ его
без-

бессиліи и немощи, подлинно позорной, потребна ему помощь существъ его рода и безчисленные ихъ попеченія, дабы не умереть, доколѣ, достигнувъ возраста могущаго обойтися безъ нихъ, относительно къ нуждамъ тѣла, придетъ въ себя и начнетъ пользоваться всѣми преимуществами и силами своего тѣлеснаго существа.

Но такъ устроено естество человѣка и такъ расположила Мудрость бдящаго надъ нимъ Ока, что прежде, нежели достигнешъ онъ сего предѣла независимости тѣлесной, ощущаешь иного рода нужду, которая еще тѣснѣе связываетъ его съ десницею, подкрѣпляющею младенчество его; нужду, говорю, разумаго существа его, которое, начиная чувствовать свое лишеніе, волнуется и пускается слѣпо на все, что можешь возвратитъ ему спокойствіе.

Въ слабомъ семъ возрастѣ естественно обращаетъ онъ свое вниманіе на все окружающее, а паче на тѣхъ, которые, вспоможествуя ему ежедневно въ тѣлесныхъ нуждахъ, по праву кажутся должны быть первыми блюстителями довѣренности его. У нихъ при каждомъ шагѣ проситъ онъ познанія о самомъ себѣ, и отъ нихъ только въ самомъ дѣлѣ и долженъ онаго ожидать; ибо ихъ дѣло есть направлять его, подкрѣплять, просвѣщать, сколько позволятъ возрастъ, вооружать противу *Заблужденія* и приутошлять ко *вранію*; словомъ, ихъ

ихъ долгъ есть дѣлать надъ разумнымъ существомъ его то, что дѣлали они надъ шѣломъ его, когда ощущалъ онъ болѣзни, не будучи въ силахъ ни сносить, ниже избавишь себя отъ нихъ. Вотъ безъ сомнѣнія истинный источникъ общежитія людей, и вотъ при томъ картина, могущая показать человѣку, какаѣ есть главныя обязанности его, когда онъ становится Отцемъ!

Для чего въ скотахъ не находимъ ничего сему подобнаго? Для того, что по естеству ихъ не свойственны имъ таковыя нужды; для того, что скотъ, управляемъ будучи Чувственнымъ, когда сіѣ нужда не побуждаетъ его, то онъ ничего болѣе не знаетъ; для того, что потребности шѣла суть мѣра всѣхъ его способностей; а какъ скоро сіи потребности удовлетворены, то нѣтъ у него ни чувствительности, ниже желанія; и пошому-то нѣтъ у него общественнаго союза.

Да не приведутъ мнѣ въ примѣръ привязанность скотовъ къ своимъ ли подобнымъ, или къ человѣку; мы говоримъ здѣсь о естественномъ шокмо теченіи и побужденіяхъ существъ; а всѣ, какіе могутъ быть представлены, примѣры суть конечно плодъ навыка, которой, какъ индѣ мы сказали, можешь приличествовать и находишься въ скотѣ, какъ въ существѣ чувственномъ.

Равно не могутъ здѣсь приведены быть въ доводъ шѣ сонмищи Животныхъ, которыя
жи.

Живутъ и странствуютъ вмѣстѣ на земли, или въ водѣ, или въ воздухѣ; ихъ совокупляетъ частная каждаго нужда чувственная; но истинной привязанности другъ къ другу поль мало въ нихъ, что одно изъ нихъ можетъ погибнуть, и отстать, а прочія этого и не примѣшаютъ.

И такъ изъ примѣчаній сихъ о первыхъ лѣтахъ нашего вещественнаго бытія видимъ, что человѣкъ не съ тѣмъ рожденъ, чтобы жить отдѣленну отъ прочихъ. Видимъ, что, когда и тѣлесная его зависимость исполнилась, остается онъ еще привязанъ несравненно крѣпчайшимъ узломъ, понеже оный опносится къ его собственному существу; видимъ, говорю, что ради нужды, неослучныхъ отъ настоящаго его состоянія, будетъ онъ всегда искать сообщенія подобныхъ себѣ; и ежелибъ они никогда не обманывали его, или ежели самъ уже не развратился, не подумалъ бы удаляться отъ нихъ; хотя тѣлу его и не нужна уже помощь ихъ.

Слѣдственно суебно исканъ былъ источникъ общественности въ единыхъ чувственныхъ нуждахъ и въ семъ сильномъ средствѣ, которымъ Натура привлекаетъ человѣка къ Существамъ своего рода ради произведенія ихъ; ибо, послѣку въ семъ подобенъ онъ скошу, а скотъ не живетъ въ общественномъ состояніи: то единое сіе средство было бы недостаточно къ установленію человѣческаго

го общества. Для сего я и говорю шокмо о способностяхъ его шѣхъ шокмо, которыми онѣ отличается, и которыя побуждающѣ его имѣть съ подобными своими сообщеніе нравственныхъ дѣлъ, откуда надлежитѣ проистекать всякому праведному сдѣшавленію общества.

Когда въ совершеннѣйшемъ возрастѣ чело-вѣка разумныя способности начинающѣ воз-вышаться его надѣ всемъ видимымъ, и когда узритѣ онѣ нѣкоторую свѣшлость въ шемно-тѣ, объемающей насъ; тогда для него раж-дается новый порядокъ вещей; не шокмо все тог-да пребуеѣтѣ его участвования, но еще сколько сіе участие долженствуеѣтѣ возрасташѣ для тѣхъ, которые дали ему вкуситѣ шчасіе быть чело-вѣкомъ, равно какъ и для шѣхъ, ко-торымъ онѣ въ свое время можеѣтѣ дать вку-ситѣ оноѣ?

Чѣмъ далѣе шествуетѣ онѣ въ поприщѣ жизни, шѣмъ болѣе общественный сей союзъ укрѣпляеѣтся распространеніемъ намѣреній его и мыслей; наконецъ при приближеніи старо-сти, когда силы его начнуѣтѣ измѣняѣться, онѣ вступаютѣ шѣломъ въ прежнее немощное состо-яніе, которое было спутникомъ младенчества его, вторично учинаеѣтся предметомъ сожа-лѣнія другихъ чело-вѣковъ, и возвращаетѣ паки въ зависимость, пока общій всѣмъ шѣ-ламъ Законѣ исполнитѣся и надѣ его шѣломъ, и скончатѣ шеченіе его. Какихъ болѣе шресъ

требовать доводовъ, что человекъ не назначенъ проводить жизнь одинъ и безъ всякаго общественнаго союза ?

Какъ то и видимъ, что въ семъ преступомъ естественномъ обществѣ есть всегда существа, которыя даютъ, а другія, которыя получаютъ; что всегда нутъ есть начальство и зависимость, то есть истинный образецъ того, каково должно быть политическое общество.

Сего-то не разсмотрѣли тѣ, которые, рассуждая о сихъ вещахъ, утверждали, что состояніе общественное противно Намуръ, и не найдя средствъ оправдать сіе Общество, ниже согласить его съ первоначальными положеніями Права естественнаго, рѣшились послать его во изгнаніе.

Что касается до насъ, которые чувствуемъ нужду союза и взаимнаго сношенія между людьми, то не приведунъ насъ въ сомнительство ложныя и несправедлыя нѣкоторыя узы, совокупляющія ихъ часто въ общественное Тѣло; мы весьма увѣрены, что человекъ не родился бы, каковы они теперь, съ сими взаимными нуждами и съ сими способностями, общающимися имъ толкія преимущества, если бы не было законныхъ средствъ привести ихъ въ силу и получить отъ нихъ всѣ возможные плоды.

274 *Источникъ Злужденій Политическихъ.*

Но какъ употребленіе сихъ средствъ можеть только имѣть мѣсто во взаимномъ общеніи нераздѣльныхъ; а сіе сообщеніе, въ разсужденіи шеперешняго состоянія чловѣка, подвержено безчисленнымъ неудобствамъ; шо не будемъ мы ошмешать для сего политическихъ Тѣлъ, но покажемъ только швердѣйшее основаніе, нежели какое дано имъ было до сего дня, и начальныя правила, болѣе удовлетворяющія.

Но шеперь уже должно увидѣть, что источникъ мрачности, въ которой запушались Полишики въ разсужденіи сея матеріи, естѣшюшѣ же, который зашмѣваетъ до нынѣ понятія у Примѣчателей Нашуры; они, подобно какъ и сіи, смѣшали Начало съ его одеждою, силу условную чловѣка съ его истинною силою, и отъ того все зашмили и обезобразили.

Сверхъ сего мы видѣли, сколь безплодны были всѣ сіи примѣчанія надъ Нашурою, которыми хотѣли ошлучишь ее отъ Причины дѣйствующей и разумной, кося содѣйствіе и власть необходимо нужны, какъ шо и доказано.

Слѣдшвенно узнаемъ, что и Полишиковѣ шествіе, будучи подобно онымъ, должно бышь равнымъ образомъ безплодно; они искали начальныхъ основаній Правительствъ въ чловѣкѣ ошдѣленномъ, и не лучше наши, оныя,

онья, какъ и Примѣчашели не нашли въ Веществѣ источника его произведеній и всѣхъ его содѣйствій.

Какъ не можно представишь себѣ круга безъ центра, такъ и никакая изъ сихъ Наукъ не можетъ стоять безъ своей подпоры; и для того всѣ сіи системы не могутъ держаться о себѣ, и падають не по иной какой причинѣ, какъ ради собственной слабости.

Ежели человѣкъ по первому своему происхожденію назначенъ былъ начальствовать и повелѣвать, какъ мы сіе довольно ясно утвердили; то какое же понятіе должны мы себѣ сдѣлать о его Владычествѣ въ семъ первобытномъ его состояніи, и надъ какими Существами вручимъ ему власть? Надъ равными ли ему? Но во всемъ, что существуесть, и что можемъ себѣ представишь, нигдѣ не видишь знака таковаго Закона: напрошивъ того все намъ сказываесть, что власть оказываема быть можетъ токмо надъ нижними Существами, и что самое слово *власть* необходимо подаетъ идею о превосходствѣ.

И такъ, не входя въ дальнія изслѣдованія, на какія Существа простирались тогда права человѣка, довольно признашь, что не могли они простираться на подобныхъ ему. Есть ли бы человѣкъ остался въ первобытномъ его состояніи, то безъ сомнѣнія никогда бы онъ не владычествовалъ надъ человѣками, и поли-

тническое Общество никогдабъ для него не существовало; ибо не былобъ тогда для него узъ чувственныхъ, ниже умственнаго недоспашка; единственная цѣль его была бы дѣйствовать съ полною силою своими способностями, а не трудиться, какъ то нынѣ дѣлають въ возстановленіи оныхъ.

Когда человѣкъ низпалъ изъ селъ славы, и осужденъ спалъ къ несчастному нынѣшнему состоянію, то прежнія права его не уничтожены, но только удержаны спали, и ему оставлена возможность трудиться и доходить собственнымъ стараніемъ до того, чтобы возвратишь имъ прежнюю силу.

Слѣдовательно могъ бы и нынѣ онъ управлять, какъ въ первобытномъ состояніи, не имѣя однако въ подданствѣ подобныхъ себѣ. Но сего владычества, о коемъ говоримъ, человѣкъ не можетъ пріобрѣсти и имъ пользоваться иначе, какъ чрезъ тѣ же достоинства, которыя тогда сдѣлали его владыкою, и не иначе, какъ нося древній свой Скиптръ, можетъ онъ возвратишь себѣ по справедливости имя Царя. Таково было первобытное его состояніе, котораго онъ еще и нынѣ можетъ надѣяться ради неизмѣняемой сущности природы его; словомъ такова была его древняя власшь, во время которой, повторяю еще, права человѣка надъ другимъ человѣкомъ же неизвѣстны были; ибо совсѣмъ не возможно было, чтобы сіи права существовали между
дву-

двумя равными существами во время славнаго и совершеннаго состоянія ихъ.

Но въ состояніи очищенія, которому человекъ нынѣ подверженъ, не только имѣетъ онъ удобность возвратишь древнюю свою власъ, которую и пользовались бы всѣ человекъ, не имѣя однако въ подданствѣ своемъ существъ своего рода; но можетъ еще приобрѣсти иное право, о которомъ не имѣлъ онъ познанія въ первобытномъ своемъ состояніи, то есть право властвовать надъ прочими людьми: и вошъ откуда сія власъ произошла?

Въ семъ состояніи наказанія, въ которомъ человекъ осужденъ пресмыкаться и въ которомъ видитъ только покровъ и тѣнь истиннаго свѣта, больше, или меньше сохраняетъ онъ воспоминаніе славы своея, больше, или меньше питаетъ желаніе возвратишь оную по мѣрѣ свободнаго употребленія разумныхъ своихъ способностей, по мѣрѣ трудовъ, угошованныхъ ему отъ Правосудія, и по мѣрѣ званія, которое долженъ онъ имѣть въ дѣлѣ.

Одни попускають себя въ порабощеніе, и падаютъ при безчисленныхъ камняхъ прешыканія, которыми усѣяна сія шина спихійная; другіе мужественно и счастливо избѣгаютъ оныхъ.

И такъ должно сказать, что кто больше предохранитъ себя отъ оныхъ въ шомъ

меньше обезображена будетъ идея Начала его, и шотъ менѣе удалится отъ первобытнаго своего состоянія. Когда же прочіе люди не употребили шѣхъ же спараній, и не имѣютъ ни шѣхъ же успѣховъ, ни шѣхъ же даровъ: то явствуешь, что шотъ, которой имѣетъ предъ ними всѣ сіи преимущества, долженъ быть выше ихъ и управлять ими.

Будетъ онъ выше ихъ во первыхъ по самому дѣлу, понеже разискуешь отъ нихъ существенно по способностямъ и по могуществу, коихъ сила будетъ очевидная; сверхъ того выше ихъ долженъ онъ быть по необходимости; понеже они, упражнявшись меньше его и не получа шѣхъ же плодовъ, конечно будутъ имѣть въ немъ нужду, потому что собственныя ихъ способности недостаточны и затемнены.

Ежели сіе затемненіе въ челоѣкѣ дойдетъ до *разиратности*, то шотъ, кпо предохранилъ себя и отъ того и отъ другаго, становившя его владыкою не только по самому дѣлу и необходимости, но и по долгу. Онъ долженъ овладѣть имъ и не давать ему ни малой свободы въ его дѣяніяхъ какъ для удовлетворенія Законамъ Начала его, такъ и для безопасности и примѣра общества: онъ долженъ употреблять надъ нимъ всѣ права рабства и подданничества; праяа, столь же праведныя и существенныя въ семъ случаѣ, сколько непонятныя и ничтожныя во всякомъ иномъ обстоятельстве.

И

И такъ сіе есть истинное произхожденіе временнаго владычества чловѣка надъ подобными ему, равно какъ узы его шлассной природы были началомъ первого сообщества.

Владычество сіе не токмо, не лъзя, почитать угнѣщеніемъ и пригнѣсеніемъ естественнаго общества, но должно почитать его твердѣющею онаго подпорою, и самымъ несомнишельнымъ средствомъ къ подкрѣпленію его какъ прѣшиву злодѣйствъ членовъ своихъ, такъ и прѣшиву нападеній всѣхъ его *враговъ*.

Одѣянный симъ достоинствомъ, поелику не можеть быть блаженъ иначе, какъ придерживая крѣпко шѣхъ *качествъ*, которыми прѣобрѣвъ онъ владычество, сшарается для собственной пользы устроить блаженство подданныхъ своихъ. Да не помыслишь кшо, чтобъ сіе упражненіе было суебно и безплодно; ибо сей чловѣкъ, какого мы здѣсь изображаемъ, не можеть быть таковымъ, не имѣя въ себѣ всѣхъ средствъ поступать безъ ошибки, и не получая отъ своихъ изысканій очевидныхъ плодовъ.

Въ самомъ дѣлѣ понеже свѣтъ, освѣщающій чловѣка въ первобытномъ его состояніи, былъ неизчерпаемымъ источникомъ способностей и *качествъ*, то чѣмъ ближе чловѣкъ можеть къ оному свѣту приблизиться, шѣмъ болѣе долженъ онъ распространять свое вла-

дичество надъ людьми, удаляющимися отъ
оного, и тѣмъ болѣе долженъ онъ знать, чѣмъ
можетъ удержаться между ими порядокъ, и на
чемъ основать швердотъ Государства.

Помощію свѣта сего долженъ онъ имѣть
возможность обозрѣвать вдругъ и съ успѣ-
хомъ удовлетворять нуждамъ всѣхъ частей
Правленія, знать твердо истинныя начальныя
основанія Законовъ и Правосудія, уставы
воинскаго порядка, права Частныхъ людей и
свои, равно какъ и то множество пружинъ,
которыя движется Государственное Управленіе.

Также долженъ онъ имѣть возможность
устремаясь взоръ свой и власть свою про-
стирать и на тѣ части Государственнаго Упра-
вленія, которыя нынѣ во многихъ Державахъ не
поставляются главною цѣлію, но которыя въ
шомъ правленіи, о которомъ мы говоримъ, долж-
ны быть крѣчайшимъ узломъ, то есть Религія
и леченіе болѣзней. Наконецъ даже и въ Художе-
ствахъ, къ увеселенію ли, къ пользѣ ли слу-
жащихъ, не можетъ онъ не наставить на путь
и не показать истиннаго вкуса. Ибо свѣпиль-
никъ, щастливо полученный имъ, разливая по-
сюду свѣтъ, долженствуетъ ему освѣщать
всѣ вещи и открывать связь оныхъ.

Сіе изображеніе, хотя должно казаться химе-
рическимъ, однако не имѣетъ въ себѣ ничего не-
сходнаго съ тѣмъ понятіемъ о Царяхъ, которое
мы найдемъ въ себѣ, когда захотимъ изслѣдо-
вать подробно.

Евг.

Если размыслимъ о воздаваемомъ имъ отъ насъ почитаніи, то не увидимъ ли, что мы при-е-млемъ ихъ за образъ и лице, представляющее Вышнюю Десницу, и по силѣ сего сама приписываемъ имъ болѣе *качествъ*, силы, свѣта и премудрости, нежели прочимъ человѣкамъ? Не съ сожалѣніемъ ли нѣкоторымъ смотримъ на нихъ, какъ они подвергаются слабостямъ человѣчества, и не показываемъ ли желанія, чтобы они себя не иначе являли, какъ токмо чрезъ дѣянія великія и высокія подобно той рукѣ, отъ коея почитаемъ ихъ всѣхъ посаженными на Престолахъ?

Но что я говорю, не подѣ имеемъ ли сего священныя власти они являютъ себя намъ и права свои учиняютъ сильными? Хотябъ и не увѣрены мы были, что ею они дѣйствуютъ, однако не отъ того ли, что чувствуемъ возможность сего, рождается въ насъ нѣ-которая боязнь могущества ихъ, и сіе чувство почитенія, которое они въ насъ вселяютъ?

И такъ все сіе показываетъ намъ, что первое ихъ происхожденіе есть прелыіе власти и воли человѣковъ, и долженствуетъ насъ утвердить въ предложенномъ мною понятіи, что ихъ источникъ есть выше шѣхъ источниковъ, которые пріискивала имъ Политика.

Что касается до шѣхъ способностей и ихъ *качествъ*, которыя, какъ мы доказали,

С 5

дол-

должны находиться въ Царяхъ, возвратившихъ древній свѣтъ свой, то о нихъ возвышающъ намъ сами Начальники Обществъ; потому, что дѣйствуютъ они такъ, какъ бы обладали всею, что чувствуемъ быть имъ принадлежащимъ.

Имя ихъ не есть ли печать всѣхъ могуществъ, которыя изливаютъ они въ свое Государство? Полководцы, Судии, Князи, всѣ Государственныя Чины не отъ нихъ ли получаютъ власть? И когда она переходитъ изъ рукъ въ руки, даже до послѣднихъ вѣтвей общественнаго древа, то не по силѣ ли перваго ея истечения? Не требуется ли также ихъ соизволенія и въ употребленіи полезныхъ дарованій, а иногда и шѣхъ, которыя къ единому увеселенію служатъ?

Во всѣхъ сихъ случаяхъ Государя сами подающъ намъ очевидный знакъ, что они должны быть средоточіемъ и источникомъ, откуда должны произтекать всѣ сообщаемыя отъ нихъ преимущества и власти: ибо и самое производство сего сообщенія и обряды онаго всегда показываютъ, что они суть, или могутъ быть управляемы въ ихъ выборѣ надежнымъ свѣтомъ, и что они свѣдомы о способностяхъ Подданныхъ, которыми повѣряютъ часть своихъ правъ. Да и самая сія предосторожность съ ихъ стороны, равно какъ и происходящія отъ нихъ рѣшенія, предполагаютъ не токмо личную въ нихъ способность, но суть какъ бы свидѣтели ея. Ибо

Ибо всѣ разыскиванія, назначаемыя отъ Государей въ разныхъ случаяхъ, и согласіе ихъ, подразумѣваемое въ разсматриваніяхъ и рѣшеніяхъ разныхъ Судилищъ ихъ, не должны почитаемы бытъ за слѣдствія невѣжества въ разныхъ вещахъ, подлежащихъ Законоположенію ихъ. Сіе не значитъ, будто они не могутъ узнавать всего сами собою, напротивъ не лзя не предполагать сего; понеже они сами учреждающъ сіи судопроизводства. Но посланку отправляющъ они во Временномъ званіе Существа истиннаго и безконечнаго, то лежитъ на нихъ всеобщее и безконечное дѣйствіе, и подобно оному Существу необходимо должны не иначе производить ограниченные и частныя дѣйствія, какъ чрезъ свои принадлежности и чрезъ орудія способностей своихъ.

Еслии войдемъ въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ пружинъ, движущихъ и содержащихъ политическія Правленія, тоже самое и въ нихъ найдемъ отношеніе ко способностямъ начальниковъ, управляющихъ ими: отправленіе Правосудія какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго, хотя и чрезъ иныхъ, а не чрезъ ихъ руки, однакожъ всегда силою ихъ власти производимое, доказало бы ясно, что могутъ они имѣть средства узнавать права и погрѣшности подданныхъ, и опредѣлять вѣрно пространство и твердость первыхъ, и купно исправленіе вторыхъ. Попеченіе ихъ о наблюденіи Законовъ Правленія, о непорочности нравовъ, о твердомъ храненіи Догматовъ и
обря-

обрядовъ Религій, о приведеніи въ совершенство Наукъ и Художествъ; все сіе подтверждаетъ намъ, что надлежитъ находится въ нихъ свѣту обильному, которой на все простирается, и свѣдѣственно которому все извѣстно.

И такъ не удаляемся отъ Истинны, когда приписываемъ человѣку, обладающему всѣми преимуществами первобышняго его состоянія, и тѣ преимущества, которыхъ осязательное изображеніе видимъ въ Царяхъ, и можемъ праведно сказать, что чрезъ сіе научаемся знать, каковъ могъ бы и долженъ быть человѣкъ и въ сей нечистой Спранѣ, обитаемой нынѣ.

Не скрою я однако, что, представляя въ семъ видѣ Царей и вообще всѣхъ Начальниковъ сообществъ, въ какомъ я ихъ изобразилъ, подается поводъ ко множеству возраженій. Какъ люди привыкли изъяснять вещи самыя же ими, а не помощію Начала ихъ, то должно показаться имъ новостію, что всѣ ихъ права и всѣ власны имѣютъ источникъ щакъ, которой не принадлежитъ имъ болѣе, но которой однако такъ сходенъ съ ними.

Почему, не великое имѣя познаніе сихъ Началь, и спроситъ шотчасъ у меня, что какой же доводъ могутъ имѣть Народы о законности Начальниковъ ихъ, и по чему можно судить,

дѣль, что занимающіе мѣста оныхъ праведно владѣютъ ими.

Не пресупаю, думаю, мѣры, ежели скажу, что свидѣтельствва сему найдутся очевидныя какъ для самихъ Начальниковъ, такъ и для Подданныхъ, кошорые будутъ дѣлать праведное и полезное употребленіе своихъ разумныхъ способностей, и касательно до сего статьи отсылаю къ вышесказанному мною о свидѣтельстввахъ истинныя Религіи. Тотъ же ошвѣтъ можеть послужить и на теперешнее возраженіе: понеже Установленіе священное и Установленіе политическое имѣютъ шу же цѣль, шого же предводителя, и тотъ же Законъ, шо и надлежало бы имъ всегда бытъ въ той же рукѣ; а когда они другъ отъ друга отдѣлялись, тогда-шо оба потеряли изъ виду истинный свой разумъ, кошорой состоишь въ совершенномъ согласіи и единствѣ.

Второй вопросъ можеть быть сей, что, допуская возможность такого Правленія, какое я описалъ, можно ли найти примѣры онаго на Земли.

Не повѣрилибъ мнѣ конечно, ежели бы я сталъ увѣрять, что всѣ Правленія учрежденныя сходны съ образцемъ, здѣсь показаннымъ; ибо въ самой вещи большая часть ихъ отдалены отъ онаго. Но я прошу подобныхъ мнѣ бытъ увѣренными, что истинные Государи, равно какъ и законныя Правленія, не суть

суть Существа воображабельныя, что были они во всѣхъ временахъ, есть и нынѣ, и всегда будутъ; понеже сіе входитъ во всеобщій Порядокъ, и понеже наконецъ сіе принадлежитъ къ *Великому Дѣлу*, которое есть нѣчто другое, нежели Философическій камень.

Третье затрудненіе, которое можешь родиться изъ утвержденныхъ мною начальныхъ положеній, есть сіе: мы видѣли, что всякой человѣкъ можешь надѣясь возвратишь пошерянный свѣтъ, а при всемъ томъ я признаю Государей между человѣками; ибо ежели каждой человѣкъ достигнешъ меры своего возстановленія, ишожъ будутъ тогда Начальниками? Не всѣ ли люди тогда равны будутъ, и не всѣ ли будутъ они Царями?

Сіе затрудненіе разрушается тѣмъ, что сказано мною о препященіяхъ, останавливающихъ столь часто человѣка въ его шченіи, и которыя, умножаясь ошъ его неразумія и ложнаго употребленія воли, столь рѣдко и столь неравно со стороны человѣка преодолаваемы бывають.

Можно къ сему припоминишь и то, что я сказалъ о естественной разности разумныхъ способностей человѣковъ, гдѣ можно было замѣнить, что ежели сравнивать ихъ и въ семъ единомъ видѣ, то всегда останешся между ими неравенство, но неравенство
шакое,

Віаное, которое имѣ неогорчительно, и не уничтожишь ихъ; понеже великъ ихъ будешь въ каждомъ существенная, а не относительная, каковы суть договорная и на произволѣни основанная.

Сіе изображаютъ намъ нѣкоторымъ образомъ законы установленія Военскаго, которое изъ всѣхъ швореній человѣческихъ наилучше и вѣрнѣе изображаетъ первобытное состояніе, и которое для сего есть благороднѣйшее изъ всѣхъ Учрежденій: хотя не больше справедливо и не больше твердо основаніе его, какъ и прочихъ дѣлъ человѣческихъ, однако для благоразумнаго человѣка оно должно счислаться быть первое по порядку, если и включишь его въ число предразсужденій; но еще повторяю, оно столь благородно и къ столь многимъ побуждаетъ добродѣтелямъ, что почти то и забыть можно, что надлежало бы ему быть истиннымъ.

И такъ, принимая сіе установленіе за сходнѣйшее съ Началомъ человѣка, найдемъ, что члены, составляющіе военское шво, почитаются за одаренныхъ и снабженныхъ способностями, нужными каждому по чину его. Они почитаются, каждой въ своемъ классѣ, достигшими и исполнившими назначенную имъ цѣль.

При всемъ томъ, хотя всѣ сіи Члены неравны, и въ безобразіи во всеобщей ихъ связи, ниже уни-

уничженія для каждаго нераздѣльнаго; понеже каждаго должность опредѣлена, и не вмѣняется въ сшѣдѣ бытъ ниже прочихъ членовъ того же Тѣла, но сшѣдно бытъ ниже своей степени.

Припомѣ сѣи воинскія Тѣла, поелику составлены изъ неравныхъ Членовъ, не могутъ ни на минушу ошатъся безъ Начальника; ибо всегда есть одинъ Членъ, который выше другаго.

Естьли бы сѣи Тѣла не были швореніе рукъ человѣческихъ, то разности и превосходство членовъ ихъ ограничены были бы непреложными предѣлами; и тогда качество и шочная цѣна подлежащей вещи служили бы правиломъ. Но когда Законодатель не слѣдуетъ пушеводителству истиннаго своего шѣта, и однако же долженъ дѣйствовать, то дополняетъ онъ сѣе, учредя цѣну и достоинство такое, котороебъ могло бытъ легко узнаваемо и опредѣляемо помощію шокмо шѣлесныхъ глазъ. Послѣ различія Степеней слѣдуетъ старшинству разпредѣлять права въ Тѣлахъ воинскихъ; и ежели бы гдѣ нибудь не болѣе двухъ Солдатъ было, то Законъ великъ, шшобы старшій повелѣвалъ.

Сей Законъ, хошя и выдуманной, не есть ли указатель справедливости моего положенія; и ежели предположить, что всѣ люди вступили во владѣніе своихъ преимуществъ, то,

то, поелику никогда не было бы между ними совершеннаго равенства, не надобно ли думать, что и тогда бы они имѣли Царей?

Однако великая была бы несправедливость принять сие сравненіе по смыслу словъ. Въ Воинскихъ Тѣлахъ, поелику они суть творенія человѣческія, не лзя бытъ инымъ разностями, какъ токмо условнымъ: какъ то и есть, что въ нихъ вышній и нижній по природѣ своей суть одинакаго рода; и не смотря на сіи столь казистыя различія, въ самой сущности всѣ они подобны, потому что всегда они суть люди, находящіеся въ лишеніи.

Но въ естественномъ Порядкѣ, естлибъ каждый человѣкъ достигалъ до послѣдней степени своего могущества, то каждый человѣкъ былъ бы Царь. Но какъ Цари земные не признають другихъ Царей своими Владыками, и слѣдственно не подчинены другъ другу: такъ и въ семъ случаѣ, естли бы всѣ человѣки вступили въ полное владѣніе своихъ правъ, то ни Владыкъ, ни Подданныхъ людей же, не было бы между людьми; всѣ они были бы Государи въ ихъ Владѣніи. Но сіе, повторяю, не въ теперешнемъ состояніи вещей бытъ можеть, чтобъ всѣ человѣки достигли до сей степени величества и совершенства, которая учинила бы ихъ независимыми другъ отъ друга; и такъ ежели съ начала сего отпринятаго состоянія были всегда между ними Начальники, то надобно надѣяться, что и все-

Т

гда

гда оныя будутъ; и сему надобно быть непремѣнно, доколѣ время наказанія совершенно исполнится.

И такъ надежно утверждаю я на возстановленіи чловѣка въ первое его Начало происхожденіе власпи его надъ подобными ему, происхожденіе могущества его и всѣхъ правъ Державствованія политическаго.

Безбоязненно даже увѣряю, что сіе есть единственное средство изъяснить всѣ права, и согласишь множество различныхъ мнѣній политиковъ, относительно къ сей матеріи; понеже, чтобы признать одно Существо, вышшимъ надъ Существами того же рода, надлежитъ искать сіе преимущество не въ томъ, въ чемъ оно съ ними сходствуешь, но въ томъ, чѣмъ отъ нихъ отличается.

А какъ чловѣки по шпершей ихъ природѣ осуждены къ лишенію, то съ сей стороны всѣ они сходны между собою совершенно, а разнствуютъ малыми отпѣнками; и такъ не иначе могутъ они надѣяться учредить между собою существенныя разности, какъ усиленно стараясь выйти изъ сего лишенія.

Я думаю, что не можно представить собратіи моеи удовольствительнѣйшаго начертанія Общества, какъ то, которое мы выше сего утвердили на нуждахъ швѣсныхъ чловѣка и на его любознаніи; а поста-
вишь

вишь еще надъ нимъ Начальника, какого я начерпалъ, есть дополнишь и утвердишь природную и скрытную во всѣхъ насъ идею о чловѣкѣ общественномъ и о началѣ Пропленій.

Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ обществѣ видѣли бы мы повсюду порядокъ и дѣятельность, которыя составили бы непрерывныя утѣхи и радости для всѣхъ Членовъ полииического Тѣла; видѣли бы, что и для самыхъ тѣлесныхъ скорбей находили бы они себѣ облегченіе; ибо, какъ я показалъ, свѣтъ, управлявшій зачатіемъ общества, разливался бы и обымалъ всѣ его части. Тогда среди тѣхъ вещей представился бы величественнѣйшій образъ и справедливѣйшая идея совершенства; тогда бы возстановился сей блаженный вѣкъ, коего бытіе, говоря, существуетъ только въ воображеніи Писмовъ, для того что мы отъ него удалились, и не зная сладости его, имѣли слабость повѣрить, что послѣку сей вѣкъ миновался, то свѣдѣственно и совсѣмъ исчезъ.

Припомъ должно сказать, что ежели таковъ есть Законъ, долженствующій связывать и управлять людей; ежели сей есть единственный Свѣтильникъ, который можешь, не наруша правды, совокупить ихъ въ единое тѣло: то несомнѣнно, что отступая отъ него, не можешь ничего ожидать, какъ только невѣжества и всѣхъ бѣдствій, которыя неизбѣжны скитающимся въ шемномъ.

И такъ ежели слѣдующее разсмотрѣніе о Правленіяхъ, принятыхъ людьми, покажетъ въ нихъ безобразія; то можно заключить, что сіи безобразія произошли и есть отъ того, что удаленъ спалъ отъ нихъ сей самый свѣтъ, и что основатели политическихъ Тѣлъ не знали Началъ ихъ, или что преемники попустили испортишься онымъ.

Но прежде, нежели вступлю въ сіе важное изслѣдованіе, долженъ я успокоить спрашивающія Правленія, которыя могутъ встревожиться моими мнѣніями, и опасаться, чтобы я, открывъ ихъ недостаточество, не уничтожилъ должнаго имъ почтенія; и хотя на нѣкоторыхъ мѣстахъ сего Книги показавъ я уже мое высокопочитаніе къ особѣ Государей, равно какъ и къ сану ихъ; однако не не прилично здѣсь еще повторить сіе увѣреніе, дабы убѣдишь всѣхъ моихъ читателей, что миръ и устройство есть всегдашняя цѣль моихъ желаній; что я всѣмъ Подданнымъ полагаю за непреложный долгъ повиноваться Начальникамъ, и что обвиняю безъ изъясненія всякое непокорство и противленіе, поскольку они прямо противны шѣмъ правиламъ, которыя намѣренъ я утвердить.

Не можно не повѣрить сему торжественному объявленію, ежели припомнимъ то, что я утверждалъ прежде о Законѣ, долженствующемъ здѣсь направлять человека во всѣхъ его поступкахъ. Не показавъ ли я, что все не-
пре-

прерывныя его страданія суть слѣдствіе ложнаго употребленія воли его; что употребленіе сея воли учинилось ложнымъ тогда, какъ человекъ оставилъ своего предводителя, и что, слѣдственно, ежели поступитъ также безразсудно и нынѣ, то продолжитъ свои преступленія и усугубитъ тѣмъ свои несчастія?

Я осуждаю всякое сопротивленіе, даже и тогда, когда бы несправедліе Начальника и Правительства дошло до вышней степени, и когда бы ни которой изъ нихъ не сохранялъ ни малыхъ слѣдовъ основанія власпей своихъ; понеже сколь ни несправедно, сколь ни гнусно таковое Управленіе, но я уже показалъ, что не Подданной учредилъ себѣ Законы политическіе и Начальниковъ, шакъ не его дѣло и опровергать ихъ.

Но надлежитъ показать сему причины подробѣйшія: ежели зло находишь токмо въ образѣ управленія, а Начальникъ сохранялъ въ себѣ сію силу и сіи неоспоримыя права, которыя, предполагаемъ въ немъ яко плодъ подѣляемыхъ имъ уже трудовъ и упражненій: то онъ имѣетъ въ себѣ всѣ способности нужныя, чтобы узнать недостатковъ Правленія и его поправить; и шакъ нѣтъ нужды Подданному касаться оного.

Ежели же есть недостатокъ и въ Правленіи и въ Начальникѣ, Подданный же умѣлъ себя ошѣ оного предохранить исполненіемъ той общей

исѣмѣ людямъ обязанности, чшобѣ никогда не удаляться отѣ неизмѣняемаго Закона, должнствующаго пушеводителъствовашъ людямъ; то сей послѣдній будетѣ знашъ, какѣ охраняшъ себя отѣ прищѣсеній, не упошребляя къ тому насиіа; или лучше сказать узнаешъ, не есть ли сіе отѣ Вышнія десницы посланное наказаніе; и тогда не осмѣлится ни ропшашъ, ниже противоборештовашъ Правосудію.

Наконецъ, естли находишся недоспашокѣ и вѣ Начальникѣ и вѣ Правительствѣ и вѣ Подданномѣ, вѣ шакомѣ случаѣ не должно спрашивашъ у меня, что дѣлать; ибо сіе не будетѣ уже государственное Правленіе, но разбойничество; а для разбойничествѣ нѣшѣ Законовѣ.

Безполезно также было бы возвѣщашъ вѣ шакомѣ неустройствѣ находящимся людямъ, что чѣмѣ долѣе пребудушъ вѣ немѣ, тѣмѣ болѣе навлекушъ на себя спраданий и болѣзней; что польза истиннаго ихѣ блага не позволяешъ никогда неправду неправдою оправдывашъ, и что до тѣхѣ порѣ будушъ они угнѣтаемы бѣдствіями, доколѣ не спашутѣ спашься покорить свою мысль и волю природному ихѣ правилу. Таковыя увѣщанія не найдутѣ себѣ мѣста вѣ семѣ шумномѣ смятеніи; ибо они суть глаголы разума, а Существо самовольствующее не разсуждаешъ.

Да не противуполагаютѣ мнѣ пакы сей шрудности вѣ распознаваніи знаковѣ, по которымѣ бы можно было
каж.

каждому разбирать, въ порядкѣ ли находятся вещи, или нѣтъ, и когда надлежитъ дѣйствовать, или остановиться. Я довольно объяснилъ, что всякой человекъ отъ природы имѣетъ вѣрный способъ узнавать законность своихъ дѣйствій; что оный необходимо нуженъ для твердаго опредѣленія нравственности всего поведенія его, и что слѣдственно, когда недостаетъ ему сея достовѣрности, то подвергается опасности при каждомъ своемъ шагѣ.

Изъ сего можно усмотрѣть, позволяю ли я человеку дѣлать малѣйшую безразсудность, а тѣмъ паче употреблять какое либо насиліе и самовластіе.

И такъ надѣюсь, что сіе мое признаніе можеть удостовѣрить Государей въ безопасности принятыхъ мною во основаніе положеній; не найдутъ они въ нихъ ничего, кромѣ ненарушимой привязанности къ ихъ особѣ и глубочайшаго почтѣнія къ священному ихъ сану; найдутъ, что ежелибъ и были между ими похищатели чуждыя власти и ширанны, то Подданные ихъ не имѣютъ никакого законнаго предлога учинить противу нихъ малѣйшее покушеніе.

Ежели станутъ когда читать сію книгу Владыки земные, то уповаю, не вздумають, чтобъ я предписаніемъ сея покорности къ нимъ увеличивалъ какъ нибудь ихъ власть

и самихъ ихъ освобождалъ отъ сей обязанности, по которой они, какъ люди, должны подвергнуть свои поступки правилу общему, которому должно бы было руководствоваться всѣми нами.

Напротивъ, если по силѣ токмо внутренняго предполагаемаго въ нихъ знанія и вѣрнаго наблюденія сего правила, должны они носить шишло Царей; то даешь имъ право отступать отъ него есть благопріятствовать обману и оскорблять даже самое имя, для котораго ихъ чтимъ.

И такъ если подданный не имѣетъ права отмщать учиненную ими несправедливость, то тѣмъ менѣе они имѣютъ право дѣлать несправедливость; ибо Государь и Подданный, какъ люди, имѣютъ потъ же Законъ; политическое ихъ положеніе не измѣняетъ въ нихъ естества мыслящихъ Существъ; но на обоихъ прибавляетъ бремя, и ни которой изъ нихъ не можетъ и не долженъ ничего самъ собою дѣлать.

И почелъ за нужное прежде вступленія въ разсматриваніе Тѣхъ политическихъ сдѣлать сіе предварительное объявленіе, и теперь могу, какъ думаю, спокойно слѣдовать моему намѣренію; ибо сколь ни недоспѣточными окажутся Правленія, но не можно уже будеть подозрѣвать меня, будто я хочу раззоренія ихъ; ибо напротивъ, все мое стремленіе и желаніе

КЛОД

клонилъся къ тому, дабы дать имъ возчувствовашъ шѣ единственныя средства, которыя очевидно служатъ къ ихъ благу и совершенству.

Вопервыхъ, надобно думать, что большая часть Правленій не имѣли основаніемъ того начала, которое я выше сего утвердилъ, то есть возстановленія Государей въ перво-бытный ихъ свѣтъ; потому что всѣ почти политическія Тѣла, которыя существовали на землѣ, миновались.

Сіе простое примѣчаніе не позволяетъ намъ почти вѣришь, чтобъ они имѣли существенное основаніе, и чтобъ Законъ, на которомъ они основывались, былъ истинный; ибо какъ сей Законъ, о которомъ я говорю, по естеству своему имѣетъ силу живую и непобѣдимую; то все, что имъ было бы связано, должно бы быть нерушимо, доколѣ бы шѣ, которые поставлены были сего исполнишелями, не оступили отъ него.

И такъ, или онъ худо извѣстенъ былъ при зачатіи упомянутыхъ Правленій, или по установленіи ихъ въ послѣдующее время пренебреженъ; понеже въ противномъ случаѣ они бы еще стояли.

Да и подлинно сіе не противорѣчитъ той идѣ, какую мы въ себѣ имѣемъ о постоянности содѣйствій сего Закона, по шѣмъ

понятіямъ, какія естъ въ чловѣкѣ о истиннѣ, что естъ, то не преходнѣ, н пребываніе естъ для насъ доказательство существенно-сти вещей. И такъ ежели чловѣки привыкли почиташъ Правленія преходящими н подверженными перемѣнамъ, то для того, что помѣсчили ихъ въ число всѣхъ шѣхъ чловѣческихъ установленій, которыя, послнку основаны на ихъ прихотяхъ н на испорченномъ воображеніи, могутъ колебашъ н уничтожены бытъ иною прихотью.

При всемъ томъ, не чувствуя своего прошиворѣчія, пребывали они отъ насъ уваженія къ такимъ установленіямъ, которыхъ дряхлосъ н сами признающъ.

А посему не очевидно ли, что н въ самомъ ихъ ослабленіи ощущали они Нача-ло, н видѣли, что какъ ни недостаточны, какъ ни пѣвны общественныя ихъ Установленія, однако изображали собою то, которому не должно бы имѣшъ въ себѣ ни одного изъ сихъ недостатковъ.

Сего довольно бы было къ утвержденію предложеннаго мною о Законѣ недвижномъ, долженствующемъ начальствовашъ во всякомъ составленіи общества: но не смотря на врожденную всѣмъ намъ о семъ Законѣ идею, конечно не вдругъ повѣряшъ моимъ доводамъ; ибо когда видимъ всѣ, что Государства из-чезающъ, то какъ бы очевидно истинною

кажется, что не могутъ они быть долговѣчными, и трудно уже будешь повѣрить, чтобъ были такіа, кошорыя не прешли.

Однакожъ сія есть одна изъ тѣхъ истиннѣ, копорую я болѣе всѣхъ могу утверждать; и не почишаю за излишнее увѣрить подобныхъ мнѣ, что есть Правленія, кошорыя стоятъ съ тѣхъ поръ, какъ человекъ есть на земли, и кошорыя будутъ стоять до скончанія времени; и сіе говорю по тѣмъ же причинамъ, по кошорымъ я прежде утверждалъ, что здѣсь на земли всегда были и будутъ Правленія законныя.

И такъ по правдѣ выводилъ я, что ежели бы Тѣла полишическія, кошорыя уже исчезли отъ лица земли, основаны были на истинномъ Началѣ, понынѣ были бы еще въ силѣ; что существующія нынѣ всконечно минуются, ежели не таковое начало имѣютъ своимъ основаніемъ; и что ежели отъ него удалились, то лучшее средство къ поддержанію ихъ паче приближиться къ нему.

Чрезъ долговѣчность, копорую, какъ я объявилъ, можетъ имѣть Правленіе, разумѣю я долговѣчность временную; ионже они учреждены во времени. Но хотѣбъ и должно было имъ скончаться вмѣстѣ съ вещами, однако насладились бы они полностію своего дѣйствія, когда бы продолжили его до сего предѣла. Вотъ чего могли бы они надѣяться, ежелибъ умѣли подкрѣплять себя своимъ Началомъ!

Не

Не стану я приводить въ доводъ сего щеславія, съ которыми хвалятся Правленія своею древностію, и стараются свое происхожденіе относить далѣе; не убомяну также и о предосторожностяхъ, ими предприемлемыхъ къ сохраненію своему и долговѣчности, ниже о сихъ учрежденіяхъ, которыя они не прещанно выдумываютъ съ дальновиднѣйшими намѣреніями, и стѣ которыхъ не прежде, какъ чрезъ нѣсколько вѣковъ, можно получать плоды: всѣ сіи дѣла суть тайныя знаки собственнаго ихъ удостовѣренія, что должно быть имъ долговѣчнымъ.

И такъ, еще повторяю, когда видимъ, что погасаетъ Государство, то можемъ безбоязненно увѣриться, что рожденіе его было не законное, или что Государи, преемники имъ управлявшіе, не всѣ старались слѣдовать свѣту сего природнаго свѣтильника, о которомъ мы имъ напоминаемъ, какъ о путеводителѣ, принадлежащемъ Человѣку и имъ.

Ради противной сему причины не время бы еще рѣшить о нынѣшнихъ Правленіяхъ, когда бы мы къ сей единственно точкѣ устремляли наши разсужденія; ибо пока видимъ, что они стоятъ, можемъ почитать ихъ сообразными Началу, на которомъ бы должно быть имъ поставленнымъ; а шокко разрушеніе ихъ откроетъ недостаточество ихъ.

Но

Но есть другія стороны, съ которыхъ надлежитъ намъ разсмотрѣть ихъ, и которыя помогутъ намъ узнать ихъ недостатки и неправильности.

Второй недостатокъ принятыхъ Правленій, котораго не можемъ упустить, есть то, что они разнятся другъ отъ друга. Если бы истинное Начало составило ихъ, то сіе Начало, яко единое и непремѣняемое, повсюду бы являлось одинакимъ образомъ, и всѣ Правленія, произведенныя имъ, были бы между собою подобны. Но какъ скоро видимъ въ нихъ разности, не можемъ уже допустить Единства въ Началахъ ихъ, и непремѣнно должны быть нѣкоторыя изъ нихъ незаконно установленныя.

Оставляя сіи мѣстныя разности, которыя по обстоятельствамъ и по непрерывному теченію должны ежедневно раждались въ управленіи. Понеже самый порядокъ управленія долженъ быть учреждаемъ на Началѣ постановительномъ всеобщемъ; то не токмо допускаемая имъ по временамъ и мѣстамъ разности не могутъ его поколебать, но паче откроютъ премудрость его и плодотворность.

И такъ я долженъ принять въ разсужденіе коренныя токмо разности, касающіяся самаго государственнаго постановленія.

Изъ

Изъ числа шаковыхъ суть разные образы Правленія, изъ которыхъ я представляю шокмо два главные, для того что всѣ прочія больше, или меньше къ нимъ же относятся; то есть шотъ, въ которомъ верховная власть въ единой рукѣ, и шотъ, въ которомъ она во многихъ вдругъ находится.

Ежели предположишь, что одинъ изъ сихъ двухъ родовъ правленія сообразенъ Началу, то надобно думать, что другой противенъ ему; ибо не сходно съ разсудкомъ, чтобы они, будучи столь различны между собою, могли имѣть тоже основаніе и происхожденіе.

Слѣдовательно не могу я согласиться на сіе вообще всѣми принятое мнѣніе, которое опредѣляетъ образъ правленія по мѣстоположенію государства, по пространству и по прочимъ сего рода разсужденіямъ, на которыхъ думаяшъ утвердишь Законоположеніе, сходственнѣйшее каждому народу и каждой странѣ.

По сему правилу постановительное основаніе государства находилось бы въ Причинѣхъ вспомогательныхъ, или вторыхъ; а сіе совсѣмъ противорѣчитъ данному выше сего понятію о сей Причинѣ, или о семъ Началѣ постановительномъ. Ибо яко Началу должно ему господствовать надъ всемъ, и всемъ править. Послику оно ясно все освѣщаетъ, то можешь правда приравливаясь къ помяну-
тымъ мною обстоятельствомъ; но никогда
не

не должно уступать имъ столько, чтобы даже измѣнить свою природу, и производить противорѣчущія содѣйствія. Словомъ сказать, сіе было бы возобновлять то заблужденіе, которое мы уже обличили, когда разсуждали о Религіи: то есть, сіе было бы искать источника истиннаго Начала въ дѣйствіи и Законахъ вещей чувственныхъ, которые напрошивъ отдаляютъ его и обезображиваютъ. И такъ еще подтверждаю, что изъ двухъ вышеупомянутыхъ образовъ Правленія неосмѣнно должно быть одному недостаточному.

Ежелибъ настаивали на меня и непременно требовали, чтобы я рѣшилъ, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе; то хотя мое намѣреніе есть паче положить и утвердить Начала, нежели давать рѣшенія; однако не могу не признаваться, что Правленіе единого безъ всякаго прекословія есть естественнѣйшее и сходнѣйшее съ истинными Законами, которые выше сего предложилъ я какъ существенно принадлежащіе человѣку.

Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ въ самомъ себѣ и есть свѣтильника, соупствующаго ему, долженъ почерпать свои совѣты и свои знанія: ежели сей человѣкъ есть Царь, то должности его, яко человѣка, не премѣняются, а только распространяются. И такъ и въ семъ высокомъ санѣ, обязанъ будучи поже дѣло исправлять, долженъ всегда и ожидать шѣхъ же вспоможеній.

И

И такъ не должець въ другихъ членахъ своего государства искашь себѣ пушеводителей; но когда онъ мужъ, то будешь умѣшь доволенъ быть самъ собою. Всѣ руки, которыя необходимо должно употребить въ Управленіи, хотя онѣ суть образъ Начальника, каждая въ своемъ отдѣленіи будешь токмо споспѣшествовать ему, а оппюдь не наславаять его и просвѣщаять; понеже мы признали въ немъ источникъ неограниченныхъ властей, которыя разливаются во все его Владѣніе.

Слѣдственно, когда можемъ вообразить, что одинъ человекъ можетъ вмѣщать въ себѣ сіи преимущества, то весьма бы бесполезно было многимъ человекамъ вмѣстѣ начальствовать; пошому что въ такомъ положеніи одинъ столько же можетъ, сколько всѣ прочіе.

И такъ, какіабы ни находились выгоды въ Пріпленіи многихъ, я не могу сего образа правленія почитать за совершенный; ибо всегда въ немъ будешь недоспашокъ въ излишесствѣ; а по природной намъ идѣ истиннаго Правленія не должно быть въ немъ недоспашкамъ.

При всемъ томъ хотя и отдаю преимущество единодержавному Правленію; однако шѣмъ не рѣшу, что всѣ имѣющіе сей образъ суть истинны во всей точности Начала; ибо наконецъ и въ самыхъ единоначальныхъ

ныхъ правленійхъ находящся еще безконечныя разности.

Въ нѣкоторыхъ Начальникъ не имѣетъ почти никакой власти; въ другихъ имѣетъ безпредѣльную; въ нѣкоторыхъ держитъ средину между зависимостію и самовластіемъ; нѣтъ ничего въ нихъ опредѣленнаго, ничего постояннаго. И пошому - то вѣроятно, что не всѣ единоначальныя Правленія симъ неизмѣняемымъ Закономъ, о которомъ говоримъ теперь, управляемы были, и слѣдственно не всѣхъ ихъ должны мы прицѣплять.

Но претія и сильнѣйшая причина, не допускающая насъ что либо сказать о законности всѣхъ общественныхъ Установленій на Земли, какъ тѣхъ, въ которыхъ единъ, такъ и тѣхъ, въ которыхъ многіе начальствуютъ, есть сія, что всѣ они вообще суть другъ другу враги; но безъ сомнѣнія сія вражда не имѣла бы мѣста, ежели бы тоже Начало предводительствовало въ составленіи ихъ общественства, и непрерывно направляло бы ихъ теченіе. Ибо какъ цѣль сего Начала есть порядокъ, какъ общій, такъ и частный; то всѣ Учрежденія, при которыхъ бы оно начальствовало, имѣли бы ту же цѣль; а сія цѣль не только бы не состояла въ угнѣтеніи другъ друга, но паче въ томъ, чтобы поддерживать другъ друга противу природнаго и общаго порока, которой несправедливо, готовитъ имъ разрушеніе.

У

Слѣд.

Слѣдственно, когда вижу, что они обращаютъ силы свои другъ противъ друга, и столь грубымъ образомъ отдаляются отъ своей цѣли; то необходимо долженъ подумать, что въ числѣ сихъ Правленій не лзя не бытъ неправильнымъ и порочнымъ.

Знаю, что Политики напрягаютъ всѣ силы, чтобы прикрыть сіе безобразіе. Они почитаютъ Установленія общественныя, якобы на подобіе швореній Намуры учрежденныя; пошомъ забывъ, что списокъ, а паче въ ихъ рукахъ, не можетъ никогда быть равенъ подлиннику, прикладываютъ и приписываютъ симъ поддѣланнымъ Тѣламъ такую же жизнь, такую же способность и такую же мощь, какою снабдѣны тѣлесныя Существа Намуры; надѣляютъ ихъ такоюжъ дѣятельностію, такоюжъ силою и такимъ же правомъ сохранять себя, а слѣдственно и отражать равнымъ образомъ нападенія и воевать противу враговъ.

Вотъ чѣмъ оправдываютъ они брань между Народами, и множественность Законовъ, учрежденныхъ ради безопасности Государствъ, какъ внѣшней, такъ и внутренней.

Но Законодатели сами не могутъ ушамъ слабости и недостаточества средствъ, употребляемыхъ ими для удержанія сихъ правъ и для охраненія политическихъ Тѣлъ; видяъ они ясно, что ежели бы Начало дѣйствую-

существующее, которое предполагаютъ въ своемъ Твореніи, было живое, оно бы одушевляло безъ насилія и охраняло бы безъ разворенія, подобно дѣйствующему Началу матуральныхъ Тѣлъ.

Но какъ скоро совсѣмъ противное сему бываетъ, какъ скоро какіе нибудь Законы Правленій не имѣютъ иной силы, какъ шокмо уничтожать, а не сотворяютъ ничего; то начальникъ не находить уже истиннаго могущества въ употребляемомъ имъ орудіи, и не можетъ не признаваться внутренно, чтобъ Начало, которое побудило сдѣлать Законъ свой, не обмануло его.

А посему спрашиваю: какое же можетъ быть сіе заблужденіе, какъ не то, что онъ самъ себя обманулъ, касательно того рода сраженія, которое предлежало ему; что имѣлъ слабость вздумать, будто враги его были человѣки и составляли полищическія Тѣла; что сдѣдственно противу сихъ Тѣлъ должно было ему обратиться всѣ свои силы и всю неутомимость? А какъ сія идея есть пагубнѣйшее сдѣдствие шмы, въ которой человѣкъ погруженъ, то не удивительно, что и правда, по ея побужденію учрежденная, равномерно ложны, и что пошому не могутъ ничего произвести.

Да не покажется кому страннымъ, что я объявляю, что человѣкъ не можетъ имѣть

истинными своими врагами человѣковъ же, и что по силѣ Закона естества его воистинну нечего ему отъ нихъ опасаться; ибо въ самомъ дѣлѣ, послѣду признано уже, что люди сами собою не могутъ учиниться Вышшими другъ надъ другомъ, и всѣ находятся въ той же немощи и въ томъ же лишеніи: то безъ сомнѣнія, въ таковомъ будучи состояніи, не имѣющъ никакого существеннаго преимущества надъ подобными себѣ; а естьли и покусятся употребить противу него тѣлесныя, какія въ нихъ есть, преимущества, какъ то, проворство, увертливость, или силу; то томъ, на кого они нападутъ, конечно не упуститъ предохранить себя, когда предастся руководству Закона перваго и всеобщаго, котораго я каждую минуту представлялъ въ семъ Сочиненіи, яко путеводишеля, необходимо нужнаго человѣку.

Но ежели напрошивъ, по силѣ способности сего же самаго Закона и по силѣ власти Начала, предписавшаго оныя, нашелъ бы человѣкъ дѣйствительно Вышшихъ; то какъ имѣющіе сіе могущество не употребили бы онаго иначе, какъ для его собственнаго блага и истиннаго щастія; явствуетъ, что нечего ему бояться ихъ, и не справедливо было бы съ его стороны почитать ихъ за враговъ своихъ.

И такъ человѣкъ бываетъ боязливымъ съ подобными себѣ отъ немощи и невѣжества;
отъ

отъ того, что худо понялъ цѣль происхожденія своего и конецъ званія своего на Земли; и когда есть, какъ уже нами и замѣчено, между разными Правленіями ревнивость и любоспяхательное враждованіе, то мы должны думать, что также сего заблужденія не иной какой источникъ и не иное Начало; и что слѣдственно свѣтъ, начальствовавшій при зачатіи ихъ общежительства, не имѣетъ всѣхъ правъ, какія долженъ бы имѣть на нашу къ нему довѣренность, если бы былъ шаковъ чистъ, каковъ бы долженъ быть.

Кромѣ недостатковъ правоправленія, о которыхъ будемъ послѣ говорить, замѣтимъ здѣсь въ Правительствахъ, разсматривая ихъ самихъ въ себѣ и во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, три существенныя недостатка, а именно: колебимость, разнообразіе и ненависть, которыя въ нихъ ясно видимы: по сему единому имѣлъ бы я право увѣрить, что сіи общежительства составлены чело-вѣческою рукою, и безъ помощи вышняго Закона, долженствовавшаго дать имъ постановительное утвержденіе; а какъ сіе утвержденіе пренебрежено, то Правленія, которыя всѣ имъ только и могутъ держаться, низпали отъ перваго своего состоянія.

Но какъ я поставилъ себѣ Законъ не рѣшить ни о которомъ Правленіи, то и здѣсь удержусь еще давая мое мнѣніе, а паче для того, что всякое изъ сихъ Правленій можешь

сыскашь доводы, дабы защишишься отъ обвиненія. Если прешедшія державы были ложны, то существующія могутъ быть не таковы; коша также между сими послѣдними усмотрѣлъ я во всемъ почти разность, изъ чего и заключаю, что неосмѣнно есть между ними и худыя; однако не одобрилъ, да и то вообще, шокмо Правленіе многихъ. И такъ правленіе единой особы не подлежитъ къ сему моему мнѣнію.

Наконецъ, ежели между Правленіями единоначальными нашелъ я весьма примѣшную ненависть, или, благопристойнѣе сказать, соперничество во всемъ; то каждое изъ нихъ можешь прошивуошвѣщивать, что оно хранитъ шѣ существенныя права, кошорыя должны начальствовать во всякомъ обществѣ, и потому за долгъ считаешь остерегаться прочихъ Государствъ.

Всѣ сія купно причины всегда будутъ удерживать меня отъ того, чтобы дать мое мнѣніе о какомъ либо изъ нынѣшнихъ Политическихъ Тѣлъ; но какъ при томъ имѣю я намѣреніе дать имъ способъ судить самихъ себя, то представляю имъ другія примѣчанія, кошорыя помогутъ имъ разсуждать о томъ, что они суть и что должны бы были.

Теперь обращаю мой взоръ на ихъ правоправленіе; ибо чтобы державствованіе

ваніе было сообразно истинному Началу, то надлежитъ правоправленію быть предводиму Законами вѣрными, предписанными истиннымъ Правосудіемъ; естли же оно несправедно и лживо, то державы, упоотребляющія его, должны выводить свои заключенія, законное ли было Начало и побудительная причина, которыми одолжены они своимъ рожденіемъ.

Правоправленію политическихъ Тѣлъ подлѣжитъ распоряжать двѣ главныя вещи: во-первыхъ, права государственныя и каждаго изъ членовъ, что и составляетъ Правѣ народное и гражданское Правосудіе; во-вторыхъ, его дѣло пещися о безопасности общества какъ вообще, такъ и частно; сюда принадлежатъ Война, Полиція и Уголовный Судъ. И какъ каждая изъ сихъ вѣтвей имѣетъ свои Законы, то, дабы удостовѣриться намъ о ихъ правдивости, надлежитъ разсмотрѣть, происпекающъ ли сіи Законы прямо отъ истиннаго Начала, или они учреждены человекомъ только однимъ и при томъ лишеннымъ своего душеводца. Начнемъ съ народного Права.

Я разсмотрю одну только спашью изъ него; понеже она одна довольно покажетъ, въ какомъ мракѣ еще погружена сія часть Правоправленія, а имянно, о чинимыхъ часто Государями промѣнахъ разныхъ частей Государствъ своихъ по ихъ сходствамъ.

Спрашиваю здѣсь: когда подданный присягнулъ, или почищается присягнувшимъ въ вѣрности Государю; то Государь имѣетъ ли право освободить его отъ присяги, какія бы ни произошли изъ того выгоды для Государства? Обычай Государей не требовать согласія жителей мѣняемыхъ странъ не доказываешь ли, что прежняя присяга не была свободная, и что и новая такая же будетъ? Сей поступокъ можешь ли быть когда нибудь сходственъ съ тѣми понятіями, копорыя хошашъ намъ дать сами Законодатели о Правленіи законномъ?

Въ томъ Правленіи, котораго Истинну и нерушимое существованіе я возвѣстивъ, сіи промѣны также въ употребленіи; въ принятымъ Правленіяхъ чинимыя суть шокмо изображеніе оныхъ; пошому что человекъ не можешь ничего изобрѣтать: но производства оныхъ суть опмѣнны, и происходятъ онѣ такихъ побудительныхъ причинъ, копорыя учиняютъ праведными всѣ о томъ приговоры, то есть, что промѣнъ здѣсь свободной и добровольной съ обѣихъ сторонъ, люди не почищаются привязанными къ землѣ и какъ бы составляющими часть Владѣнія; словомъ, сущность ихъ не смѣшивается съ сущностію временныхъ владѣній.

Не смѣю говорить о тѣхъ славныхъ насильственныхъ завладѣніяхъ, по копорымъ разные Правленія думаютъ приобретать пре-
во

во собственности на Народовъ миролюбивыхъ и неизвѣстныхъ, или и на сосѣдственныя и беззащитныя страны, единственно пошому, что являють противу нихъ свою силу и свое любостыжаніе. Правда, что какъ всё дѣется во вселенной чрезъ противудѣйствіе, то Правосудіе часшо попускало Народамъ вооружаться для наказанія Народовъ виновныхъ; однако служба взаимно исполнителями его мщенія, они тѣмъ усугубляли свои собственные вины и свою нечистоту; и сіи ужасныя опустошенія, которыхъ столь многіе страшные примѣры мы имѣемъ передъ глазами, можеть быть менѣе были пагубны тѣмъ, которые были ихъ жертвами, нежели виновникамъ оныхъ. Присхупимъ къ разсмотренію гражданского Закона.

Я предполагаю, что всѣ права собственности уже утверждены; предполагаю, что раздѣлъ земли между людьми законнымъ образомъ сдѣланъ такъ, какъ въ началѣ могъ бытъ сдѣланъ чрезъ тѣ средства, которыя неслѣдственно почло бы нынѣ мечтательными. Въ такомъ положеніи, когда любостыжаніе, нечестность и самая сомнительность производять споры, кто можеть рѣшить ихъ? Кто можеть охранить права, угрожаемыя несправдою, и возстановить потеряныя? Кто можеть изслѣдовать теченіе поколѣнныхъ наслѣдствъ и перемѣнъ отъ начального раздѣла даже до времени происшедшаго спора? Но какъ же ошвращишь шолкія затрудненія, не

имѣя очевиднаго познанія о законности сихъ правъ, и не будучи въ состояніи безошибочно назначить подлиннаго владѣльца? Какъ судить безъ сей достовѣрности, и какъ дерзнуть на рѣшеніе безъ швердаго удостовѣренія, что приговоръ не хищенію благопріятствуетъ?

Никто не можетъ отрицать, что сія не-извѣстность есть какъ бы всеобщая; изъ чего смѣло можемъ заключить, что гражданское Правосудіе бываетъ часто неблагоразумно въ своихъ рѣшеніяхъ.

Но есть случай, гдѣ оно еще виновнѣе бываетъ и явно показываетъ свою дерзость, то есть, когда въ крайнемъ недоумѣніи, въ которое часто впадаетъ, какъ разпознашь происхожденіе разныхъ правъ и разныхъ собственности, опредѣляетъ предѣлъ своимъ изслѣдованіямъ, назнача время, по истеченіи котораго всякое безспорное владѣніе учиняется законнымъ; что и называетъ оно *предписаннымъ срокомъ*; ибо спрашиваю я: въ случаѣ, когда владѣніе несправедливо пріобрѣтено, можетъ ли какое время загладить несправедливость?

Изъ сего явствуетъ, что гражданскій Законъ въ семъ случаѣ самъ собою дѣйствуетъ; явствуетъ, что онъ самъ сотворяетъ Правосудіе, когда должно бы ему быть токмо исполнителемъ его, и что чрезъ то повторяетъ всеобщее заблужденіе, чрезъ которое
чело-

человѣкъ всегда смѣшиваетъ вещи съ Началомъ ихъ.

Можетъ быть, довольно бы было и сего одного примѣра въ разсужденїи гражданскаго Правосудїя, хотя могло бы оно представитъ мнѣ многіе другіе, кошорые равнымъ образомъ свидѣтельствовали бы противу его, какъ то: сіи разнствїя, сіи противорѣчїя, кошорымъ оно подвержено при всякомъ шагѣ, и кошорыя принуждаютъ его въ премногихъ случаяхъ отрекаться отъ себя.

Прибавлю къ сему еще то, что есть одинъ случай, гдѣ оно совсѣмъ открываетъ свое неразумїе и ослабленїе, и гдѣ начальное основанїе Правосудїя, кошорому надлежало бы всегда направлять теченїе его, нарушается гораздо болѣе, нежели въ опрометчивыхъ его приговорахъ о просшихъ владѣнїяхъ. Сей случай есть: когда оно ради иныхъ причинъ, а не ради прелюбоудѣянїя, опредѣляетъ разводъ особамъ, сочетаннымъ бракомъ. Въ самой вещи, прелюбоудѣянїе есть единственная причина, по кошорой могутъ быть законно разведены супруги; ибо оно прямо противоположно союзу, и симъ единственно союзъ уже и есть разорванъ: ибо на семъ соединенїи безучастномъ онъ и былъ основанъ. И шакъ когда гражданской Законъ послѣдуетъ другимъ разсужденїямъ, тогда несомнительно возвѣщаетъ, что онъ не имѣетъ первой идеи сего обязательства.

И

И такъ не могу не признаться, что теченіе гражданскаго Закона весьма недостаточно, какъ въ томъ, что касается до особы членовъ общества, такъ и въ томъ, что касается до всѣхъ ихъ правъ собственности: и сіе удерживаетъ меня почитать сей Законъ сообразнымъ тому Началу, которое долженствовало бы управлять заведеніемъ обществительскаго и принуждаетъ меня признаться руку человѣка вмѣсто той вышшей и просвѣщенной руки, которая бы должна была вмѣсто оной все дѣлать.

Сего довольно о первой части Правоправленія политическихъ Тѣлъ; но прежде, нежели приступлю ко второй, за приличное нахожу сказать здѣсь одно слово о *Прелюбодеяніи*, которое мы признали единою законною причиною къ разрушенію брачныхъ Союзовъ.

Прелюбодеяніе есть прѣступленіе перваго человѣка, хотя прежде, нежели онъ учинилъ его, не было женъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ есть, камень прѣшканія, приведшій человѣка къ беззаконію, всегда существуетъ, и сверхъ того люди подвержены стали Прелюбодеянію, плоти такъ что сіе послѣднее Прелюбодеяніе не имѣетъ мѣста, когда не предшествуетъ ему первое.

Предлагаемое мною ощущительнѣе будетъ; когда представимъ себѣ, что первое прелюбодеяніе произошло отъ того, что че-

ле-

ловѣкъ отступилъ отъ предписаннаго ему Закона, и послѣдовалъ совѣмъ прошивному: Прелюбодѣяннѣ же тѣлесное совершенно тоже самое повтораешъ; понеже, какъ супружество можешъ быть управляемо чистымъ закономъ, то оно не долженствуетъ быть дѣло рукъ человѣка, равно какъ прочія его дѣла; понеже какъ человѣкъ сей не долженъ самъ собою заключать союза, то не имѣетъ права разорвать оной; понеже наконецъ, предаваясь Прелюбодѣяннѣ, есть самовластно отвергать волю Причины всеобщей временней, которая почивается заключившею обязательство, и послушаться такой воли, которой она не одобрила. И такъ, поелику воля человѣка всегда предшествоуетъ дѣяннѣ его, то не можешъ онъ забыть себя въ тѣлесныхъ дѣлахъ своихъ безъ того, чтобы не забыть себя прежде въ своемъ хотѣннѣ; почему, вдаваясь нынѣ Прелюбодѣяннѣ плотскому, онъ содѣлываетъ вмѣсто одного два беззаконія.

Ежели читающій сіе одаренъ разумнѣемъ, легко можешъ разпознать въ плотскомъ Прелюбодѣяннѣ нѣкоторые яснѣйшіе знаки Прелюбодѣяннѣ, содѣяннаго человѣкомъ прежде его покоренія Закону Спихій. Но сколько желаю, чтобы всякъ достигъ сего разумнѣя, столько обязанности мои запрещающъ мнѣ давая малѣйшее о семъ объясненіе; сверхъ того, для моего собственнаго блага желаю лучше стыдиться беззаконія человеческого, нежели говорить объ ономъ.

Скажу

Скажу только то, что ежели есть люди, которымъ прелюбодѣніе кажется бытъ ни добро, ни зло, то конечно шѣмъ, кои дошли до ослабленія Матеріалистовъ. Ибо въ самой вещи, когда бы человекъ имѣлъ одни чувства, то не было бы для него прелюбодѣнія; послѣду Законъ чувствъ не есть не преложный, но относителный; то для нихъ должно быть все равно. А какъ сверхъ чувствъ есть въ немъ способность, долженствующая разбирать и дѣянія чувствъ; способность, которая является даже въ вѣборѣ и вкусѣ, которыми онъ подслащиваетъ свои развратныя ушѣхи: то явствуетъ, можешь ли человекъ по доброй совѣсти утѣрять себя, будто таковыя дѣла ни худы, ни добры.

И такъ не только не приму я сего развратнаго мнѣнія, но всѣ мои силы буду напирать къ опроверженію его. Возвѣщу явственно, что первое Прелюбодѣніе было причиною лишенія и невѣжества, въ которыхъ человекъ еще погруженъ; и что симъ - то состояніе свѣта и сіянія премѣнилось въ состояніе тьмы и безчестія.

Второе Прелюбодѣніе, сверхъ того, что усугубляетъ суровость пернаго приговора, подвергаетъ временно человека несказаннымъ неустройствамъ, жесточайшимъ мукамъ и злощастіямъ, которыхъ главнаго источника чаше не вѣдастъ онъ и ни мало не подозреваетъ,
что

что оный шоль близокъ къ нему ; при всемъ томъ однако могутъ они быть отъ множествъ и другихъ причинъ.

Въ ономъ же шѣлесномъ Прелюбодѣянїи человекъ легко можетъ сдѣлать себѣ понятїе о шѣхъ нещастїяхъ, которыя угошавляетъ онъ плоду своихъ беззаконїй , когда разсудитъ , что сія временная всеобщая Причина , или сія вышняя воля , не присуществуемъ въ составленїяхъ , неодобренныхъ ею , а еще менѣе въ шѣхъ , которыя осуждены отъ нея ; что ежели присущствїе ея необходимо нужно всякому бытію , существующему во времени , чувственному ли , разумному ли ; то человекъ лишаетъ потомство свое ея подпоры , когда рождаетъ по незаконному изволенїю ; и что слѣдственно подвергаетъ онъ сіе потомство неизреченнымъ страданїямъ и ужасному погубленїю всѣхъ способностей Существова ея.

Также въ первоначальныхъ различныхъ Прелюбодѣянїяхъ люди жадные къ познанїемъ обрѣшутъ изъясненїе о всѣхъ вырождахъ Народовъ , о всѣхъ Племенахъ , которыхъ родъ шоль страннаго сложенїя ; равно какъ и о всѣхъ уродливыхъ порожденїяхъ и непрїятнаго цвѣту , коими населена Земля , и которыми шщетно Примѣчатели стараются сыскать мѣсто въ чинѣ правильныхъ шворенїй Натуръ.

Да не представляютъ мнѣ сихъ выдуманныхъ красотъ , которыя суть плодъ привычки ,

ки, чтимыхъ въ разныхъ странахъ; ихъ суди суть чувства, а чувства могутъ привыкнуть ко всему. Есть, безъ всякаго сомнѣнія, опредѣленная для человѣческаго племени правильность, неподвижная и независящая отъ условія и выдумки народовъ; ибо шло человеческое устроено по числу. Есть также Законъ и цвѣту его, и сей законъ довольно ясно намъ показанъ чрезъ расположеніе и порядокъ Стихій въ составѣ всѣхъ шлѣ, гдѣ соль всегда усматривается на поверхности. И для сего-то разности, отъ климатовъ и отъ образа жизни производящія, какъ въ видѣ, такъ и въ цвѣтѣ шла, не опровергаютъ утвержденного нами начальнаго положенія; ибо правильность всего стана человеческого не состоитъ во взаимной равности величины людей, но въ правильномъ размѣрѣ частей ихъ.

Равномѣрно, хотя и есть отступки въ истинномъ цвѣтѣ ихъ, однако есть установленная степень, коея преѣйти никогда не могутъ; ибо Стихи не могутъ перемѣнять мѣста своего безъ какого нибудь дѣйствія, производимаго природному ихъ дѣйствию.

И такъ шло припишемъ распушенну Предковъ народныхъ всѣ сіи шлѣсныя знаки, которые суть явные показатели первороднаго оскверненія; отнесемъ къ тому же источнику и загроублость, въ которой цѣлые Народы такъ замасерѣли, что потеряли все чувствованіе стыда.

дливости и срама, и что не токмо прелюбодѣйство не почитается у нихъ запрещеннымъ, но даже споль мало срамяются они нагошы тѣла, что между нѣкоторыми изъ нихъ дѣло Зарожденія тѣлеснаго учинилося всенароднымъ и къ религiи принадлежащимъ обрядомъ. Основывающіе на сихъ примѣчаніяхъ свое заключеніе, что будто чувствованіе стыда не есть природное людямъ, не примѣтили того, что примѣры ихъ взяты отъ Народовъ уродливыхъ; не усмотрѣли они, что чѣмъ менѣе въ которомъ народѣ видно знаковъ стыдливости и цѣломудрія, тѣмъ болѣе онъ преданъ чувственному житію, и тѣмъ менѣе знаетъ наслаждаться и дѣйствовать своими разумными способностями, такъ что почти не разнствуетъ отъ скотовъ, развѣ нѣкоторыми остатками Законовъ, дошедшихъ до него преданіемъ, которые наблюдаешь только по навыку и подражанію.

Когда же Примѣчатели напрошивъ того вздумали взять свои примѣры отъ благоустроенныхъ обществъ, въ которыхъ уваженіе брачнаго союза и стыдливость суть почти плоды воспитанія, то еще обманулись въ своихъ разсужденіяхъ: ибо сіи общества не научающъ человека правамъ истинной природы его, а дополняютъ сей недостатокъ наставленіями и чувствованіями поддѣланными, которыя по времени, мѣсту и образу жизни измѣняются; почему, ежели у сихъ благоустроенныхъ обществъ ощущать принятую наружность благоприсойности, или привязанность, больше, или меньше твердую

Ф

къ

къ правиламъ воспитанія, то и въ нихъ можеть быть найдется въ самой вещи не болѣе смышливости, какъ и въ самыхъ грубыхъ Народахъ: однако симъ никогда ничего не докажется противу истиннаго Закона чловѣка; понеже въ обоихъ примѣрахъ упоминаемые народы равно отъ онаго удалились, одни по недостатку наученія, а другіе по развращенности, такъ что ни шомъ, ни другой не находится въ своемъ естественномъ состояніи.

И такъ, для разрѣшенія сей трудности надлежало бы обратиться взоръ къ сему естественному состоянію чловѣка; тогда видно было бы, что образъ шѣла, будучи весьма несходственъ съ разумнымъ чловѣкомъ, представляетъ ему весьма уничижительное зрѣлище; и что естли бы чловѣкъ зналъ Начало сего образа, не могъ бы взиращъ на него безъ стыда, хотя однако не всѣ члены шѣла, изъ которыхъ каждой имѣеть свою цѣль и свое употребленіе, удобны вселить въ него одинакій ужасъ. Видно было бы тогда, говорю, что сей чловѣкъ при единомъ помышленіи о прелюбодѣйствѣ воспрепещалъ бы; по тому что симъ возбудилось бы страшное и горестное воспоминаніе о томъ первомъ прелюбодѣянніи, отъ котораго произтекли всѣ его нещастія. Но какъ примѣчателямъ разсматривать чловѣка въ его Началѣ? Они не знаютъ, какое приписать ему: какую же довѣренность можемъ имѣть къ ихъ мнѣніямъ?

И такъ не забудемъ никогда, что всѣ безобразія и всѣ пороки, которые видимъ

у

у разныхъ Народовъ какъ въ шѣлѣ, такъ и въ мыслящемъ существѣ ихъ, происходятъ отъ того, что предки ихъ не слѣдовали своему естественному Закону, или что сами оныя народы удалились отъ онаго; да не возмнятъ матеріалисты, услышавъ, что я говорю здѣсь о естественномъ Законѣ человека, будто я согласенъ съ ними: согласенъ я съ ними въ томъ, чтобъ онъ слѣдовалъ своему естественному Закону; но мы разиствуемъ въ томъ, что они хощають, чтобъ онъ слѣдовалъ естественному Закону скопа; а я хочу, чтобъ онъ слѣдовалъ тому, которой отличаетъ его отъ скопа, то есть тому, которой освѣщаетъ и подкрѣпляетъ всѣ стопы его; словомъ, тому Закону, которой произшекаетъ отъ свѣта самой Истинны.

Не забудемъ, повторяю, что второе пресуппленіе человека, или шѣлесное прелюбодѣніе, ведетъ свое начало отъ перваго прелюбодѣнія, или отъ прелюбодѣнія воли, коею онъ въ дѣлѣ своемъ послѣдовалъ поврежденному Закону, вмѣсто того Закона чистаго, которой на него возложенъ былъ. Ибо, когда человекъ можеть нынѣ содѣлать прелюбодѣніе съ женою, шѣмъ паче можеть еще, какъ и въ началѣ, учинить оное безъ жены, то есть прелюбодѣніе умственное; потому что воля человѣческая, послѣ первой Причины временной, сильнѣе всего во времени, и потому что она и тогда, когда нечиста и беззаконна, имѣетъ могущества подобно Началу, учинившемуся злымъ.

Ф 2

Пусть

Пусть же всякъ разсмотритъ послѣ сего, должно ли человѣку, который находитъ себя виновникомъ всѣхъ вышеупомянутыхъ неустройствъ, быть когда въ благополучіи и тишинѣ; и можеть ли онъ уповать самъ отъ себя, что онъ обязанъ Правосудію вѣщающему еще данію, нежели несчастное его попомство?

Тѣ, которые мнятъ все сіе зло исправить, поспавая ни во что слѣдствія своихъ беззаконій, никакъ не могутъ чисто-сердечно утверждать сіе развратное мнѣніе; напрошивъ, не лзя имъ сомнѣваться, что чрезъ сіе обращаютъ они всю казнь на себя, когда могло бы оную раздѣлять съ ними попомство ихъ. Сверхъ того они тѣмъ распространяютъ мѣру сея казни; понеже чрезъ сіе беззаконное дѣяніе, соединенное припомъ съ тѣлеснымъ и умственнымъ прелюбодѣніемъ, изъ всѣхъ Законовъ, составляющихъ сущность человѣка, ни одинъ не останется ненарушеннымъ.

Не могу я, не нарушая скромности, говорить о семъ болѣе; глубокія Истинны не всякому зрѣнію сходны: но хощя и не объявляю людямъ первой Причины всѣхъ Законовъ Премудрости, тѣмъ не менѣе они обязаны исполнять ихъ, понеже они чувственные; а человѣкъ все чувственное можеть познавать. Сверхъ сего, хощя Рожденіе и пріемлется между людьми за таинство, но
шѣмъ

тѣмъ не менѣе истинно то, что въ человѣкѣ есть Законъ и порядокъ онаго, неизвѣстный скопу, и что права, соединенныя съ онымъ, суть наилучшіе свидѣтели великости его, равно какъ и суть источникъ осужденія его и бѣдствія.

Оставимъ читателей нашихъ размышлять о семъ, и приступимъ ко второй части Правоправленія гражданскаго, то есть, которая бдишь надъ внѣшнею и внутреннею безопасностію государства.

Мы видѣли уже, что сія вторая часть имѣетъ два рода дѣлъ, и пошому два же рода и Законовъ: первые, касающіеся до внѣшней безопасности, составляютъ Законы войны и политическія права народовъ. Но какъ показалъ я, что самое основаніе житія народовъ и привычка ихъ почиатъ другъ друга врагами, суть живы; то не могу я положить и на Законы ихъ, которые они на сей конецъ себѣ составили.

Легко со мною согласится, кто разсмотритъ непрестанныя сомнительства, въ которыхъ блуждаютъ Политики, желающіе обрѣсти между человѣческими вещами твердое основаніе своимъ Установленіямъ. Послику не вѣдаютъ они иного мачала Правленій, кромѣ силы, или условія; послику къ тому только и стремятся, чтобы обойтись безъ единственной ихъ поддержки; послику желаютъ они ошверсть, а

упрямо однако опмешаютъ употребленіе единственнаго ключа, который можетъ доставить имъ желаемое: но изысканія ихъ и остаются совершенно безплодны. И сего ради не распространюсь о семъ далѣе того, какъ что сказано уже мною.

И такъ на Законы втораго роду, или на тѣ, которые занимаются внутреннею безопасностію государства, обращаю мои примѣчанія, то есть на часть Правоправленія, относящуюся ко Благочинію и къ уголовнымъ Законамъ. Оба отдѣленія я соединяю во едино; пошому что, не смотря на различность ихъ видовъ, оба они имѣютъ цѣлю удержаніе благоустройства и наказаніе законопреступленій; почему какъ то, такъ и другое одинакое имѣютъ происхожденіе, и равно произтекаютъ отъ права наказанія.

Но въ разсматриваніи семъ расположеніе мое будетъ тоже, какое было и во всемъ сочиненіи: вездѣ я буду искаать, сходны ли вещи съ ихъ Началомъ, дабы всякъ изъ того выводилъ слѣдствія, и научался бы паче самъ собою, нежели бы слѣдовалъ моимъ разсужденіямъ.

И такъ, впервыхъ, разсмотрю, въ чьихъ рукахъ преимущественно долженствуетъ быть право наказанія; и потомъ, какъ обладающій симъ правомъ законнымъ образомъ употреблять его долженъ; ибо безъ всѣхъ сихъ объясненій принимаешь въ руку мечъ

мечь была бы наглость; пощому что могъ бы онъ пастъ на неповиннаго, равно какъ и на виноватаго: да хотя бы и не было опасенія со стороны сего неудобства, и хотя бы возможно то было, чтобъ удары его отяготѣли шокмо на преступниковъ; то всегда бы оставалось то въ неизвѣстности, имѣли ли онъ право дѣлать такіе удары.

Когда есть Начало вышшее, единственное и всегда и вездѣ благое, какъ то я всѣми силами и старался доселѣ доказывать; когда есть Начало злое, котораго бытіе также я доказалъ, которое силился непрестанно противляться дѣйствию добраго Начала: то сіе уже какъ бы неизбѣжно, чтобы въ семъ умственномъ отдѣленіи вещей не быль преступленій.

А какъ Правосудіе есть существенная принадлежность сего добраго Начала, то преступленія не могутъ ни единыя минуты сносить присутствія его, и наказаніе слѣдуетъ за ними столь же скоро, какъ и непременно; что и доказываетъ совершенную необходимость наказанія въ семъ добромъ Началѣ.

Человѣкъ въ первобытномъ своемъ происхожденіи физически испыталъ сію Истинну, и былъ шоржественно оболченъ властію наказывать; въ чемъ я состояло его подобіе съ Началомъ его; и по силѣ сего же подобія Правосудіе его было вѣрно и безошибочно;

права его были существенны и ясно видны, и никогда бы не измѣнились, естли бы захотѣлъ онѣ соблюдать ихъ: тогда-то, говорю, имѣлъ онѣ воиспинуу право на жизнь и смерть злодѣевъ Области его.

Но вспомнимъ, что власть сію могъ онѣ проспирать не на подобныхъ себѣ, ради щого, что въ Спранѣ, тогда имѣ обиаемой, не лзя было быть Подданнымъ между подобными существами.

Когда же, совлеченный сего славнаго состоянія, поверженъ былъ въ состояніе натуры, отъ котораго произошло состояніе общежителства, и скоро потомъ и состояніе поврежденія; тогда сталъ онѣ быть въ новомъ союзѣ вещей, гдѣ угрожали ему, и онѣ долженъ былъ наказывать новыя преступленія. Но какъ и въ шперешнемъ состояніи никакой человѣкъ не можетъ праведно присвоить власть надъ подобными себѣ, когда собственными силами не возвращилъ себѣ потерянныхъ способностей: такъ равнымъ образомъ, какая бы ни была сія власть, не можетъ она открыть ему въ немъ самомъ права наказывать шѣлесно подобныхъ ему; ибо сего права живота и смерти шѣлесной не имѣлъ онѣ надъ Подданными, покоренными Владычеству его и во время славы своей.

Ежели бы сіе могло быть, то надлежало бы паденіемъ его разшириться державѣ

жавъ его, а ему приобрѣсть новыхъ Подданныхъ. Но не токмо не умножилъ онъ числа ихъ, напротивъ видимъ, что потерялъ власнъ свою и надъ древними; видимъ также, что сей единый видъ превосходитъ надъ подобными себѣ можетъ онъ приобрести, что можетъ возвращать на путь, когда они заблуждаются, *удерживать*, когда вдаются *беззаконію*, или паче поддерживать ихъ, приближая ихъ своимъ примѣромъ и добродѣтелями къ тому состоянію, которымъ они болѣе не наслаждаются; но не можетъ самъ собою принять надъ ними господствованія, которое природа ихъ отвергаетъ.

И такъ тщетно было бы искать нынѣ въ немъ принадлежностей Законодателя и Судіи. Однако по Законамъ Истинны ничто не должно оставаться безъ наказанія, и сіе уже неизбежно, чтобы Правосудіе вездѣ разливалось съ наиболѣею строгостію какъ въ чувственномъ, такъ и въ умственномъ состояніи. Когда же человѣкъ паденіемъ своимъ не только не приобрѣлъ новыхъ правъ, но и тѣ, которыя имѣлъ, утратилъ: то неотмѣнно надлежитъ искать индѣ тѣхъ правъ, которыя нужны для поведенія его въ общественномъ состояніи, къ коему онъ нынѣ привязанъ.

Но гдѣ лучше можемъ ихъ обрѣсти, какъ не въ сей самой Причинѣ временной и физической, которая заступила мѣсто человѣка по нове-

лѣнію перваго Начала? Не она ли въ самомъ дѣлѣ вступила въ шотъ санъ, котораго лишился человѣкъ своею виною? Не ея ли званіе и дѣло есть не допускашь врага оставашься владыкою той Державы, изъ которой изгнанъ человѣкъ? Словомъ, не она ли поставлена во свѣтило человѣку, да освѣщаетъ всѣ стопы его?

И такъ чрезъ нее единую долженствуешь нынѣ производиться и то дѣло, которое древле имѣлъ человѣкъ, и то, которое самъ на себя возложилъ, когда пришелъ населять мѣсто, не для него созданное.

Вотъ что единственно можетъ объяснить и оправдать все шеченіе человѣческихъ уголовныхъ Законовъ. Отъ общежительства, въ которомъ онъ по необходимости живетъ, и къ которому онъ опредѣленъ, рождаются беззаконія; не имѣетъ онъ въ себѣ ни права, ни силы испреблять оныя; и такъ надлежитъ необходимо вмѣсто его другой какой причинѣ исправлять еіе, ибо права Правосудія непреложны.

Однако, какъ сія Причина есть выше чувственныхъ вещей, хотя ими править и начальствуетъ надъ ними; а наказанія человѣка въ обществѣ должны быть чувственныя, каковы суть и самыя беззаконія: то потребны ей средства чувственныя же для возвѣщенія ея приговоровъ, равно какъ и для исполненія судовъ ея.

Къ

Къ сему дѣлу употребляетъ она гласъ челоуѣка, когда однако учинишься онъ того достойнымъ; ему поручаетъ она возвѣщать Правду подобнымъ ему, и принуждаетъ ихъ хранить оную. И такъ не токмо челоуѣкъ по сущности его не есть Владѣтель меча, мстителя беззаконій; но самое званіе его показываетъ, что сіе право наказанія находится въ иной десницѣ, коея долженъ онъ быть шоко орудіемъ.

Здѣсь видно, сколь великія преимущества пріобрѣлъ бы Судія, которой бы удостоился быть воистинну органомъ сея Причины разумныя, временныя, всеобщія; въ ней нашелъ бы онъ неложный свѣтъ, при помощи котораго различалъ бы неопишочно невиннаго съ виноватымъ, а чрезъ то могъ бы избыть несправедливостей; надеженъ былъ бы его разсудокъ наказанія съ преступленіями, и не падалъ бы самъ онъ въ преступленіе, стараясь истреблять оное въ другихъ людяхъ.

Сіе безцѣнное преимущество хотя и не извѣстно людямъ вообще, не представляетъ однако въ себѣ ничего страннаго, или превосходнаго предъ всѣми прочими преимуществами, которыхъ удобопричастнымъ быть челоуѣка доселѣ я показывалъ; всѣ они происходятъ отъ способностей сея Причины дѣйствующія и разумныя, опредѣленныя установить порядокъ во вселенной между всѣми Существами двухъ натуръ; и ежели челоуѣкъ

по-

посредствомъ ея можешь удостовѣриться въ необходимости и истиннѣ своей Религiи и богопочитанiя; ежели можешь приобрѣсти неоспоримыя права, возвышающiя его и законно поспавляющiя выше подобныхъ ему: то, безъ сомнѣнiя, можешь онѣ надѣяться такихъ же вспоможенiй и въ безошибочномъ осправленiи правосудiя гражданскаго, или уголовнаго, въ обществѣ, врученномъ его попеченiю.

Впрочемъ все, что я доказывалъ, изображено и показано въ обыкновенномъ судопроизводствѣ уголовныхъ дѣлъ. Судья не почиается ли какъ бы забывшимъ себя, чѣмъ бытъ шемъ простымъ дѣлашелемъ и органомъ Закона? Сей Законъ, хотя и чловѣческiй, не есть ли священный для него? Не упошребляетъ ли онѣ всѣхъ извѣстныхъ ему средствъ къ тому, чѣмъ бы поведение и Приговоры его были беспорочны и чисты, и чѣмъ бы, елико Законъ позволяетъ, соразмѣрять наказанiе съ пресшупленiемъ; или лучше сказать, не Законъ ли самый чаще бываетъ мѣриломъ онаго: и когда Судья соблюдаетъ его, не увѣряешь ли себя тогда, что онѣ поступилъ по Правосудiю?

И такъ самъ чловѣкъ увѣрилъ бы насъ въ точномъ существованiи сего Начала, когда бы мы и не имѣли другаго твердѣйшаго о семъ удостовѣренiя.

Но при томъ еще яслвеннѣе видимъ, что Правосудiе уголовное, упошребляемое меж-

48

ду Народами, въ самой вещи есть образъ Правосудія, принадлежащаго тому Началу, о которомъ говоримъ; и что когда оно не на семъ Началѣ утверждается, тогда шествуетъ во мракъ равно со всѣми прочими установленіями человѣческими; отъ чего послѣдуетъ цѣпь ужасныхъ несправедливостей и точныхъ смертоубійствъ.

Въ самомъ дѣлѣ сія обязанность, возлагаемая на Судію, забыть себя самого и собственное свидѣтельство, а слушать только гласа свидѣтелей, возвѣщаетъ поистиннѣ, что существуютъ свидѣтели, которые не лгутъ, и что по ихъ-то свидѣтельствамъ долженъ онъ учреждать свой судъ. Но какъ сіи свидѣтели также должны быть таковы, чтобы не лъзя было ихъ подкупить; то очевидно уже, что Законъ неправедно ищетъ ихъ между людьми, которыхъ невѣжества и неправды не можешь не опасаться; потому что въ семъ случаѣ явно подвергается опасности принявъ ложь за доводъ, и сдѣлаться совсѣмъ виноватымъ; ибо Судія ради надежнаго и правдиваго токмо свидѣтеля долженъ забыть себя и преобразиться въ простое орудіе; понеже наконецъ законъ лживый, на которомъ чаялъ онъ утвердиться, никогда не сниметъ на себя заблужденій его и преступленій.

Чего ради и самъ Судія важѣйшею себѣ должностію поспавляетъ спарашься разыски-
вать

вашъ правду въ Свидѣтельствѣ: но какъ же можешь имѣть въ томъ успѣхъ безъ помощи сего свѣща, котораго ему, яко человѣку, назначаю быть единственнѣмъ предводителемъ и неразлучнымъ спутникомъ?

И такъ не будетъ ли то великой недостатокъ въ уголовныхъ Законахъ, когда не сей свѣщильникъ предводителствуетъ ими; и сей недостатокъ не приводитъ ли Судію къ величайшимъ злоупотребленіямъ? Но разсмотримъ шъ, которыя происходятъ отъ самой власти, которую Законъ человѣскій себѣ присвоитъ.

Когда человѣки сказали, что Законъ полищической принимаетъ на себя опмщать за частныхъ людей, которымъ тогда запрещаетъ самимъ собою чинить взысканіе: то безъ всякаго сомнѣнія чрезъ сіе дали ему такія преимущества, которыя никогда не могутъ ему принадлежать, доколѣ будетъ онъ оставленъ самому себѣ.

Согласенъ я однако въ томъ, что сей Законъ полищической, которой нѣкоторымъ образомъ можешь размѣрять свои удары, содержитъ въ себѣ нѣкоторое преимущество въ томъ, что мщеніе его не всегда будетъ неограниченное, каковымъ быть можешь мщеніе нераздѣльныхъ.

Но въпервыхъ, можешь онъ обмануться въ виноватыхъ, а человѣкъ не такъ легко обману-

обманывается въ собственномъ своемъ про-
тивникѣ.

Вовторыхъ, ежели сіе личное мщеніе, хотя и позволительное въ такомъ случаѣ, когда бы человѣкъ одаренъ былъ шокмо чувственною природою, есть совсѣмъ чуждо разумной его природѣ; ежели сія разумная природа не шокмо никогда не имѣла права шѣлсно наказывать, но еще и совсѣмъ нынѣ лишена всякія власти и ни коимъ образомъ не можеть ошправлять Правосудія, докода не возвратитъ первобытнаго своего состоянія: то безъ сомнѣнія шомъ Законъ политической, кошорой не будетъ предводительствуемъ инымъ какимъ свѣшомъ, будетъ дѣлать шѣ же несправедливости, подѣ другимъ шолько именемъ.

Ибо, когда человѣкъ вредитъ мнѣ, чѣмъ бы шю ни было, онъ виноватъ по Законамъ всякаго правосудія: когда я самъ собою ударю его, пролью кровь, или убью его, я преступаю равно съ нимъ Законы истинной моей природы и Законы Причины разумной и физической, кошорая долженствовала быть моею пушеводительницею. Когда же Законъ политической единый заступитъ мое мѣсто для наказанія врага моего, шю онъ заступитъ мѣсто человѣка, повиннаго въ крови.

Тщешно будетъ возраженіе, что каждый гражданинъ по силѣ общешвеннаго договора под-

подвергнулъ себя, въ случаѣ законопреступленія, наказаніямъ, присужасымъ разными Законами уголовными; ибо ежели люди не могли законно учредить политическихъ Тѣлъ на единомъ своемъ условіи, какъ то выше доказано; то гражданинъ не можетъ вручить согражданамъ своимъ права наказывать себя, понеже истинная природа не дала ему онаго, и понеже договоръ, мнимо учиненный съ ними, не можетъ распространить сущности, составляющей челоѣка.

Скажущь, можетъ быть, что сіе дѣйствіе мщенія политическаго не почитается произведеннымъ отъ челоѣка, но отъ Закона: я отвѣщаю, что сей политическій Законъ, лишенный своего свѣтила, есть не иное что, какъ простая воля челоѣческая, которой и самое единодушное согласіе не прибавляетъ власти. А посему, когда дѣйствовать насиліемъ и по собственной волѣ есть беззаконіе для челоѣка; когда проливать кровь есть беззаконіе же для него: то единогласное изволеніе всѣхъ людей, живущихъ на земли, никогда не можетъ онаго загладить.

Чтобы избѣгнуть сего камня претѣканія, Политики чаяли обрѣсти наилучшій способъ, представивъ виновнаго яко измѣнника, а посему и яко врага всего общественнаго Тѣла: тако поспавъ его въ военное состояніе, мнятъ, что смерть его есть законная; понеже какъ политическія Тѣла, по ихъ мнѣнію,

нію, составлены по образу челоѣка, то подобно ему они должны пещися о своемъ сохраненіи. И такъ, по силѣ сихъ правилъ, верховная власть имѣетъ право обращать всѣ свои силы противу злодѣевъ государства, умышляющихъ зло на него, или на его членовъ.

Но въпервыхъ непрудно примѣнить недостатокъ такого сравненія, когда разобратъ, что въ сраженіи челоѣка съ челоѣкомъ дѣйствительно челоѣкъ сражается: напротивъ того о войнѣ между народами нельзя сказать, что Правленія сражаются, поколику они суть нравственные существа, коихъ дѣйствіе Физическое есть воображательное.

Въвторыхъ, кромѣ того, что война между Народами, какъ я уже показалъ, не занимается истиннымъ своимъ дѣломъ, самая цѣль ея не есть истреблять людей, но только не допускать ихъ вредить: никогда не должно на войнѣ убивать непріятеля, какъ токмо въ случаѣ невозможности покорить его; и между Воиннами всегда славнѣе побѣдить Народъ, нежели истребить.

Но превосходство силы цѣлаго Государства противу одного виноватаго столь очевидно, что и право и слава умершвить его почти въ ничто обращаются.

X

Сверхъ

Сверхъ того, сіе мнимое право не сходно ни въ чемъ съ правомъ войны; потому что въ сей каждой солдатъ въ опасности и смерть каждаго непріятели сомнительна; напрошивъ того казни сопровождается весьма неравнымъ съ обѣихъ сторонъ ополченіемъ. Сто человекъ вооружаются, собираются вмѣстѣ и равнодушно идутъ на истребленіе одного изъ подобныхъ себѣ, которому даже не позволяютъ употребленія силъ его; да и при всемъ томъ хотѣтъ, чтобъ простая власть человѣческая была законною, та власть, которая ежедневно можетъ быть обманута, та, которая столь часто дѣлаетъ несправедливые приговоры, та, которую наконецъ развращающая воля можетъ превратить въ орудіе злодѣйскаго убійства.

Нѣтъ! безъ сомнѣнія есть въ человѣчiny правила: если нѣкогда бываетъ онъ органомъ вышняго Закона, дабы провозглашать вѣщанія его и дабы располагать жизнью человекѣвъ, то сіе чинитъ онъ по праву почтенному для него, и которое можетъ купно научить его шествовать по правдѣ и справедливости.

Желаетъ ли кто еще лучше судить о его нынѣшней непричастности помянутаго права, то пусть помыслитъ токмо о древнихъ правахъ его. Во время славы его имѣлъ онъ полное право на жизнь и смерть безвѣстную; понесъ же, наслаждаясь тогда самую жизнь, могъ онъ

онѣ по изволенію сообщать се своимъ подданнымъ, или оппимать се у нихъ, когда благоразуміе его находило сіе нужнымъ; и какъ они присутствіемъ его токмо и могли жить, то имѣаъ онѣ силу, единственно оплучась опъ нихъ, умертвить ихъ.

Нынѣ имѣетъ онѣ токмо искры сея первой жизни; да и то не въ пользу древнихъ своихъ подданныхъ, но только въ пользу подобныхъ себѣ можетъ упошреблять ихъ.

Что касается до сего права живота и смерти тѣлесной, о кошоромъ шеперь говоримъ, то можемъ удостовѣрить, что оно еще менѣе принадлежитъ человѣку, когда разсмотрѣшь его въ самомъ себѣ и въ шеперешнемъ его состояніи. Ибо можетъ ли онѣ назваться обладателемъ и располагателемъ сея тѣлесной жизни, которая дана ему; и въ кошорой онѣ участвуетъ обще со всемъ своимъ родомъ? Имѣютъ ли нужду подобные его въ его помощи для дыханія и провожденія жизни тѣлесной? Воля его и даже всѣ силы его имѣютъ ли столько мощи, чтобы сохранять ихъ бытіе, и не всеминутно ли видитъ онѣ, какъ Законъ природы свирѣпствуетъ надъ ними, безсиленъ будучи остановить его шеніе?

Такожъ, имѣетъ ли онѣ власть и силу; въ немъ пребывающія, кошорыя бы могли вообще оппимать у нихъ жизнь по его воле?

Когда развратная воля и побуждаетъ его мыслишь о семъ, то какъ велико разстояніе между симъ помышленіемъ и самымъ беззаконіемъ, долженствующимъ исполнить оное! Сколько препаишвей, сколько препеша между намѣреніемъ и исполненіемъ! Не видимъ ли, что приуготовленіе его къ нападеніямъ ни когда почти не ошвѣщиваетъ въ полности намѣренію его?

И такъ праведно скажемъ, что по простымъ Законамъ шѣлеснаго существа своего человекъ долженъ всадъ находить сопротивленіе; чѣмъ и доказываешь, что сіе шѣлесное существо не даетъ ему никакого права.

Въ самомъ дѣлѣ, не довольно ли ясно видѣли мы, что шѣлесное существо имѣетъ жизнь вторичную, зависящую отъ другого Начала; слѣдственно, не явствуетъ ли, что всякое существо, которое не имѣетъ ничего болѣе, есть также зависимо, и слѣдственно столь же безсмыслно?

И такъ не въ шѣлесномъ человекѣ, повторю, взятомъ въ точномъ смыслѣ, можемъ признашь оное существенное право жизни и смерти, на которомъ основывается истинная власть; и симъ подтверждается то, что сказано о источникѣ, въ которомъ человекъ долженъ нынѣ почерпашъ шакое право.

Еще

Еще менѣе въ челоѣкѣ найдемъ право исполненія казни; ибо есшлы бы не упошреблялъ онъ насилія и не вспомошествоемъ былъ чужими силами, то рѣдко удавалось бы ему погублять злодѣя, развѣ прибѣгнулъ бы къ обману и хитрости; но сіи средства никакъ не показывающъ истинныя власпи въ челоѣкѣ.

При всемъ томъ исполненіе Законовъ уголовныхъ необходимо нужно, чтобъ Правосудію не быть безполезнымъ; и еще скажу, что оно и неизбѣжно. И шакъ, понеже право сіе не можешъ намъ принадлежать, то должно вручить его, равно какъ и право судить, десницѣ, долженствующей нами предводительствовашь. Она то даруетъ истинную силу *естественному оружію* челоѣка, и она приведетъ его въ состояніе исполнять приговоры Правосудія, не подвергая чрезъ то самого себя осужденіямъ.

По крайней мѣрѣ шакіе средства упошреблены были истинными Законодателями, хотя оныя показаны намъ въ Символахъ и Аллегоріяхъ. Можешъ быть упошребляли они и руку подобныхъ себѣ къ произведенію видимаго наказанія преступниковъ, дабы чувственными изображеніями поразить взоръ управляемыхъ ими грубыхъ народовъ, и дабы наложить покровъ на тайныя пружины, кошорыя управляли исполненіемъ казни.

Я говорю сіе тѣмъ съ большею надежностію, что извѣстно, что сіи Законодатели употребляли шомъ же покровъ и въ простомъ изложеніи своихъ гражданскихъ и общественныхъ Законовъ. Хотя дные были твореніе руки надежной и вышшей; однако болѣе говорили чувшвамъ, дабы не осквернить своєю Науки.

Но въ Законахъ уголовныхъ они представляли чувствснную картину съ крайнею строгостію, дабы покоренные имъ Народы возчувствовали, колько строга истинное Правосудіе, и уразумѣли бы, что малѣйшее дѣяніе, противное Закону, не можетъ остаться безъ наказанія. Въ семъ-то намѣреніи нѣкоторыя изъ нихъ опредѣлили наказанія даже и скошамъ.

Всѣ сіи примѣчанія увѣряютъ насъ паки, что человекъ въ себѣ не можетъ найти ни права осуждать подобнаго себѣ, ни права произвести въ дѣйство осужденіе.

Но когда бы право сіе и дѣйствительно сродно было тѣмъ людямъ, которые правятъ, или которые обязаы судить уголовныя дѣла въ Правленіяхъ, такъ какъ всѣ въ шомъ увѣрены; то остается еще рѣшить труднѣйшій вопросъ, то есть, какое найдушъ они необманчивое правило, дабы производить суды и налагать наказанія праведныя, размѣряя ихъ точно съ пространствомъ и
свой-

свойствомъ преступленій? Во всѣхъ сихъ вещахъ уголовное Правосудіе сабо, сомнительно и всегда почти руководствуется или господствующимъ предразсудкомъ, обычаемъ, или волею Законодателя.

Есть Правленія, которыя, почувствовавъ глубокое свое невѣжество, чистосердечно въ ономъ признались и требовали совѣтовъ отъ людей, просвѣщенныхъ въ семъ дѣлѣ. Похвально ихъ усердіе, что отважились на сіе; но смѣло увѣряю ихъ, что тщетно будутъ ожидать удовлетворительныхъ познаній, доколь будутъ искать оныхъ во мнѣніи и разумѣніи человека; и не возимѣющъ столько отважности, или рѣшимости, чтобы иппи самимъ почерпнуть ихъ въ истинномъ источникѣ.

Ибо славнѣйше Политики и Законодискусники не объяснили еще сего затрудненія; они приняли Правленія такими, каковы они есть; согласились съ общенароднымъ мнѣніемъ, что основаніе ихъ дѣйствительно и что наука и право наказанія находится въ человекѣ; потомъ истощили всѣ силы свои въ изысканіяхъ, какъ бы соорудить твердое Зданіе на семъ основаніи; но какъ не лѣзя сомнѣваться, что они строятъ на произвольномъ только предположеніи, то явствуешь, что Правленія, желающія научиться, должны прибѣгнуть къ инымъ Учищеламъ.

Нерѣшу я, какія наказанія соотвѣтствуютъ каждому преступленію; напротивъ, по моему мнѣнію, не возможно ошибудь челоѣку въ семъ случаѣ положить что либо твердое; ибо какъ нѣтъ ни двухъ преступленій, равныхъ между собою, то и опредѣлишь имъ одинакое наказаніе есть безъ сомнѣнія несправедливостъ.

Но прѣстѣой смыслъ челоѣка долженъ по малѣи мѣрѣ научить искать преступнику наказанія въ самой той вещи и въ томъ чинѣ вещей, которыя имъ повреждены; а не брать ихъ изъ инаго отдѣленія вещей, которое, не имѣя никакого отношенія съ подлежащимъ преступленіемъ, будетъ также повреждено, а преступленіе отъ того не загладится.

Вотъ почему Правосудіе челоѣческое столь слабо и столь много недостаточно; ибо иногда власть его ничтожна, какъ то въ самоубійствѣ и въ преступленіяхъ, скрытыхъ отъ него; иногда она дѣйствуетъ съ нарушеніемъ соразмѣрности, которую должно бы вездѣ наблюдать, какъ то бываетъ во всѣхъ шѣлесныхъ наказаніяхъ, опредѣляемыхъ имъ за беззаконія, устремленные не на лица, но токмо на владѣнія.

Когда же оно кажется будто и наблюдаетъ сію соразмѣрность и показываетъ съ сей стороны нѣкоторое просвѣщеніе, и тогда еще бываетъ весьма недостаточно въ томъ, что весьма малое число имѣетъ наказаній во
всѣхъ

всякомъ чинѣ вещей, а преступленія во всѣхъ ихъ безчисленны и всегда различны.

Вошѣ для чего также уголовные Законы писанные суть величайшій недостатокъ государствъ; потому что сіи Законы мертвы и остаются всегда одинаковы, а преступленіе возрастаетъ и обновляется ежеминутно. Равновѣсное воздаяніе совсѣмъ почти изъ нихъ исключено, да и дѣйствительно никогда почти не могутъ они выполнитьъ по-человѣчески всѣхъ условій онаго, и пошому, что не вѣдаютъ всѣхъ обстоятельствъ преступленій, или и пошому, что хотя и знаютъ ихъ, но недовольно обильны сами въ себѣ, чтобы производить всегда истинное вращеніе шоль многихъ и разныхъ золъ.

Чтожѣ такое уголовныя Уложенія, если не находимъ въ нихъ сего равновѣснаго воздаянія, которое есть единый правдивый Законъ наказанія, единый, который надежно можешь учреждать шопы чловѣка, и который слѣдовательно, послѣку не могъ произойти отъ чловѣка, есть необходимо твореніе руки мощной, коея разумъ знаетъ размѣры наказанія, и разпространяетъ, или снѣсняетъ, смотря по надобности?

Не останавлиюсь я надъ симъ варварскимъ обычаемъ, по которому Народы не довольно что обвиняютъ чловѣка слѣпо, но дѣлаютъ надъ нимъ пышки, чтобы вымучить изъ него

Истинну. Сіе болѣе всего возвѣщаетъ немощь и слѣпоту Законодателя; ибо естлибы пользовался онѣ истинными своими правами, не имѣлъ бы нужды въ сихъ ложныхъ и жестокихъ средствахъ къ учрежденію судовъ своихъ; понеже шомъ же свѣшъ, которой вручилъ бы ему власть судить подобнаго себѣ и исполнять свои приговоры и открывъ бы ему свойство должныхъ наказаній, не допустилъ бы его заблуждать и въ разсужденіи рода преступленій и въ разсужденіи именъ преступниковъ и сообщниковъ.

Но еще явственнѣе оказывается безсиліе и слѣпотѣ Законодателя въ томъ, что опредѣляютъ они смертныя казни преступленіямъ, падающимъ цѣлкомъ на чувственное и временное; а вокругъ ихъ содѣваются иныя беззаконія, касающіяся вещей гораздо важнѣйшихъ, и всегда закрыты остающіяся отъ ихъ взора. Я говорю здѣсь о тѣхъ юродливыхъ мнѣніяхъ, шворящихъ человека существомъ матеріи; о тѣхъ развратныхъ и пагубныхъ ученіяхъ, которыя опшимають у него даже чувствованіе стройности и блаженства; словомъ, о тѣхъ заразительныхъ Системахъ, которыя, распространяя гнилость свою даже въ его собственное сѣмя, умерщвляютъ оное, или дѣлають совершенною заразою, и по мнѣнію которыхъ Государь царствуетъ надъ подлыми машинами, или надъ разбойниками.

Довольно сего о недоспашочествѣ Правовращенія; заключимъ сіе, напомянувъ по-
всѣмъ

велителямъ и судіямъ, сколь многимъ подвергаются они неправдамъ, когда дѣйствующъ по неизвѣстному и не удостовѣрясь о законности своихъ поступковъ.

Первое изъ сихъ неудобствъ есть то, что они подвергаются опасности осудить невиннаго. Зло, изъ сего произтекающее, не можетъ никакъ оцѣнено быть отъ человека; понеже оно большею частію зависитъ отъ вреда, больше, или меньше важнаго, терпимаго осужденнымъ, относительнаго къ тѣмъ плодамъ, которые бы могъ онъ получить отъ разумныхъ своихъ способностей, когда бы оспавался долѣе на земли; и относительнаго къ тому унылому чувствованію, которое должна въ немъ произвести казнь поносная, жестокая и неожиданная. Какъ можетъ судія оцѣнить все пространство всѣхъ сихъ золъ, ежели не будешь имѣть нѣкогда горькаго чувствованія своей безразсудности и заблужденій? И какъ же можетъ удовлетворить Правосудію, ежели не подвергнешся спорогому его наказанію?

Второе неудобство состоитъ въ томъ, что опредѣляется преступнику не то наказаніе, какое принадлежитъ его преступленію. Въ семъ случаѣ смотри, какую цѣль золъ угошляешь безразсудный судія и своей жертвѣ и себѣ самому:

Вопервыхъ, опредѣляемая оная казнь ни мало не освобождаетъ виноватаго отъ той казни, ко-
шо:

шорую назначило истинное Правосудіе. Но что еще злѣе, чрезъ сіе она учиняется паче неизбежною; ибо безъ сего скоропостижнаго осужденія можетъ быть истинное Правосудіе оставило бы виновашому время на очищеніе своея погрѣшности раскаяніемъ; и сколь оно ни строга, можетъ бысть всё наказаніе свое положило бы въ единомъ раскаяніи.

Вовторыхъ, когда легкомысленный и слѣпый Приговоръ человѣка отнимаетъ у преступника время раскаянія; то жестокость казни отнимаетъ у него силы и доводитъ его къ тому, что онъ въ отчаяніи теряетъ драгоцѣнную жизнь, коея употребленіемъ правильнымъ и пожертвованіемъ благовременнымъ могли бы загладиться всѣ его преступленія: шакъ возлагается на него вмѣсто одного два наказанія, изъ коихъ первое не токмо не загладитъ ничего, но можетъ напрошувъ привести его къ умноженію неправдъ и учинить второе необходимымъ.

И шакъ ежели Судія захочетъ разсмотрѣть прилѣжаніе самаго себя, то не можетъ не вѣннать себя въ неправду перваго наказанія, которое отъ насильственнаго убійства разнствуетъ шолько наружнымъ видомъ; потомъ долженъ онъ принять шакже на себя и всѣ пагубныя слѣдствія; происшедшія отъ его дерзости и несправедливости, какъ мы сіе показали. Да помысливъ же онъ теперь о себѣ и да размотришь, можно ли ему бысть мирну съ самимъ собою.

Остае

Оставимъ сіи ужасныя позорища, и по-
тщимся паче всѣми силами привести Владыкъ
земныхъ и Судей къ познанію истиннаго ихъ
Закона и ко упованію на шотъ свѣтъ, ко-
торой опредѣленъ бытъ пушеводительнымъ
свѣтиломъ человѣка; удостовѣримъ ихъ,
что естли они чисты, то гораздо лучше
наведутъ шрепетъ на злодѣевъ своимъ при-
еушствіемъ и своимъ именемъ, нежели висе-
лицами и эшафотами; удостовѣримъ ихъ, что
сіе есть единственныи способъ разгнать всю
сію мглу, въ которой, какъ мы видѣли, сокрыты
происхожденіе Владычества ихъ, причины ро-
жденія Общежительствъ политическихъ и
Законы Правленія гражданскаго и уголовнаго
ихъ державъ; побудимъ ихъ взиращь непрестан-
но на то Начало, которое представлено
имъ, яко единственныи Пушеводитель ихъ
поступокъ и единственное мѣрило вла-
сти ихъ.

Дабы увеличить понятіе, какое о немъ
Государи должны имѣть, покажемъ имъ те-
перь, что сіе же самое Начало, отъ коего
долженствуютъ они ожидать толкихъ вспо-
моженій, можетъ шакоже сообщить имъ шотъ
могущественный даръ, которой вмѣстѣ съ
въ число преимуществъ ихъ, сіе есть изцѣ-
лять болѣзни.

Когда сія Причина всеобщая временная,
поставленная управлять человѣкомъ и всѣ-
ми Существами, живущими во времени, есть
дѣй-

дѣйствующая купно и разумная; по нѣмъ сомнѣнія, что она всѣ части наукъ и познаній объемлетъ; а сіе довольно уже показываетъ, чего долженъ надѣяться отъ нее шомъ, кто управляемъ ею.

И такъ не впадемъ въ заблужденіе, когда скажемъ, что Государь, ежели будетъ предводительствуемъ симъ свѣтомъ, познаетъ истинныя Начала Тѣлъ, или три главныя Стихіи, о которыхъ разсуждали мы въ Началѣ сего книги; что будетъ умѣть различать мѣру дѣйствія ихъ, оказывающагося въ разныхъ Тѣлахъ по возрасту, полу, климату и по другимъ естественнымъ отношеніямъ; что будетъ понимать особенное каждой Стихіи свойство, равно какъ и долженствующее всегда царствовать между ими взаимное отношеніе; и что, когда оное разспросно, или исстреблено будетъ, когда стихійныя Начала устремятся преодолевать другъ друга, или раздѣляться между собою; то тотчасъ и безъ ошибки увидитъ средство къ возстановленію порядка.

И сего ради врачебная наука заключаться должна въ сѣмъ простомъ, единственномъ, а следовательно и всеобщемъ правилѣ: *собрать, что раздѣлено, и раздѣлять, что собрано.* Но коликимъ беспорядкамъ и коликимъ оскверненіямъ сіе почерпнутое въ самой природѣ вещей правило подверглось, переходя чрезъ руки людей! Ибо малѣйшая степень разисвѣія въ употребляемыхъ ими средствахъ

и

и въ дѣйствіи лѣкарствъ производитъ слѣдствія совсѣмъ прошивныя, нежели какихъ они ожидаютъ; потому что смѣшеніе сихъ главныхъ Началъ, которыя числомъ суть только три, измѣняется и разнствуетъ столь многообразно, что не возможно никакъ обыкновеннымъ глазамъ слѣдовать за всѣми ихъ перемѣнами, и потому, что въ таковыхъ составахъ одно Начало часто получаетъ ошибенныя свойства, соотвѣтственно роду устремляющагося на него отражательнаго дѣйствія.

Ибо хотя извѣстно, что огонь вездѣ разлитъ, какъ и прочія двѣ Стихін; однако и то вѣдаемъ, что внутренний огонь пвортитъ, вышній даетъ плодоносіе, а нижній пожираетъ. Тоже можемъ сказать и о соляхъ: внутренняя возбуждаетъ закисаніе, вышняя сохраняетъ, а нижняя сѣдаетъ. Самый Меркурій, хотя всеобщее свойство его есть занимать среднее мѣсто между обоими упомянутыми сражающимися Началами и ихъ примирять, однако самый Меркурій, говорю, въ премногихъ случаяхъ, собравъ ихъ вкупѣ и заключа во единомъ кругѣ, учиняется виновникомъ величайшихъ неустойствъ стихійныхъ, и купно представляеть образъ *исговцаго неустойства*.

Коликое шщаніе, коликая предосторожность пошребна къ распознанію свойства и дѣйствій сихъ разныхъ началъ, которыя своею смѣсю еще болѣе облакаются въ разные
виды,

виды, нежели по природнымъ своимъ свойствамъ? Но не взирая на сіе безконечное множество разностей, примѣчаемыхъ въ преобращеніяхъ Существъ тѣлесныхъ, просвѣщенный взоръ, каковый долженъ быть Государя, не потеряетъ никогда изъ виду своего правила; разности оныя будутъ онѣ приводить всегда къ тремъ родамъ, слѣдуя тройному числу главныхъ Началъ, изъ которыхъ онѣ происходятъ, и слѣдственно признаетъ онѣ три только болѣзни; и также узнаетъ, что сіи три болѣзни должны имѣть знаки столь же примѣтные и столь же ясные, сколько примѣтны и ясны три главныя Начала, когда они въ своемъ дѣйствіи и въ первобытномъ свойствѣ находятся.

Сіи три рода болѣзней относятся къ глазнымъ Веществамъ, составляющимъ животное тѣло, то есть къ крови, кости и къ плоти, которыя всѣ три части относительны каждая къ одной изъ Стихій, отъ которой происходятъ. И такъ сими же Стихіями могутъ онѣ врачеваны быть, какъ то: плоть исцѣлится солью, кровь сѣрою, а кости Меркуріемъ, при наблюденіи потребныхъ къ тому *приготовленій и умѣреній*.

На примѣръ извѣстно, что болѣзни плоти и кожи происходятъ отъ сгущенія и порчи соляныхъ отсѣдковъ въ волокнистыхъ сосудахъ, гдѣ они могутъ сдѣлаться недвижимыми отъ быстраго и внезапнаго дѣйствія

воз-

воздуха, равно какъ и отъ весьма слабаго дѣйствія крови. И такъ весьма естественно употреблять противу сихъ застоявшихся и испорченныхъ жидкостей такую соль, которая бы ихъ раздѣляла, не вгоняя опять шуда; сѣдала бы ихъ на шомъ же мѣстѣ, не возвращая въ составъ крови, которой могли бы онѣ сообщить свою гнилость. Но хотя сія соль есть самая обыкновенная между производимыми натурою, однако должно признаться, что она еще, такъ сказать, неизвѣстна человеческой врачебной наукѣ, и для того - по сія такъ мало и успѣла въ излеченіи упомянутаго рода болѣзней.

Вовторыхъ, въ болѣзняхъ костей Меркурій долженъ быть употребляемъ съ великою умѣренностію; потому что онъ сильно связываетъ и стѣсняетъ прочія два Начала, подкрѣпляющія жизнь всѣхъ тѣлъ, и потому что онъ, связывая преимущественно сѣру, бываетъ разрушителемъ всякаго возрастанія какъ земнаго, такъ и животнаго. И такъ благоразуміе часто требуетъ давать шокмо свободу врожденному въ тѣлѣ человеческомъ Меркурію дѣйствовать; ибо дѣйствіе сего Меркурія, согласуясь съ дѣйствіемъ крови, не возрастаетъ больше онаго, но связываетъ кровь столько, чтобъ не допустить ее ослабѣть и разлестѣться парамъ, а не ушущаетъ ее. Почему Нашура въ семъ случаѣ ясное и поучительное даетъ намъ наставленіе, исправляя переломы костей собственною

силою и безъ всякой помощи чуждаго Меркурія.

Чтожъ принадлежитъ до болѣзней крови, то въ нихъ сѣра гораздо съ большею осторожностію должна бытъ употребляема; ибо, послѣдую шѣла больше летучи, нежели недвижны, умножать въ нихъ сѣрное и огненное дѣйствіе есть дѣлать ихъ болѣе летучими. Человѣкъ, истинно знающій, никогда не употребитъ сего лѣкарства иначе, какъ съ величайшею осторожностію, шѣмъ паче, что ему извѣстно, что когда коренная влага повреждена, то одна грубая влага никакъ не можетъ ее поправить; и для того присоединитъ онъ къ ней самую коренную влагу, почерпнувъ оную въ источникъ, которой не весь находишь въ мозжечкѣ костей.

Кстати при семъ скажемъ, что сія есть причина часно усматриваемаго недоспѣшества и опасности Фармацевтики, которая, изыскивая съ шолкимъ шщаніемъ летучія Начала врачевныхъ шѣлъ, излишно пренебрегаетъ употребленіе твердыхъ Началъ, которыхъ надобность столь велика, что еслии бы человѣкъ былъ благоразуменъ, то оно могло бы бытъ исключительно единое. Да и кому неизвѣстно, что сія Фармацевтика больше разрушаетъ, нежели сохраняетъ, движетъ и жжетъ, а не оживляетъ, и напротивъ когда намѣревается утолять, то не умѣетъ произвести сего инымъ средствомъ, какъ

какъ чрезъ лѣкарства пожирающія и чрезъ ошравы ?

И такъ видно изъ сего , какова была бы врачевная наука въ рукахъ человека , возвращавшаго права своего происхожденія ; онъ далъ бы самъ собою спасительную дѣйствительность всѣмъ лѣкарствамъ , и учинилъ бы чрезъ то изцѣленіе необманчивымъ , лишь бы Причина дѣйствующая , коея былъ бы онъ органомъ , не имѣла повелѣнія расположить сіе иначе.

Весьма осперегался бы онъ въ сей важной и полезной Наукѣ употребляя вычисления матеріальныхъ человеческой Математики , копорыя , дѣйствуя всегда на произведенія , ничего не помогающъ , или еще и вредны во врачеваніи , коего цѣль есть дѣйствовать надъ самыми Началами , дѣйствующими въ тѣлахъ.

Для сей же причины не привязался бы онъ ко врачевнымъ предписаніямъ , копорыя во врачевномъ искусствѣ суть то , что уголовныя уложенія въ Правоправленіи ; понеже изъ всѣхъ болѣзней изъшъ ни двухъ , копорыябъ имѣли одинакіе знаки , то не возможно , чтобы одно лѣкарство не вредило той , или другой болѣзни.

Но послыку сей человекъ , яко *Государя* , зналъ бы силы тѣлесныхъ Существъ , то

въдалъ бы также и разстроєніе ихъ; а пошому не могъ бы ошибиться въ назначеніи имъ лѣкарства; при семъ да не будешь забвенно то, что для достиженія къ сему же должно приниматьъ Вещество за Начало Вещества; ибо видѣли мы, что сія есть главная причина невѣжества его.

Такоежъ да не мнитъ кто, чтобъ сіе неограниченное могущество было невѣстно чловѣку; напротивъ оно входитъ въ число Законовъ, данныхъ ему относительно къ возложенному на него званію въ семъ земномъ его прохожденіи; ибо ежели чрезъ тѣлесную его оболочку устремляются на него нападенія, то надобно, чтобъ не совѣмъ лишенъ онъ былъ средствъ ощущать и отражать оныя нападенія; и такъ, ежели употребленіе сего преимущества можешь общепринадлежать всѣмъ людямъ, тѣмъ паче долженствуешь оно въ особенноти принадлежать Государямъ, которыхъ истинное званіе есть предохранять своихъ Подданныхъ, сколько можно, отъ всѣхъ золъ, и защищать ихъ какъ въ чувственномъ, такъ и въ умственномъ.

И такъ ежели сіе преимущество не болѣе извѣстно имъ, какъ и всѣ прочія ихъ права, то сіе есть новое побужденіе для нихъ возчувствовать, отъ того ли Начала поставлены они надъ людьми, котораго показалъ я имъ могущество и которое необходимо нужно къ учрежденію ихъ поведенія. Чрезъ сіе представляю имъ новый способъ судить самихъ себя.

И такъ да присоединяѣтъ они учиненныя мною примѣчанія о врачебномъ искусствѣ ко всѣмъ шѣмъ, которыя сдѣлаѣ я о Правоправленіи полишическомъ, гражданскомъ и уголовномъ, о недостаткахъ самыхъ Правленій, чрезъ которыя открылись недосшатки и зачатія сообществъ, равно какъ и о источникѣ, въ которомъ властители должны почерпашъ различныя свои права; попомъ, да рѣшатъ сами, находятъ ли въ себѣ слѣды того свѣта, отъ котораго почишаются они бытъ поставленными и который ни на единое мгновеніе ока не оставляешъ ихъ; ибо чрезъ сіе токмо могутъ они удостовѣриться о законности своей власти и о правильности уснановленій, подъ ихъ начальствомъ учреждаемыхъ.

При всемъ томъ повшоримъ и сіе не обинуясь и чистосердечно, что Подданный, которой, примѣшивши всѣ оныя недосшатки государства и видя и самихъ Государей ниже того, чѣмъ должно бы имъ бытъ, почитетъ себя разрѣшеннымъ отъ своихъ къ нимъ обязанностей и отъ покорности къ ихъ велѣніямъ, томъ ошущишельно ошступашъ отъ своего Закона, и прямо нарушаетъ всѣ начальныя положенія, ушверждаемыя нами.

Напрошавъ каждый человекъ да удостовѣритъ себя, что Правосудіе не виѣнитъ ему, какъ токмо собственныя его погрѣшности; что Подданный умножитъ только беспорядокъ,

докъ, думая оному прошивяшся и испре-
бляшъ его; ибо сіе было бы слѣдовать волѣ
человѣка, а воля человѣческая всегда ведетъ
къ прешупленіямъ.

И такъ я надѣюсь, что Государи, какіе
бы заключенія ни выводили изъ представлен-
наго имъ отъ меня начертанія, не должны
однако никакъ почишашъ мои начальныя поло-
женія прошивными власи ихъ, когда я ниче-
го болѣе не желаю, какъ увѣришъ ихъ, что
они могутъ пріобрѣсти власъ непобѣдимую
и неколебимую.

Для соблюденія связи въ нашихъ примѣ-
чаніяхъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію погрѣшно-
стей, учиненныхъ въ вышнихъ Наукахъ; ибо
какъ начальныя основанія сихъ Наукъ при-
надлежатъ къ тому же источнику, къ которо-
му и Политическія и Богослуженія Законы;
то познаніе ихъ долженствуетъ бытъ также
въ числѣ правъ человѣка.

6.

Я намѣренъ здѣсь изслѣдовать особливо
Математическую Науку, поелику съ нею
связаны всѣ высокія Науки, и поелику она зани-
маетъ первое мѣсто между вещами, подлежащими
разсужденію, или умственной способности че-
ловѣка; и въ ободреніе тѣхъ, которыхъ мо-
жетъ остановить имя Математики, предвари-
тельно скажу, что не только не требуетъ
ск

ся великаго знанія въ сей Наукѣ, дабы сѣ-
дывать за мною въ моихъ примѣчаніяхъ, но
едва нужны къ сему самыя легкія о ней по-
нятія, и что моя разсужденія могутъ
быть сходны для всѣхъ Чишашелей.

Сія Наука безъ сомнѣнія откроетъ намъ
еще убѣдительнѣйшіе доводы о Началахъ, вы-
ше утвержденныхъ, равно какъ и о заблужде-
ніяхъ, которыми она сдѣлалась поводомъ, когда
люди сѣпо послѣдовали чувственнымъ своимъ
разсужденіямъ.

И сіе должно казаться естественнымъ;
ибо какъ математическія Начала, хотя не
суть вещественныя, однакожъ суть истин-
ный Законъ чувственного; то Геометры мо-
гутъ умствовать о свойствахъ ихъ Началъ,
какъ хотѣтъ, пока не начинаютъ сносить
свои идеи, которыя себѣ о нихъ составили,
съ самыми вещами; тогда уже необходимо дол-
жны признавать свои ошибки; потому что
тогда не они ведутъ Начало, но Начало ихъ
ведетъ; и такъ удобнѣе всего различить истин-
ное отъ ложнаго чрезъ тщательное изслѣдованіе
того пути, по которому они шествовали, и
слѣдствій, какія бы произошли, когда бы и
мы его приняли.

Первое мое примѣчаніе есть сіе, что
ничего въ Математикѣ не доказано, когда не
приведено къ Аксиомѣ; ибо сіе только и есть
истинно; прошу также и то замѣтить, для

чего Аксіомы истинны; для того, что онѣ не зависятъ отъ чувственнаго, или отъ Вещества, и суть совершенно умственные; чѣмъ и подтверждается сказанное мною о пути, по которому должно достигать къ истинѣ, а при томъ и Примѣчатели могутъ подчеркнуть изъ сего увѣреніе въ томъ, что не подвержено тѣлесному ихъ зрѣнію.

Изъ сего ясно усматривается, что Геометры, ежели бы не отступили отъ Аксіомъ, никогда бы не заблуждали въ своихъ умствованіяхъ; понеже Аксіомы принадлежатъ самой Сущности умственныхъ Началъ, и потому основаны на очевидѣйшей достоверности.

Всякое произведеніе тѣлесное и чувственное, по симъ умственнымъ Законамъ составленное, есть безъ сомнѣнія совершенно правильно въ разсужденіи своего рода; поелику оно въ точности сообразно порядку сего Начала умственного, или тѣхъ Аксіомъ, которыя вездѣ правятъ его бытіемъ и производствомъ. Но какъ совершенство сего произведенія тѣлеснаго есть зависимое, или относительное къ Началу, родившему его, то правило и источникъ сего произведенія не можетъ быть въ немъ же самомъ.

И такъ по непресланному только сравненію сего чувственнаго произведенія съ Аксіомами, или съ Законами Начала умственного, можно судить о его правильности; симъ токмо средствомъ, говорю, докажется точность его.

A

А когда единое сіе правило есть истинное, и когда при томъ оно есть совсѣмъ умственное; то какъ же люди могутъ надѣяться замѣнить его правиломъ, взятымъ отъ Чувственнаго? Какъ могутъ льститься, чтобы Существо условное и подложное могло засмуглить мѣсто Существа истиннаго?

При всемъ томъ не лзя сомнѣваться, что Геометры всѣми своими силами о семъ единственно стараются; ибо увидимъ, что они, утвердивъ Аксиомы, яко основанія всѣхъ тѣхъ Истиннѣ, которыми научить насъ хотѣли, предлагають намъ къ измѣренію протяженія мѣру, взяшую въ семъ же самомъ протяженіи, либо числа, по произволению принятыя, которыми самими потреба мѣра чувственная, чтобы быть имъ для нашихъ тѣлесныхъ глазъ существенными.

Какъ же положишься на такое доказательство, и какъ почишаешь очевидными такіе доводы? Понеже мѣра находишся всегда въ томъ Началѣ, отъ котораго чувственное произведеніе получило бытіе; то какъ можно сему произведенію чувственному и справедельному быть самому себѣ мѣрою и доказательствомъ? И есть ли такіа Существа, кромѣ не созданныхъ, или кромѣ Существъ истинныхъ, которыя бы могли сами себя доказывать?

Не оспаривая никакъ очевидности Началъ умственныхъ Математическихъ, или Аксиомъ, мы

должны признашь, сколь худо поняли ихъ Геометры и сколь мало пользующся ими въ познаниіи протяженія и прочихъ свойствъ Вещества; надобно сказать, что незнаніе ихъ въ семъ случаѣ произошло отъ той же ошибки, въ которую впади Примѣчатели въ разсужденіи прочихъ вещей, доселѣ разсматриваемыхъ, но есть, они ошлучили протяженіе отъ его истиннаго Начала, или, лучше сказать, искали Начала сего въ самомъ протяженіи, смѣшали обоихъ и не примѣтили, что сіи суть двѣ различныя вещи, хошя и соединены по необходимости для поданія бытія Веществу.

Дабы лучше уразумѣшь сіе, не неприлично здѣсь опредѣлить свойства протяженія. Протяженіе, какъ и всѣ прочія свойства Тѣлъ, есть произведеніе Начала, родившаго Вещества, (произшедшее) по Законамъ и порядку предписаннымъ сему нижнему Началу отъ вышняго Начала, правившаго его. Въ семъ смыслѣ протяженіе, яко вторичное произведеніе, не можеть имѣть преимуществъ, равныхъ съ Существами, къ числу первыхъ произведеній принадлежащими: сіи въ самихъ себѣ имѣють непреложные Законы; всѣ свойства ихъ неизмѣняемы, попому что соединены съ ихъ Сущностію; словомъ, въ нихъ вѣсь, мѣра и число такъ уставлены, что безъ разрушенія самаго Существа не могутъ измѣняться.

Чшожъ

Чтожъ касается до свойствъ Тѣлъ, или Существъ вторичныхъ, то мы довольно пространно видѣли, что они таковы бышь не могушъ; ибо какъ нѣшъ въ нихъ ни одного не измѣняющагося для чувствъ нашихъ свойства, то глаза наши не могушъ цѣнить ихъ иначе, какъ по сравняванію съ Существами ихъ же чину.

Когдажъ то такъ, то протяженіе Тѣлъ не болѣе вѣрно для насъ опредѣлено, какъ и прочія ихъ свойства. И такъ, когда къ показанію величины протяженія употреблена будешъ мѣра, взяшая изъ самаго же протяженія, то самая употребленная сія мѣра также недостаточна будешъ, какъ и измѣряемое, то есть, что ея протяженіе не болѣе вѣрно будешъ опредѣлено; следовательно надобно будешъ искать еще мѣру сей мѣры, ибо какія средства къ сему ни употребимъ, всегда увидимъ явственно, что въ самомъ протяженіи отнюдь не найдемъ истинной ея мѣры; следовательно должны прибѣгнуть къ тому Началу, отъ котораго рождено протяженіе и всѣ свойства Вещества.

И сіе есть довольное свидѣтельство, сколь недостаточный способъ избрали Геометры къ постановленію истинной мѣры Существамъ шфлеснымъ. Правда, и я въ томъ согласенъ, что къ сей чувственной мѣрѣ протяженія, избранной ими, прилагаюшъ они числа; но не шемко употребляемыя ими числа
сами

сами суть относительныя и условныя, не токмо человекъ воленъ перемѣнять ихъ отношенія и поставлать имъ степени, какія за благо разсудитъ; но еще и самая сія лѣствица степеней, хоша и можетъ быть полезна въ измѣреніи всѣхъ вообще просяженій одного рода, но опіюдь не годится къ измѣренію просяженій иного рода; а надобно еще людямъ поискашь того непреодоимаго, неизмѣняемаго и всеобщаго основанія, къ которому бы могли относитимы быть всѣ роды просяженій.

Для сего-то Геометры приходятъ въ замѣшательство, когда хошащъ измѣрять кривыя линіи; ибо употребляемая ими мѣра сдѣлана только для прямой линіи, и къ сему только роду линій приложена; когда же хошащъ ее приложить къ круговой, или ко всякой оубо сѣя производящей кривой линіи; то она представляетъ непреодолимыя затрудненія.

Я говорю, что сія мѣра представляетъ непреодолимыя затрудненія; потому что хоша Геометры разсѣкли узелъ, представя намъ круговую линію, какъ бы состоящую изъ самыхъ малѣйшихъ прямыхъ линій, однако напрасно мечтаетъ они, будто симъ вопросъ рѣшенъ; ибо никогда ложь не могла ничего рѣшить.

Сего опредѣленія круговой линіи не могу не почитать ложнымъ; потому что оно со-

совсѣмъ прошивно той идеѣ, которую и сами они и Натура подають намъ объ окружности; она есть такая линія, которой всѣ точки находятся въ равномъ разстояніи отъ общаго центра; и я не понимаю, какъ могутъ Геометры, не прошиваясь здравому смыслу, основываться на двухъ шоліко противорѣчущихъ положеніяхъ; ибо, когда окружность есть собраніе прямыхъ линій; то, сколь бы малыми ни полагають ихъ, при всемъ томъ не будутъ всѣ точки сѣя окружности равно удалены отъ центра; потому что сіи прямыя линіи сами состоятъ изъ многихъ точекъ, изъ которыхъ крайнія со средними не будутъ конечно имѣть одинакое разстояніе отъ центра; и такъ центръ не будетъ уже для нихъ общимъ и окружность не будетъ болѣе окружностью.

Сіе есть хотѣть соединить противныя между собою вещи, хотѣть почищать двѣ вещи за единосущественныя, которыя въ самомъ дѣлѣ весьма противныхъ свойствъ; сіе есть, говорю, хотѣть подвести подъ одно число двухъ родовъ Существа, которыя, будучи различны, различно должны бытъ и числимы.

И такъ должно признаваться, что въ семъ случаѣ явственнѣе всего открывается природная склонность людей все смущать, и прельщаться обманчивою единообразностію различныхъ Существъ, чрезъ что стараются они сочешать вещи, прошивнѣйшія другъ другу.

ту. Ибо вѣтъ ничего споль противнаго, несогласнаго другѣ съ другомъ, словомъ, споль противорѣчущаго, какъ линія прямая съ круговою.

Кромѣ нравственныхъ доказательствъ, копорыя находятся какъ въ отношеніяхъ линіи прямой съ правильностію и совершенствомъ единицы, такъ и въ отношеніяхъ линіи круговой съ безпорядкомъ, неослаучнымъ отъ множественности, копорую сія круговая линія изображаетъ, могу еще къ сему привести доводы, тѣмъ убѣдительнѣйшіе, что они взяшы будущъ въ умственныхъ Началахъ, копорыя единыя должны бытъ почитаемы за существенныя и служащія Закономъ въ изслѣдованіи свойства вещей; единыя, говорю, копорыя суть неколебимы, какъ Аксиомы.

Однако я предупреждаю, что сіи истинны не вѣмъ людямъ будущъ ясны, а еще менѣе тѣмъ, копорыя до нынѣ слѣдовали ложнымъ Началамъ, мною опровергаемымъ; чтобы понимать мои слова, надлежитъ поспанишь себѣ за первое дѣло изыскивать вещи въ самомъ ихъ источникѣ, а не въ представленіяхъ ума, составленныхъ воображеніемъ и скоропоспѣшными разсужденіями.

Но я знаю, сколь мало есть людей, способныхъ къ сему отважному предпріятію;

да

да хотя бы и много такихъ было, я долженъ предполагать, что весьма не многіе изъ нихъ получаютъ совершенный успѣхъ. Столько первые источники Знанія заражены заблужденіемъ и ядомъ!

Когда предварительно далъ я замѣтить, что всякая вещь имѣетъ свое число въ Нашурѣ, когда чрезъ него шокмо всякія Существа различаются другъ отъ друга; ибо всѣ свойства ихъ должны бытъ не иное что, какъ произведенія, сообразныя Законамъ, содержащимся въ ихъ числѣ: то слѣдуетъ, что и линія прямая и линія кривая, будучи разныхъ свойствъ, какъ то я показалъ, должны имѣть каждая свое особенное число, означающее различность ихъ свойствъ, и что не лзя намъ въ мысляхъ нашихъ равнять ихъ и безъ разбору одну вмѣсто другой спавить.

Если хотя мало размыслимъ о званіи и свойствахъ обѣихъ линій, то довольно убѣдимся въ неложности сказаннаго шеперь мною. Какое дѣло есть прямой линіи? Не то ли, чтобы продолжать до безконечности произведенія той точки, изъ которой она исшекаетъ? А яко перпендикулярной линіи, не то ли, чтобы уставлятъ и уравнивать основаніе всѣхъ Существъ и каждому изъ нихъ начертывать свои Законы?

Напротивъ круговая линія не ограничивается ли во всѣхъ ся точкахъ произведеніи

денія прямой линіи? Слѣдствено не спре-
мится ли непрестанно разрушать ее, и не
можно ли почестъ ее, какъ бы врагомъ оной?
Когдажъ то шакъ, возможно ли, чтобъ столь
противныя другъ другу и столь разныхъ
свойствъ двѣ вещи не разнствовали въ своемъ
числѣ, какъ и въ дѣйствіи?

Если бы сіе важное замѣчаніе сдѣлано
было прежде, то всѣ упражняющіеся въ Ма-
тематическихъ познаніяхъ избавились бы мно-
жества трудовъ и работы; потому что не
стали бы искашь, какъ то нынѣ дѣлаютъ,
общей мѣры линіямъ двухъ родовъ, не имѣю-
щихъ въ себѣ ничего общаго.

И шакъ, признавъ сію существенную ихъ
разность, и по фигурѣ и по употребленію и
по свойствамъ ихъ раздѣляющую, безбояз-
ненно долженъ я утвердить, что равнымъ
образомъ и число ихъ есть различно.

Если потребуетъ кто, чтобъ я точнѣе изъ-
яснися и показалъ, какое число приписываю ка-
ждой линіи; не обинуясь скажу, что прямая
линія имѣетъ на себѣ число *четыре*, а круго-
вая линія *десять*; и смѣло увѣрю, что нѣтъ
иного кромѣ сего средства достигнуть къ
познанію ихъ; ибо прощаженіе ихъ, великое, или
малое, не перемѣняетъ ни мало число, припи-
сумаго имъ, и каждая въ своемъ отдѣленіи со-
хра-

храняешь всегда при себѣ тоже число, какъ бы далеко ни прошагуша она была.

Знаю, что можешь сіе казаться невразумительнымъ; столь много Вещество овладѣло разумомъ подобныхъ мнѣ! Не взирая на ясность моего предложенія, могутъ они дожное вывести слѣдствіе, что когда и большая и малая линія, по моимъ словамъ, имѣютъ тоже число, то надлежитъ бытъ имъ равнымъ между собою.

Но въ предупрежденіе сего сомнительства прибавлю и то, что какъ большая, такъ и малая каждая линія есть не иное что, какъ содѣйствіе, происшедшее отъ Закона ея и числа; и потому, хотя обѣ онѣ, будучи въ одномъ опредѣленіи вещей, имѣютъ тоже же Законъ и тоже число; но сей Законъ и сіе число въ каждой изъ нихъ дѣйствуютъ разнo, то есть съ большею, или меньшею силою, быспрошою, или продолженіемъ: изъ чего и видно, что произтекающее изъ того содѣйствіе долженствуетъ изобразить зрѣнію всѣ таковыя чувствительныя разности, хотя Начало, которое разнообразно дѣйствуетъ, само по себѣ есть неизмѣняющееся.

Вотъ чѣмъ единственно, кромѣ всякаго сомнѣнія, можно изъяснить всеобщую разность всѣхъ Существъ обѣихъ натуръ, какъ тѣхъ, которыя въ той, или другой находяшся въ разныхъ опредѣленіяхъ, такъ и тѣхъ, которыя

Ч

состо-

состоятъ подѣ шѣмъ же ошдѣленіемъ и родомъ ; чрезъ сіе можемъ вразумлены быть, какъ всѣ нераздѣлимыя того же ошдѣленія разнствуютъ между собою, хотя у нихъ одинакій Законъ, одинакій источникъ и одинакое число.

Чрезъ сіе же оказывается ничтожность условныхъ и произвольныхъ чиселъ, употребляемыхъ Геометрами въ чувственныхъ измѣреніяхъ; да и дѣйствительно неудобства, къ которымъ приводитъ ихъ сія мѣра, показываютъ ясно ихъ недостаточество. Ибо, взявъ мѣру протяженія изъ протяженія же надобно будетъ иногда или укоротить ее, или продолжить, какъ скоро въ протяженіи измѣряемомъ сдѣлается какая перемѣна; а какъ отъ сихъ перемѣнъ не всегда происходятъ числа такія, которыябъ могли дѣлиться, или умножиться безъ остатку на данную мѣру, и могутъ падать на такія части чиселъ, которыя безъ дробей не могутъ быть соразмѣряемы съ главнымъ числомъ: то непремѣнно и мѣрѣ самой надобно подвергнуться той же передѣлкѣ; надобно будетъ наконецъ допустить то, что выкладчики называютъ дробями единицы, какъ будто можешь Существо, несложное, или единица быть дѣлимая.

Если бы любители Математики прилѣпились къ сему послѣднему разсужденію, то получили бы правильнѣе идею о замысловавшемъ ономъ способѣ счисления, изобрѣтенномъ ими, то есть о *вычисленіи безконечныхъ*. Увидѣли бы они, что никогда не могутъ найти въ *Несущемъ безконечно делимаго*, которое ограничено

чено *тремя* стихіями; но шокмо въ *числахъ*, которыя суть могущества всего, что существуешъ, и которыя въ самомъ дѣлѣ не имѣютъ границъ ни въ мысляхъ нашихъ, ни въ своей сущности. Напрощивъ узнали бы, что вычисленіе *безконечно малото* можно найти только въ Веществѣ, котораго частицъ безостановочное раздѣленіе всегда возможнымъ представляется уму, хотя наши чувства и не всегда могутъ произвести сіе на дѣлѣ; но не искали бы они сего рода безконечности въ *числахъ*; ибо единица, будучи нераздѣлима, есть первый предѣлъ существъ и никакого числа не допускаетъ передъ собою.

И шакъ всего меньше сходна съ истиннымъ Началомъ сія произвольная мѣра, какую человекъ выдумалъ себѣ для геометрическихъ вычисленій, и слѣдственно всего меньше можешъ она довести его къ шѣмъ познаніямъ, которыя ему необходимо нужны.

Знаю, что великую пользу дѣлаешъ сія мѣра въ вещественныхъ дѣлахъ общественной и шѣлесной жизни человека; и я не порочу сего ея употребленія, а требую только, чтобъ онъ не употреблялъ ее несмысленно даже и въ изысканіяхъ Истиннѣ естественныхъ; для того что здѣсь она вводитъ его въ обманы; для того что въ такомъ случаѣ самыя простыя ошибки ведутъ за собою важныя слѣдствія, и какъ всѣ Истин-

ны связаны между собою, то ни одна изъ нихъ не можеть получить поврежденія безъ того, чтобы не сообщить онаго и всѣмъ прочимъ.

Числа *четыре* и *пять*, кошорыя, какъ я сказаъ, принадлежатъ первое прямой, а другое кривой линіи, не подвержены тому неудобству, какое показалъ я въ методѣ произвольной; понеже сіи числа оспаютъ неизмѣняемы, хотя дѣйствіе ихъ во всѣхъ перемѣнахъ, свойственныхъ прощженію, расширяется, или сѣняется; и пошому въ самой сущности вещей никогда не бываетъ дроби въ Существѣ; и ежели припомнимъ вышесказанное о свойствахъ Началъ Существъ шѣлесныхъ, то увидимъ, что поелику она, яко существа протыя, нераздѣлимы, то и числа ихъ, кошорыя суть чувственный образъ ихъ и представленіе, должны пользоваться шѣмъ же свойствомъ.

Но, еще повшоряю, все сіе есть въ чувственного и въ вещества, и пошому не надѣюсь, чтобы многіе меня понимали. И для того ожидаю, что еще меня спросятъ: какъ же можно измѣрять разныя прощженія, состоящія подъ однимъ опредѣленіемъ, когда назначены отъ меня всѣмъ безъ исключенія прямымъ линіямъ число *четыре*, а круговымъ и кривымъ всѣмъ число *пять*? Спросятъ у меня, говорю: почему разпознавать въ шочности различное дѣйствованіе того же числа на неравныя прощженія, и какъ мо-

можно правильно опредѣлять всякое протяженіе?

Не нужно мнѣ искать иного отвѣта, кромѣ даннаго уже мною. И такъ я отвѣчаю, что ежели вопрошающій намѣренъ узнать протяженіе для тѣлесной только своей потребности и для нужды, или склонностей своихъ чувственныхъ; то какъ въ семъ родѣ вещей все есть относителное, мѣры относителныя и условныя довольны для него; ибо помощію чувствъ такъ близко можно подойти къ правдѣ, что ошибка почти непримѣтна будешь для чувствъ.

Но ежели требуется узнать нечто болѣе сей величины относителной и приближительной, ежели спрашивается сыскать величину протяженія непреложную и существенную; то, какъ величина сія соразмѣрна дѣйствию числа, а число не есть вещество, легко усмотрѣть, въ вещественномъ ли протяженіи можно сыскать желаемое правило, и справедливо ли сказано нами, что истинной мѣры протяженія не лзя узнать тѣлесными чувствами. А когда не лзя найти ее въ тѣлесныхъ чувствахъ; то не требуется великаго размышленія, чтобы узнать, гдѣ должно ей быть; ибо непрестанно мы повторяемъ, что все то, что существуетъ, есть или чувственное, или разумное.

Теперь видимъ, чему могутъ Геометры научить насъ, и какими заблужденіями утѣшающъ

шающѣ они нашъ разумъ, представляя ему одні чувствєнные мѣры, и слѣдственно относитєльные, когда онѣ понимающѣ, что находящіяся истинныя мѣры, и что познать ихъ онѣ способны.

Здѣсь является паки та всеобщая Истинна, кошорая есть цѣль сего сочиненія, то есть, что въ Началѣ токмо вещей можно обрѣсти точное измѣреніе свойствъ ихъ, и что сколь ни трудно проникашь въ него, но то неоспоримо, что какъ сіе Начало есть правило и мѣра всему, то, удаляясь отъ него, ничего не будещъ найдено.

Къ сему долженъ я примолвить и то, что хотя и возможно помощію сего Начала судить безошибочно о мѣрѣ протяженія, поколику само оно правитъ протяженіемъ, но упореблять его къ вещественнымъ вычисленіямъ есть осквернять его; ибо гораздо важнѣйшія Истинны можешъ оно отккрыть намъ, нежели относитєльные толькѣ къ Веществу; да и чувства, какъ мы сказали, довольны къ управленію чловѣка въ чувственныхъ вещахъ. И мы видимъ, что существа, кошорыя ниже чловѣка, не имѣютъ инаго Закона, какъ токмо чувства, кошорыя довольны для нуждъ ихъ; и такъ въ семъ совершенно относитєльномъ дѣлѣ Математика истинная и справедливая, словомъ, умственная Математика, не толькѣ излишна, но и непонятна будещъ.

Сколь

Сколько же безразсудное дѣло хотѣшь покорить и подчинить сію Математику неизмѣняемую и ясную чувственной, которая столь ограничена и столь шемна; хотѣшь, чтобы сія заступила мѣсто первой; хотѣшь наконецъ, чтобы чувственное было правиломъ и предводителемъ умственному!

Черезъ сіе мы вновь показываемъ, какому неудобству подвергли себя Геометры; ибо, ища чувственной мѣры просяженію, и преподавая намъ еную за точную, не усмотрѣли они, что она подвержена шибъ же перемѣнамъ, какимъ и самое просяженіе, и что не только не правитъ она Веществомъ, но сама находится въ зависимости вещества; пошому что необходимо слѣдуетъ его теченію и всѣмъ относящимся къ нему содѣйствіямъ.

А какъ числа *четыре* и *десять*, которые призналъ я мѣрою двухъ родовъ возможныхъ линій, совершенно свободны отъ такого подчиненія; то не опасаюсь погрѣшить, когда на нихъ возложу всю мою довѣренность и объявлю ихъ, какъ то я учинялъ, каждое въ своемъ отдѣленіи истинною мѣрою.

Признаюсь, жестоко для меня, что не могу предлагать сихъ Истинъ, не чувствуя вмѣстѣ, сколько онѣ уничижительны Геометрамъ; ибо ежедневныя ихъ спаранія смѣшивашь обѣ сіи мѣры принуждаютъ насъ сказать, что и славнѣйшіе изъ нихъ

не знаютъ еще разности между прямою и кривою линією, какъ шо подробнѣе увидимъ въ послѣдующемъ.

Но не одну показанную здѣсь погрѣшность сдѣлали они въ разсужденіи протяженія: не только искали оны мѣры / протяженія въ немъ самомъ, какъ шо мы замѣтили, но еще искали въ немъ и источника движенія. Не ошважившись никогда вознесшися надъ симъ темнымъ Веществомъ, обременяющимъ ихъ, вздумали, что можно назначить пространство и предѣлы началу сего движенія, такъ что по сей системѣ не лзя и вообразить себѣ, чтобы анъ сего предѣла существовало что нибудь дѣйствующее и движущееся.

Если они еще не сдѣлали себѣ правильнѣйшаго понятія о движеніи, шо не ошъ того же ли заблужденія, что смѣшали вещи разныя? Не ошъ того ли, что ищущъ его въ протяженіи, вмѣсто того, чтобы искать въ Началѣ его?

Ибо какъ сего протяженія свойства суть относительныя, или ошвасченныя, шо не лзя найти въ немъ ничего недвижнаго и постояннаго, на чемъ бы человѣческій разумъ могъ удовлетворительно основаться; и хотѣвъ сыскать въ немъ источникъ движенія его, есть повторять всѣ тѣ безсильныя покушенія, кошорыя уже опровержены, и покоряшь Начало своему произведенію, когда по естественному и истинному порядку вещей твореніе

реніе всегда было ниже своего Начала Родителя.

И такъ въ Началѣ невещественномъ всѣхъ Существъ, какъ умственныхъ, такъ и тѣлесныхъ, содержится существенно источникъ движенія, каждому изъ нихъ сроднаго. Дѣйствіемъ сего Начала обнаруживающіяся въ нихъ способности, по чину и личному званію ихъ, то есть: умственные въ чинѣ умственномъ, а чувственные въ чинѣ чувственномъ.

Когда же дѣйствіе шокмо Начала Существъ тѣлесныхъ есть движеніе, когда чрезъ него они и растутъ и питаются, и наконецъ обнаруживаютъ и представляютъ чувствамъ всѣ видимыя свойства свои и сѣдовашельно и самое протяженіе; то какъ же можно зависѣть сему движенію отъ протяженія, или Вещества; ибо напротивъ само протяженіе, или Вещество отъ него происходитъ? Какъ можно сказать, что сіе движеніе принадлежитъ существенно Веществу, когда напротивъ Вещество принадлежитъ существенно движенію?

Неоспоримо, что Вещество существуетъ чрезъ движеніе; ибо видимъ, что тѣла, когда лишены даннаго имъ на время движенія, разрушаются и нечувствительнo исчезаютъ. Также достоверно и то, по сему же примѣчанію, что движеніе, оживляющее тѣла, не принадлежитъ имъ собственно; потому что

Ч 5

ви-

видимъ, что оно пресѣкается въ нихъ прежде, нежели они перестанутъ быть осязательными нашимъ глазамъ; равно какъ и въ томъ не можемъ сомнѣваться, чтобы не были они въ его зависимости, послѣку пресѣченіе сего движенія есть началіе разрушенія ихъ.

Сверхъ того припомнимъ сей Законъ всеобщаго отражательнаго дѣйствія, которому всѣ Существа тѣлесныя подвержены, и признаемъ, что когда и сами невещественныя Начала Существъ тѣлесныхъ покорены противодѣйствію инаго Начала, тѣмъ паче чувственныя произведенія слѣдъ Началъ, какъ-то протяженіе и прочія, необходимо должны быть подчиненными.

Заключимъ же, что если всѣ вещи исчезають по мѣрѣ уменьшенія движенія, то явствуетъ, что и протяженіе существуетъ чрезъ движеніе; а сіе положеніе весьма разъясняетъ отъ того, въ которомъ говорится, что движеніе принадлежитъ протяженію и находишь въ немъ.

Однако изъ сего предложенія, что отъ движенія происходитъ протяженіе, можно выводимъ, что какъ движеніе принадлежитъ къ сущности невещественныхъ Началъ, которыя должно теперь признавать неразрушимыми, то не лзя сему движенію не существовать всегда, и слѣдственно не лзя протяженію, или Веществу не быть вѣчными; а сіе низвергло бы насъ опять въ тѣ мрачныя

ныя стремнины, отъ кошорыхъ съ толикимъ щпаніемъ спарался я предостерегать моихъ чипашелей; ибо знаю, что могутъ мнѣ возразить, что не лзя представить себѣ движенія безъ пропяхенія.

Послѣднее сіе положеніе истинно въ чинѣ Вещей чувственныхъ, гдѣ не можно вообразить движенія, кошорое бы не производило пропяхенія, или бы кошорое не въ пропяхеніи происходило; но хощя Начала, родящія движеніе въ чувственномъ чинѣ, суть невещественны, однако мы бы заблуждали, когда бы почли ихъ дѣйствіе необходимымъ и вѣчнымъ; понеже мы видѣли, что они суть вторичныя Существа, имѣющія дѣйствіе частное, а не безконечное, и совершенно зависящія отъ Причины дѣйствующей Разумной, кошорая сообщаетъ имъ сіе дѣйствіе на время, равно какъ и отъемлетъ его по ушавамъ и Закону первыя Причины.

Да и въ самомъ семъ чувственномъ чинѣ можемъ найти доказательства движенія безъ пропяхенія, хощя въ сей чувственной странѣ всегда оно содѣвается въ пропяхеніи. Для сего примѣнимъ, что въ сходственность сего двойственного всеобщаго Закона, кошорый учреждаетъ Нашуру тѣлесную, находящіяся и два рода движеній во всѣхъ тѣлахъ.

Вопервыхъ, движеніе возрастанія ихъ, или шо самое дѣйствіе, кошорымъ являемо

и

и поддерживаемо бываеѣ чувственное бытіе ихъ.

Вовторыхъ , движеніе стремленія къ Землѣ, которая есть общій Центръ ихъ ; стремленіе, усматриваемое какъ въ паденія тѣлъ, такъ и въ давленія собственной тяжести самихъ себя , или поверхности земной.

Оба сіи движенія совсѣмъ противоположны другъ другу. Второе движеніе, или стремленіе тѣлъ къ земному ихъ Центру, хотя и въ протяженія совершается, но не производитъ протяженія, такъ какъ первое движеніе, или движеніе возрастанія и существованія самыхъ сихъ тѣлъ.

Напротивъ одно стремится раззорить то , что другое производитъ ; потому что ежели бы тѣлесныя существа могли соединиться въ ихъ *Центръ* , то остались бы безъ дѣйствія , безъ чувственного явленія , словомъ , безъ движенія , и слѣдственно безъ протяженія ; ибо извѣстно, что всѣ сіи дѣйствія потому только и есть , что существа , отъ которыхъ они производятся, охвачены отъ *Центра* ихъ.

Ежели же изъ двухъ сихъ движеній , изъ которыхъ оный одного производится протяженіе, какъ то мы выше сказали, есть одно, которое разрушаеѣ его , то сіе послѣднее не долженствуеѣ по малой мѣрѣ почитаемо быти

Быть принадлежащимъ просяженію, хотя и совершается оно въ просяженіи. Сіе участвіе насъ рѣшитъ возраженіе, что будто не лзя понять движенія безъ просяженія, и не велишь болѣе вѣришь безъ всякаго извѣстія, что движеніе принадлежитъ естеству Существу невещественныхъ всѣхъ ошдвленій, поелику существа чувственнаго ошдвленія вмѣщаютъ его въ себѣ только на время.

Подтвердимъ еще сію истинну, что движеніе можетъ быть безъ просяженія. Не признали ли мы, что существа суть или чувственные, или умственные? Если ошдвленіе сихъ послѣднихъ правитъ первыми и доставляетъ имъ сіе движеніе, производящее чувственные вещи; то оно должно быть по естеству своему истиннымъ источникомъ движенія; а яко источникъ, оно есть иного чину, нежели ошдвленіе Началъ невещественныхъ тѣлесныхъ, подчиненныхъ ему; и такъ надобно быть въ семъ ошдвленіи существа дѣйствию и производствомъ отличнымъ, какъ и оно само, и не зависящимъ отъ чувственнаго, то есть, въ которыхъ чувственное ничего не значить.

И такъ поелику чувственное ничего не значить во всѣхъ дѣятельныхъ первыя Причины и во всѣхъ происходящихъ отъ нея невещественныхъ произведеніяхъ; когда оно получаетъ жизнь токмо спрадасельную, оживляющую его токмо на время; когда наконецъ всѣ чувственные дѣла въ настоящемъ времени бышя ихъ

ихъ не имѣютъ никакого вліянія въ оощдѣленіе вещей, совершенно умственныхъ: то шѣмъ паче сіе оощдѣленіе могло дѣйствовать прежде бышій чувственныхъ вещей и можеть дѣйствовать и послѣ того, какъ онѣ изчезнушъ; ибо ша минуша, въ которую сіи чувственыя вещи жили, ни на единое мгновеніе она не ошановила дѣйствія первой Причины.

И шакъ, хошя въ чувственности движеніе съ прощяженіемъ неразлучно; но при всемъ шомъ для чего въ вышшемъ оощдѣленіи вещей не бышь вѣчно движенію, или дѣйствию, хошя бы и ничто чувственное не существовало? И въ семъ смыслѣ можно сказать увѣрительно, что хошя и не лъзя, кажется, представить себѣ прощяженіе безъ движенія, однако то неоспоримо, что можно представить движеніе безъ прощяженія; потому что Начало движенія, какъ чувственное, шакъ и умственное, естъ вѣ прощяженія.

Ежели совокупишь всѣ сіи замѣчанія, шо легко увидѣшь, можно ли когда нибудь справедливо приписать прощяженію какое движеніе, якобы составляющее необходимо сущность его, и не заблуждаеть ли человекъ, когда ищетъ въ немъ Начала и познанія движенія?

Вообще сказалъ я, что движеніе не иное что, какъ производшво дѣйствія, или паче дѣйствіе, понеже оба они неразлучны. Сверхъ
ше-

шого призналъ я, что въ чувственныхъ вещахъ есть два рода движеній, или прошивныхъ дѣйствій, то есть возрастаніе и убываніе, или сила, удаляющая тѣла отъ ихъ Цендра, и собственныи ихъ Законъ, понуждающій приближиться къ оному. Но какъ сіе послѣднее движеніе есть не иное что, какъ возвращеніе по слѣдамъ перваго въ одно время и по одинакому порядку, но шокмо на оборотъ, происходящее; то смѣло можемъ сказать, что оба они имѣютъ одинакое число, и послѣдній самый Геометръ знаетъ, что сіе число есть *четыре*.

Кому не извѣстно въ самомъ дѣлѣ, что всѣ движенія и всѣ возможныя обращенія тѣлъ слѣдуютъ Геометрической четверной Прогрессіи восходящей, или нисходящей? Кому не извѣстно, что сіе число *четыре* есть всеобщій Законъ теченій звѣздъ, Механики, Пиротехники, словомъ, Законъ всего того, что движется въ тѣлесной Сферѣ, естественна, ли посредствомъ ли руки человѣческой?

И пояснимъ, ежели жизнь непрерывно дѣйствуетъ и дѣйствіе ея всегда ново, то есть, ежели она непрестанно или возрастаетъ, или убываетъ въ тѣлесныхъ существахъ, подверженныхъ разрушенію; то какой Законъ, какъ не Прогрессіи Геометрической восходящей, или нисходящей, лучше приличесшвовашъ можешъ Натурѣ?

ВЪ

Въ самомъ дѣлѣ, Прогрессія Арифметическая отнюдь не имѣетъ въ ней мѣста; потому что она безпадна и объемлетъ токмо ограниченные бытія, или произведенія всегда, равныя и единообразныя. Чего ради и должно бы людямъ употреблять ее къ вещамъ мертвымъ, къ раздѣленіямъ постояннымъ, или къ составамъ недвижимымъ; а когда они употребили ее къ означиванію простыхъ и живыхъ дѣйствій Натуры, какъ то дѣйствій воздуха, дѣйствій производящихъ тепло и стужу, и всѣхъ прочихъ причинъ преобразеній Атмосферы; то произведенія ихъ, или раздѣленія, оказались весьма недостаточными; потому что они подали простому народу ложную идею о Началѣ жизни, или тѣлеснаго дѣйствія, мѣра котораго, послѣдику не есть чувственная, не можешь безъ крайняго заблужденія начертываема быть на Веществахъ.

И такъ не введемъ никого въ заблужденіе, когда представимъ четвертую Геометрическую Прогрессию яко начало жизни существъ, или когда докажемъ, что всякаго дѣйствія *число* есть *четыре*, хотя и не знакомы покажутся сіи изреченія.

Но не утверждено еще нами, какое *число* принадлежитъ протяженію. И такъ надобно сказать, что его число есть *десять*, то же саміи, которое выше сего приложено круговой линіи. Такъ конечно; круговая линія и протяженіе въ семъ отношеніи такъ неразлучны другъ съ другомъ, что необходимо имѣють то же число, которое есть *десять*.

Ко-

Когдажъ они имѣютъ тоже число, то необходимо имѣютъ ту же мѣру и потѣ же вѣсъ; ибо сіи три Начала, всегда шествуютъ согласно, и когда одно изъ нихъ опредѣлено, тѣмъ самымъ и прочія два опредѣляются.

Сколь ни странно покажется сіе предложеніе, но я долженъ признаться, что въ самомъ дѣлѣ прозяженіе и прямая линія суть едино, то есть, что прозяженіе не иначе бываетъ, какъ чрезъ круговую линію, и взаимно, круговая только линія есть тѣлесная и чувственная, то есть, что Натура вещественная и имѣющая прозяженіе не можетъ составлена быть какъ шокмо изъ линій не прямыхъ, или что все равно, нѣтъ въ Натурѣ ни одной прямой линіи, какъ то увидимъ послѣ.

Прежде, нежели приступаю къ объясненію сего, упомяну здѣсь только то, что если бы Примѣчатели прилѣжнѣе вникнули въ сіе, давно бы рѣшили вопросъ, по нынѣ еще не объясненный, то есть, отъ яичекъ, или отъ червячковъ, или отъ Живошныхъ сѣменныхъ производится зарожденіе и произведеніе: увидѣли бы они, что поелику здѣсь на земли ничего не бываетъ безъ оболочки, а всякая оболочка, или прозяженіе, есть круговое; то все въ Натурѣ есть червь, потому что все есть яйцо; и на оборотъ, все есть яйцо, потому что все есть червь. Обращаюсь къ моему предложенію.

III

Знаю,

Знаю, что сего не довольно, что изъключилъ я изъ Натуры прямую линію; надлежитъ предложить и причины, побудившія меня къ тому.

Вопервыхъ, когда изслѣдуемъ происхожденіе всѣхъ чувственныхъ и матеріальныхъ вещей, то не можемъ отрицать, чтобъ не Огонь былъ Начало Существовъ тѣлесныхъ, а плотность ихъ чшобы не отъ воды происходила, и слѣдственно, чшобы тѣла не отъ жидкаго зачинались.

Вовторыхъ, не можемъ также отрицать, чшобы сіе Жидкое не было то Начало, которымъ производился разрѣшеніе тѣлъ, слѣдовательно, чтобъ не огонь дѣйствовалъ въ приведеніи ихъ въ цѣлость; понеже сей есть изящнѣйшій Законъ Истинны, что порядокъ прямой и порядокъ возвращающій имѣютъ единообразное теченіе, въ противныя шокмо стороны.

Но всякое жидкое есть не иное что, какъ собраніе шаровидныхъ частицъ; и сей-то шаровидный образъ ихъ даетъ жидкому свойство распространяться и печь. И такъ ежели тѣла берутъ въ немъ зачатіе свое, то непременно надлежитъ имъ въ состояніи своего совершенства сохранить шотъ же образъ, который получили въ происхожденіи, такъ какъ они показываютъ его еще и при разрѣшеніи своемъ на жидкія и шаровидныя частицы; и сего ради надлежитъ смотрѣть на

на шѣла, какъ на соборище многихъ сихъ шариковъ, но которые окрѣли по мѣрѣ того, чѣмъ больше, или меньше огонь осушилъ грубую часть влаги ихъ. До какой бы степени ни доведено было сіе собраніе круглыхъ шариковъ; но то останется всегда неоспоримымъ, что произведеніе ихъ будетъ сферическое и круглое, какъ и начало его.

Желаетъ ли вещественно удостовѣриться въ предложеніи моемъ? Посмотримъ со вниманіемъ на шѣла, которыхъ бока кажутся намъ самыми прямыми; примѣтимъ самую гладкія поверхности; всякому извѣстно, что на нихъ находятся неровнины, возвышенія и впадины; всякъ знаетъ, или долженъ знать, что поверхности шѣла, ежели разсмотрѣть ихъ вблизи, представляющъ безчисленное множество ровиковъ.

А и самые сіи ровики составлены изъ такихъ же неровнинъ, и сіе идетъ до безконечности; и сколь бы далеко ни простиралися оспроша глазъ нашихъ, или исправность инструментовъ вспомогательныхъ, не найдемъ ни на поверхностяхъ шѣла, ни въ ихъ ровикахъ ничего иного, кромѣ великаго множества сложившихся вмѣстѣ шариковъ, которые касаются другъ другу въ одной точкѣ поверхности своей. Разсуди же, можно ли тутъ допустить прямую линію?

Да не возражающъ мнѣ симъ разстояніемъ между двухъ данныхъ точекъ, между ко-

Ш 2

по-

шорыми можно проложить линію прямую, со-
отвѣтственную обѣмѣ.

Вопервыхъ, сіи двѣ разставленныя другѣ
отъ друга точки не можно почиташь состав-
ляющими купно единое тѣло. И шакъ по-
лагаемая между ими прямая линія есть со-
вершенно мысленная и не можетъ быть при-
нята за тѣлесную и чувственную.

Вовторыхъ, самое сіе разстояніе, раздѣ-
ляющее ихъ, наполнено меркуріальными воз-
душными частицами, которыя, будучи шаро-
видны, шакъ какъ и частицы прочихъ тѣлъ,
поверхностями только могутъ касаться другѣ
друга; следовательно и сіе разстояніе есть
тѣло, и по сей причинѣ подвержено тѣмъ же
неравнинамъ, какъ прочія тѣла; что весьма
согласно съ тѣмъ, что выше сего сказано
было о Началахъ Вещества, которыя при
всемъ своемъ союзѣ не могутъ никогда смѣ-
ситься.

И шакъ, поелику нѣтъ въ тѣлахъ непре-
рывности, а все въ нихъ составное и прерыв-
ное, то не возможно никоимъ образомъ по-
лагать въ нихъ прямыхъ линій.

Сверхъ приведенныхъ доводовъ есть еще
и другіе, которые подтверждаютъ очевид-
ность сего Начала. Я уже рѣшился допу-
стить, что число *четыре* есть число пря-
мой линіи; потомъ видѣлъ я съ Примѣчате-
лями,

лями, что число *четыре* также управляетъ всякаго роду движеніемъ: и такъ есть великое сходство между Началомъ движенія и прямою линією, потому что видимъ въ нихъ тоже число, потому что, какъ выше показано, въ движеніи семъ находится источникъ и дѣйствіе тѣлесныхъ и чувственныхъ вещей, и притомъ потому, что видѣли мы, что линія прямая есть эмблема безконечности и непрерывности произведеній той точки, изъ которой она исходитъ.

Къ сему же я довольно доказалъ, что движеніе, хотя и производитъ тѣлесныя и чувственныя тѣла, или просяженіе, не можетъ однако никакъ принадлежать собственно сему самому просяженію, или отъ него зависѣть; когда же прямой линіи число есть тоже, какое и сего движенія, то должно ему имѣть одинакій съ нимъ Законъ и одинакое свойство; то есть, что хотя оно есть правило тѣлесныхъ имѣющихъ просяженіе вещей, никогда однако не можетъ оно смѣситься, ниже совокупиться съ ними и сдѣлаться чувственнымъ; понеже Начало не можетъ смѣситься со своимъ произведеніемъ.

Сіи всѣ причины совокупно не позволяютъ допустить въ тѣлесной Нашурѣ прямую линію.

Повторимъ здѣсь всѣ главные наши положенія: число *четыре* есть число движенія,

есть число прямой линіи; словомъ, оно есть число всего того, что не есть тѣлесное и чувственное. Число *девятъ* есть число протяженія и круговой линіи, которая вообще составляетъ протяженіе; сирѣчь, оно есть число тѣла и всѣхъ частей тѣла: ибо круговую линію неосмысленно должно почитать за необходимое произведеніе движенія, бывающаго во времени.

Сіи суть два единственные Закона, которые можемъ признавать; ими можемъ объявить все, что существуетъ; ибо нѣтъ ничего, что бы не было или въ протяженіи, или внѣ протяженія, что бы не было сражающее, или дѣйствующее, произведеніе, или Начало, преходящее, или неподвижное, тѣлесное, или безтѣлесное, глблящее, или неслбляющее.

Теперь, принявши сіи два Закона за руководители, обратимъ паки вниманіе на разсужденія Геометровъ о двухъ родахъ возможныхъ линій, о прямой и кривой, и разсудимъ, правда ли, что кругъ, по ихъ мнѣнію, составленъ изъ прямыхъ линій: ибо въ протяженности сему находимъ, что нѣтъ такой прямой линіи, взятой изъ тѣлеснаго, которая бы не была составлена изъ кривыхъ линій.

При всемъ томъ однако, не умѣвъ различать разныхъ чиселъ сихъ различныхъ линій,

ній, человекѣ съ самаго изгнанія своего старається согласовать ихъ, или что все равно, ищеть такъ называемой квадратуры круга; ибо прежде паденія своего, знавъ естество Существо, не мучилъ бы онъ себя въ тщетныхъ усиліяхъ и не ошважился бы искашь такого открытія, котораго невозможность увидѣлъ бы явственно; не былъ бы онъ столь славъ и безразсуденъ, чтобы захотѣвъ сочетать столь разныя между собою Начала, каковы суть прямой и кривой линіи; словомъ, ему бы и на мысль не пришло, что будшо можно перемѣнить естество Существо, и сдѣлать, чтобы *девятъ*, равноцѣнна было *четыремъ*, или *четыре деяти*, къ чему успремлены всѣ шруды и упражненія Геометровъ.

Пусть кто въ самомъ дѣлѣ попытаетъ согласить сіи два числа; какъ сіе сдѣлаетъ? какъ приваровишь *девятъ* къ *четыремъ*, какъ раздѣлишь *девятъ* на *четыре*, или, что все равно, раздѣлишь девять на четыре части безъ дробей, кошорымъ, какъ выше видѣли, не лзя бытъ въ естественныхъ Началахъ вещей, хотя и могутъ они бытъ въ произведеніяхъ ихъ, кошорыя суть сложныя; ибо когда найдено частное число *два*, не остается лж еще единица, кошорую должно будеть равнымъ образомъ раздѣлишь на сіе же самое число *четыре*?

И такъ видимъ, что сія квадратура въ фигурѣ, или въ шѣлесномъ и чувственномъ, не можеть бытъ сдѣлана и не имѣеть мѣста, какъ

шокмо въ числѣ и невещественно, то есть допуская Центрѣ, который пѣлесенъ и Четвертый, какъ то докажется въ слѣдующемъ. И такъ я отдаю теперь на разсужденіе людямъ, можно ли допустить такую квадратуру, какою они занимаются? Не очевидно ли доказана невозможность ея, и должно ли дивиться, что до сихъ поръ ничего не найдено относительно къ сему? Ибо по самой Истиннѣ, приравливаніе и ничто есть все равно.

Тоже должно сказать и о долготѣ, которой съ такимъ рвеніемъ толкое множество людей ищущъ на поверхности земной; а чтобы судить о ней, то довольно примѣнить, какая есть разность между долгою и шириною.

Ширина горизонтальна, и идетъ отъ Полудня къ Сѣверу. А какъ сей Полдень никакою выдуманною Астрономами для объясненія намъ системы міра воображательною точкою не означенъ, а опредѣляется всеконечно солнцемъ, котораго вертикальный полдень перемѣняется, возвышаяся, или опускающаяся каждой день въ разсужденіи прошедшаго дня; слѣдовательно сія ширина должна быть круговая и перемѣнная, и потому имѣетъ число *дцять* въ силу всѣхъ выше утвержденныхъ начальныхъ положеній.

Напротивъ того долготы перпендикулярна, и идетъ отъ Востока, который находится всегда въ одинакой точкѣ возвышенія, хотя онъ
каж.

каждый день въ разныхъ точкахъ горизонта является. И такъ долгота, будучи неподвижна и всегда одинакова, есть существенный образъ прямой линіи, и сдѣлственно имѣетъ число *четыре*. Но мы уже видѣли взаимную нестерпимость двухъ чиселъ *четыре*хъ и *десяти*; то какъ же можно найти перпендикулярное въ горизонтальномъ, какъ сочетать вышнее съ нижнимъ, какъ наконецъ найти Воспокъ на поверхноости земной, понеже онъ не въ своей Странѣ?

Когда я сказалъ, что Воспокъ неподвиженъ, то легко примѣнить, что говорилъ я не о томъ востокѣ, который восхожденіемъ солнца у насъ означается; ибо сей перемѣняется каждый день. При томъ же того роду долгота, которую открываетъ намъ солнце, есть всегда горизонтальная для насъ, какъ и широта, и посему единому весьма недостаточна.

Но я говорю о истинномъ Воспокѣ, котораго восхожденіе солнца есть шокмо указательный знакъ, и который оказывася виднымъ образомъ и гораздо точнѣе въ уровнѣ, (или ватерпасѣ) и въ перпендикулѣ (или отвѣсѣ); о томъ Воспокѣ, который числомъ своимъ *четыре* можетъ одинъ обнять все пространство, понеже, соединяся съ числомъ *десять*, или съ числомъ прозяженія, то есть, соединя дѣйствующее съ страдательнымъ, составляетъ онъ число *тринадцатъ*, которое есть число Натуры.

И такъ сыскашь сію долгошу на земли не больше возможно, какъ и согласишь прямую линію съ кривою, и найши мѣру протяженія и движеніе въ протяженіи; новый доводъ о справедливости вышеутвержденныхъ нами начальныхъ положеній.

Сей Законъ долженъ привести насъ къ другому примѣчанію и показать, что по причинѣ сего разности между числомъ *четыре* и числомъ *десять* не могли до нынѣ, да и никогда не возмогущъ согласить почто Вычисленіе лунное съ солнечнымъ Вычисленіемъ. Ибо луна, яко спутница земли, которая имѣетъ кривыя только линіи въ широтѣ, есть *деятельная*; напротивъ того солнце хотя и назначаетъ Полуднемъ широту, однако въ своемъ земномъ востокѣ, или на мѣстѣ восхожденія есть образъ Начала долгошты, или прямой линіи, и потому есть *чеперное*. Впрочемъ же оно явственнѣмъ образомъ ошдѣлено отъ страны земли, коей сообщаетъ нужное расшннцельной смѣ ея противодѣйствіе; новый знакъ четвернаго дѣйствіюванія его; словомъ, чепверица его оказывается и на самой лунѣ чепырьми ея перемѣнами, которыя мы въ ней видимъ, и которыя бывающъ по различному ея положенію въ разсужденіи солнца, отъ котораго она свѣтъ получаетъ.

И такъ ежели сличишь примѣръ сей съ начальнымъ положеніемъ, котораго адѣсь у-
вер-

верждаемъ, то легко усмотрѣть, далъ чего солнечное Вычисленіе не совмѣстно съ Вычисленіемъ луннымъ, и что истинное средство достигнуть познанія вещей есть не перемѣшивать ихъ, но примѣчать ихъ и испытывать по числу и Законамъ свойственнымъ каждой.

Для чего не могу я распространиться болѣе о семъ *девятерномъ* числѣ, которое приписываю лунѣ и слѣдственно и землѣ, кося она есть спутница? Чрезъ число сея земли показалъ бы я, какое дѣло ея и званіе во вселенной; а сіе могло бы намъ открыть знаки истиннаго образа, ею носимаго, и еще болѣе объяснить нынѣшнюю систему, по которой она не есть неподвижна, а оббѣкаетъ весьма великій кругъ.

Ибо Астрономы можетъ быть излишно шоропавы были въ своихъ разсужденіяхъ; прежде, нежели положишься на свои наблюденія, надлежало бы имъ изслѣдовать, которое изъ тѣлесныхъ Существъ долженствуетъ дѣйствовать болѣе, то ли, естъ котораго противительное дѣйствіе исходитъ, или то, которое пріемлетъ оное; не быстрѣйшая ли стихія огонь, и кровь не скородвижѣе ли тѣхъ тѣлъ, въ которыхъ она прошекаетъ; надлежало бы имъ подумать, что земля, хотя и не занимаетъ Центра круговыхъ путей Звѣздъ, однако можетъ служить имъ *пріятельцемъ*, и потому должна принимать и ожидать отъ нихъ вліяній, не будучи однако

при-

принуждена прибавлять второе тѣлесное дѣйствіе къ дѣйствию растительному, свойственному ей, кошораго сіи Звѣзды лишены.

Наконецъ самые простые опыты надъ конусомъ показали бы имъ истинный образъ земли, и мы могли бы имъ открыть въ самомъ предопредѣленіи ея, въ чинѣ, какой она занимаетъ между сотворенными Существами, и въ свойствахъ перпендикулярной, или прямой линіи непреодолимыя затрудненія, кошорыхъ системы ихъ рѣшить не могушь.

Можетъ статься, что сіи затрудненія и не были бы почувствованы; потому что Астрономія, какъ и всѣ прочія науки, на кошорыя человекъ наложилъ свою руку, освѣчена ошъ ихъ связи; потому что она представляеть землю, равно какъ и всякое небесное тѣло, яко существо особое и не имѣющее никогда союза съ прочими; однимъ словомъ, потому что и здѣсь человекъ также безразсудно поступилъ, какъ и въ прочемъ, то есть, что не обратилъ взора своего на Начало бытія всѣхъ сихъ тѣлъ, на Начало законовъ ихъ и ихъ опредѣленія, и ради того не вѣдаеть еще главной ихъ цѣли.

Еще же, изъ похвальнаго по видимому побужденія, старался онъ унижить землю; сравнивая ее съ неизмѣримостію и величиною Звѣздъ, имѣлъ слабость вздумать, что земля,

ля, будучи не иное что во вселенной, какъ почка, не заслуживаетъ почти вниманія первыя Причины; что неаѣрошно, чтооѣ земля напрошивъ того была драгоценнѣйшая вещь въ созданіяхъ, и чтооѣ все, что есть вокругъ и сверхъ ся, приносило ей свою дань, какъ будто по чувственной мѣрѣ Создатель вещей цѣнитъ свои творенія, а не паче по благородству званія ихъ и свойствъ, нежели по великости мѣста и просяженія, ими занимаемаго.

Сіе-то ложное сравніваніе привело челоѣка можетъ быть и къ сему заключенію, которе ложнѣе и того, что будто недостойнѣ онѣ и самѣ взероѣ своего Создателя; онѣ чалѣ показашъ смиреніе, опровергал, чтооѣ земля сія и все, что міръ содержитъ въ себѣ, для него были созданы, притворился, будто опасается впасть въ высокоміріе, ежели примешъ сіе мнѣніе.

Но не боялся онѣ впасть въ нерадивость и разслабленіе, которыя необходимо слѣдуютъ изъ сего пришествія крошости; и ежели челоѣкъ нынѣ убѣгаетъ того, чтооѣ почиташъ себя такимъ, которому надлежало бы быть Царемъ вселенныя: то сіе дѣлаетъ для того, что нѣтъ въ немъ столько мужества, чтобы пошрудиться возвратитъ *права* оныя; что обязанности, съ онымъ сопряженныя, кажутся ему шягостными, и что онѣ меньше боится опказашъ отъ своего званія и отъ всѣхъ правъ своихъ, нежели предпріяшъ возстановитъ

вишь ихъ въ прежнюю силу. Но когда бы онъ вздумалъ хотя мало разсмотрѣть самого себя, тошчасъ бы увидѣлъ, что долженъ поставялъ смиреніе свое въ признаніи, что по справедливости низведенъ отъ своего чина, а не въ томъ, чтобы никогда несродно ему было занимать оный, или паки вступитъ въ него.

Для чего, еще повшоряю, не могу сказать всего, что могъ бы сказать? Для чего не могу показашъ отношеній, находящихся между сею землею и тѣломъ челоѣка, который составляетъ изъ тѣла же сущности, понеже изъ нея произошеа? Если бы расположеніе моя книги позволяло, вывелъ бы я изъ неоспоримаго ихъ сходства свидѣтельство единообразности Законовъ ихъ и разбровъ, изъ чего легко можно бы усмотрѣть, что обоемъ имъ та же цѣль предлежитъ.

Здѣсь открылась бы также причина, для чего я съ начала сей книги училъ, что челоѣку такъ нужно содержать тѣло свое въ добромъ состояніи; ибо какъ онъ сотворенъ по образъ земли, а земля есть основаніе тѣлеснаго творенія, то не иначе можетъ онъ удерживать свое съ нею подобіе, какъ прошився, подобно ей, тѣмъ силамъ, которыя непрестанно нападаютъ на нее. Открылось бы также и то, что сія земля должна быть для него почтенна, какъ мать его, и послѣ послѣ. При-

Причины разумной и послѣ человека она есть мощнѣйшее существо временной Натуры, то сама она есть и доказательство, что нѣтъ иныхъ тѣлесныхъ мировъ, кромѣ сего видимого.

Ибо мнѣніе о множествѣ мировъ почерпнуто изъ того же источника всѣхъ человѣческихъ заблужденій. Понеже человѣкъ закопѣлъ все разлучить, все отсѣчь, то и полагаетъ онъ множество иныхъ мировъ, у которыхъ звѣзды суть ихъ солнца, и которые между собою не болѣе имѣютъ сношенія, какъ и съ міромъ, обитаемымъ нами, какъ будто шаковое отдѣльное существованіе можно согласить съ тою идеею, какую мы имѣемъ о единицѣ, и будто человѣкъ, яко существо умное, желая мнимые сіи міры существовать, не имѣлъ бы о нихъ свѣдѣній.

Еслили же онъ можетъ и долженъ имѣть познаніе о всемъ, что существуетъ, то необходимо надобно, чтобы ничто не было отдѣлено, но во всемъ должно быть союзу: понеже человѣкъ объемлетъ все, ради того, что имѣетъ единое и тоже Начало, и понеже не могъ бы онъ подѣ симъ единымъ Началомъ объять, еслили бы всѣ тѣлесныя созданія не были между собою подобны и одинакаго естества.

Правда, есть многіе міры, пошому что самое малѣйшее существо есть міръ, но всѣ связаны въ единой цѣпи; и какъ человѣкъ
имѣетъ

имѣешь право проспирать руку свою къ первому кольцу сея цѣпи, но не лзя ему приближиться къ нему, не коснувшись купно всѣмъ мірамъ.

Сверхъ того можно будетъ видѣть въ изображеніи свойствъ земли, что она есть обильный и неизчерпаемый источникъ для благосостоянія человѣческаго, какъ чувственнаго, такъ и разумнаго, что она включаетъ въ себѣ всѣ размѣры какъ чиселъ, такъ и фигуръ; что она есть первая поддержательница, которую встрѣтилъ человѣкъ въ своемъ паденіи; и для того не можетъ онъ довольно уважать ее, понеже безъ нея палъ бы онъ гораздо ниже.

Чтожъ бы было, когдабъ осмѣлился я говорить о Началѣ, которое одушевляеть ее, и въ которомъ находятся всѣ способности раствѣнія и прочихъ *качествъ*, которыя могъ бы я представить? Тогда-то люди научились бы почитать ее, умножили бы щаніе въ *удобреніи* ея и почитали бы ее входомъ того пуши, которой пройши имъ предлежитъ для возвращенія на мѣсто своего рожденія.

Но можеть быть я и такъ излишнее сказалъ; и, ежели поступаю далѣе, спрашусь нарушишь права, не принадлежація мнѣ. И такъ обращаюсь къ числамъ *четыре* и *деять*, которыя призналъ я за свойственныя одно прямой линіи, а другое кривой; также призналъ

зналъ одно, яко число движенія, или дѣйствія, а другое протяженія; ибо, можешь спастись, покажущся сѣ числа подложными, и выдуманными.

И такъ за приличное нахожу здѣсь показъ, для чего я употребляю ихъ и почему думаю, что они естественны принадлежать тѣмъ линіямъ, которыми я ихъ приписалъ. Начнемъ съ числа *десять*, или съ числа линіи кривой, или протяженія.

Безъ сомнѣнія, никому не покажется нескладнымъ представишь себѣ окружность, какъ нуль; ибо какая фигура можешь быть болѣе подобна окружности, какъ нуль? Тѣмъ паче не должно казаться нескладнымъ принять центръ за Единицу; пошому что въ окружности не лзя быть болѣе одного центра: всякому же извѣстно, что Единица, совокупленная съ нулемъ, составляетъ *десять* 10. И такъ можемъ цѣлый кругъ вообразить себѣ, якобы *десять*, или 10, то есть окружность съ центромъ вмѣстѣ.

Равнымъ образомъ можемъ представишь себѣ цѣлой кругъ, яко существо тѣлесное, котораго окружность есть образъ, или тѣло, а центръ есть Начало невещественное. Но довольно подробно показано уже намъ, что никогда не надобно смѣшивать сего невещественнаго Начала съ образомъ тѣлеснымъ и продолженіемъ; что хотя существованіе Ве-

Щ

щества

щества основано на ихъ союзѣ, однако принимашь ихъ за одинакое существо была бы погрѣшность непрощительная, и что разумъ человеческій всегда можешь ихъ раздѣлишь.

И такъ, сплутать сіе Начало отъ его тѣлеснаго образа не естъ ли тоже, какъ и ошдѣляшь центръ отъ окружности, и слѣдовательно тоже, что и ошнѣшь единицу к отъ десяшка 10? Но когда ошнимешь единицу отъ десяшка, извѣстно, что останешся въ числѣ *десять*, а въ фигурѣ останешся нуль, 0, или круговая линія, или наконецъ окружность. Теперь видишь, не сходны ли другъ съ другомъ число *десять* и окружность, и несправедливо ли приписано мною число *десять* всякому просяженію; ибо мы доказали уже, что всякое просяженіе естъ круговое.

Пусть также посмотрятъ теперь, принявъ ся къ отношенію, находящемуся между нулемъ, который самъ по себѣ естъ какъ бы ничто, и между числомъ *десять*, или числомъ просяженія, должно ли такъ легкомысленно опорочивать тѣхъ, которые ушверждали, что Вещество естъ токмо вѣчно кажущееся.

Знаю, что многіе Геометры, почитая число знаковъ Ариѳметическиххъ за произвольно принятое, не очень повѣряшъ теперешнему доказательству; знаю и то, что
нѣ-

и некоторые изъ нихъ покушались умножить число знаковъ до двашцати, дабы шѣмъ облегчить производства счисленія.

Но въ первыхъ, хотя у многихъ народовъ знаки Арифметическіе суть условныя, однако Арабскіе должны быть исключены изъ сего числа; потому что они имѣютъ свое основаніе въ Законахъ и естествѣ чувственныхъ вещей, которыя, равно какъ и умственныя вещи, имѣютъ свои собственные числительные знаки.

Вовторыхъ, поелику Геометры отнюдь не знаютъ Законовъ и свойствъ чиселъ, то и не примѣтили, что умножая ихъ сверхъ десяти, преобразуютъ все, и хотяшъ дашъ Существамъ такое Начало, которое не есть простое, и которое не представляетъ Единицы; не усмотрѣли они, что какъ Единица есть всеобщая, то и въ суммѣ всѣхъ чиселъ должно быть ея изображенію, дабы являлась столь же существенною и столь же неколебимою въ своихъ произведеніяхъ, какъ и въ своей сущности, имѣла она неоспоримыя права на наше къ ней почтеніе, и дабы чело-вѣкъ не могъ извиняться незнаніемъ оныхъ. Не усмотрѣли они, говорю, что число десяти имѣетъ на себѣ сіе напечатлѣніе во всемъ совершенствѣ, и что слѣдственно изволеніе чело-вѣка никогда не можешь размножать знаковъ чиселъ, или Законовъ единицы сверхъ десяти.

Да и опытѣ подтвердилъ сіе положеніе, и всѣ средства, употребленныя къ опроверженію его, были безуспѣшны. И шакъ я могу предпріяты защищеніе его, и приписавъ число *Единъ*, или Единицу ценстру, приписать число *десять* окружности, или протяженію.

Не возобновляю я здѣсь того, что сказано мною о союзѣ трехъ начальныхъ Спиритовъ, которыя всѣ три вмѣстѣ находятся въ каждой изъ трехъ частей тѣла; чрезъ что легко можно бы найсти точное отношеніе числа *десяти* къ Веществу, или къ протяженію круговому; такожъ не упомяну о составленіи куба Алгебраическаго, или Арифметическаго, которой, когда факторы (множимыя числа) состоятъ изъ двухъ членовъ, производится девятью выкладками; пошому что хотя въ строгомъ смыслѣ и десять ихъ считается, но вторая и третія только повторяютъ другъ друга, и пошому должно ихъ приняты обѣихъ за одну.

Но я подтверждаю еще мое положеніе нѣкоторыми примѣчаніями о свойствахъ и раздѣленіи круга; ибо ложно сказано, что Геометры раздѣлили его на триста шестьдесятъ градусовъ, ради того, что сіе есть удобнѣйшее раздѣленіе и легчайшее для всякихъ производствъ счисленія.

Сіе раздѣленіе круга на триста шестьдесятъ градусовъ ошнудъ не произвольное:
сама

сама натура дастъ его намъ; потому что кругъ состоитъ изъ треугольниковъ, и шесть равностороннихъ треугольниковъ находится во всемъ пространствѣ круга.

Пусть же слѣдуетъ кто, когда есть глаза, естественному порядку сихъ чиселъ; пусть прибавишь къ нимъ произведеніе, которое есть окружность, или нуль: увидишь, людьми ли уставлено сіе раздѣленіе.

Предложишь ли самому мнѣ естественный порядокъ сихъ чиселъ? Всякое произведеніе, какоебъ оно ни было, есть тройственное, *три*. Таковыхъ произведеній совершенныхъ находится въ кругѣ шесть; или шесть равностороннихъ треугольниковъ, *шесть*. Наконецъ самая окружность довершаетъ дѣло и дастъ *девятъ*, или нуль, 0. И такъ если изобразишь цифрами всѣ сіи числа, то будешь во-первыхъ 3, во вторыхъ 6, наконецъ 0, которые если сочинишь, составишь 360.

Помножь, чѣмъ хочешь, сіи числа, которые признали мы за составляющія кругъ; тогда, послѣдую всякое произведеніе будешь выходить девятерное, не будешь болѣе сомнѣваться, что число *девятъ* есть число всеобщее въ Веществѣ.

Не усомнишься также и въ немощи сего числа, когда размотришь, что съ какимъ числомъ ни соедини его, никогда не перемѣнишь

мѣнитъ оно свойства онаго числа; сіе для имѣющихъ ключъ послужитъ явственнымъ доказательствомъ сказаннаго нами, что образъ, или одежда, можетъ измѣняться, а невещественное Начало его не пресмаетъ быть недвижимъ и непафнымъ.

Сими простыми и естественными примѣчаніями открывающа справедливость утверждаемаго мною Начала. Сіе же средство можетъ показати людямъ, какъ должно поступать, чтобы чинить свойства Существъ; ибо всѣ ихъ Законы изображены на оболочкахъ ихъ, въ ихъ теченіи и въ различныхъ стремѣнахъ, которыми они подвержены.

На примѣръ: показанная мною выше сего погрѣшность въ томъ, какъ принимаема была до нынѣ окружность, то есть, якобы она составлена изъ безконечнаго множества точекъ, прямыми линіями соединенныхъ, произшедша отъ неразличенія окружности естественной отъ окружности художественной. То правда, что та окружность, которую человѣкъ чертитъ циркулемъ, составляется послѣдственнымъ образомъ; и въ такомъ смыслѣ можно сказать, что она составлена изъ многихъ точекъ, которыя, послѣ одну послѣ другой поставляемы бывающъ, могутъ представляемы быть какъ бы неимѣющія между собою слѣпенія, или непрерывности; для того и воображеніе полагаетъ тушь прямыми линіи, чтобы совокупить ихъ.

На

Но кромѣ того, что я въ своемъ мѣстѣ показалъ, что и въ такомъ случаѣ принимаемая соединительная линія не есть прямая, понеже нѣтъ чувственной прямой линіи, снѣишь только разсмотрѣвъ составленіе естественнаго круга, чтобы признашь живость опредѣленій, которыя вообще намъ предлагаемы бывающъ о круговой линіи.

Естественный кругъ растетъ вдругъ во всѣ стороны; онъ занимаетъ и наполняетъ всѣ части своея окружности; ибо въ чувственномъ шокмо порядкѣ вещей и вещественными шокмо глазами нашими видимъ необходимыя неравности въ образахъ шѣлесныхъ, пошому что они суть составныя; а глазами умственной способности нашей зримъ вездѣ одинакую силу и одинакую мощъ и не усматриваемъ болѣе сихъ . неравнинъ, пошому что чувствуемъ, что дѣйствіе Начала должншвуетъ быть полное и единообразное; иначе самое Начало было бы подвержено опасности: и ксташи здѣсь сказать, что сіе положеніе испровергаетъ всѣ школьныя и дѣшскія споры о пустотѣ; ограниченные глаза шѣла человеческого должны находить оную при каждомъ шагѣ; ибо они не могутъ иначе смотрѣть, какъ въ пропѣженіи: мысль же человека не находить ее нигдѣ, пошому что она смотришь въ Начало, видишь, что сіе Начало дѣйшвуетъ вездѣ, необходимо наполняетъ все; понеже *протишленіе* должно быть всеобщее, какъ и *ошлеленіе*.

И такъ, не можно ни въ чемъ сравнивать кругъ естественный съ кругомъ художественнымъ; ибо кругъ естественный производится вдругъ весь, единымъ разлитіемъ своего Центра; напрошивъ художественный кругъ начинается съ конца, который есть треугольникъ; ибо всякъ знаетъ, или долженъ знать, что циркуль, имѣя одинъ конецъ недвижной, другимъ концемъ какъ скоро ступитъ съ мѣста, дѣлаетъ уже треугольникъ.

Приступимъ теперь къ доводамъ, почему число *четыре* есть число прямой линіи.

Прежде всего скажу, что сіе слово, *прямая линія*, принимаю здѣсь не въ обще принятомъ смыслѣ, означающемъ то протяженіе, которое кажется глазамъ нашимъ равною чертою; да и въ самомъ дѣлѣ, доказавъ, что нѣтъ прямой линіи въ чувственной. Нашуръ, не могу принять сего общаго мнѣнія, не противорѣча самъ своимъ положеніямъ. И такъ я приму прямую линію, яко Начало шокмо, и пошому яко отличную вещь отъ протяженія.

Не видѣлиъ мы, что естественный кругъ растетъ вдругъ во всѣ стороны, и что центръ его вдругъ мететъ изъ себя безчешное и неисточимое множество лучей? Каждый сей лучъ не почитается ли по вещественному смыслу прямою линіею? Да и воиспину, по видимой прямизнѣ его и по способности его продолжиться до безконечности, онъ есть истый образъ

образѣ Начала Родителя, которой непрестанно производитъ изъ себя и никогда не отступаетъ отъ своего Закона.

Сверхъ сего видѣли мы, что самый кругъ есть собраніе треугольниковъ; ибо мы вездѣ признавали при токмо Начала въ Тѣлахъ, и что кругъ есть шѣло. Когда же сей лучъ, сія кажущаяся прямая линія, когда наконецъ дѣйствіе сего Начала Родителя не иначе можетъ открыться, какъ чрезъ тройственное произведеніе: то прибавимъ только число единичное Ценшра, или сего Начала Родителя, къ тройственному числу произведенія сего, съ которымъ онъ соединенъ во время бытія Существа шѣлеснаго; то и получимъ указашеля четвертаго числа, искомаго нами въ прямой линіи, слѣдуя данному намъ о ней понятію.

Но чѣмъ не подумалъ кто, что мы смѣшиваемъ шеперь то, что съ такимъ раченіемъ раздѣляли, то есть центръ, который есть невещественъ, съ произведеніемъ, или треугольникомъ, которой есть вещественный и чувственный; то да припомнимъ о томъ, что сказано мною о Началахъ вещества. Довольно явственно показалъ я, что они хотя и производятъ вещество, сами однако не вещественны; принявъ же ихъ шаковыми, легче понять шѣсный союзъ ценшра, или Начала Родителя съ Началами вторичными; и поелику при бока треугольника, равно какъ и при измѣренія образовъ, чувственно показали намъ, что снхъ

Началъ вторичныхъ числомъ есть три, то союзъ ихъ съ центромъ представляетъ намъ совершеннѣйшую идею о нашей невещественной четверицѣ.

Сверхъ того, какъ сіе четверное явленіе бываетъ чрезъ исхожденіе луча изъ своего центра; лучъ сей, продолжающійся всегда въ прямой линіи, есть органъ и дѣйствіе Начала Центрального; кривая линія напрошивъ не производитъ ничего, а всегда ограничиваетъ дѣйствіе и произведеніе линіи прямой, или луча: то не можемъ не видѣть сея очевидно-сти и сѣлао прилагаемъ число четыре къ прямой линіи, или къ лучу, представляющему оную; ибо единая прямая линія и лучъ могутъ подать намъ свѣдѣніе о семъ Числѣ.

Симъ - то нушемъ человекъ можетъ достигнуть до того, чтобы различить образъ и оболочку шѣлесную Существъ отъ ихъ невещественныхъ Началъ, и чрезъ то сдѣлать себѣ идею довольно правильную о ихъ различныхъ числахъ, дабы избѣгнуть замѣшательства и надежно итти по стезѣ примѣчаній; вотъ средство сыскать сію Квадратуру, о которой мы говорили и которая никогда не можетъ быть открыта иначе, какъ чрезъ число центра.

И въ самомъ дѣлѣ, споль сіе истинно, что сія прямая линія, или сія четверица, есть источникъ и органъ всего шѣлеснаго и чуж-

чувственнаго, что Геометрія все измѣряемое приводитъ всегда къ числу *четыре* и къ квадрату; ибо всѣ треугольники, для сего въ ней употребляемые, почищаются яко раздѣленіе и половина сего самого квадрата; но сей квадратъ не изъ четырехъ ли линій составленъ, изъ четырехъ линій почищаемыхъ прямыми, или подобными лучу, и слѣдственно четверными, какъ и онъ самъ?

Какихъ еще требовать доводовъ, что и самыхъ Геометровъ производивъ доказывающъ то, что я утверждаю? То есть, что *число*, которымъ производятся Существа, есть тоже, которое служитъ имъ мѣрою: и такъ истинную мѣру Существъ въ ихъ Началѣ, а не въ одеждахъ ихъ и не въ протяженіи находить можно; ибо напрошивъ всякая одежда и всякое протяженіе не можетъ измѣрено быть съ точностію, развѣ приближаясь къ центру и къ сему числу Четверному, которое называемъ Началомъ Родиселемъ.

Никто, уповаю, не вздумаетъ сдѣлать мнѣ возраженіе, что всѣ фигуры, называемыя въ Геометріи прямолинейными, имѣя предѣлами своими линіи почищаемыя прямыми, имѣющъ равнымъ образомъ Четверное число, и что слѣдовательно не одному квадрату долженъ бы я былъ приписать четверную мѣру; что казалось бы противнымъ простотѣ и единственности начального положенія, мною изреченнаго.

Когда

Когда бы самымъ дѣломъ опровергалось мое мнѣніе, когда бы и то было должно, что Геометры, какъ я сказалъ, все измѣряемое ими приводящъ въ квадраты; то довольно и сказаннаго уже мною о семъ невещественномъ четверномъ числѣ, чтобы согласишься, что поелику всѣ вещи чувственныхъ происхождѣніи отъ него, то и должны имѣть на себѣ ощушительный знакъ четвернаго своего происхожденія; но какъ сіе четверное число есть единственное Начало Родитель чувственныхъ вещей, яко единственное число, которому производительное качество существенно принадлежитъ; то неопынно надобно быть и одной фигурѣ въ чувственныхъ вещахъ, которая бы его назменовала; а сія фигура, какъ сказано, есть квадратъ.

Да какъ не явиться сей истиннѣ въ чувственныхъ вещахъ, когда находимъ ее явственно и неоспоримо изображенну въ числительномъ Законѣ, то есть въ томъ, что есть здѣсь у человека самое разумнѣйшее и вѣрнѣйшее? Какъ, говорю, найти намъ мѣру сверхъ четверной мѣры, или что все равно, сверхъ квадрата въ чувственныхъ и тѣлесныхъ фигурахъ, которыми занимается Геометрія, когда въ семъ численномъ законѣ, или въ законѣ счисленія, о которомъ мы недавно говорили, не возможно ничего найти сверхъ квадратнаго числа?

Знаю, что сіе удивитъ, и какъ ни неоспоримо сіе предложеніе, конечно покажется

стран-

страннымъ; ибо всѣми принято уже, что числительный квадратъ есть произведеніе какого нибудь Числа, умноженнаго на себя, и даже на мысль не приходишь усомниться, что всякое ли Число имѣло сіе свойство.

Но поелику открытое нами во всѣхъ отдѣленіяхъ вещей сходство между Началами и произведеніями ихъ не сильно, чтобы привлечь вниманіе къ сему; поелику, не взирая на то, что одинъ есть квадратъ во всѣхъ чувственныхъ фигурахъ, начертаваемыхъ человекомъ, Геометры удостовѣрили себя, что можетъ быть и болѣе, нежели одинъ квадратъ числительный: то я намѣренъ вступить въ иныя подробности, которыя подтвердятъ доказываемое мною.

Квадратъ въ фигурѣ конечно въ четверо больше своего основанія; и ежели онъ есть точно чувственный образъ квадрата умственного и числительнаго, отъ котораго онъ происходитъ, то надобно непремѣнно, чтобы сей числительный и умственный квадратъ былъ подлинникъ и образецъ его; то есть, какъ въ фигурѣ квадратъ въ четверо больше своего основанія, такъ и числительный и умственный квадратъ долженъ быть въ четверо болѣе радикса (корня),

Но я могу засвидѣтельствовать всѣмъ людямъ, да и они могутъ то узнать, какъ и я, что одно только есть число, которое въ че-

четверо больше своего радика. Удержусь я, сколько могу, показать имъ его положительное, какъ для того, что легко его найти, такъ и для того, что есть такіа истинны, которыя съ сожалѣніемъ я предлагаю.

Но скажущъ мнѣ: когда я принимаю одинъ только квадрашъ числительный, то какъ же почищать произведенія всѣхъ прочихъ чиселъ, умноженныхъ на себя? Ибо ежели одинъ есть квадрашъ числительный, надобно бытъ одному и радикасу квадрашному между всѣми числами; а нѣтъ такого числа, котораго бы не можно было помножить самимъ собою: когда же всѣ числа могутъ умножаться бытъ на себя, то чѣмъ они такое, когда не радикасы квадрашные?

Согласенъ я въ томъ, что всякое число можетъ помножено бытъ само на себя, и слѣдственно всякое можетъ почищаться радикасомъ; сверхъ того знаю, какъ и самой послѣдній выкладчикъ, что нѣтъ такого радикаса, которой бы не былъ среднее пропорціальное число между его произведеніемъ и единицею; но чѣмъ бытъ имъ квадрашными радикасами, надобно всѣмъ имъ бытъ въ такомъ же содержаніи, какъ четыре къ единицѣ; а въ семъ множествѣ разныхъ радикасовъ, которыхъ количество никогда не можетъ бытъ ограничено, въ разсужденіи того, что и числамъ нѣтъ предѣла, есть одно только число, или одинъ радикасъ, которой имѣетъ се

содержаніе *четырёхъ* къ единицѣ. И такъ явствуетъ, что число сего содержанія единично шокмо заслуживаетъ существенно имя радикаса квадратнаго; а всѣ прочіе радикасы, поелику имѣютъ разныя содержанія къ единицѣ, могутъ получить названія свои отъ сихъ различныхъ содержаній; но никогда не должны называться квадратами, пошому что содержаніе ихъ къ единицѣ никогда, не будетъ четвернымъ.

По сей же причинѣ, хотя отъ умноженія всякаго радикаса на себя бываетъ произведение; однако, понеже всякой радикасъ есть среднее пропорціальное число между его произведениемъ и единицею, то необходимо надобно сему произведению содержаться къ своему радикасу, такъ какъ радикасъ содержится къ единицѣ. Когда же одинъ шолько есть радикасъ, которой имѣетъ содержаніе *четырёхъ* къ единицѣ, или которой есть квадратной: то неоспоримо, что одно шолько можетъ быть и произведение, которое содержишся къ своему радикасу чешырежды; и слѣдственно не лзя быть болѣе одного квадрата. Всѣ же прочія произведенія, поелику не въ четверномъ содержаніи съ ихъ радикасомъ находятся, но должны почищаться квадратами, но получаятъ свое имя отъ разныхъ содержаній своихъ къ радикасамъ, какъ и радикасы неквадратные имѣютъ имя свое отъ разныхъ содержаній своихъ къ единицѣ.

Однимъ словомъ, ежели бы во истинну всѣ радикасы были квадратными радикасами, то всѣ радикасы, которые между собою въ двойномъ содержаніи, производили бы квадраты двѣйнагожъ между собою содержанія; но извѣстно, что въ числахъ сему бытъ не можно. И для того-то мы полагаемъ одинъ только квадратъ и одинъ квадратной радикасъ; и такъ Геометры отъ того, что не довольно правильно поняли радикасъ квадратной, приписали всѣмъ числамъ свойства его, которыя въ самой точности одному числу приличествуютъ.

Однако надлежитъ примѣтить, что между симъ единственнымъ Радиксомъ квадратнымъ и всѣми прочими радикасами, равно какъ между квадратнымъ произведеніемъ единственнымъ, которое можно допустить, и всѣми прочими произведеніями числительными, разность происходитъ отъ качества факторовъ, отъ которыхъ она распространяется и на выходящія изъ того слѣдствія. Въ дѣлѣ самомъ всегда четверное число производительствуетъ всѣми симъ производствами, какіябъ они ни были; или яснѣе сказать, въ умноженіи всякаго рода всегда мы находимъ впервыхъ единицу, во вторыхъ перваго фактора, въ третьихъ втораго фактора, и наконецъ слѣдствіе, или произведеніе, происходящее отъ взаимнаго дѣйствованія двухъ факторовъ.

Я говорю въ умноженіи всякаго рода; для того, что сіе истинно не только во всѣхъ
тѣхъ

ствѣ произведеніяхъ, въ которыхъ мы признаемъ два радикаса, или два фактора, какъ то въ умноженіи двухъ разныхъ чиселъ другъ на друга, но также и во всѣхъ стѣ произведеніяхъ, въ которыхъ намъ извѣстенъ одинъ радикасъ; пошому что сей радикасъ, умноженный на самого себя, представляеть намъ явственно двухъ нашихъ факторовъ.

Здѣсь паки усматривается съ новою ясностію существенная Мошь сего числа *чет. ре*, Начало всякаго произведенія и всеобщій Родитель, равно какъ и качества сей прямой линіи, которая есть образъ его и дѣйствіе.

Также находимъ здѣсь новый доводъ различія чувственныхъ вещей отъ умственныхъ, равно какъ и всего того, что сказано было о разномъ числѣ ихъ; пошому что во всѣхъ умноженіяхъ числительныхъ извѣстны намъ чувственно три вещи, то есть два фактора и произведеніе, а единицу, къ которой они относятся, знаемъ только умственно, и знаемъ, что она никогда не входитъ въ производства сложныхъ вещей.

И такъ видимъ теперь, почему признано нами сіе четверное число за Начало и постоянную мѣру всѣхъ Существъ, и почему всякое произведеніе, какое бы оно ни было, протяженіе ли, другія ли какія свойства протяженія, рождается и управляемо бываетъ отъ сего четвернаго числа.

Ъ

Сам

Сами Геометры подтверждаютъ всѣ приписанныя доселѣ четверному числу преимущества употребляемыми у нихъ раздѣленіями луча, или полупоперешника, для узнанія отношенія его къ окружности. Они раздѣляютъ его на множайшія сколько можно части, чтобы съ меньшею ошибкою подойти къ точности. Но должно замѣнить, что во всѣхъ принятыхъ ими раздѣленіяхъ употребляютъ они всегда десятичныя числа. А по нѣкоторому счисленію, котораго мы здѣсь не предложимъ, хотя оно и довольно извѣстно, не лзя отрицать, чтобы между десятичнымъ числомъ и четвернымъ не было отношеній неоспоримыхъ, понеже оба они имѣютъ преимущество быть въ соотвѣтствіи и принадлежать къ единицѣ. И такъ Геометры когда употребляютъ десятичныя числа, слѣдуютъ четверному же числу.

Знаю, что по строгости можно бы раздѣлять лучъ и на другія числа, кромѣ десятичныхъ; знаю также, что сіи десятичныя никогда не производятъ совсѣмъ точныхъ вычисленій, какъ и раздѣленіе круга на три ста шестьдесятъ градусовъ, изъ чего можно бы вывести, что ни десятичныя числа, ни четверное, съ которыми они неразлучно соединены, не суть истинная мѣра.

Но надлежитъ примѣнить, что раздѣленіе круга на три ста шестьдесятъ градусовъ есть совершенно точное; понеже оно падаетъ на истинн-

Истинное число всѣхъ образовъ; напротивъ того десятичное раздѣленіе, изображая число невещественнаго Начала сихъ самыхъ образовъ, не можешь быть правильнымъ мѣриломъ тѣлеснаго луча въ чувственной нашурѣ, ниже какого либо рода Вещества.

При всемъ томъ однако изъ всѣхъ раздѣленій, какія человекъ избравъ можешь, десятичныя ближе всѣхъ подходятъ къ намѣренію его; можно еще сказать, что въ семъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ, онъ имѣлъ руководителемъ, не вѣдая того самъ, Законъ и Начало вещей; что выборъ его есть слѣдствіе естественнаго въ немъ находящагося свѣта, влекущаго его непрестанно къ Истинному, и что упопребленное имъ къ тому средство, какъ ни ничтожно и какъ ни бесполезно для него, пошому что онъ хочешь его принаровишь къ проптяженію и Веществу, есть однако лучшее въ семъ родѣ.

И такъ, не взирая на то, что человекъ мало успѣлъ въ своихъ стараніяхъ, должно согласиться, что раздѣленіемъ луча на десятичныя части подтверждается то же, что я сказалъ о повсемѣстности четверной мѣры.

Хотя и обѣщался я быть скромнымъ, однако изъ всего того, что открылъ касательно числа *четырехъ* и касательно радикала *квадратнаго*, всякому читателю легко рассу-
тъ а
дитъ,

дишь, что оба они суть тоже; и такъ поздно уже скрывать сіе; и даже сказавъ о нихъ такъ много, я нахожу себя какъ бы принужденнымъ признаться ему, что тщетно будешь онъ искать источника наукъ и просвѣщенія гдѣ нибудь, кромѣ сего квадратнаго радикала и происходящаго отъ него единственнаго квадрата.

И поистиннѣ, ежели можно читающий сію книгу объятъ самимъ собою союзъ всего того, что предъ ними я полагаю, и получить надлежащую идѣю о представленномъ мною квадратѣ числительномъ и умственномъ; то я буду обязанъ объявить уже истинну и не ошказываться отъ исторгаемаго ими у меня признанія.

И такъ представляю имъ предварительно, сколько благоразуміе и скромность позволятъ, нѣкоторыя свойства сего *четверного* числа; а чтобы сіе было имъ внянѣе, то буду рассуждать о немъ какъ о чувственномъ и тѣлесномъ квадратѣ, который есть его подобіе и произведеніе, то есть такъ, какъ бы онъ имѣлъ четыре стороны видима и описанныя другъ отъ друга.

Ежели рассмотримъ каждый изъ четырехъ боковъ его, то можно удостовѣриться, что квадратъ, о которомъ рѣчь идетъ, есть воистинну единственная дорога, которая можешь привести человека къ разумѣнію

нію всего, что содержишь во вселенной; также онъ есть единственное подкрѣпленіе противу всѣхъ обуреваній, которыя переношишь онъ долженъ въ путешествіи своемъ во времени.

Но чтобы лучше почувствовать многочисленныя преимущества, соединенныя съ симъ квадратомъ, припомнимъ здѣсь то, что сказано было, когда сравнивали мы его съ окружностію: мы узнаемъ тогда, что окружность сотворена къ тому, чтобы ограничивать и прошиваться дѣйствию центра, или квадрата, и чтобы оба они взаимно дѣйствовали другъ на друга, слѣдственно, чтобы она пресѣкала лучи свѣта; напрошивъ того квадрата, которой по себѣ есть Начало сего свѣта, истинное дѣло есть освѣщать; словомъ, окружность содержишь человека во узахъ и въ заключеніи, а квадратъ ему данъ на то, чтобы освободиться ему отъ оныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ несчастія человека происходятъ отъ униженія окружности сея; потому что онъ не можетъ обойти всѣхъ ея шочекъ иначе, какъ одну послѣ другой, и для того принужденъ чрезъ все ея протяженіе сносить труды времени, для которыхъ онъ не былъ сотворенъ. Напрошивъ того *квадрата*, находяся въ соотвѣстствіи съ единицею, не порабоцаетъ его сему Закону; понеже дѣйствіе его есть полно и непрерывно по образу Начала его.

Надобно однако признашся, что самое Правосудіе милувало челоѣка даже и въ возлагаемыхъ на него наказаніяхъ, и что сія окружность, данная ему съ тѣмъ, чтобы ограничить его и заставить очистишь прежнія свои прегрѣшенія, не оставляетъ его безъ надежды и утѣшенія; ибо посредствомъ сей окружности челоѣкъ можетъ обещь всю вседенную и возвратиться къ той точкѣ, отъ которой началъ теченіе, не будучи принужденъ обратными стопами къ ней идти; то есть, не теряя изъ виду центра. Сіе есть упражненіе самое полезное и спасительное для него, какъ то видимъ, что когда кто хочетъ намагнитить желѣзный прутикъ, то всякой разъ, проведя его по магнису, долженъ опять, обнося кругомъ, приводить къ оному, иначе онъ потеряетъ всю полученную уже силу.

Не взирая однако на сіе свойство окружности, никакъ не лзя сравнять ее съ квадратомъ; ибо сей показываетъ челоѣку прямо силы центра, и сей челоѣкъ, не выходя изъ мѣста, можетъ посредствомъ его достигнуть и объять тѣ же вещи, которыхъ помощію окружности не можетъ иначе познать, какъ обшедь всѣ ея точки.

Наконецъ тотъ, кто палъ въ окружность, обращается около центра, потому что удаленъ отъ дѣйствія сего центра, или луча пріаго, и обращается всегда; потому что дѣйствіе благое есть повсемественное, и онъ на-

находящъ оное вездѣ на своемъ пути и напро-
тивъ себя; но тошъ, кто соединенъ съ
центромъ, или съ квадратомъ, который есть
образъ его и число, тошъ всегда недвижимъ и
всегда одинаковъ.

Безполезно, думаю, распространять сіе
аллегорическое сравненіе; пошому что не со-
мнѣваюсь, чтобы и въ томъ, что я сказалъ,
разумные глаза не открыли многого.

И такъ не безъ причины поставляю
сей квадратъ выше всего; понеже какъ
нѣтъ больше двухъ линий, прямой и кри-
вой, то все, что не принадлежитъ къ линіи
прямой, или квадрату, есть непременно круг-
лое и слѣдственно временное и гнблущее.

Ряди сего превосходства всеобщаго
долженъ я былъ дать напередъ почувство-
вать челоуѣку безчисленные преимущества,
которыя можетъ онъ найти въ семъ квадра-
тѣ, или въ четверномъ числѣ, о коемъ на-
мѣренъ я былъ предложить моимъ читателямъ
нѣкоторыя предварительныя описанія.

Прошу ихъ вспомнить, что квадратъ
вообще извѣстной есть образъ и подобіе
квадрата числительнаго и умственнаго; пой-
мушъ они также безъ сомнѣнія, что я
намѣренъ говорить о квадратѣ шокмо числи-
тельномъ и умственномъ, которой двѣшту-
етъ надъ временемъ и управляетъ онымъ,

и что сей самый есть доказательствомъ, что существуетъ иной *квадратъ* въ времени, но котораго знать намъ не позволено, доколь сами не выдемъ изъ временной темноты; чего ради не долженъ я былъ говорить и о членахъ четверной Прогрессіи, которая восходящъ выше Причинъ дѣйствующихъ во времени.

Въ слѣдствіе чего, чтобы разумѣть, какъ сей квадратъ содержишь все и ведешь къ познанію всего, примѣшамъ, что въ математикѣ четыре угла прямые суть міра всей окружности; и поелику сіи четыре угла каждой означаетъ особливую страну, то явствуетъ, что квадратъ объемлетъ Востокъ, Западъ, Сѣверъ и Югъ; но какъ во всемъ томъ, что существуетъ, чувственное ли то, умственное ли, сіи токмо четыре страны можемъ найсти: то лзя ли что вообразить себѣ далѣе сего? И когда мы обойдемъ ихъ въ одномъ опредѣленіи вещей, то не должны ли мы почитать себя удостоенными, что не останется ничего болѣе узнать въ семъ опредѣленіи?

Чего ради кто рачительно и постоянно примѣчалъ четыре главные страны Созданія тѣлеснаго, тому нечему учиться въ астроніи, и онъ можетъ ласкаться, что знаетъ основательно систему міра, равно какъ и истинное расположеніе небесныхъ тѣлъ; то есть, онъ будетъ знать свойство звѣздъ

неподвижныхъ, кольцо Сатурна, Времена способныя къ *землетрясію* и двѣ Причины затмѣній: ибо примѣчашели, для того что не хотѣли признашь въ сихъ затмѣніяхъ инаго закона, кромѣ вещественнаго и видимаго, оприцали тѣ (затмѣнія), которыя произошли изъ инаго источника и не въ то время, которое было назначено по чувственному порядку.

Что касается до порядка движеній Звѣздъ, человекъ и о нихъ равномерно могъ бы получить достовѣрное познаніе чрезъ разсудительное испытаніе чetyрехъ раздѣленій, которыя совершаютъ временное теченіе ихъ; ибо Время есть раздѣленіе мѣръ чувственныхъ, менѣе всѣхъ подверженное ошибкамъ; и для того, какъ Время есть истинная мѣра теченія звѣздъ, то вслѣдъ видить, что гораздо легче мѣръ измѣришь безъ ошибки періодическое ихъ обращеніе помощію исчисленія Времени, нежели узнать точно длину мѣры руки помощію мѣръ условныхъ, взявшихъ изъ протяженія; потому что сіи не имѣютъ основанія постояннаго и опредѣленнаго чувственною Натурою; чего ради многіе народы мѣряютъ самое пространство и разстоянія пущей временемъ, или продолженіемъ.

Помощію сего же квадрата человекъ могъ бы достигнуть до того, чтобы свободить себя отъ густаго мрака, скрывающаго еще отъ взору всѣхъ древность, происхожденіе

и созданіе вещей; могъ бы онъ даже объяснить всѣ споры, отношительные къ рожденію земнаго нашего шара и ко всѣмъ превращеніямъ, которыя начертаны на поверхности его, и которыхъ слѣды могутъ быть изображеніемъ какъ въ первоначальномъ состояніи міра происшедшихъ переменъ и дѣйствій, такъ равно и послѣдовавшихъ преемныхъ превращеній, которымъ вселенная подвержена отъ самаго своего происхожденія.

Въ самой вещи, сіи превращенія производимы были всегда отъ физическихъ силъ, хотя по соизволенію первой Причины и подъ управленіемъ Причины временной высшей совершались чрезъ непрерывное *противное дѣйствіе* злаго Начала, которому часто попускаема была великая власть надъ чувственнымъ, дабы очищать умственное; ибо, сказать правду, сіе очищеніе умственного есть единственный путь, ведущій къ истинному *великому Дѣлу*, или къ возстановленію *единицы*; но какъ же сему очищенію можно быть безъ противнаго ему, или безъ отражательнаго дѣйствія; ибо ему должно совершаться во времени, а никакое дѣйствіе во времени не можетъ быть безъ помощи противоположнаго дѣйствія?

Сіе объяснилось бы человѣку, когда бы онъ примѣнилъ четыре страны, о которыхъ мы говоримъ; увидѣлъ бы, что одна изъ нихъ управляетъ, другая принимаетъ, а двѣ пре-

противодѣйствуютъ; посему увидѣлъ бы онъ, что страшныя перемѣны, которыхъ слѣды повсемѣстно видны на земли, принадлежатъ необходимо дѣйствию двухъ дѣйствующихъ странъ противныхъ, то есть той, въ которой владычествуетъ огонь, и той, гдѣ владычествуетъ вода. Тогда не сталъ бы видимыхъ имъ ежедневно слѣдствій приписывать одной стихіи, казущейся бытъ причиною оныхъ; пошому что узналъ бы онъ, что сіи преобращенія суть слѣдствія непрестаннаго сраженія сихъ двухъ враговъ, въ которомъ иногда шовъ, иногда другой преодолеваетъ; но въ которомъ также не бываетъ побѣдитель безъ того, чтобы то мѣсто земли, гдѣ было сраженіе, не потерпѣло соразмѣрно съ нимъ и не получила поврежденія и перемѣны.

Для сего не должно удивляться перемѣнамъ, примѣчаемымъ нами на земли, пошому что когдабъ и всеневныя преобращенія, которыхъ мы отрицать не можемъ, не имѣли мѣста; то сіи двѣ стихіи швы не менѣе начали противное свое дѣйствованіе съ начала происхожденія временныхъ вещей.

Для сего также должны мы быть увѣрены, что каждое мгновеніе производитъ новыя преобращенія; понеже дѣйствіе сихъ двухъ стихій другъ на друга есть и будетъ непрерывно до всеобщаго разрушенія. И такъ всѣ сіи чудныя явленія, которымъ натуралисты удивляются, исчезаютъ; всѣ сіи не-

неправильности, всѣ сіи опустошенія : въ глазахъ нашихъ совершающіяся, равно какъ и тѣ останки, которые свидѣельствуютъ о древности, нешрудно будетъ изъяснить, и они согласуютъ совершенно съ тѣмъ, что сказано о врожденныхъ Началахъ существъ, о ихъ различныхъ и противоположныхъ другъ другу дѣйствіяхъ, и наконецъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ *противодѣйствія* всеобщаго.

Но еще менѣе удивительными покажутся всѣ сіи явленія, когда припомнимъ, что сіи двѣ противоположныя стихіи, сіи двѣ силы, или сей двойственный Законъ всеобщій въ веществе, всегда находящаяся въ зависимости Причины дѣйствующей разумной, которая есть ихъ центръ и союзъ, и которая можетъ по изволенію приводить въ дѣйство ту, или другую силу, и даже предасть ихъ дѣйствию низкому и злому.

И такъ еще имѣемъ средство узнать, откуда могли произойти въ великихъ превращеніяхъ сіи чрезмѣрные превышенія воды надъ огнемъ, или огня надъ водою; ибо должно только привести себя на мысль сію Причину дѣйствующую и разумную, и признать, что какъ скоро Начала сихъ стихій не въ своихъ предѣлахъ, то конечно она попускаетъ, или собственною силою умножила дѣйствіе одной предъ другою, во исполненіе судебъ и правосудія первыя Причины, и чтобы или попустить, или остановить чрезмѣрно великое противодѣйствіе злаго Начала, ей противнаго.

Изъ

Изъ сего видно, что дабы узнать правила шествія сѣя Причины, какое она предпріемлетъ во вселенной, надлежитъ основаніе онаго искать въ ея разумномъ естествѣ, и во всемъ томъ, что ей подобно; ибо, какъ она есть дѣйствующая, купно и разумная, то дѣйствованіе ея производитъ чувственныя дѣла, сообщая разнымъ своимъ дѣйствіямъ и производя дѣйствія всѣмъ существамъ временнымъ; но объяснить ихъ можетъ разумная шокмо ея способность, поколику по ней допущена она къ *соизуму*; и такъ никакого удовольстворенія себѣ не сыщутъ тѣ, которые будутъ искать сего изъясненія въ веществѣ.

Когда снесешь сіе съ тѣмъ, что мы сказали о способѣ искать во всемъ истинну вещей, видно будетъ, не всеобщи ли суть начальныя положенія, которыми мы слѣдуемъ.

Сверхъ того, что знаніе квадрата можетъ дать свидѣнія о состояніи существъ тѣлесныхъ, о согласіи учрежденномъ между ими, равно какъ и о Причинахъ разрушенія ихъ, оно объемлетъ еще четыре различныя степени, которыми частное ихъ теченіе работаетъ, и которыя намъ явственнo означены въ четырехъ временахъ года; ибо кому не извѣстны различныя свойства каждаго сего времени? Кому не извѣстно, что какъ всякое существо тѣлесное не можетъ зародиться безъ соединенія двухъ нижнихъ дѣйствій, то прежде всего и первыхъ потребно сямъ двумъ дѣй-

дѣйствіямъ сойшися и согласишься взаимно; что можно назвашь *усынопленіемъ*?

Осени приписывается сіе усыновленіе; ибо тогда существа, по Закону невещественнаго ихъ Начала, мещутьъ изъ себя зародышей, долженствующихъ обновить ихъ бытіе; и сей Законъ не прежде начинаешь дѣйствовать, какъ когда зародыши находятся въ природной своей маткѣ. Сія есть первая степень ихъ теченія, степень, въ которой размышленіе и разумніе легко откроютъ множество вещей, которыхъ я не долженъ сказывать.

Когда такимъ образомъ зародыши усыновлены спали матками, тогда два дѣйствія, стекаяся купно, производятъ то, что должны мы назвашь *зачатіемъ*, которое по Закону сеяже самыя тѣлесныя Натуры неоптимально нужно для рожденія существъ вещественныхъ. Сія вторая степень ихъ теченія происходитъ зимою, которой вліяніе сберегая силу ихъ въ покой, и собирая весь огонь ихъ въ одну точку, производитъ надъ ними сильное отражательное дѣйствіе, отъ котораго они усиливаются и учиняются способнѣе къ соединенію и взаимному сообщенію силъ своихъ.

Третья степень теченія ихъ бываетъ весною, и мы можемъ смотрѣть на сіе дѣяніе какъ на дѣяніе возрастанія, или воспріятіе плоти; во первыхъ, пошому что оно третіе; а мы довольно показали, что

Число при посвящено всякому произведенію тѣлесному, или безтѣлесному; въторыхъ по-тому, что какъ соляныя вліянія зимы пресѣкались, исполня свой Законъ, которой есть не шокмо на Начало сѣмянъ родительныхъ дѣйствовать, но и на ихъ произведеній Нача-ла, тогда и шѣ и другія приводяшѣ въ дви-женіе свою способность и свое естественное свойство, обнаруживая все, что въ нихъ есть. И для того въ сіе весеннее время начинаюшѣ показываться плоды сего расшительнаго свой-ства, и мы видимъ, какъ они выходятъ изъ нѣдра земли, въ которой зародились.

Наконецъ лѣто совершаешѣ все дѣло; тогда всѣ сіи произведенія изходяшѣ изъ маш-ки, въ которой зачались, пріемаюшѣ въ себя полное дѣйствіе солнца, которое приводитъ ихъ въ зрѣлость; и сія есть четвертая степень течения всѣхъ существъ тѣлесныхъ земныхъ.

Однако всякъ почувствуетъ легко, что большую часть животныхъ должно изъ сего изключать, которыя хошя и подвержены симъ четверемъ степенямъ, которыя въ частномъ теченіи всѣхъ существъ тѣлесныхъ теперѣ я призналъ, однако въ рожденіи и возраста-ніи своемъ не слѣдуюшѣ Закону и продолже-нію обыкновенному временъ годовыхъ; и сему изключенію не лзя дивиться; ибо какъ они не привязаны къ землѣ, хошя и отъ нея происходяшѣ; шо всеконечно и Законъ ихъ не дол.

долженъ быть подобенъ Закону существъ растительныхъ, привязанныхъ къ сей самой землѣ.

Также не должно отвергать Начала повсемственной четирицы, ради того, что и въ растительныхъ существахъ нѣкоторыя не дожидаются въ совершеніи, своего паченія, пока исполнятся всѣ четыре времени года; а другія не прежде доходящъ къ сему совершенію, какъ чрезъ многія годовыя обращенія солнца. Разность сія отъ того, что инымъ нужно меньшее производѣнствіе, а другимъ большее, для совершенія своего частнаго дѣла. Но тѣмъ не менѣе упоминаемыя четыре сщени, или сія четыре дѣнія, имъ приличествуютъ и исполняются всегда съ совершенною точностію, какъ въ существахъ самыхъ скорозрѣлыхъ, такъ и въ самыхъ медленныхъ; пошому что по силѣ того, что показано о числѣ *четыре* относительно къ протяженію, оно есть мѣра всему и свое дѣйствіе распространяетъ вездѣ, хотя не вездѣ равное, а соразмѣряетъ его вообще разнымъ свойствамъ существъ.

Показанное нами о свойствахъ четырехъ временъ года не откроетъ ли намъ нѣсколько и ту Эпоху, въ которую міръ родился? Правда, что сіе касается до тѣхъ, которые допускаютъ, что міръ имѣлъ начашіе; ибо для тѣхъ, которые столько слѣпы, или столько нечистосердечны, что не признаютъ начашія его, сіе изысканіе будетъ излишнимъ. Однако,
увѣ-

увѣренъ будучи, что и имъ небезполезно будетъ то, что я имъю сказать, открою, сколько мнѣ позволено, край завѣсы предъ глазами ихъ.

Если въ происхожденіи міра принять въ разсужденіе токмо первую минуту явленія тѣлесности его, то, слѣдуя порядку годовыхъ временъ, всеконечно подумается приписать сіе Веснѣ, потому что въ самомъ дѣлѣ сіе есть время растѣнія.

Но если простерть взоръ далѣе и разобратъ всѣ дѣянія, долженствующія предсказать видимому явленію тѣлесности его, то надлежитъ неосмѣнно опрестить зачатіе зародыша міра къ иному времени, а не къ Веснѣ. Ибо какъ не льзя не согласиться, что настоящее теченіе Натуры всеобщей есть то же, какое было и при рожденіи ея, то и усыновленію Началъ, ея составляющихъ, надлежало учиниться въ тѣхъ же обстоятельстввахъ и въ томъ же времени, въ какомъ нынѣ видимъ учиняется усыновленіе частныхъ Началъ, продолжающихъ ея теченіе и ея бытіе, то есть, что сіе первобытное усыновленіе должно было начаться въ Осень.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Существа лишаются, теплоты *Солнца*, когда сіе свѣтило удаляется отъ нихъ, тогда сближаются они взаимно и сходятся, дабы замѣнить его отсутствіемъ взаимнымъ сообщеніемъ собственной теплоты: и сіе то есть, какъ показано выше, первое дѣяніе того, что дол-

Ы

жно

жибъ бытъ совершаемо шѣлесно между частными Существами Нашуры. Тоже должно существовать и во всеобщемъ: когда *Солнце* престаало быть чувствительнымъ для шѣхъ, коихъ до того согрѣвало, тогда-то шѣлесныя вещи учинили первый шагъ къ бытію и Нашура зачалась.

По сему соразвенію можно предполагать также, въ какое время сія Нашура должна разрушиться и перестать существовать; по есть, сѣдую Закону нынѣшняго ся шеченія, надобно думать, что Лѣшомъ міръ сей получитъ довершеніе чепырехъ дѣній своего шеченія всеобщаго, что когда наступитъ сіе довершеніе, то кончитъ онъ свое поприще, и ошѣлаясь ошѣ вѣшви по примѣру плодовъ древесныхъ, прешанетъ существовать и сошѣмъ исчезнетъ, а древо, къ которому онъ принадлежалъ, ошанетъ на всегда неподвижнымъ.

То, что я шеперь сказалъ, имѣетъ своимъ основаніемъ вообще признанный Законъ, что вещи всегда кончаша шѣмъ, чѣмъ начались. Однако, я повшоряю, хотя чепыре дѣнія шеченія временнаго совершаются въ каждомъ Существѣ, но нѣтъ ни одного изъ нихъ, въ которомъ бы сей Законъ не въ разныя времена совершался.

И такъ когда шеченіе сіе разнствуетъ, начиная ошѣ растѣнія до жившнаго, ежелмъ
вѣ

въ каждомъ изъ сихъ двухъ ошдѣленій различно производится оно какъ въ видахъ, такъ и въ нераздѣльных; то шѣмъ паче трудно опредѣлить его Законы и продолженіе, заключаая изъ частнаго объ общемъ. И такъ всего менѣе намѣренъ я былъ назначать симъ великимъ эпохамъ годовое время земное. Да и въ самой сущности таковыя изысканія совсѣмъ излишни для человѣка, шѣмъ паче, что помощію того свѣдѣнія, кошорой есть въ немъ, можетъ онъ пріобрѣсти познанія полезнѣйшія, надежнѣйшія и нужнѣйшія, нежели шѣ, которыя касаются до періодовъ Существъ переходящихъ.

Равнымъ образомъ прошу, да не виѣнится мнѣ въ противорѣчіе и неосмотрительность то, что я сказалъ о Солнцѣ прежде бытія вещей шѣлесныхъ; я не забылъ, что видимое нами солнце рождено, какъ и всѣ шѣла и со всѣми шѣлами вмѣстѣ; но я знаю также, что есть и другое Солнце весьма Физическое, кошорого сіе шокмо есть начертаніе и подѣ назираніемъ кошорого всѣ дѣла рожденія и созданія Натуры производились, подобно какъ дневное и годовое обращеніе Существъ частныхъ производится въ назираніи и по Законамъ нашего Солнца шѣлеснаго и чувственнаго.

И такъ, радѣя моимъ читателямъ, увѣщаваю ихъ быть осмотрительными и не судить меня, не понявъ прежде моихъ мыслей; и ежели хошашъ они разумѣть меня, то надобно

добно иногда взоръ свой простираешь далѣе
 того, нежели что я говорю; ибо и по долгу
 и изъ оспорожности я оставляю многое не-
 изъясненнымъ.

Показавши вообще многія свойства квадра-
 та, котораго я всегда объявляю единственнымъ
 и особливымъ, кратко предложу о свойствахъ,
 принадлежащихъ каждому его боку, оспирая
 пространнѣйшее разсужденіе о сей всеобщей
 эмблемѣ къ слѣдующему за симъ оспѣ-
 ленію.

Первый бокъ его, яко база, основаніе,
 или корень прочихъ шрехъ, есть изображеніе
 Существа перваго, единого, всеобщаго, ко-
 торое явило себя во времени и во всѣхъ про-
 изведеніяхъ чувственныхъ, но которое, бу-
 дучи само себѣ причина и источникъ всякаго
 Начала, имѣешь свое жилище особо отъ чув-
 ственнаго и отъ времени; и чтобы удосто-
 вѣриться въ то, что я подшверждаю нѣ-
 сколько разъ, то есть, сколь мало нужны
 къ бытію его произведенія чувственыя, хо-
 тя и отъ него происходятъ они, то надле-
 житъ только примѣнить, какое число ему
 приличествуетъ; всякъ знаетъ, что оное
 есть Единица.

Что ни дѣлай надъ симъ числомъ, взявъ
 его само въ себѣ; то есть, умножай, возво-
 дя въ такую степень, какую можешь пред-
 ставишь воображеніе, ни радииковъ всѣхъ
 сихъ

сихъ степеней, всегда выходишь будешь иско-
мое число единица: и такъ, послѣ сѣ число
единъ есть само себѣ и радикасъ, и квадратъ, и
всѣ степени; то необходимо должно оно су-
ществовать само собою и независимо отъ
всякаго другаго Существа.

Не говорю я о дѣленіи; потому что оно
имѣетъ мѣсто токмо въ сложномъ, но ни-
когда въ простомъ числѣ, какова единица;
и сѣ подтверждается тѣмъ, что я сказалъ
о ничтожествѣ дробей.

Не говорю также и о сложеніи; ибо то
очевидно, что оно токмо быть можетъ въ
вещахъ сложныхъ и что Существо, которое
имѣетъ въ себѣ все, не можетъ принять при-
ложенія никакого другаго Существа, что и
служитъ доказательствомъ на вышесказанное
мною о Веществѣ, въ которомъ то, что
употребляется для возрастанія и питанія
Существъ тѣлесныхъ, ни мало не примѣши-
вается къ ихъ Началамъ.

Но я говорю о умноженіи, или о возвыше-
ніи степеней, также о извлеченіи радикасовъ;
потому что одно есть изображеніе свойства
производительнаго врожденнаго во всякомъ
Существѣ простомъ, а другое есть изобра-
женіе соотношества всякаго Существа простаго
къ его произведеніямъ; ибо чрезъ сѣ соотнош-
ствіе производится возстановленіе, или при-
веденіе въ цѣлость.

Сіе должно насъ утвердить, что сей первый бокъ квадрата, сіе число ЕДИНЪ, или первая Причина, которая оно есть отличительный знакъ, производитъ все само собою, получаетъ все отъ себя, или принадлежащее себѣ.

Второй бокъ принадлежитъ сей Причинѣ дѣйствующей и разумной, которую представляя я во все шеченіе сего Сочиненія, яко занимающую первое мѣсто между причинами временными, и которая чрезъ дѣйствующую свою способность направляетъ шеченіе Натуры и Существъ тѣлесныхъ, равно какъ чрезъ разумную свою способность направляетъ всѣ стопы человека, которой, поколику разумное Существо, подобенъ ей.

Сей Причинѣ мы приписываемъ второй бокъ квадрата для того, что какъ сей второй бокъ есть ближайшій къ радикалу, такъ Причина дѣйствующая и разумная является непосредственно послѣ Существа первого, которое существуетъ внѣ временныхъ вещей. Поставя же ее въ сравненіе со вторымъ бокомъ квадрата, должны приписать ей и число двойственное; да мы и видимъ, что ни къ какому Существу не можемъ справедливо приложить сего двойственного числа, какъ къ сей Причинѣ; понеже сама она показываетъ намъ его какъ чрезъ вторичный чинъ свой, такъ и чрезъ двоякое свойство, которыми она обладаетъ.

Да

Да и въ самомъ дѣлѣ столь истинно то, что сія Причина дѣйствующая и разумная есть первый дѣйствователь надъ всемъ временнымъ и чувственнымъ, что ничто бы здѣсь не существовало безъ ея помощи, и такъ сказать, не начавшись ею.

Не доказываешь ли сего намъ самый квадратъ? Второй бокъ его, о которомъ теперь разсуждаемъ, не есть ли первая степень и первый шагъ къ обнаруженію могущества радика сего? Словомъ, не есть ли онъ изображеніе сей прямой линіи, которая есть первое произведеніе точки и безъ которой никогда бы не было ни поверхности, ни твердаго шѣла?

И такъ въ квадратѣ мы находимъ уже два пункта важнѣйшіе для человѣка, то есть познаніе Причины первой всеобщей и познаніе Причины второй, изображающей первую въ чувственныхъ вещахъ, и которая есть первый ея дѣйствователь временный.

Выше сего довольно пространно говорилъ я о великихъ принадлежностяхъ сей Причины второй дѣйствующія и разумныя, и для того не возобновляю сего здѣсь; а ежели кто хочетъ имѣть о ней точную идею ея сродственную, то довольно не забывать никогда того, что она есть образъ первой Причины и что всю власть ея имѣешь надъ всемъ тѣмъ, что происходитъ во Времени; сіе есть самое

истинное о ней поняшѣ, которое при томъ показеши человѣку, есть ли какое другое послѣ нея Существо во Времени, на которое бы лучше могъ онъ положить упованіе свое.

Третій бокъ есть шомъ, которой означаетъ всѣ содѣйствія, какіябъ они ни были, то есть какъ тѣлесныя и чувственныя, такъ и невещественныя и которыя внѣ Времени; ибо какъ есть Квадрашъ принадлежащій времени, и Квадрашъ независащій отъ времени, такъ и содѣйствія есть соединеннымъ съ тѣмъ, или другимъ Квадрашомъ; потому что каждой изъ нихъ имѣетъ власть являть свои произведенія; а какъ произведенія, являемыя и въ шомъ и другомъ Ошдѣленіи вещей, суть всегда числомъ *три*, то для того мы и относимъ ихъ къ третьему боку Квадраша.

Сіе совершенно согласуетъ съ тѣмъ, что показано было въ тѣлесныхъ произведеніяхъ, которыя всѣ суть составъ трехъ Стихій; но должно замѣтить великую разность, которая, не смотря на подобіе числа ихъ, находится между временными произведеніями и тѣми, которыя не суть во времени: сіи, произшедъ прямо отъ первой Причины, суть Существа простыя, какъ и она, и слѣдственно имѣютъ бытіе совершенное, котораго ничто не можетъ уничтожить; а тѣ, рождены будучи отъ вторичной Причины, не могутъ имѣть равныхъ съ первыми преимуществъ, но необходимо должны чув-

ственно

существовать низость своего Начала; чего ради бышіе ихъ и есть преходящее, и они не суть самосостоятельны какъ бы Существа истыя.

Сіе показываетъ намъ явственно третій бокъ квадрата; ибо какъ второй далъ намъ линію, то третій дастъ поверхность: и поелику число *три* есть купно и число поверхностей и число Тѣлъ; то явствуется, что Тѣла составлены изъ поверхностей, то есть изъ такихъ сущностей, которыя суть только покрывка, или наружность внѣшняя Существа, но которыми не принадлежишь ни твердость, ни жизнь.

Въ самомъ дѣлѣ последнее производство въ человеческой Геометріи, которое предписывается въ составленіи твердыхъ тѣлъ, есть токмо познание предъидущихъ, то есть тѣхъ, которыя составили линію и поверхность; ибо глубина, рождаемая симъ третьимъ и послѣднимъ производствомъ, есть не иное что, какъ вертикальное направленіе многихъ линій вмѣстѣ; а вся разность въ томъ, что въ первыхъ производствахъ направленіе линій было горизонтальное; и такъ сія глубина есть всегда произведеніе линій, и потому она не иное что бысть можетъ, какъ собраніе поверхностей.

Хочешь ли кто теперь къ случаю научишься точнѣе цѣнишь, что такое Тѣла? Къ исполненію сего смотришь только возвращаюся слѣдовать

тому порядку, коимъ они составились. Твердые Тѣла составлены изъ поверхностей, поверхности изъ линий, линии изъ точекъ, то есть изъ Началъ, не имѣющихъ ни длины, ни ширины, ни глубины; словомъ, которыя никакому измѣренію Вещества не подлежатъ, такъ какъ я сіе пространно показалъ въ своемъ мѣстѣ.

И такъ, привелъ такимъ образомъ Тѣла къ ихъ источнику и къ первобытной сущности, увидишь, какую идею должно имѣть о Веществе.

Наконецъ четвертый бокъ квадрата, изображая четверное Число, отъ котораго всѣ вещи получили свое происхожденіе, представлялъ намъ Число всего того, что есть Ценшрѣ, или Начало, въ какомъ бы ошдѣленіи вещей то ни было: но такъ мы довольно говорили о всеобщемъ Началѣ, которое въ Времени, а сей квадратъ, о которомъ теперь говоримъ, имѣетъ своимъ предметомъ временное, то чрезъ четвертый бокъ его должно разумѣть разные Начала, дѣйствующія во временномъ ошдѣленіи, то есть какъ тѣ, которыя обладаютъ разумными способностями, такъ и тѣ, которыя чувствительны токмо и тѣлесныя способности имѣютъ; а что касается до нечувствительныхъ Началъ Существъ тѣлесныхъ, о которыхъ мы столь пространно объяснялись, сколько позволено было, то не упомянемъ здѣсь ни о ихъ разныхъ свойствахъ, ни о рожденіи ихъ дѣйствіи, ни о необходимой имъ

надоб-

надобности втораго дѣйствія для приведенія въ движеніе перваго; словомъ, ниже о всѣхъ сихъ примѣчаніяхъ, касательныхъ до Законовъ и шеченія Нашуры вещественной.

А замѣтимъ только то, что отношеніе, которое можешь находиться между сими Началами тѣлесными и четвертымъ бокомъ квадрата, есть новое доказательство, что они, яко четверныя, или яко Центры, суть Существа простые, отдѣленные отъ Вещества, и потому неразрушимыя, хотя произведенія ихъ чувственныя, которыя суть не иное что, какъ сложенія, могутъ по природѣ своей разрушаться.

И такъ должны мы теперь обратить вниманіе наше единственно на Начала невещественныя, а изъ сихъ Началъ причинѣ всѣхъ теперь можемъ устремить нашъ взоръ на человѣка; понеже для него болѣе и сіе сочиненіе предпріято; понеже въ немъ паче должны существенно находиться всѣ силы, содержащіяся въ семъ важномъ Квадратѣ, о которомъ рѣчь идетъ; понеже наконецъ сей Квадратъ и начертанъ для человѣка и есть истинный источникъ познаній и просвѣщенія, которыхъ сей человѣкъ по несчастію лишился.

И такъ, разсматривая прилжно четвертый бокъ сего квадрата, человѣкъ научится воистинну знать цѣну его и преимущества. Тумъ увидишь онъ яко Заблужденія, которыми

рыми люди затмили основаніе и предметъ самой Математики; увидишь, какъ они обманываются, когда на мѣсто Законовъ просыхъ сѣя высокія Науки поставляютъ свои ошибочныя и невѣрныя рѣшенія, и какъ много вредятъ себѣ шѣмъ, что заключають ее въ предѣлы разсмотрѣнія вещественныхъ Дѣлъ Нашуры, когда напрошивъ, употребляя ее инымъ образомъ, могли бы получить отъ неѣ драгоцѣнные плоды.

Но извѣстно, что человѣкъ не можетъ уже нынѣ взирать на сей квадратъ съ той стороны, съ какой могъ прежде, и что изъ чешырехъ разныхъ ошдѣленій, содержащихся въ немъ, занимаетъ нынѣ самое незнающее и мрачное, когда напрошивъ въ первобытности своей занималъ первое и свѣтлѣйшее.

Тогда онъ, почерпая знанія изъ самаго источника и безъ труда и утомленія приближаясь къ Началу, дававшему ему бытіе, наслаждался миромъ и безпредѣльнымъ благоденствіемъ; понеже былъ онъ въ своей Стихиі. Симъ средствомъ могъ онъ съ пользою и безопасно направлять свое шествіе во всей Нашурѣ; ибо, имѣя владычество надъ шремя ошдѣленіями нижними квадрата временнаго, могъ ими управляя по изволенію безъ всякой боязни и препятствія; ради свойствъ, говорю, соединенныхъ съ симъ высокимъ мѣстомъ, имѣлъ онъ вѣрное свѣдѣніе о всѣхъ Существахъ, составляющихъ сію шѣлесную Нашуру, и тогда

гда не былъ онъ подверженъ опасности смѣшати свою собственную Сущность съ Сущностію ихъ.

Напротивъ того нынѣ изгнанный въ послѣднее отдѣленіе Квадрата временнаго, находясь онъ при краю сея самыя Натуры тѣлесныя, которая нѣкогда была ему покорена и отъ которой никогда не долженъ былъ онъ терпѣть прошивленія и суровости. Нѣтъ у него болѣе сего преимущества драгоценнаго, которымъ онъ наслаждался во всемъ его пространствѣ, когда, имѣя мѣсто свое между квадратомъ временнымъ и между тѣмъ, который въ времени, могъ читать вдругъ и въ томъ и въ другомъ. Выступъ сего свѣта, отъ котораго могъ бы онъ не оплучаться никогда, видишь вокругъ себя страшную шепшоту, подвергающую его всемъ страданіямъ, сроднымъ тѣлу его, и всемъ заблужденіямъ, въ которыя влечется онъ въ мысли свои чрезъ ложное употребленіе воли и чрезъ злоупотребленіе всехъ разумныхъ своихъ способностей.

И такъ весьма то истинно, что невозможно нынѣ человѣку безъ вспоможенія достигнуть къ познаніямъ, содержащимся въ Квадратѣ, о которомъ говоримъ; понеже онъ не является ему въ томъ видѣ, который одинъ можешь сдѣлать ему его разумительнымъ.

Но

Но я не хочу, какъ то я общалъ, приводить въ уныніе человѣка, напротивъ желалъ бы и возжечь въ немъ надежду, которая бы никогда не угасала; хотѣлъ бы изліяшь утѣшеніе на бѣдность его, принудя сравнить се съ тѣми средствами, которыми близъ себя имѣешь, чтобы свободишься отъ нея.

И такъ я намѣренъ усмирить взоръ его на принадлежность несплѣнную, которою совершенно обладалъ онъ въ своей первобытности и которую пользоваться ему нынѣ не только не совсѣмъ запрещено, но на которую еще имѣешь право, и которая одна представляетъ ему единственный путь и единственное средство возвратишь сіе важное мѣсто, о которомъ говоримъ.

Не покажется никакъ мечтательнымъ то, что я здѣсь утверждаю, когда разсудить, что и въ самомъ своемъ лишеніи человѣкъ имѣетъ еще способности желанія и воли; а имѣя способности, надобно имѣть и принадлежности для изъясненія оныхъ; понеже и самая первая Причина подвержена тому, какъ и все, что къ сущности ея принадлежитъ, что не можешь ничего являть безъ помощи своихъ принадлежностей.

Правда, что какъ способности сего Начала первого столь же безконечны, какъ и числа, то и соотвѣствующія имъ принадлежности равномерно должны быть не ограничены; ибо сіе первое Начало являетъ про-

произведенія не токмо въ времени, для которыхъ употребляешъ сущія въ немъ принадлежности, разныя другъ отъ друга токмо различными своими свойствами; но еще являешъ оно произведенія во времени, для которыхъ, кромѣ помощи принадлежностей неразлучныхъ съ нимъ самимъ, потребны ему были сверхъ того принадлежности въ его, происходящія отъ него, дѣйствующія чрезъ него, но которыя не суть само оно: и сіе составляетъ Законъ Существъ тѣлесныхъ и изъясняешъ двойственное дѣйствіе вселеннаго.

Но коша явленія, которыя долженъ дѣлать чело́вѣкъ, никакъ не могушъ сравнены быти съ явленіями первыя Причины: однако не можно отнять у него признанныхъ нами способностей, равно какъ и надобности принадлежностей, сходственныхъ симъ способностямъ, дабы можно было привести ихъ въ свою силу; и понеже сіи принадлежности суть шѣ же, какими и́зкогда онѣ оказывалъ свою великость, то мы увидимъ, что онѣ долженъ ожидать и нынѣ той же помощи отъ нихъ, ежели только будешъ имѣти постоянную волю употребляти ихъ, и возымѣши къ нимъ всю довѣренность.

7.

Сѣи выше всякой цѣны принадлежности, и въ кошорыхъ находишся единственное по-собіе для человѣка, содержащяся въ знаніи языковъ, то есть въ той общей всему человѣческому племени способности сообщать свои мысли; въ способности, которую всѣ народы дѣйствительно употребляли и старались приводить въ совершенство, но сѣ малою для себя пользою; потому что не обращали ее къ истинной ея цѣли.

Мы видимъ явственно, что преимуще-ства, соединенныя сѣ даромъ слова, суть существенныя права человѣка; понеже посредствомъ ихъ имѣетъ онъ сообщеніе сѣ подобными себѣ и дѣлаетъ чувствительными для нихъ всѣ свои мысли и внутреннія движенія. И сѣ есть единственное средство, могущее удовлетворять его желанія въ семъ дѣлѣ; ибо всѣ знаи, какіе къ замѣнѣнію дара глаголанія употреблены для лишенныхъ онаго оныхъ природы, или случайно, весьма несовершенно со-отвѣтствуютъ сему намѣренію.

Обыкновенно у нихъ заключается все въ подтвержденіяхъ, или отрицаніяхъ, кошорыя суть слѣдствіе вопроса; а когда не вопрошаютъ ихъ, то не могутъ они сами собою мысль свою сдѣлать намъ внятною, развѣ, что все равно, когда самая вещь предъ глазами ихъ, то, осязаніемъ, или другими указа-
ншя;

использованными знаками даютъ намъ разумѣть, къ чему хоташъ се относишь.

Которые изъ нихъ приобрѣли большее искусство, тѣхъ разумѣютъ только учителя ихъ, или, кто знаетъ условныя ихъ значенія: но въ такомъ случаѣ, хотя и есть сіе нѣкоторый родъ разговора, однако не лзя сказать, чтобъ то былъ истинный Языкъ, во первыхъ потому, что онъ не есть общій всѣмъ людямъ; а во вторыхъ потому, что весьма недостаточенъ въ выраженіи; послѣднее лишено тѣхъ изящнѣйшихъ преимуществъ, которыя находятся въ произношеніи.

И такъ ни въ семъ искусствѣ и ни въ какомъ изъ выдуманныхъ Языковъ не находится истинныя принадлежности человека; потому что все въ нихъ есть условное и произвольное и непрестанно измѣняется, и слѣдственно не видно тутъ истиннаго свойства.

Изъ сего объясненія можемъ уже представить себѣ, какое свойство должны имѣть Языки; ибо я сказалъ, что они должны быть общи всѣмъ людямъ: но какъ можно быть имъ общими всѣмъ людямъ, когда не во всѣхъ нихъ одинакіе знаки; а сіе собственно и значить, что надобно быть одному только Языку.

Не поставлю я въ доказательство предложенію моему сей жадности, съ которою
люди

люди стараются выучивать многіе Языки; и оказываемаго нами нѣкоего почтительнаго удивленія въ разсужденіи тѣхъ, которые знаютъ великое число оныхъ, хотя сія жадность и сіе удивленіе при всемъ, томъ, что они живы, суть знакъ нашего стремленія ко всеобщности, или къ Единству.

Не упомяну также и о томъ, какъ страстныя нѣкоторые Народы къ собственному своему Языку и какъ каждый народъ ревнивъ къ своему нарѣчію.

Еще менѣе стану говорить о уваженіи, номъ между нѣкоторыми Государями обычай писать на Языкѣ мертвомъ, употребляемомъ ими обыкновенно во взаимныхъ ихъ торжественныхъ сношеніяхъ; пошому что сей обычай не токмо не всеобщій, но еще и происходитъ отъ столь тщетнаго побужденія, что въ матеріи, предлагаемой мною, не заслуживаетъ великаго уваженія.

И такъ въ человѣкѣ самомъ надобно находить свидѣтельство и доводъ тому, что онъ сотворенъ имѣть одинъ Языкъ; а изъ того и можно будетъ узнать, по какому Заблужденію вздумано отрицать сію Истинну и утверждать, что поелику Языки суть плоды навыка и взаимнаго согласія, то не лзя имъ не разнствовать между собою на подобіе всѣхъ земныхъ вещей; отъ чего и возникли Примѣчашели, что можно быть вдругъ мно-
гимъ

тимъ Языкамъ равно истиннымъ, хотя и
разнствующъ они другъ отъ друга.

Дабы нѣсколько надежнѣе шествовать въ
семъ поприщѣ, потребуемъ отъ нихъ, чтобы
разсмотрѣли, не сознають ли въ себѣ двухъ
родовъ Языковъ: одного чувственнаго указа-
тельнаго, посредствомъ котораго имѣютъ
сообщеніе съ подобными себѣ; другаго вну-
шренняго, безмолвнаго, который однако пред-
шествоуетъ внѣшнему и есть помстиннѣ
яко мать онаго.

Потомъ попрошу изслѣдовать свойство
сего внушренняго и сирмыннаго Языка и уви-
дѣть, есть ли онъ что иное, какъ не гласъ
и израженіе Начала, въ нихъ сущаго, кото-
рое начертываетъ въ нихъ мысль свою и ко-
торое дѣлаетъ сущнымъ то, что въ немъ
происходитъ.

По силѣ принятаго нами понятія о семъ
Началѣ мы можемъ знать, что посланку всѣ
люди должны быть имъ управляемы, то въ
всѣхъ нихъ надобно быть и единообразному
направленію, одинакой цѣли и одинакому За-
кону, не взирая на необъятное многообрази-
е добрыхъ мыслей, какія могутъ быть имъ
чрезъ сіе средство сообщаемы.

Посланку же сіе направленіе должно быть
единообразное, посланку сіе скрытное израже-
ніе должно быть вездѣ одинаково, то нѣтъ

сомнѣнія, что тѣ люди, которые не допускали бы повредиться въ себѣ слѣдамъ сего внушеннаго Языка, разумѣли бы его совершенно; ибо находили бы въ немъ вездѣ единообразность съ своими чувствованіями, видѣли бы въ немъ подобіе и изображеніе самыхъ своихъ идей, узнали бы, что нѣтъ ни единой идеи, которая бы была чужда имъ, кромѣ тѣхъ, которыя происходятъ отъ Начала зла; наконецъ удостоверились бы убѣдительно-нѣйшимъ образомъ, что Существо разумное, составляющее ихъ, есть вездѣ и всегда одинаково.

Отсюда познали бы они явственно, что истинный умственный Языкъ человека, будучи вездѣ тотъ же, есть по существу своему единъ, что не можешь онъ никогда измѣняться, и что не лзя быть имъ двумъ безъ того, чтобъ одинъ отъ другаго не былъ опроверженъ и истребленъ.

Когда же, какъ мы уже видѣли, Языкъ наружный и чувственный есть не иное что, какъ произведеніе Языка внутренняго и скрытнаго; если бы сей скрытный Языкъ всегда былъ сообразенъ Началу, долженствующему править имъ; если бы онъ былъ всегда одинъ и тотъ же: то вездѣ бы онъ производилъ одинакое изразженіе чувственное и наружное; слѣдственно хотя нынѣ и принуждены мы употреблять органы вещественныя, однако имѣли бы мы еще общій Языкъ, взаимительный всѣмъ людямъ. Но

Но когда же чувственные Языки начали разнствовать другъ ошъ друга? Когда примѣнили они разногласіе въ способѣ сообщенія идей своихъ? Не тогда ли, какъ скрышное и внутреннее нараженіе начало измѣняшся? Не тогда ли, какъ умшвенный разговоръ чловѣка потемнѣлъ и пресшлъ бытъ швореніемъ чистыя руки? Тогда чловѣкъ, не имѣ болѣе при себѣ свѣта своего, принялъ безъ разбору первую идею, какая встрѣтилась умшвенному Существу его, и не почувшвовалъ въ томъ, что принялъ, ни разношши, ни ошношенія съ Началомъ истиннымъ, ошъ котораго долженъ былъ все получать. Тогда наконецъ, какъ онъ сшалъ преданъ самому себѣ, воля и воображеніе училились единшвеннымъ его прибѣжищемъ; и онъ послѣдовалъ столько по нуждѣ, сколько и по невѣжеству всѣмъ произведеніямъ, какія ошъ сихъ лжиныхъ пушководцевъ ему предшавляемы были.

Такимъ образомъ чувственное израженіе совѣмъ повредилось; потому что чловѣкъ, не видя вещей въ настоящемъ ихъ ешества, далъ имъ названія шакія, которыя происходили ошъ него и которыя, поеликъ шесходны были съ сими самыми вещами, не могли уже означать ихъ, шакъ какъ ешественныя ихъ имена означали безъ всякаго двоешмысла.

Ежели нѣсколько людей послѣдовали сей ложной дорогѣ и шоль неспособной къ соблюденію единообразности; то всякъ изъ нихъ безъ сомнѣ-

иѣнія давалъ шѣмъ же вещамъ разныя названія; и сіе повтораемо бывъ ошѣ многихъ и въ продолженіи времени проходя далѣе и далѣе, долженствуетъ представити намъ перемѣнное и странное зрѣлище. Не усомнимся, что такимъ образомъ произошла разнота и, раздѣленіе въ Языкахъ, и по силѣ вышесказаннаго мною, естли бы и не имѣлъ я иныхъ доказательствъ, довольно было бы и сего къ удостоверенію, что люди весьма удалились ошѣ ихъ Начала. Ибо естли бы всѣ они слѣдовали сему Началу, умственныи Языкъ ихъ былъ бы тотъ же, и слѣдственно Языки ихъ чувственные и внѣшніе состояли бы изъ тѣхъ же знаковъ и тѣхъ же нарѣчій.

Никто, уповаю, не будетъ спорить са мною въ томъ, что я шеперь сказалъ о природныхъ и изразительныхъ именахъ Существъ; хотя въ разныхъ Языкахъ, употребляемыхъ на земли, не находимъ ни малой единообразности въ именахъ; но мы должны вѣришь, что надлежало бы имъ употребить такіа имена, которыми бы означались вещи вообще и явственно: чего ради сіи Языки, столь различные одинъ ошѣ другаго, не могутъ по справедливости приняты бытъ за истинныя; да сверхъ того и каждый изъ нихъ, какъ онъ ни ложенъ, самъ въ себѣ представити намъ явственный доводъ утверждаемаго нами.

Слова, употребляемая въ каждомъ Языкѣ, хотя и произвольно приняты, не суть

аѣ

ли для тѣхъ, которымъ извѣстно условное ихъ значеніе, вѣрный знакъ Существъ, ими означаемыхъ? Не находимъ ли во всѣхъ насъ природной склонности изображать вещи такими знаками, или словами, которыя кажутся быть сходственнѣйшими съ оными? И не чувствуемъ ли внутренняго удовольствія купно и удивленія, когда предлагаются намъ такіе знаки, изображенія и начертанія, которыя болѣе приближаютъ насъ къ Природѣ представляемыхъ вещей и дѣлаютъ ихъ вняшнѣйшими для насъ?

Чтожъ иное въ семъ случаѣ мы дѣлаемъ, какъ не повторяемъ шествіе самой Истинны, которая уставила между всѣми своими произведеніями общій Языкъ, и даровавъ каждому изъ нихъ имя собственное связанное съ его сущностію, учинила ихъ неподверженными никакому двусмыслию. Не предохраняла бы она симъ средствомъ и людей, которыя, будучи обязаны возстановлять союзъ свой съ ея твореніями, умѣли бы трудиться съ успѣхомъ, чтобы познавъ истинныя имена оныхъ?

И такъ не можемъ отрицать, чтобы въ самомъ безобразіи нашемъ и въ нашемъ лищеніи не начертавали мы выразительныхъ эмблемъ Закона Существъ, и чтобы самое наше ложное употребленіе Языка не показывало намъ, что можемъ его употреблять правильнѣе и полезнѣе, не преступая тѣмъ предѣловъ Нашуры, только бы не забывали

источника, въ кошоромъ Языкъ сей долженъ былъ получить свое происхожденіе.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что когда бы Примѣчашели дошли къ скрытному и внутреннему выраженію, которое прежде, нежели является наружу, производится въ насъ Началомъ разумнымъ; то нашли бы въ немъ происхожденіе Языка чувственнаго, яко въ истинномъ его Началѣ, а не въ Причинахъ тайныхъ и немогущихъ, которыхъ дѣло есть шокмо исполнять собственныи свой Законъ, и которыя больше сего ничего не могушъ произвести. Не подумали бы они тогда объясняшъ простыми Законами Вещества дѣянія вышшаго чину, которыя прежде и послѣ времени были и будутъ, не завися отъ Вещества. Не есть онѣ расположеніе органовъ, ниже изобрѣшеніе первыхъ людей, которое, переходя отъ вѣка къ вѣку чрезъ примѣры и наученіе, продолжалось между родомъ человѣческимъ до нашихъ-дней; но, какъ то увидимъ, онѣ есть истинная принадлежность человѣка; и хотя человѣкъ противленіемъ Закону своему лишился ея, однако остались въ немъ слѣды, могущіе довести его до источника, еслилибъ имѣлъ онъ мужество слѣдовать по нимъ шагъ за шагомъ и неосмущуно прилѣпиться къ нимъ.

Я знаю, что о семъ пунктѣ спорятся еще между собою подобныи мнѣ; что не шокмо не знаютъ они, какой былъ первый Языкъ

Языкъ у людей, но даже отъ разногласія своего дошли до того, что не полагаютъ источника его въ человекѣ, утверждая на томъ, что не видятъ, чтобъ онъ говорилъ природнымъ Языкомъ, когда съ младенчества своего оставленъ бываетъ самъ себѣ.

Но не видятъ ли они, въ чемъ недостаточно ихъ примѣчаніе? Не знаютъ ли они, что человекъ въ своемъ состояніи лишенія осужденъ ничего не производить, даже и разумными способностями, безъ помощи наружнаго противудѣйствія, которое бы возбуждало его; а потому опиятъ у него сей Законъ есть лишитъ его всѣхъ пособій, дарованныхъ ему отъ Правосудія и довести до того, чтобъ способности его, не произведъ ни малаго плода, пошухли?

Однако не лзя отрицать, что Примѣчашеся сію дорогу избрали въ многократныхъ своихъ опытахъ надъ младенцами, предъ которыми воздерживались говорить, дабы узнать природный ихъ Языкъ. Когда увидѣли они, что дѣти не говорили ничего, или произносили невнятные шокмо звуки; то и начали толковать сіе по своему и построили свои мнѣнія на дѣяніяхъ, которыя отъ ихъ же расположенія произошли. Но не очевидно ли то, что и чувственная Натура и умственный Законъ равно призываютъ человека жить въ обществѣ? Для чего же человекъ поставленъ жить посредъ подобныхъ ему, которые по-

чищаются снискавшими уже свое возстановленіе, ежели не для того, чтобы получитьъ отъ нихъ нужную себѣ помощь, дабы усыпленные свои способности оживить и умѣть ими дѣйствовать къ своей пользѣ.

И такъ лишать его должной ему помощи есть прямо вооружаться противу обоихъ сихъ Законовъ и противу человека: надобно бытъ несмысленну, чтобы рѣшительно судить о немъ, отнявши у него всѣ средства, доставляющія научить его употребленію способностей ими оспориваемыхъ и которыхъ почти такъ несродными ему. Сіе есть поже, какъ и положишь зерно на камень, и потомъ говоришь, что оно неспособно принести плодъ.

Но ежели, не входя въ дальнія подробности, видимъ, что человекъ, лишенный необходимо нужныхъ вспоможеній, не можетъ произвести никакого Языка постоянного, и что однако есть Языки; то гдѣ же можно найти происхожденіе сего всеобщаго Языка и не должно ли согласиться, что щось, который первый могъ учить ему, конечно получалъ его не отъ руки человека?

Знаю, есть родъ Языка природнаго и единообразнаго, который почти всѣ Примѣчатели признають, которымъ человекъ изображаетъ разныя свои движенія радости и печали, обнаруживающіяся въ немъ чрезъ свойственные тому звуки.

Но

Но сей Языкѣ, ежели можно его шакѣ назвашь, имѣетъ цѣлю и руков одишелями своими тѣлесныя чувствованія ; чему самое убѣдительное доказательство есть то, что онѣ равномѣрно и въ скопахъ находится, изъ которыхъ многіе обнаруживаютъ свои чувствованія особливими движеніями и звуками.

При всемъ томъ не долженъ бышь удивленъ намъ сей родъ Языка въ живошномъ, ежели припомнимъ ушвержденные выше сего начальныя положенія. Тѣлесное Начало живошнаго не есть ли невещественное, посланку нѣтъ ни единого Начала, которое бы было вещественное? А когда оно невещественно, не должно ли ему имѣть способности ; а когда есть у него способности, не надобно ли бышь и средствамъ для обнаруживанія оныхъ? Но и сіи средства, которыя каждое Существо можетъ имѣть въ своемъ употребленіи, должны бышь соразмѣрны способностямъ его ; ибо естли нѣтъ въ нихъ мѣры, которая находится во всемъ прочемъ, то сіе было бы неправильность, но оной не можемъ допустить въ Законахъ Существъ.

По сей-то мѣрѣ надлежитъ цѣнить родъ Языка, которымъ скопы обнаруживаютъ свои способности ; ибо какъ они имѣють только способность чувствовать, то и ненужны имъ большія средства, какъ шокмо для показанія, что они чувствуютъ ; а сіе они имѣють,

Сущес

Существа, не имѣющія иныхъ способностей, кромѣ способности расти, оказываютъ ее явственно самымъ дѣломъ, но не показываятъ болѣе ничего.

И такъ хотя скотъ имѣетъ чувствованія и оныя выражаетъ; хотя въ шеперешнемъ состояніи вещей сіи чувствованія суть двухъ родовъ, одни добрыя, а другія злыя; и хотя скотъ и шѣ и другія изъясняетъ, радуясь, или страдая: при всемъ томъ не лзя далѣе сихъ границъ распространить его Языкъ и всѣ изобразительные знаки, которые составляютъ часть языка; таковыя изреченія отнюдь не лзя почитать за истинный Языкъ; понеже Языка дѣло есть изображать мысли, а мысли принадлежатъ Началамъ разумнымъ; Начало же скота, какъ то я выше доказалъ, хотя и невещесствію, но не есть разумное.

Если имѣемъ причины не принимать за дѣйствительный Языкъ шѣхъ знаковъ изобразительныхъ, которыми скотъ показываетъ свои чувствованія; то, хотя человекъ, яко животное, имѣетъ также сіи чувствованія и ко изъясненію ихъ средства, не можемъ однако никакъ допустить, чшобъ сей ограниченный и шемный Языкъ могъ сравниться съ шѣмъ, къ которому разумная Природа людей дѣлаетъ ихъ способными.

Важное и поучительное было бы упражненіе примѣчать во всей Нашурѣ сію мѣру, которая нахрдишя между способностями Существъ

щества и средствами, дарованными имъ къ изображенію оныхъ. Здѣсь увидѣли бы мы, что чѣмъ далѣе они по природѣ своей отъ перваго кольца цѣпи, тѣмъ менѣе способности ихъ. Также увидѣли бы, что и средства изображательныя въ точности слѣдуютъ тому же нисхожденію, и въ семъ смыслѣ могли бы мы приписать Языкъ и самому малѣйшему Существу; понеже сей Языкъ есть не иное что, какъ выраженіе способностей ихъ и то единообразіе, безъ котораго не было бы ни общенія, ни соотвѣстствія, ни средства между Существами того же ошдѣленія.

Однако въ семъ изслѣдованіи надлежитъ разчислительно каждое существо относить къ его ошдѣленію и не приписывать одному того, что другому принадлежитъ: не должно прилагать минералу всѣхъ способностей раствнй, ниже одинакаго способа обнаруживанія оныхъ; ни приписывать раствнйо то, что примѣчается въ животномъ; тѣмъ паче симъ Существомъ нижнимъ, которыя имѣютъ дѣйствіе преходящее, не должно приписывать всего того, что мы открыли въ челоѣкѣ. Въ прошеномъ случаѣ падемъ въ сіе ужасное смѣшеніе Языковъ, которое есть начало всѣхъ нашихъ заблужденій и истинный источникъ невѣжества нашего; ибо тогда всѣхъ Существъ естество будетъ намъ казаться не въ надлежащемъ видѣ.

Но какъ сіе предложеніе ради пространства своего немыслимо моему Сочиненію, то

довольно, что я указалъ его; а пооспран-
нѣ объяснять его оставляю шѣмб, которые
смирненно занимаются частными предложеніа-
ми, а не столь обширными, о каковомъ я
теперь разсуждаю.

И такъ обращаюсь къ сему истинному
и первобытному Языку, который есть драго-
цѣнное пособіе чловѣка. Паки объявляю,
что чловѣку, яко Существу невещественно-
му и разумному, надобно было съ первымъ
своимъ бытіемъ купно получить способности
вышнія, а слѣдственно и принадлежности, нуж-
ныя къ обнаруживанію оныхъ; что сіи при-
надлежности не иное что, какъ знаніе Язы-
ка общаго всѣмъ Существамъ мыслящимъ;
что сему всеобщему языку надлежало препе-
дану быть отъ единого и того же Начала, ко-
торого онъ есть истинный знакъ; что чловѣкъ,
не имѣя болѣе въ цѣлости сихъ спо-
собностей, понеже видѣли мы, что даже и
мысль его не отъ него зависишь, лишился и
сопряженныхъ съ ними принадлежностей; и
что для сего не находимъ въ немъ сего по-
стодиннаго и неизмѣннаго Языка.

Но также должно повторить и то, что
не потерялъ онъ надежды возвратить оный
Языкъ, и что Мужествомъ и трудами можеть
наки пріобрѣсть прежнія свои права.

Еслибъ позволено было привести доводы
сему, я бы показалъ, что вся земля исполнена
ими,

ний, и что отъ зачала міра былъ языкѣ, ко-
рой никогда не терялся и кошорой не погиб-
нѣшъ и послѣ кончины міра, хошя надлежитъ
ему тогда сдѣлашся простѣе; показалъ бы и,
что во всякомъ Племенѣ были люди, которые
знали его; что нѣкоторые изъ нихъ, разлучен-
ные вѣками и самые современники, хошя и
въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, по-
нимали одинъ другаго посредствомъ сего все-
общаго и негибнущаго Языка.

Черезъ сей языкѣ можнобъ было узнать, ка-
кимъ образомъ истинные Законодатели научи-
лись Законамъ и правиламъ, по кошорымъ по-
ступали во всѣ времена люди, обладавшіе пра-
дою, и какъ они, слѣдуя симъ образцамъ,
удостоверились, что шестіе ихъ правильно.
Въ немъ же можно бы увидѣть истинныя войн-
скія правила, кошорымъ научены были великіе
полководцы и кошорыя ими употребляемы были
съ шолікимъ успѣхомъ въ сраженіяхъ.

Онъ далъ бы ключъ ко всѣмъ вычислені-
ямъ, и познаніе широкія и разрѣшенія Су-
ществъ, равно какъ и приведенія ихъ въ цѣлостъ.
Онъ показалъ бы силы Сѣвера, причину уклоне-
нія магнитной стрѣлки, *дѣйствительную землю*,
кошорая есть цѣль желанія искашелей сокро-
венной Философіи. Наконецъ, не входя здѣсь
въ подробное описаніе преимуществъ его,
смыло могу сказать, что оныя суть неис-
числимы, и что нѣтъ такого Существа, на
кошораго бы не простиралась его власть и
кошораго бы онъ не освящалъ.

Но

Но кромѣ того, что не лзя мнѣ здѣсь быть откровенну, не наруша моего обѣщанія и моихъ обязанностей, бесполезно говорить о семъ яснѣе; ибо слова мои потеряны будущъ для тѣхъ, которые не обратили взору своего на сію сторону; а таковыхъ несчетное почти есть число.

Чтожъ касается до тѣхъ, которые уже на пути науки, то довольно имъ и того, что я сказалъ и не нужно имъ поднимать другого конца покрыва.

И такъ для показанія всеобщаго соотвѣтствія утверждаемыхъ мною положеній, не могу я больше ничего сдѣлать, какъ просить моихъ Читателей, чтобы вспомнили о той книгѣ, въ десяти лн. тахъ состоящей, которая дана была человѣку въ первомъ его происхожденіи, и которая осталась у него и при второмъ его рожденіи, но коея истинный ключъ и разумѣніе опіяны у него; еще прошу ихъ посмотришь, не могушь ли найти отношеній между свойствами сего книги и свойствомъ Языка постояннаго и единственнаго, и нѣтъ ли между ими весьма великаго родства, и постарайся изъяснить ихъ другъ другомъ; ибо дѣйствительно здѣсь - то найдется *Ключъ* науки; и когда упоминаемая книга содержитъ всѣ познанія, какъ то показано въ своемъ мѣстѣ, то и языкъ, о которомъ теперь слово, есть истинная *Азбука*.

Съ

Съ тою же осторожностію говоришь и долженъ о другомъ пунктѣ, которой съ прежде-реченнымъ тѣсно соединенъ, то есть о средствахъ, которыми обнаруживается сей Языкъ. Сіе дѣлается двумя способами, какъ и во всѣхъ Языкахъ, то есть словеснымъ выраженіемъ и знаками изобразительными, или письмомъ; одно доходитъ къ нашему свѣдѣнію чрезъ чувство слуха, а другое чрезъ чувство зрѣнія, которыя одни изъ нашихъ чувствъ надавжашъ къ дѣламъ умственнымъ, и сіе только въ человѣкѣ; ибо у скота хотя и есть оба сіи чувства, но они опредѣлены для вѣщественнаго и чувственнаго; понеже онъ не имѣетъ разумѣнія: у животнаго слухъ и зрѣніе равно, какъ и прочія чувства, имѣютъ цѣлію сохранять нераздѣльное тѣлесное; и для того скоты не имѣютъ ни дара слова, ни писанія.

И такъ сіе есть истинно, что сими двумя средствами человѣкъ достигаетъ познанія столь многихъ высокихъ вещей; и что сей Языкъ дѣйствительно употребляетъ въ помощь чувства человеческія, дабы подать ему понятіе о своей точности, силѣ и правильности.

Да и какъ бытъ сему иначе? Ибо не можеть человѣкъ ничего получить, какъ шокмо чрезъ чувства; потому что и въ первобытномъ состояніи имѣлъ онъ чувства, чрезъ которыя все содѣваемо было, какъ и нынѣ, съ тою только разностію, что неспособны

В

они

они были тогда такъ измѣнялись въ своихъ содѣйствіяхъ, какъ тѣлесныя чувства Вещества, которыя представляющъ ему шокмо сомнительство, и суть главные орудія заблужденій его.

Сверхъ того, какъ бы могъ онъ разумѣть людей, которые или прежде его, или въ отдаленіи жили, елики не помощію писанія? Однако надобно согласиться и въ томъ, что сіи люди прежде бывшіе, или отдаленные, могутъ имѣть Переводчиковъ, или Толковашелей, которые, равно съ ними обучены будучи истиннымъ правиламъ Языка, о которомъ говоримъ, употребляютъ его въ разговорахъ, и такимъ образомъ сближаютъ времена и отдаленныя мѣста.

Сіе есть купно и величайшее удовольствіе, которое истинный Языкъ можетъ доставить; понеже сей гласъ гораздо научительнѣе, но также и самый рѣдкій, и между людьми даръ писанія гораздо чаще бываетъ обрѣщаемъ, нежели даръ слова.

Причина сему та, что въ шеперешнемъ состояніи не иначе можемъ восходить, какъ постепенно; и сіе неоспоримо въ разсужденіи всѣхъ Языковъ: чувство зрѣнія ниже слуха; пошому что чрезъ слышаніе человѣкъ посредствомъ слова обрѣщаетъ въ самой сущности изъясненіе живое, или то, что есть умственное въ Языкѣ; напротивъ писаніе есть не иное

иное что, какъ Указашель, предлагающій
взору изображеніе мершвое и предметы веще-
ственные.

Но какъ бы то ни было, посредствомъ сло-
ва и писанія, свойственныхъ истинному Язы-
ку, человекъ можетъ научиться всему, что
относится къ древнѣйшимъ вещамъ; ибо ни-
кто столько не говорилъ и не писалъ, сколько
первые человекъ, хотя нынѣ несравненно бо-
лѣ Книгъ дѣлается, нежели прежде. Правда,
что многіе изъ Древнихъ и Новыхъ обезо-
бразили сіе писаніе и сей Языкъ, но человекъ
можетъ узнать шѣхъ, которыми сдѣланы
сіи пагубныя погрѣшности; а чрезъ то уви-
дишь явственно происхожденіе всѣхъ Языковъ
на земли, и какъ они удалились отъ перваго
Языка, и какую связь имѣли сіи удаленія съ
мракомъ и невѣжествомъ Народовъ, отъ чего
они низверглись въ бездну злополучій, на ко-
торыя они роптали вмѣсто того, чтобы при-
писать ихъ себѣ самимъ.

Узнаешь онъ также, что рука, которая
поражала такимъ образомъ сихъ Народовъ,
имѣла намѣреніе токмо наказашъ ихъ, а не
передать навсегда ошчаянію; ибо удовлетвори
своему правосудію, возвратила имъ первый
Языкъ ихъ, и еще распространенный больше
прежняго, дабы они не только поправили свои
неустройства, но чтобы и напредъ имѣли
средства предохранять себя отъ оныхъ.

Не изсыхающія рѣки слову, моему открылъ бы я, когдабъ позволено мнѣ было распространиться въ описаніи безчисленныхъ преимуществъ, содержащихся въ тѣхъ разныхъ средствахъ, кошорыя сей Языкъ употребляетъ для слуха и очей. Однако ежели вразумлено то, что онъ въ воздаяніе себѣ требуетъ совершеннаго пожертвованія воли человека, и что онъ внятенъ только тѣмъ, кошорые отступились отъ себя самихъ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовалъ на нихъ во всей своей силѣ Законъ. Причины дѣйствующія и разумныя, долженствующія управлять человекомъ, равно какъ и всю Вселенною; то легко усмотрѣшь, многимъ ли онъ извѣстенъ быть можетъ. При всемъ томъ сей Языкъ ни на минушу не престаеетъ дѣйствовать какъ словами, такъ и писаніемъ; но человекъ въ томъ только и упражняется, чтобы заграждать свой слухъ, и ищетъ писанія въ книгахъ: какъ же быть вразумительнымъ для него истинному Языку?

Таковая принадлежность, кошорой теперь начерталъ я изображеніе, конечно не можетъ имѣть равной себѣ никакой другой принадлежности. И потому не безъ важной причины объявилъ я ее единственной, истинною и не подверженною никакимъ измѣненіямъ, кошорымъ люди могутъ предаваться въ семъ дѣлѣ.

Но не довольно доказать необходимость такого Языка въ Существахъ разумныхъ
для

для выраженія способностей ихъ; не довольно также удостовѣрить о бытіи его шѣмъ, что всѣ истинные Законодатели и другіе славные люди въ немъ почерпнули свои Законы и пружины всѣхъ великихъ дѣлъ своихъ: надлежитъ еще показашъ въ самомъ человѣкѣ точное существованіе его, дабы не осталось ему ни малѣйшаго сомнѣнія; надлежитъ открытъ ему, что все множество Языковъ, употребляемыхъ подобными его, разнствуютъ другъ отъ друга чувственнымъ токмо выраженіемъ какъ въ словахъ, такъ и въ письмѣ; но что касается до Начала, то ни одинъ изъ нихъ не удался отъ него, что всѣ они идутъ одинакою дорогою, что отнюдь не возможно имъ взять иную: словомъ, что всѣ Народы земли имѣютъ одинакой Языкъ, хотя едва ли найдется два, которыебъ разумѣли другъ друга.

Не лзя спорить, что Языкъ, сколькобъ онъ несовершенъ ни былъ, управляется Грамматикою. Сія же Грамматика, будучи не иное что, какъ производство порядка, сроднаго нашимъ разумнымъ способностямъ, столь тѣсно сопряжена съ ихъ внутреннимъ Языкомъ, что можно почиташъ ихъ неразлучными.

Сія-то Грамматика есть неизмѣняемое правило дара глаголанія у всѣхъ Народовъ. Сему-то Закону всѣ они необходимо подвержены, даже когда и самое худое дѣлаютъ употребленіе разумныхъ своихъ способностей,

или своего Языка внутренняго и тайнаго; ибо какъ сія Грамматика служишь только къ тому, чтобы править выраженіемъ идей нашихъ, то не судишь она, сообразны ли онѣ единственному Началу, которое долженствуетъ ихъ оживлять; ея дѣло есть учинить сіе изреченіе правильнымъ, что всегда неминуемо и сбывается; понеже когда дѣйствуетъ Грамматика, всегда правдива бываешь, или не сказываешь ничего.

Я употреблю въ доводъ только то, что входитъ въ составленіе рѣчи, или что вообще извѣстно подъ именемъ *частей рѣчи*. Изъ сихъ частей рѣчи нѣкоторыя суть неподвижныя, коренныя и неосиивно нужныя къ полному изреченію мысли, и суть числомъ три; прочія же суть прибавочныя, и число ихъ не у всѣхъ вообще есть опредѣленное.

Три коренныя части рѣчи, безъ которыхъ никуда не возможно изразить мысль, суть: имя, или мѣстоименіе дѣйствительныя; глаголъ, который изображаетъ, какъ что существуетъ и дѣйствуетъ; наконецъ имя, или мѣстоименіе спрадасельное, которое есть подлежащее, или произведеніе дѣйствія. Пусть всякой человекъ изслѣдуетъ сіе положеніе съ какою угодно строгостію; увидишь, что не лъзя бытъ никакой рѣчи безъ того, чтобы не представляла она дѣйствія, что не лъзя вообразить себѣ дѣйствія, котороебъ не было управяемо дѣйствовавшимъ движущимъ оное и отъ

отъ котораго не воспослѣдовало бы содѣянiя, сбывшагося уже, или долженствующаго, или могущаго отъ того произойти; что ежели ошнiяшъ которую нибудь изъ сихъ шрехъ чашей, но не можемъ имѣшъ полного понiяшiя о мысли и почувствуемъ, что чего-то не достаеши къ порядку, котораго смысла нашъ потребуеши.

Въ самомъ дѣлѣ, имя, или единое существительное не сказываетъ ничего, когда не сопряжено съ дѣйствовашелемъ, движущимъ его, и съ глаголомъ, которой означаетъ, какимъ образомъ сей дѣйствовашель движетъ, или располагаетъ сіе имя. Ошнiи которой нибудь изъ сихъ шрехъ знаковъ; рѣчь будешъ представляшъ идею недостаточную, и въ которой разумъ нашъ будешъ ожидать дополненiя; напротивъ сими шремя только знаками можемъ дополнишъ мысль; ибо можемъ ими предшавишъ дѣйствовашеля, дѣйствiе и содѣянiе, или подлежащее.

И такъ неоспоримо то, что сей Законъ Грамматикки есть неизмѣняемый, и что въ какомъ языкѣ ни возми примѣръ, найдешъ его сообразнымъ утвержденному мною начальному правилу; понеже оно есть правило самой Наушры и Законовъ, существенно уставленныхъ въ разумныхъ способностяхъ человека.

Теперь обрати мысль свою на сказанное мною о вѣсѣ, числѣ и мѣрѣ; размотри, не

объемлютъ ли сіи Законы во владычества своемъ человека со всемъ, что въ немъ и отъ него происходятъ; вспомни еще и то, что я сказалъ о славномъ *тройномъ числѣ*, которое объявлялъ я всеобщимъ; изсѣдуй, есть ли вещь, которой бы оно не обнимало: и тогда научись имѣть благороднѣйшую идею, нежели какую до нынѣ имѣюшъ о томъ Существѣ, которое, не изирая на свое униженное состояніе, можетъ шель высоко возводить взоръ свой, которое можетъ такіа познанія привлекать къ себѣ и понимать вдругъ шель вселенное Цѣлое.

Однако могутъ мнѣ возразить, что есть случаи, въ которыхъ признанныя мною три части яко начальные не всѣ изрѣжены: что двѣ шелько, иногда одна, а иногда и ни которой нѣтъ, какъ то въ отрицаніи, или подтвержденіи. Но сіе возраженіе само собою падетъ, ежели примѣшешь, что во всѣхъ сихъ случаяхъ число трехъ частей начальныхъ остается всегда въ своей силѣ и Законъ его всегда сшощъ непреломенъ; пошому что не выраженные части рѣчи подразумѣваются, пребывающъ въ своемъ чинѣ, и другія части не могутъ произвести своего дѣла, какъ по силѣ умолчаннаго союза своего съ оними.

Да и въ самомъ дѣлѣ, когда я ошѣчаю на вопросъ односложнымъ словомъ, сіе односложное представляетъ изображение Начала шройшвеннаго; ибо имъ указуется съ моею
што.

сторонѣ на какое нибудь дѣйствіе, относящееся къ предлагаемой вещи; а въ вопросѣ самомъ выражены части рѣчи, подразумѣваемыя въ моемъ отвѣтѣ. На сіе не скажу я примѣра; его всякъ легко себѣ сдѣлать можеть.

И такъ вездѣ я вижу съ явственнымъ удоспѣвреніемъ при знака дѣйствоващела, дѣйствія и произведенія; и какъ сей порядокъ есть общій всемъ Существамъ мыслящимъ, то смѣло могу сказать, что ежели они и захотятъ, то не возмогутъ удалиться отъ него.

Не говорю я о порядкѣ, въ какомъ бы должно стоять самъ шрѣмъ знакамъ въ сходственность порядку способностей, которыми изображаются: сей порядокъ безъ сомнѣнія превращенъ сталъ, когда побывалъ въ рукахъ человѣческихъ, и всѣ почти Языки Народовъ въ семъ разнствуютъ. Но послѣднее истинный Языкъ есть единственъ, то и расположеніе сихъ знаковъ не было бы подвержено такимъ разногласіямъ, когда бы человѣкъ умѣлъ сохранить оныя.

Однако не надобно думать, что и въ самомъ истинномъ Языкѣ сіи знаки всегда расположены были въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они суть въ нашихъ умныхъ способностяхъ; ибо сіи знаки суть шокмо чувственное изображеніе оныхъ; а я показалъ уже, что чувственное никогда не можеть имѣть одина-

каго шеченія еѣ умнымъ, шо есть, что произведенію никогда не могушъ бытъ совмѣстныхъ жѣ же Законы, какіе Началу его родителю.

Но превосходилъ бы сей языкъ всѣ прочіе шѣмъ, что его чувственное выраженіе никогда бы не измѣнялось и сообразовалось бы безъ малѣйшей переменны порядку и Законамъ, которые собственно и въ особливости принадлежатъ сущности его. Сверхъ же сего Языкъ сей имѣлъ бы шо преимущественно, какъ уже мы видѣли, что не былъ бы подверженъ никакому обоюдному знаменованію, а всегда бы оно было одинаково; понеже оно связано съ природою вещей, а природа вещей неизмѣнима.

Одинъ изъ трехъ начальныхъ знаковъ, необходимо нужныхъ во всякомъ выраженіи мыслей нашихъ, заслуживаетъ наше вниманіе предпочтительно предъ прочими, о которомъ теперь вѣчно скажемъ: сей есть знакъ, связывающій два прочіе, и копорый въ нашихъ способностяхъ умныхъ есть образъ дѣйствія, а въ началахъ шѣлесныхъ образъ Меркурія; словомъ, сей есть шомъ знакъ, копорый у Грамматииковъ называется *Глаголомъ*.

И такъ не должно забывать, что когда онъ есть изображеніе дѣйствія, шо на немъ утверждается всякое чувственное твореніе; и поелику свойство дѣйствія есть все дѣлать, шо свойство знака его, или образа, есть представлять и означать все шо, что дѣлается.

Разъ

Размысли же теперь о свойствахъ сего знака въ сложеніи рѣчи; примѣшь, что чѣмъ онѣ сильнѣе и выразишельнѣе, тѣмъ чувствительнѣе и явственнѣе бывающъ содѣйствія, произходящія отъ него; послѣдуй сему опыту, коимъ легко сдѣлашь; увидишь, что во всѣхъ вещахъ, власти и условіямъ человѣческимъ подверженныхъ, содѣяніе ихъ учреждаемо, опредѣляемо и одушевляемо бываетъ иначе чрезъ Глаголѣ. Наконецъ пусть разсмотримъ Примѣчатели, не чрезъ сей ли знакъ, называемый *Глаголомъ*, являемо бываетъ въ насъ все, что ни есть умственнѣйшее и дѣйствительнѣйшее; не онѣ ли одиѣ способны подкрѣпить, или ослабить выраженіе; а имена дѣйствоващія и подлежащаго, единжды опредѣленныя, остающіяся всегда шѣ же: и пусть попомъ судятъ, справедливо ли мы приписываемъ ему дѣйствіе; понеже въ самой вещи онѣ есть хранище его, и помощь его неосомѣнно нужна къ содѣянію чего бы то ни было, или къ выраженію даже и безмолвному.

Здѣсь кстати замѣтить, отъ чего праздныя Примѣчатели и умозрители Каббалисты ничего не находятъ? Отъ того, что они всегда говорятъ, и никогда не ГЛАГОЛЮТЪ.

Не стану болѣе распространяться о свойствахъ *Глагола*; разумные глаза могутъ и въ томъ, что я сказалъ, сдѣлашь весьма важныя открытія, и увидишь себя, что въ
каж-

каждую минушу жизни своей человекъ представляеть чувствительный образъ тѣхъ средствъ, чрезъ которые все воспріяло свое начало, дѣйствуетъ и управляетъся.

И такъ вошъ еще Законъ, которому всѣ Существа, имѣющія даръ Глагола, обязаны по-каяться; и вошъ для чего сказалъ я, что всѣ Народы земные имѣють одинъ Языкъ, хотя всѣ они изъясняются различнымъ образомъ.

Не говорилъ я о прочихъ частяхъ, входящихъ въ составленіе рѣчи; я назвалъ ихъ просто прибавочными, которыя въ выраженіи служатъ вспоможеніемъ, дополняютъ недостатокъ словъ и объясняютъ нѣкоторыя отношенія дѣйствія; или онѣ суть образы и повторыя прехъ, которыя признаны нами за существенно нужныя къ совершенному начертанію какой нибудь мысли.

Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что Члены, равно какъ и окончанія именъ въ тѣхъ Языкахъ, въ которыхъ нѣтъ Членовъ, служатъ къ означенію числа и рода именъ и къ опредѣленію существенныхъ отношеній между дѣйствозавателемъ, дѣйствіемъ и подлежащимъ; что прилагательныя изображаютъ качества существительныхъ именъ; что Нарѣчія суть прилагательныя Глагола, или дѣйствія; и что наконецъ и прочія части рѣчи составляютъ связь разговора и дѣлають смыслъ его болѣе, или менѣе

меньше выразительнымъ, или періоды болѣе полными и стройными; но какъ сія разные знаки не одинакимъ образомъ употребляются во всѣхъ Языкахъ, но употребленіе ихъ много зависитъ отъ нравовъ и обычаевъ Народовъ, которые, послѣдуютъ ея переменамъ; то нельзя ихъ допустить въ число частей рѣчи недвижимыхъ и непреложныхъ; и такъ не приведемъ ихъ въ число доводовъ о единствѣ языка человеческого.

Однако желаю, чтобы Грамматики разбирали свою Науку съ большимъ вниманіемъ, нежели какъ оную разбирали до нынѣ. Они признаются, что Языки промаходятъ изъ такого источника, которой выше человѣка, и что всѣ Законы оныхъ написаны самою Натурою; но сіе темное чувствованіе не великій успѣхъ въ нихъ произвело, и они ни мало и не подозреваютъ того, что можно бы въ Языкахъ найти.

Желаетъ ли кто знать причину сего; она есть слѣдующая: они дѣлаютъ съ Грамматикою то же, что Примѣчатели дѣлаютъ со всѣми Науками, то есть, мимоходомъ взглядываютъ на Начало, и не имѣя столько мужества, чтобы разсматривать его долѣе, углубляются въ подробности порядка чувственнаго и механическаго, которой объемлетъ всѣ ихъ способности и потемняетъ въ нихъ существеннѣйшую способность разумѣнія.

И

И такъ да увѣрялся Грамматисты, что поелику Законы Науки ихъ придерживаются Начала, какъ и всѣ прочія, то могутъ въ оныхъ отккрыть неизчерпаемый источникъ познаній и Истиннѣ, о которыхъ едва ли имѣютъ малѣйшую идею.

Предложенное здѣсь малое число оныхъ Истиннѣ должно казаться имъ довольнымъ къ приведенію ихъ на путь: ежели и въ сихъ увидѣли они явственно изобразительные знаки способностей Существъ умныхъ, тоже могутъ въ нихъ увидѣть и въ отношеніи къ шѣмъ Существамъ, которыхъ не суть умныя. Въ нихъ могутъ почерпнуть чистое понятіе о Началахъ поставленныхъ надъ Веществомъ, ежели просто разсмотримъ разность существишельнаго съ прилагательнымъ: первое есть Существо, или Начало врожденное, а прилагательное изображаетъ всякаго роду способности, какія можно приписать сему Началу: но надлежитъ паче всего примѣчать, что прилагательное не можетъ само собою присоединиться къ существишельному, равно какъ существишельное одно безсильно произвести прилагательное; и то и другое ожидаетъ вышшаго дѣйствія, которое бы свело ихъ вмѣстѣ и связало по изволенію своему; и такъ силою сего токмо дѣйствія могутъ они вступитъ въ соединеніе и обнаружить свойства.

Примѣтимъ и то, что спавитъ къ таши прилагательныя есть дѣло мысли и разумъ.

умѣнія; мысли дѣло есть усматривать ихъ, или творить, и какъ бы сообщать вещамъ, которыя хочешь ими одѣть; и такъ да признаемъ разливающеся повсюду свойство сего дѣйствія всеобщаго, которое мы выше сего замѣтили; ибо конечно мы вездѣ его находимъ.

Сверхъ того сіежъ самое дѣйствіе, сообщивъ способности, или прилагательныя Началамъ врожденнымъ, или существишельнымъ, можешь по изволенію разширять, умахать, и даже совсѣмъ брать ихъ къ себѣ обратно, и чрезъ то привести Существо въ прежнее его недѣйственное состояніе: се образъ довольно ощушительный производимаго имъ надъ Нашурою на самомъ дѣлѣ.

Но въ семъ же разрѣшеніи Грамматисты могутъ видѣть, не опасаясь обмануться, что прилагательное, которое есть токмо качество Существа, не можешь стоять безъ Начала, безъ подлежащаго, или безъ существишельнаго; напрошивъ существишельное, очень можешь быть значительно въ рѣчи безъ своихъ качествъ, или прилагательныхъ; изъ чего могутъ усмотрѣть отношеніе къ предложенному выше о бытіи Существъ невещественныхъ, не зависимомъ отъ чувственныхъ способностей ихъ; изъ сего также могутъ понять и то, что сказано о вѣчности Началъ Вещества, хотя самое Вещество не можешь быть вѣчное; понеже оно, будучи
шо-

шюмо содѣйствіе соединенія, есть не болѣе, какъ прилагательное.

Потомъ изъ сего же могутъ уразумѣть, какъ могъ человѣкъ лишитьсѣ прежнихъ своихъ принадлежностей: понеже оныя дарованы ему отъ вышшя руки; но ежели при томъ увидятъ воистинну свой недостатокъ; признаются, что къ возвращенію сихъ преимуществъ необходимо нужна помощь той же руки, которая ошнѣла ихъ и которая для обратнаго ошданія оныхъ ничего болѣе не требуетъ отъ человѣка, что уже я и прежде сказалъ, какъ шюмо пожертвованія собственной воли.

Могутъ они еще найти въ шести Падѣжахъ шесть главныхъ образованій Вещества, равно какъ и описаніе дѣяній рожденія его и всѣхъ перемѣнъ, которыми оно подвержено. Роды будущъ имъ изображеніемъ Началь прошивуположныхъ и непримиримыхъ; словомъ, они могутъ учинить множество шаковыхъ примѣчаній, которыя, не бывъ плодъ воображенія, или Системъ, удостовѣрятъ ихъ въ томъ, что есть всеобщее Начало и что во всемъ предводительствуетъ та же и одна рука.

Но доказавъ сей языкъ единственный, всеобщій, являемый человѣку даже и въ самомъ состояніи его лишенія, долженъ я ожидать, что Читатели мои полюбобышствуютъ знать, какъ называется и какого рода есть сей Языкъ.

ВЪ

Въ разсужденіи имени не могу я удовольствовашъ ихъ, пошому что общался не именовашъ ничего; но что касается до роду его, признаюсь, что это есть шомъ Языкѣ, о которомъ я уже сказаъ, что всякое слово его носитъ на себѣ истинное значеніе вещей, и шакъ вѣрно означаешъ ихъ, что даешъ явственно ихъ видѣшъ. Еще скажу, что это шомъ Языкѣ, которой есть цѣль желаній всѣхъ Народовъ земли, которой шайно руководствуешъ людямъ во всѣхъ ихъ установленіяхъ, въ которомъ каждой изъ нихъ особливо и шщательно упражняешся, не зная шого самъ, и который стараются они изобразить во всѣхъ своихъ дѣлахъ; ибо онъ столь глубоко въ нихъ начертанъ, что не могутъ произвести никакого дѣла, на которомъ бы не было знаковъ его.

И шакъ не могу лучше указать его подобнымъ мнѣ, какъ удостовѣришельно сказаъ мнѣ, что онъ принадлежитъ самой сущности ихъ, и что единственно по сему шо Языку они суть шеловѣки. Не ямѣлъ ли же я причины назваъ его всеобщимъ, и можно ли мнѣ забыъ его шовсе, какоебъ впрочемъ ни дѣлали изъ него злоупотребленіе? Ибо чтобъ забыъ его, надобно, чтобъ они могли даъ себѣ иную природу: шомъ все шо, что могу ошвѣтствовашъ на настоящій вопросъ. Поступимъ далѣе.

Я сказаъ, что сей Языкѣ, подобно какъ всѣ прочіе, двумя способами обнаруживаешъ

Э

бы-

бываетъ , то есть выраженіемъ словеснымъ и писаніемъ ; и какъ я теперь только сказалъ , что всѣ творенія человѣковъ имѣютъ на себѣ впечатлѣніе его , то надлежитъ нѣкоторыя изъ оныхъ разсмотрѣть , дабы лучше увидѣть ихъ отношеніе къ источнику , сколько они впрочемъ ни ложны.

Разсмотримъ сперва тѣ изъ ихъ твореній , которыя , яко образъ словеснаго выраженія упомянутого Языка , должны представлять намъ о немъ идею самую точную и высочайшую ; потомъ станемъ разсматривать тѣ , которыя имѣютъ отношеніе къ характеристамъ , или писменамъ сего Языка.

Въ первомъ родѣ сихъ твореній содержится вообще все , что почитается у людей плодомъ остроумія , воображенія , разсужденія и разумѣнія , или что вообще принадлежитъ ко всѣмъ возможнымъ родамъ Литтературы и изящныхъ Наукъ.

Въ семъ родѣ произведеній человѣческихъ , которыя кажутся составляють особое отдѣленіе , мы видимъ одинакое намѣреніе ; всѣ они одушевлены одинакимъ побужденіемъ , то есть живо писать , доказать вещь и увѣрить въ ея существенности , или по крайней мѣрѣ дать ей наружные виды оной.

Когда почиташели того , или другаго рода сихъ произведеній попускаютъ вселиться въ

въ себя ревности, и когда стараются утвердить свою славу, приводя въ презрѣніе прочія упомянутыхъ наукъ ошрасли, въ которыхъ они не упражнялись; то чрезъ сіе дѣлаютъ очевидную обиду наукъ, и не лзя сомнѣваться, чтобъ между плодами умныхъ способностей человека непревосходнѣе были тѣ, которыя, не опирая ничего у прочихъ, подкрѣпляются однако помощію ихъ и чрезъ то показываютъ вкусъ, болѣе основательный, и красоты, меньше подверженныя разномысленнымъ толкованіямъ.

Такъ мыслятъ всѣ благоразсудныя люди и имѣющіе вѣрный и истинный вкусъ; они знаютъ, что произведенія ихъ при всеобщемъ только и тѣсномъ союзѣ могутъ пріобрѣсти большую силу и твердость, и сіе давнишнее было мнѣніе, что всѣ части Науки связаны и взаимно другъ другу вспомошествоуютъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ сіе чувствованіе столь сродно человеку, что вездѣ онъ его носитъ съ собою, когда даже шествуетъ и по тому пути, о которомъ сіе Начало не благоволило. Еслили бы Ораторъ захотѣлъ осуждать Науки, то надлежало бы ему показать себя ученымъ; еслилибъ Художникъ захотѣлъ охудать краснорѣчіе, то не сталъ бы никто слушать его, когдабъ не употребилъ онъ къ сему краснорѣчія.

Однакожь сіе полезное примѣчаніе хотя и правильно, но пошому, что безъ вниманія сдѣлано, не произвело почти никакого плода; и люди привыкли какъ въ эшомъ, такъ и въ прочемъ дѣлашь совершенныя раздѣленія и почиташъ всѣ сіи разныя части чуждыми другъ другу.

Мы не говоримъ, что въ сихъ швореніяхъ способностей умныхъ челоѡка не должно различашъ разныхъ родовъ, и что всѣ они представляють одно подлежащее. Напротивъ, понеже сіи способности разнствуютъ между собою, и мы можемъ примѣшшь въ нихъ явшвенныя различія, шо весьма естественна думашъ, что и плоды ихъ должны показывать сіе разнствіе и что не могутъ они походить другъ на друга; но какъ пришомъ сіи способности по естеству своему состоятъ во взаимной связи, и какъ не возможно ни одной изъ нихъ дѣйствовать безъ помощи другихъ, шо изъ сего видимъ, что необходимо надлежитъ бытъ такому же союзу и между разными ихъ произведеніями, дабы видно было, что всѣ они того же происхожденія.

Но я излишно говорю о такой вещи, которая только стороною касается до моего плана: обращаюсь къ начашому мною изслѣдованію отношеній, находящихся между Языкомъ единшвеннымъ и всеобщимъ и между разными умными произведеніями челоѡка.

Сіи

Сія произведенія, каковогобъ роду они ни были, мы можемъ раздѣлять на два отдѣленія, подѣ кошорыми всѣ прочія будутъ состоять; потому что во всемъ, что существуешь, есть или умное, или чувственное, и все, что человекъ можетъ произвести, имѣешь цѣлю которую нибудь изъ сихъ двухъ частей. Въ самомъ дѣлѣ, все, что люди ежедневно выдумываютъ и производятъ въ семь родѣ, состоятъ въ томъ, чтобъ научить или проинуть, разсуждать или возбуждать чувствительность; не возможно имъ ничего сказать, или обнаружить, что не имѣло бы цѣлю котораго нибудь изъ сихъ двухъ пунктовъ; и какъ ни раздѣляй умствениныя произведенія людей, всегда видно, что ихъ намѣреніе есть или просвѣтитъ и привести къ познанію нѣкоторыхъ Истинъ, или покорить умственикаго человека помощію чувственности и привести въ такое состояніе, въ которомъ, не умѣя болѣе владѣть самимъ собою, долженъ быть во власпи слышимаго имъ гласа, и слѣдовать слѣпо доброй, или злой влскущей его прелести.

Къ первому отдѣленію отнесемъ всѣ шворенія разсудка, или вообще все то, что долженствуешь производиться чрезъ Аксіомы и все, что на опытахъ основывается.

Ко второму отдѣленію отнесемъ все то, что имѣешь цѣлю сдѣлать впечатлѣнія въ сердцахъ человеческомъ, каковогобъ роду они ни были,

были, и провуть его, какимъ бы то образомъ ни было.

Въ томъ, или въ другомъ отдѣленіи какое намѣреніе Сочинителей? Не то ли, чтобы показать подлежащее свое въ толѣдномъ и примамчивомъ видѣ, чтобы шомъ, кто разсмащиваетъ его, не могъ оспоривать, что оно истинно, ниже воспротивиться силѣ и прелести средствъ, употребляемыхъ къ привлеченію его? Какія пособія употребляютъ они въ семъ случаѣ? Не старающа ли всѣчески сами вызнать свойство подлежащаго? Не старающа ли дойти до самаго источника его и проникнуть даже въ сущность его? Словомъ, не къ тому ли они всѣ силы свои напрягаютъ, чтобы израженіе ихъ такъ хорошо согласовало съ мыслями ихъ, и чтобы такъ естественно и такъ истинно изображено было, чтобы неминуемо подѣйствовало оно надъ подобными ихъ, такъ какъ бы самая вещь была предъ ихъ глазами?

Не чувствуемъ ли надъ собою сего дѣйствія, которое больше, или меньше сильно, по мѣрѣ того, какъ близко подошелъ Сочинитель къ своей цѣли? И сіе дѣйствіе не всеобщее ли, и нѣтъ ли такого роду красотъ, которыя во всемъ свѣшъ почитаются таковыми?

Сіе есть для насъ образъ способностей еего истиннаго Языка, о которомъ говоримъ;

и

и мы находимъ въ самыхъ дѣлахъ людей и въ ихъ усиліяхъ слѣды того, что мы сказали о правдивости и силѣ выраженія его, равно какъ и о всеобщности его.

Неравность впечатлѣній, происходящая отъ разности нарѣчій и языковъ, согласіемъ учрежденныхъ между многими Народами, не должна насъ ошанавливать. Какъ сія разность есть недоспашокъ случайный, а не природный, и какъ человѣку можно исправить его, приучивъ себя къ чужимъ нарѣчіямъ, то не можешь она противна быть началу, и я безобязательно сказываю, что всѣ языки на земли суть доводы, ушверждающіе оное.

Хотя на два ошдѣленія расположилъ я словесныя произведенія умышъ способностей человѣка, не забываю однако, что они имѣють многія вѣтви и раздѣленія какъ по числу разныхъ вещей, подлежащихъ нашему разсужденію, такъ и по множеству оштѣнковъ, которые могутъ быть въ нашихъ чувствованіяхъ.

Не вступая въ исчисленіе ихъ, ниже въ разсматриваніе каждой порознь, мы можемъ взять въ разсужденіе главную шокмо вѣшь каждого ошдѣленія и которая есть первая по ряду, какъ на примѣрѣ, въ вещахъ подлежащихъ разсужденію Математику; а Поезію въ шѣхъ, которыя относятся къ чувственной способности человѣка. Но какъ выше сего раз-

суждено было о Математикѣ, то я отсылаю пуда читателя, дабы онѣ удостоверялся накі въ существенности и всеобщности начальныхъ положеній, мною предлагаемыхъ.

И такъ обращаюсь теперь къ Поэзіи, яко къ превосходнѣйшему произведенію способностей человека, которое болѣе всѣхъ приближаетъ его къ Началу и которое, приводя въ восторгъ, наилучшимъ образомъ доказываетъ ему достоинство происхожденія его. Но сколько сей священный Языкъ благороденъ бываетъ, когда обращается къ настоящей своей цѣли, столько уменьшается достоинство его, когда низоидишь онѣ къ вещамъ поддѣльнымъ, или презрительнымъ, къ которымъ не можешь коснуться, не оскверня себя какъ бы нѣкимъ неопребствомъ.

Да и самые шѣ, которые посвятили себя Поэзіи, всегда показывали ее намъ, яко языкъ Героевъ и Существъ благошворительныхъ, которыхъ они изображали намъ хранителями спокойствія и безопасности людей. Они столько почувствовали благородство ея, что не устрашились даже приписать ее тому, кого почитаютъ они Создателемъ всего; ее же предпочтительно избрали для объявленія провъщаній его, или для возношенія къ нему своей молебны.

Какъ бы то ни было, я долженъ сказать, что сей Языкъ не зависишь отъ шѣхъ общепупо-

употребительныхъ правилъ, въ которыхъ у разныхъ Народовъ условились люди заключающъ свои мысли. Кому не извѣстно, что сіе есть слѣдствіе ослабленія ихъ, что они вздумали симъ средствомъ умножить красоты, а вмѣсто того ошяготили себя трудомъ, и что сіе чрезмѣрное наблюденіе правилъ, которымъ пеработываютъ насъ въ намѣреніи пронуть шѣлесную нашу чувствительность, шѣмъ паче умалаетъ истинную нашу чувствительность.

Но сей разговоръ есть израженіе и гласъ сихъ превосходныхъ людей, которые, пытаясь не-престаннымъ присутствіемъ Истины, живописуютъ ее съ шѣмъ же огнемъ, какой служилъ и ей пищею, огнемъ саможивотнымъ, которой есть врагъ хладной единообразности; пошому что онъ самъ себя повелитель во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ, шворитъ самъ себя беспрестанно, и слѣдовательно есть всегда новъ.

Въ сей-то Поэзіи можемъ видѣть совершенное изображеніе сего Языка всеобщаго, которой мы щимся показать; пошому что когда она истинно достигаетъ цѣли своей, то ничто не можетъ стоять противу ее; понеже она, какъ и Начало ея, имѣетъ огонь пожирающій, которой сопутствуетъ ей повсюду, которой долженъ все умягчать, все разтоплять, все возжигать; и для сего первый есть законъ Пійтъ не пѣть тогда, когда не чувствуешь жару сего.

Не надобно думатьъ, чтобы сей огонь производилъ вездѣ одинакія содѣйствія. Какъ всѣ роды подлежатъ ему, то онъ принаравливается къ различнымъ ихъ свойствамъ, но никогда не долженъ являться, не исполнивъ своего дѣла, которое есть увлечь все за собою.

Разсмотри же теперь, могла ли такая Поэзія произойти изъ источника суетнаго, или зараженнаго; мысль, которая ее рождаетъ, не должна ли быть въ высочайшей степени возвыщенія, и не справедливо ли можно сказать, что первый изъ человѣковъ долженъ быть первый изъ Цѣлителей?

Разсмотри также, можетъ ли человѣческая Поэзія быть симъ истиннымъ и единственнымъ Языкомъ, которой, какъ извѣстно, принадлежитъ нашему роду? Конечно она есть только слабое подражаніе ему; но какъ между плодами трудовъ человѣка она есть ближайшая къ его Началу, то я избралъ ее съ тѣмъ, чтобы дать объ ономъ приличнѣйшее понятіе.

Да и можно сказать, что мѣры условныя, употребляемыя людьми въ выдуманной ими Поэзіи, сколь ни несовершенными кажутся, тѣмъ не менѣе должны представлять намъ доказательство точности и правильности истиннаго Языка, котораго вѣсь, число и мѣра неизмѣняемы.

Рав-

Равнымъ образомъ могли бы мы узнать то, что какъ сія Поэзія простирается на всякія вещи, то тѣмъ паче Языкъ истинный, котораго она есть образъ, долженъ быть всеобщимъ и удобнымъ объятъ все, что существуетъ. Наконецъ чрезъ подробное разсмотрѣніе свойствъ сего высокаго глаголанія могли бы мы приблизиться къ подлиннику его и читать даже въ его источникѣ.

Чрезъ что купно увидѣлибъ, отъ чего Поэзія имѣла великую силу надъ людьми всѣхъ временъ, отъ чего дѣлала она такіа дивныя дѣла и отъ чего всѣ Народы земли съ великимъ удивленіемъ взираютъ на тѣхъ, которые показали въ ней отличные успѣхи: сіе же купно распространило бы наше понятіе и о Началѣ, родившемъ ее.

Также увидѣлибъ мы, что люди часто дѣлаютъ изъ нее такое употребленіе, которое унижаетъ и безобразитъ ее такъ, что не лзя ее узнать; а сіе доказываетъ, что она у нихъ не всегда есть плодъ сего Языка истиннаго, о которомъ говоримъ; что употребляютъ ее къ похвалѣ людей есть идолопоклонство, и что не иная цѣль ея долженствуетъ быть, какъ показывать людямъ то жилище, изъ котораго она низшла съ ними, дабы тѣмъ возбуждать въ нихъ добродѣтельное ревнованіе слѣдовать по стопамъ ея и шуда возвращаться.

Но

Но довольно, что я указалъ путь, чтобы имѣющимъ нѣкоторое желаніе можно было далѣе шествовать въ семъ поприщѣ. Прейдемъ ко второму способу, которымъ, какъ мы видѣли, истинный Языкъ обнаруживается, то есть къ характерамъ писанія.

Безбоязненно могу увѣрить, что сіи характеры столь же многообразны и многочисленны, какъ и все, что содержится въ Нашурѣ, что нѣтъ ни одного Существа, которое бы не могло имѣть мѣста между ними и служить вмѣсто знака, и что каждое находитъ между ними свой образъ и начертаніе истинное; и для того столь велико число сихъ характеровъ, что не возможно человѣку сохранить всѣхъ ихъ въ своей памяти не токмо ради неисчислимаго ихъ множества, но и ради разности ихъ и нескладности.

Если и положимъ, что человѣкъ удержалъ бы въ памяти всѣ шѣ, которые дошли до его свѣдѣнія, то неможно ему льститься, чтобы не оставалось ихъ еще на изученіе ему; ибо Нашура каждый день производитъ новые предметы; чѣмъ и доказывается намъ безконечность вещей и купно ограниченность и недостатокъ, въ какомъ находишься родъ нашъ, который никогда не можетъ дойти до того, чтобы объять ихъ всѣхъ; понеже на земли сей не можетъ онъ даже и до того достигнуть, чтобы знать всѣ буквы Азбуки своей.

Много-

Многоразличность сихъ предметовъ, содержащихся въ Нашурѣ, простирается не токмо на ихъ образъ, какъ всякой легко сіе усмотритъ, но и на цвѣтъ ихъ и на мѣсто, которое они занимаютъ въ порядкѣ вещей; и отъ того писаніе истиннаго Языка столь же многообразно, сколь многіе ошѣнки можно примѣшавъ на вещественныхъ шѣлакъ, ибо каждая така ошѣнка имѣетъ разныя знаменованія.

Наконецъ характеры, употребляемые въ немъ, столь же многочисленны, какъ и точки горизонша; и какъ каждая почка занимаетъ мѣсто, которое ей одной и принадлежитъ, такъ и каждая буква истиннаго Языка имѣетъ свой собственный смыслъ и свое толкованіе.

Но умолкну; о святая Истинна! я буду похищитель твоихъ правъ, ежели и темнымъ образомъ возвѣщу тайны твои; тебѣ единой принадлежитъ открывать ихъ, кому и какъ тебѣ угодно. Я же долженъ въ молчаніи почитать ихъ и всемъ сердцемъ желать, дабы подобные мнѣ отверзли очи свои свѣту твоему, и ошложивъ прельщающія ихъ мечтанія, учинились бы столь мудрыми и столь щастливыми, чтобы повергнуться къ стопамъ твоимъ.

И такъ, имѣя всегда руководителемъ моимъ благоразуміе, скажу далѣе, что сіе то бесчисленное множество характеровъ истиннаго Языка, и необъятная ихъ разность авла
хъ

въ человѣческіе языки столь великое различіе, что не многіе изъ нихъ употребляютъ одинакіе знаки и что и тѣ, которые въ семъ согласны, разнствуютъ однако въ количествѣ оныхъ, то принимая нѣкоторые знаки, то отбрасывая, каждый по своему нарѣчію и по особенному своему свойству.

Но какъ характеры истиннаго Языка столь же многоразличны, какъ и Существа, содержащіяся въ Нашурѣ, такъ и то неоспорно, что каждый характеръ происходитъ изъ сего же Нашуры и въ ней почерпаетъ всё, что нужно ко взаимному различію, ибо въ ней нѣтъ ничего чувственнаго. Чего ради при всей разности характеровъ, употребительныхъ въ языкахъ человѣческихъ, не могутъ они никогда выйти изъ сихъ предѣловъ, и что всегда въ линіяхъ и фигурахъ должны они брать всё свои условные знаки; чѣмъ явственно доказывається, что люди не могутъ ничего изобрѣтать.

Во всѣхъ сихъ вещахъ удостовѣримся, ежели сдѣлаемъ нѣкоторыя примѣчанія о художествѣ Живописи, которую можно почитать рожденною отъ характеровъ упоминаемаго нами Языка, такъ какъ Поэзія человѣческая родилась отъ его словеснаго выраженія.

Когда то несомнѣнно, что сей Языкъ есть единственный и столь же древнѣй, какъ и Время, то не лзя сомнѣваться и въ томъ, что онъ

Чтобы и употребляемые въ немъ характеры не были первоначальными образцами. Люди, обучавшіеся ему, часто имѣли нужду помогать своей памяти знаками и списками. Въ сихъ спискахъ надлежало быть величайшей точности; ибо въ такомъ множествѣ характеровъ, которые иногда разносывали между собою весьма легкими ошмѣнами, всеконечно малѣйшая перемѣна могла бы представить ихъ превратно и перемѣшать.

Не лѣзя не почувствовать, что естѣли бы люди были благоразумны, то ни къ чему бы иному не употребили Живописи, кромѣ сего дѣла, и сіе ради вѣщающей пользы сего художества; и щастливы бы они были, когда бы только держались подражанія и списка сихъ первыхъ характеровъ; ибо когда они такъ разборчивы въ образцахъ, то гдѣ могутъ найти истиннѣе и правильнѣе тѣхъ, которые изображаютъ самую Натуру вещей? Когда они съ такою тонкостію смотрятъ на качество и расположеніе красокъ, то гдѣ лучше сіе увидѣть могутъ, какъ въ тѣхъ образахъ, которые каждый свою собственную имѣетъ краску? Наконецъ когда они желаютъ картинъ долговѣчныхъ, то можно ли лучше успѣть въ семъ дѣлѣ, какъ если списывать ихъ съ такихъ вещей, которые всегда новы и которыхъ каждую минушу можно сравнивать съ ихъ произведеніями?

Но тоже неразуміе, которое отдалило человека отъ его Начала, удалило его и отъ
сред-

средствѣ, дарованныхъ ему для возвращенія къ оному; онѣ потерялъ довѣренность къ симъ истиннымъ и свѣшодательнымъ пушеводцамъ, которые, споспѣшествуя чистому его намѣренію, привели бы его всеконечно къ цѣли его. Онѣ сталъ брать свои образцы не съ вещей полезныхъ и спасительныхъ, отъ которыхъ могъ бы онѣ получать непрестанное вспоможеніе, но съ образовъ преходящихъ и обманчивыхъ, которые, представляя ему чершы невѣрныя и краски перемѣнчивыя, принуждающъ его перемѣнять ежедневно свои собственныя правила и презирающъ свои шворенія.

Что и сбывается съ нимъ ежедневно, когда онѣ списываетъ четвероногихъ, пресмыкающихся и другихъ живошныхъ и всѣ прочія окружающія его Существа; пошому что сіе упражненіе, хотя само по себѣ невинно и пріятно, пріучаетъ однако человѣка смѣшрѣть на то, что чуждо ему, и истреляетъ не только изъ виду его, но и изъ мысли то, что ему свойственно, то есть, что вещи, которыя человѣкъ нынѣ шрудится изобразить, суть шокмо наружности шѣхъ, въ которыхъ бы онѣ долженъ былъ ежедневно поучаться; и какъ по всѣмъ вышеупомянутымъ началамъ списокъ ихъ долженъ быть хуже подлинниковъ; слѣдственно упошребляемая нынѣ Живопись есть не иное что, какъ наружный видъ наружнагошъ вида.

Однако чрезъ самую сію грубую Живопись можемъ удословѣриться совершенно въ сей не-

незастыжимой истинѣ, объявленной выше всего, то есть, что люди не изобрѣтаютъ ничего. Не съ тѣлесныхъ ли существъ всегда сочиняютъ они свои картины? Да и могутъ ли съ чего иного брать оныя? потому что живопись есть наука для глазъ, то и не можетъ она заниматься, какъ токмо чувственнымъ, и находишься, какъ токмо въ чувственномъ же.

Скажетъ кто, что живописецъ не только можетъ обойтись безъ чувственныхъ вещей, но еще возвысясь надъ ними, можетъ брать себѣ образцы въ воображеніи своемъ? Сіе возраженіе легко опровергнушь; ибо дадимъ всю волю воображенію, позволимъ ему заблуждаться какъ хочешь; спрашиваю, можетъ ли оно родить что нибудь, которое бы не въ Natuurѣ было, и можно ли когда сказать, чтобъ воображеніе сотворило что нибудь? Конечно, имѣетъ оно способность представлять себѣ существа странныя и составленія уродливыя, но которыми въ Natuurѣ воистину не найдемъ примѣровъ; а и сіи химерическія существа не суть ли произведеніе разныхъ составныхъ частей? Изъ всѣхъ сихъ частей можетъ ли быть хоть одна, которая бы не находилась въ чувственныхъ вещахъ Nature?

И такъ несомнѣнно то, что въ Живописи, равно какъ и во всякомъ другомъ Художествѣ, изображенія и творенія человека суть не иное что, какъ предложенія, и что онъ не
Ю
толь-

только ничего отъ себя не производитъ, но всѣ работы его дають вещамъ шокмо другое мѣсто.

По сему можетъ человѣкъ научиться цѣнить свои произведенія въ Живописи, равно какъ и въ прочихъ Художествахъ; и какъ бы онъ ни забавлялся симъ пріятнымъ упражненіемъ, не станеть болѣе почитать своихъ произведеній существенными, понеже нѣтъ существенно-сти и въ самыхъ подлинникахъ, которые онъ себя избралъ.

Не нужно, думаю, упоминать, что при всемъ томъ сія грубая Живопись носитъ на себѣ изразительные знаки произхожденія своего отъ совершеннѣйшаго Художества, и что въ семъ смыслѣ она есть новый доводъ того превосходнаго писанія, принадлежащаго языку единственному и всеобщему, котораго свойства мы показали.

Въ самой вещи, она требуетъ сходства съ чувственною Natuurою во всемъ томъ, что она изображаетъ; не допускается въ ней ничего, что противно зрѣнію, или разсужденію; она объемлетъ всѣ существа вселенныя, она даже простерла дерзкую свою руку и на вышшія существа.

Но здѣсь то она и достойна всякаго осужденія; ибо вопервыхъ, не въ состояніи будучи показать ихъ иначе, какъ въ чертахъ чувственныхъ и тѣлесныхъ, унизила тѣмъ сіи существа

сства предъ глазами человѣка, которой не можеть узнавать ихъ иначе, какъ чрезъ чувственную способность разумѣнія своего, но никогда чрезъ чувственную вещественную, понеже сіи существа не въ Странѣ шѣла находятся.

Вовторыхъ, когда Живопись предприняла представить ихъ, то гдѣ нашла образцы тѣламъ ихъ, которыхъ они не имѣютъ и которыхъ однако захотѣла она имъ дать? Не индѣ, какъ въ вещественныхъ тѣлахъ Натуры, или, что все равно, въ испорченномъ воображеніи, но которое и въ самомъ безпорядкѣ своемъ употребляетъ всегда существа тѣлесныя, которыя окружаютъ нынѣшняго человѣка.

Какое же могло быть отношеніе между подлинникомъ и образомъ, которой на мѣсто перваго спалъ поставленъ, и какую идею должны были родить такіе образы? Не явственно ли, что сіе есть одно изъ пагубнѣйшихъ слѣдствій невѣжества человѣка, которое паче прочихъ привело его къ идолопоклонству и которое непрестанно заводитъ его далѣе во тьму?

И поистиннѣ, что могутъ произвести вещество мертвое и начертанія, составленныя въ воображеніи Живописца, какъ не забвеніе простоты существъ, которыхъ познаніе столько нужно человѣку, безъ котораго весь родъ его впалъ въ ужаснѣйшее суевѣріе? Не такъ ли сныи человѣка, хотя и кажутся быть

ни добры, ни злы, мало помалу уклоняющся отъ пути и повергающъ его въ стремнины, коихъ край не усмотрѣлъ онъ сначала?

И такъ человѣкъ не доволенъ что смѣшалъ Живопись грубую и дѣло рукъ своихъ съ истинными характерами, списанными съ самой Нашуры, но еще и не узналъ, откуда сіи характеры произхожденіе свое имѣющъ; видя себя, говорю, властелиномъ употреблять по изволенію различныя черты сей тѣлесныя Нашуры къ составленію своихъ каршинъ, возбималъ слабость довольствоваться своимъ твореніемъ и забылъ и превосходство тѣхъ образцовъ, которыя бы могъ избрать себѣ, и источникъ, которой могъ ихъ производить; или лучше сказать, потерявъ ихъ изъ виду, не подозрѣвалъ болѣе, чтобъ они существовали.

Тоже можно сказать о изображеніяхъ, употребительныхъ въ Геральдикѣ, которыя также производящъ отъ характера, овъ истиннаго языка. Обыкновенный человѣкъ гордится благородствомъ Герба своего, какъ будто начертанія его существенны, и будто вѣрны сопряжены съ ними тѣ права, которыя одинъ предразсудокъ прикладываетъ онымъ; и вслѣдствіе дѣтскими сими отличностями, которыя самъ онъ привязываетъ къ симъ знакамъ, забылъ, что они суть печальное изображеніе *природнаго Щита*, который физически дарованъ каждому человѣку для защиты его, и купно яко печать *добродѣтели* его, силы его и великости.

Ня.

Наконцѣ тоже самое сдѣлалъ онѣ и съ словеснымъ выраженіемъ сего превосходнаго языка, отъ котораго, какъ мы видѣли, произшла Поэзія. Произвольно принятыя слова и языки, согласіемъ утвержденныя, заступили въ мысли его мѣсто истиннаго языка, то есть: понеже сіи условныя языки не имѣютъ никакого единообразія, ниже послѣдственнаго теченія въ выраженіи, въ знакахъ и вообще во всемъ, что есть въ нихъ подверженное чувствамъ; то и не увидѣлъ онѣ всеобщихъ отношеній ихъ къ языку умныхъ способностей, котораго они были безобразное подражаніе. А какъ идея о семъ Началѣ языка единственнаго и всеобщаго, который единѣ, могъ его просвѣтити, заглядываясь въ немъ, то и не различилъ онѣ сего языка отъ шѣхъ, которыя самъ учредилъ.

Когда же человѣкъ столь несмысленъ, что ставитъ свои творенія наравнѣ съ твореніями Началъ истинныхъ и неизмѣняемыхъ; когда дерзкая рука его смѣетъ надѣяться быть равною рукѣ Натуры; когда онѣ даже всегда почти смѣшивалъ творенія сея Натуры съ Началомъ какъ всеобщимъ, такъ и частнымъ, являющимъ оныя: то несудивительно, что всѣ понятія его столь сбивчивы и столь темны, и что онѣ не только потеряли свѣдѣніе и разумѣніе истиннаго языка, но что я не вѣритъ болѣе бытію его.

А при томъ, ежели единственно сей истинный языкъ можешь ему возвращаешь права
Ю 3 его,

его, доставить принадлежности его, открыть уставы Правосудія и привести его къ уразумѣнію всего, что существуетъ; то легко усмотрѣвъ, сколь много теряетъ онъ, удалясь отъ него, и что не остается ему иныхъ пособій, какъ всѣ часы жизни своей употребить на то, чтобы приобрести какіе познание онаго.

Но сколь ни пространно и сколь ни обширно сіе поврище, никакой человѣкъ не долженъ отчаяваться и унывать; потому что сей языкъ, какъ я многожды объявлялъ, есть истинное наслѣдіе человѣка; что человѣкъ лишенъ онаго на время; что не токмо не вовсе оный языкъ, у него отнятъ, но что непрестанно предлагается ему руководство, дабы возвратиться къ оному; и-поистиннѣ цѣна, требуемая за сей даръ, столь умѣренна и столь естественна, что она есть новый знакъ благости того Начала, которое оной требуетъ; ибо требуется только, чтобы онъ различалъ и распознавалъ два различныя существа, составляющія его; чтобы признавалъ разнство Началъ Натуръ другъ отъ друга и отъ Причины временной, сущей выше Натуры; то есть, чтобы вѣрилъ, что человѣкъ не есть вещество и что Натура не сама собою и не одна шеченіе свое совершаетъ.

Предлежитъ намъ еще изслѣдовать одну изъ произведеній сего истиннаго языка, котораго понятіе стараюсь возвратить людямъ,
пра-

произведение, сопряженное съ словеснымъ его выраженіемъ, котораго силу оно устанавливаетъ и даетъ мѣру произношенію, то есть, то Художество, которое называся *Музыкаю*, но которое между людьми есть еще не иное что, какъ образованіе истинной гармоніи.

Сіе словесное выраженіе не можешь употреблять словъ безъ того, чтобъ не ударяешь въ слухъ звуками; тѣсное отношеніе первыхъ къ послѣднимъ срѣзываетъ начальные законы истинной Музыки; чему и подражася по возможности въ искусственной нашей Музыкѣ, стараюсь звуками живо изображать смыслъ нашихъ произвольно принятыхъ словъ; но прежде, нежели покажемъ главные недоспахи сего искусства Музыки, коснемся частію истинныхъ ея правилъ, чрезъ что откроются довольно яственные отношенія съ утвержденнымъ выше сего, такъ что можемъ удостовѣриться, что она принадлежитъ къ тому же источнику, и что слѣдовательно подлежательна она человѣку; также покажемъ намъ сіе разсмотрѣніе, что сколь ни удивительныя бытъ могутъ наши дарованія въ семъ музыкальномъ подражаніи, при всемъ томъ далеко отстоятъ отъ подлинника нашего; а изъ сего уразумѣешь человѣкъ, для дѣтскихъ ли забавъ дано ему сіе мощное орудіе, и не къ благороднѣйшему ли паче употребленію назначено было оно въ его произхожденіи.

Вопервыхъ, то, что извѣстно намъ въ Музыкѣ подъ именемъ совершеннаго строя,

есть для насъ образъ сего перваго Единица, которая содержишь въ себѣ все и отъ которой все происходитъ; пошому что сей строй есть единственный, что онъ самъ въ себѣ полнъ, и не имѣетъ нужды въ помощи иного тона, кромѣ своихъ собственныхъ; словомъ, пошому что онъ неизмѣненъ по своей внутренней силѣ, какъ и Единица; ибо не лзя почести поврежденіемъ переложеніе нѣкоторыхъ тоновъ, отъ чего выходятъ строи разныхъ названій, послѣку сего переложеніе не вводишь въ строй никакого новаго тона и слѣдственно не можешь измѣнить истинной его сущности.

Второй, сей совершенный строй изъ всѣхъ прочихъ есть самый гармоничный и который одинъ удовлетворяетъ уху человека, не опасаясь ему ничего болѣе желать. Три первые тона, составляющие его, отдѣлены двумя промежутками терции, но которые другъ къ другому соединены. Здѣсь повторяется все то, что бываетъ въ вещахъ чувственныхъ, гдѣ никакое существо не можетъ пріять и продолжать бытія своего безъ помощи и подкрѣпленія другаго существа тѣлеснаго подобнаго ему, которое бы силы его оживощало и его поддерживало.

Наконецъ, сія двѣ терции имѣютъ надъ собою промежутокъ кварты, коея окончательный тонъ называется *октавою*. Хотя сія октава не иное что, какъ повтореніе начального тона; однакожъ ея означается пол-

полнымъ образомъ совершенный строй; ибо она существенно къ нему принадлежитъ, потому что она содержится въ первоначальныхъ тонахъ, которые звонкое тѣло издастъ выше своего собственнаго тона.

И такъ сей четверный промежутокъ есть главный дѣйствователь строя; онъ находится выше прочихъ двухъ промежулковъ тройныхъ, дабы начальствовать и управлять всемъ дѣйствіемъ, подобно какъ сія Причина дѣйствующая и разумная, которая, какъ мы видѣли, господствуетъ и правитъ двойственнымъ Закономъ всѣхъ существъ, одѣянныхъ тѣлами. Онъ не можетъ, подобно ей, шептѣть никакого смѣшенія, и когда дѣйствуетъ одинъ, какъ сія всеобщая Причина времени, то вѣрно всѣ его содѣйствія реальны.

Знаю однако, что сія октава, будучи только повтореніе начальнаго тона, можетъ по строгости отнята быть и не входить въ счисленіе тоновъ, составляющихъ совершенный строй. Но во первыхъ, она существенно оканчиваетъ гамму; сверхъ того неоптѣнно надобно допустить сію октаву, если хотимъ знать, что такое *альфа* и *омега* и имѣть ясное доказательство единству нашего строя; и сіе ради той причины, которая находится въ счисленіи и которой не могу я иначе объяснить, какъ сказавъ, что октава есть первый дѣйствователь, или первый органъ, чрезъ который *десять* могли дойти до нашего свѣдѣнія.

Ю ;

Сверхъ

Сверхъ сего * не лзя требовать, чтобы чувственная картина, представляемая мною, совершенно была сходна тому Началу, кошораго она есть шокмо образъ; ибо иначе спсокъ былъ бы равенъ подлиннику. Но при всемъ томъ, хотя сїа чувственная картина ниже его и хотя она подвержена переменамъ, однако шѣмъ не менѣе она полна и шѣмъ не менѣе изображаетъ Начало; ибо внутреннее побужденіе чувствъ дополняетъ прочее.

Чего ради, представляя двѣ шерціи соединенными другъ съ другомъ, не утѣшдаемъ, чтообъ необходимо должно было имъ слышимымъ быть обѣимъ вмѣстѣ; извѣстно, что каждую можно произнести порознь, не дѣлая противности уху; но шѣмъ не менѣе законъ ихъ истиненъ; ибо сей промѣштокъ, произнесенный такимъ образомъ, всегда остается въ тайномъ соотношеніи съ прочими шонами строя, къ которому онъ принадлежитъ; и шакъ картина остается та же, но видима бываетъ только часть ея.

Тоже можно сказать и тогда, когдабъ захотѣлъ кто уничтожить октаву, или и всѣ прочіе тоны строя, а оставишь одинъ какой нибудь; ибо одинъ слышимый тонъ не противенъ уху и можетъ почестъся тономъ родителемъ новаго совершеннаго строя.

Мы видѣли, что кварта господствуетъ надъ двумя нижними шерціями и что. сїи
двѣ

двѣ нижнія терціи суть образъ двойственного Закона, управляющаго существами стихійными. Не самая ли Натура здѣсь показываетъ разность между тѣломъ и его Началомъ, представляя намъ одно зависимымъ и покореннымъ, а другое яко начальника его и подкрѣпителя?

Сія двѣ терціи въ самомъ дѣлѣ показываютъ намъ свою разностью состояніе тѣлныхъ вещей Натуры тѣлесной, которая состоитъ на соединеніи двухъ разныхъ дѣйствій; и послѣдній тонъ, составленный изъ единого промежутка четвертого, есть еще изображеніе перваго Начала; ибо онъ какъ чиномъ своимъ, такъ и *числомъ* напоминаетъ намъ простоту, великосъ и неизмѣняемость.

Но сіе не потому, чтобъ сія кварта гармоничная была болѣе долговѣчна, нежели всѣ прочія сотворенныя вещи. Когда она чувственная, то должна быть и преходящая; однакожъ въ самомъ преходящемъ своемъ дѣйствіи живописуетъ разумную сущность и постоянность своего источника.

И такъ въ сочетаніи промежулковъ совершеннаго строя находимъ все, что есть страдательное, и все, что есть дѣйствительное, то есть все, что существуетъ, и все, что человекъ можетъ вздумать.

Но не довольно того, что мы увидѣли въ совершенномъ строѣ изображеніе всѣхъ вещей вооб-

щѣ

ще и частно, мы можемъ увидѣть еще въ немъ чрезъ нныя примѣчанія источникъ сихъ самыхъ вещей и произхожденіе сего раздѣленія, которое учинилось прежде времени между двумя Началами и которое ежедневно являющаяся во времени,

Чего ради не потеряемъ изъ виду красоты и совершенства сего совершеннаго строя, который въ самомъ себѣ имѣетъ всѣ свои преимущества. Легко разсудить, что если бы онъ остался навсегда въ своей сущности, то порядокъ и точная гармонія всегда бы стояла и зло было бы неизвѣдомо; ибо не было бы онъ и рождено; то есть, единое бы дѣйствіе способностей добраго Начала оказывалось, послѣку оно единое есть существенное и истинное.

Какъ же могло второе Начало учиниться вліымъ? Какъ могло спастись, что зло родилось и явилось? Не отъ того ли, что вышній и господствующій тонъ совершеннаго строя, окшава она, уничтожена стала и на мѣсто ея поставленъ другой тонъ? Какой же тонъ на мѣсто окшавы поставленъ? Тотъ, который непосредственно предшесствуетъ ей, и извѣстно, что новый строй, произшедшій отъ сей переменны, называется *строй септими*. Извѣстно также, что сей строй сепшими удручаетъ уже, содержишь его въ недоумѣніи и требуешь спасенъ бышь, по словамъ сего художества.

И такъ отъ прошивленія совершенному строю сего разнящаго строя и всѣхъ прочихъ
отъ

отъ него происходящихъ рождаются всѣ музыкальныя произведенія, которыя суть не иное что, какъ непрестанная игра, ежели не сраженіе между совершеннымъ, или согласующимъ и седмичнымъ спросомъ, или вообще между всѣми разнѣющимися строями.

Для чего сему Закону, которой указываетъ намъ самую Нашурую, не быть для насъ изображеніемъ всеобщаго произведенія вещей? Для чего не найши намъ здѣсь Начала, какъ выше мы нашли составленіе и расположеніе въ порядкѣ промежутковъ совершеннаго строя? Для чего, говорю, не ощутишь рукою и глазомъ рожденія и слѣдствій всеобщаго и временнаго смѣшенія; потому что знаемъ, что въ сей Нашурѣ тѣлесной есть два Начала, непрестанно другъ другу противившіяся, и понеже она не можетъ иначе держаться, какъ помощію двухъ дѣйствій противившихъ; отъ чего и происходятъ примѣчаемыя нами, сраженіе и насиліе, смѣсь правильности и безпорядка, которыя въ точности изображаютъ намъ гармоніи чресъ совокупленіе согласій и разногласій, изъ которыхъ состояются всѣ музыкальныя произведенія.

Я упеваю, что мои читатели разумѣютъ столько, чтобъ принимашъ сіе за образъ шокмо тѣхъ высокихъ дѣлъ, которыя хочу имъ указать. Безъ сомнѣнія чувствуютъ они, что я представляю аллегорію, когда говорю, что ежели бы совершенный строй пребылъ въ машинѣ.

исстинномъ своемъ естествѣ, то зло еще бы не родилось; ибо, по силѣ вышеупержденнаго начального положенія, не возможно порядку музыкальному въ своемъ частномъ Законѣ бытъ равнымъ съ вышнимъ порядкомъ, котораго онъ есть токмо изображеніе.

И потому, какъ порядокъ музыкальной основанъ на чувственности и какъ чувственность есть произведеніе многихъ дѣйствій, то естли бы ухо слышало непрестанно совершенные токмо строи, никогда бы воистину не ощущало непріятностей; но кромѣ того, что произошла бы изъ сего скучная монопоція, не нашли бы мы въ ней никакого выраженія, никакой идеи; наконецъ, это не была бы для насъ Музыка, потому что Музыка и вообще все, что есть чувственное, не терпитъ единства дѣйствія, равно какъ и единства дѣйствователей.

И такъ, допустивъ всѣ законы, нужные къ составленію музыкальных твореній, можемъ пренести ихъ къ истиннамъ иного чину. Чего ради стану продолжать мои примѣчанія о строѣ септималь.

Мы видѣли, что поставлять сію септиму на мѣсто октавы есть поставлять Начало возлѣ другаго Начала; отъ чего, по всѣмъ правиламъ здраваго разсудка, не можетъ произойти ничего, кромѣ безпорядка. Сіе мы видѣли еще явственнѣе, когда примѣшили, что сія

Сія септима, которая производитъ разногласіе, есть кунно шонъ, непосредственно представляющій октавъ.

Но сія септима, называемая такъ въ отношеніи къ начальному тону, можетъ почтена быть секундою въ отношеніи къ октавъ, которая есть тоюмо ея повшореніе; тогда мы признаемъ, что септима не одна разнишъ, но также и секунда имѣетъ сіе свойство; и такъ всякое совокупленіе діафоническое охуждаемо бываетъ нашимъ слухомъ, и гдѣ только услышишъ онъ вмѣстѣ двѣ близнія ноты, ощущаетъ непріятность.

И такъ, поелику во всей гаммѣ секунда только и септима находятся въ семъ отношеніи съ нижнимъ звукомъ, или съ октавою: то яено видимъ, что все содѣйствіе и все произведеніе въ дѣлѣ Музыки основано на двухъ разногласіяхъ, отъ которыхъ все музыкальное противодѣйствіе происходитъ.

Пренеся же сіе примѣчаніе къ вещамъ чувственнымъ, увидимъ съ таковою же достовѣрностію, что онѣ не могли и не могутъ родиться иначе, какъ чрезъ два разногласія; и сколько бы мы ни старались, не найдемъ никогда иного источника безпорядка, кромѣ числа, сопряженнаго съ сими обоими разногласіями.

Далѣе, когда примѣнишь, что обыкновенно называемая септима, или седьмая, есть въ самомъ

самомъ дѣлѣ девятая, поколику она есть составная изъ трехъ шерцій, весьма ясно ошдѣленныхъ другъ отъ друга, то увидишь, ложно ли я сказалъ моимъ читателямъ, что число *девятъ* есть истинное число протяженія и вещества.

Напрошивъ того взгляни на число согласій, или тѣхъ звуковъ, которые согласуются съ главнымъ звукомъ; увидишь, что ихъ есть четыре, а именно: шерція, кварта, квинта правильная и секста; ибо здѣсь говорится объ октавѣ не какъ объ октавѣ, пошому что здѣсь дѣло идетъ о частныхъ раздѣленіяхъ гаммы, въ которыхъ сія октава тоже имѣетъ свойство, какое самый начальной тонъ, котораго она есть образъ, развѣ когда принимаешь ее за кварту втораго Тетрахорда, чѣмъ ни мало не измѣняется число четырехъ согласій, которые мы учреждаемъ.

Къ сожалѣнію моему, не могу я распространить рѣчь мою, сколько бы желалъ, о несчетныхъ свойствахъ сихъ четырехъ согласій; ибо легко бы я могъ показать съ яснымъ удостовѣреніемъ прямое ихъ отношеніе къ *Единицѣ*; показать также и то, какъ всеобщая гармонія соединена съ симъ четвернымъ согласіемъ, и почему безъ него никакое существо не можетъ пребыть въ добромъ состояніи.

Но вездѣ удерживаютъ меня благоразуміе и долгъ мой; ибо въ сихъ матеріяхъ единый пунктъ

пунктъ ведетъ ко всѣмъ прочимъ; и естли бы Заблужденія, кошорыми Науки человѣческія заражаютъ мой родъ, не принудили меня предпринять защищеніе его, не принялся бы я никакъ писать ни о кошоромъ изъ нихъ.

Однако я обязался не оканчивать сего разсужденія безъ того, чтобъ не дать нѣкоторыхъ подробнѣйшихъ объясненій о всеобщихъ свойствахъ четвернаго числа; не забылъ я моего обѣщанія и намѣренъ исполнить сколько позволено мнѣ будетъ; но теперь возвратимся къ сепшимъ и замѣшимъ, что ежели она двѣдѣтъ разнь съ совершеннымъ строемъ, то сю же долженъ сдѣлаться переломъ и оборотъ, изъ котораго надлежитъ произойти порядку и возродиться спокойствію уха; по тому что за ссю сепшимою дошмѣнно сдѣдѣтъ вступить пакъ въ совершенный строй. Не почишаю я противнымъ сему началу то, что называется въ музыкѣ послѣдствіемъ сепшимъ, кошорое есть ничто иное, какъ продолженіе разногласій, и кошорое необходимо всегда кончипъ должно совершеннымъ строемъ, или другими производными ошъ него строями.

И такъ сіе разногласіе изображаетъ намъ то, что бываетъ въ тѣлесной Натурѣ, ко-
 ея печеніе есть ничто иное, какъ послѣдствіе
 раззореній и возстановленій. Когда же сіе
 самое замѣчаніе выше сего показало намъ
 истинное происхожденіе вещей тѣлесныхъ,
 Я когда

когда и шеперь показываешъ, что всѣ Существа Нашуры подвержены сему, насильственному закону, который начальствуешъ въ происхожденіи, бытіи и концѣ ихъ: то для чего же не пренести сего закона и къ цѣлой вселенной и не признашъ, что когда насиліе родило и содержитъ ее, то насиліе же долженствуешъ и разрушить ее?

Въ подобіе сему видимъ, что при окончаніи музыкальнаго какого нибудь сочиненія обыкновенно дѣлается безпорядочное удареніе, прѣвъ, между нотами совершеннаго строя и секундою, или септимою разнящаго строя, означаемого басомъ, которой держишъ обыкновенно главную онаго ноту, дабы попомъ все привести къ совершенному строю, или къ единицѣ.

Еще же должно увидѣшь и то, что понеже послѣ сего музыкальнаго паденія непременно должно опять вступить въ совершенный строй, который все смирляшъ и приводитъ въ стройность; то не дѣля сомнѣваться, что и послѣ переворота стихій Начала, бывшія съ ними въ сраженіи, должны обрѣсти прежнее свое спокойствіе; изъ чего, ежели опнеси сіе къ человеку, должны мы познать, сколько можетъ истинное познаніе Музыки предохранить его отъ страха смерти, потому что сія смерть есть ничто иное, какъ прель, которая оканчиваешъ разспроенное его состояніе и приводитъ къ его *четыремъ* согласіямъ.

Я

Я довольно сказалъ ко вразумленію моихъ читашелей; ихъ дѣло разширишь тѣ границы, которыя я себѣ предписалъ. И такъ могу надѣяться, что не почтутъ они разногласій за погрѣшности въ Музыкѣ; пошому что отъ нихъ она получаетъ величайшую свою красоту; но только за указашелей царствующей во всѣхъ вещахъ противуположности.

Вняшно также имъ будетъ, что и въ той гармоніи, которой Музыка нувственная есть токмо начертаніе, должно быть такой же противуположности разногласій съ согласіями; но что они не только не суть недостатковъ въ ней, но пища и жизнь ея, и что разумніе видятъ въ нихъ не иное что, какъ дѣйствіе многихъ способностей различныхъ, которыя болѣе поддерживаютъ другъ друга, нежели сражаются, и отъ соединенія которыхъ рождается множество содѣйствій всегда новыхъ и выразительныхъ.

Сіе есть токмо весьма краткое извлеченіе изъ всѣхъ тѣхъ примѣчаній, которыя могъ бы я сдѣлать въ семъ родѣ о Музыкѣ, и изъ отношеній, находящихся между ею и важными истинами; но довольно и того, что сказано, чтобы дать увидѣть причину вещей и научить людей не раздѣлять разныхъ своихъ познаній; ибо мы показываемъ имъ, что всѣ оныя познанія суть ничто иное, какъ разныя вѣтви одного дерева, и что вездѣ видно одинакое впечатлѣніе.

Я. 2

Должно

Должно ли теперь сказать, въ какой шемношѣ находится еще наука музыкальная? Мы можемъ начать съ сего, вопрося музыкантовъ, какое у нихъ есть правило, по которому они берутъ тонъ; то есть какое ихъ *а-ми-ла*, или ихъ *Диапазонъ*; и когда нѣтъ его у нихъ, а принуждены сдѣлать его себѣ, то могутъ ли думать, что имѣютъ чтонибудь основательное въ семъ родѣ? Когда же нѣтъ у нихъ постоянного Диапазона, то всѣ числительныя отношенія, которыя можно выводимъ изъ поддѣланнаго ихъ Диапазона, къ соотвѣстственнымъ имъ тонамъ несправедливы, и правила, которыя даютъ намъ музыканшы за истинныя въ принятыхъ ими числахъ, могутъ состоять и въ иныхъ числахъ, смотря, какъ *а-ми-ла* больше, или меньше будетъ низко; чего ради большая часть ихъ мнѣній о числительной силѣ, приписуемой ими разнымъ тонамъ, сомнительны.

Я говорю здѣсь о тѣхъ, которые хотѣли разбирати разные тоны по числу сопряжений струны, или иныхъ звонкихъ тѣлъ; ибо къ сему непрѣменно требуется Диапазонъ постоянной, дабы оныи былъ вѣренъ: слѣдственно надобно имѣть звонкія тѣла точно одинакія, чтобы справедливо судить о ихъ дѣйствіяхъ; но какъ обоимъ сихъ средствъ не дано человеку, поколику Вещество есть относительное, то явствуетъ, что все то, что поставимъ онъ на такомъ основаніи, подвержено будетъ многимъ погрѣшностямъ.

И

И такъ не въ Веществѣ должно было искать Началъ гармоніи; ибо какъ Вещество, по вышеупомянутымъ доводамъ, не есть непреложно, то ничему не можеть быть начальнымъ основаніемъ; но въ Натурѣ вещей, гдѣ все постоянно и всегда одинаково, и надобно только имѣть глаза, чтобъ усмотрѣть истину. Наконецъ человекъ увидѣлъ бы, что нѣтъ для него иного правила, какъ то, которое заключается въ двойственномъ отношеніи октавы, или въ семъ славномъ двойственномъ содержаніи, которое начертано на всѣхъ Существахъ и изъ котораго и тройственное содержаніе произошло; чрезъ что какъ явилось бы ему двойное дѣйствіе Натуры и сія претія Причина, поставленная вездѣ надъ двумя прочими.

Здѣсь я останавливаю мои примѣчанія о недостаточествѣ тѣхъ Законовъ, которые воображеніе человеческое ввело въ музыку; ибо все, что могъ бы я дальѣ сказать, относится къ сей же первой погрѣшности, а она довольно ошутлива и нѣтъ нужды дальѣ простирашся. Напомяну только изобрѣтателямъ, чтобъ они подумали хорошенько о свойствахъ нашихъ чувствъ и замѣтили бы, что чувство слышанія, равно какъ и прочія, способно къ навыку; что слѣдственно могли они обмануться отъ протосердечія и сдѣлать себѣ изъ случайныхъ вещей правила и положенія, которыя время только показывало имъ истинными и правильными.

→ Я 8

Оста-

Остается мнѣ разсмотрѣть, какое употребленіе дѣлаетъ человѣкъ изъ сея Музыки, копорая есть почти всеобщее его упражненіе, и замѣнить, подумалъ ли онъ когда о истинномъ ея употребленіи.

Кромѣ безчисленныхъ красотъ, копорыя бытъ въ ней могутъ, есть въ ней точный Законъ, то есть сія строгая мѣра, ошъ копорой не лзя ей опшупить. Одно сіе не доказываетъ ли, что она имѣетъ Начало истинное, и что рука, направляющая ее, выше власти чувствъ; понеже сіи не имѣютъ ничего постояннаго?

Но ежели она придержишя шаковыхъ началъ, то безъ сомнѣнія не должна имѣть иного пушеводителя, кромѣ ихъ, и всегда должна бытъ соединена съ своимъ источникомъ. Источникъ же се, какъ мы видѣли, есть сей языкъ первый и всеобщій, копорой означаетъ и представляетъ вещи въ точности: то не лзя сомнѣваться, чтобъ музыка не была истинная мѣра вещей, такъ какъ Писаніе и слово выражаютъ значеніе оныхъ.

И такъ въ соединеніи только съ симъ обильнымъ и неизмѣняемымъ началомъ Музыка можетъ тохранишь преимущества происхожденія своего и опправлять надлежащее свое дѣло; тогда-то она живописала бы сходныя картины и тогда всѣ способности слушающихъ ея были бы совершенно удовлетворены. Словомъ,
симъ-

Симъ-по средствомъ Музыка произвелабы чудеса, которыя ей сродны и которыя приписываемы ей были во всѣхъ временахъ.

Свѣдственно, ошдѣливъ ее отъ источника и приискивая ей дѣла въ чувствованіяхъ вымышленныхъ, или въ неосновательныхъ идеяхъ, лишили ее люди первой ея опоры и ошляли у нее все средства показашь себя во всемъ блескѣ.

Какія же впечатлѣнія, какое дѣйствіе производитъ она, находяся въ рукахъ человѣческихъ? Какія идеи, какія чувства изображаешь намъ? Выключая сочинителя, многіе ли изъ слушающихъ могутъ разумѣть, что изображаетъ принятая нынѣ Музыка? Да и самъ сочинитель, когда воображеніе его утихло, не теряешь ли изъ памяти того смысла, который начерталъ самъ и который хотѣлъ изобразить?

И такъ самое безобразное и недостаточное употребленіе дѣлають люди изъ сего Художества; и сіе отъ того единственно, что, не выикнувъ въ Начало, не старались подкрѣплять Художествъ другъ другомъ, и вздумали, что можно дѣлать списки, не имѣя предъ собою подлинника.

Я не оуждаю моихъ подобныхъ за то, что они въ безчисленныхъ пособіяхъ художественной Музыки ищутъ себя пріятностей и

отдохновенія, ниже отнимаю у нихъ тѣ от-
рады, которыя можешь имъ сіе художество
доставить. Знаю, что она можетъ иногда по-
дать средство оживить въ себѣ многія изъ
тѣхъ пошеницѣвыхъ идей, которыя, когда бы
чище были, должныствовали бы быть един-
ственною пищею и которыя одиѣ могли бы
имъ пособить сыскать точку своей твердо-
сти. Но для сего обязаны они всегда возвы-
шать свое разумнѣе надъ тѣмъ, что
чувства даютъ разумѣть; потому что
стихія челоѣка не въ чувствахъ. Обязаны они
вѣрить, что какъ ни совершенны музыкаль-
ныя ихъ произведенія, но есть еще другія
иного чину гораздо правильнѣе; что по
мѣрѣ только большаго, или меньшаго сход-
ства съ сими, подаѣланная музыка привле-
каетъ насъ и производитъ въ насъ больше,
или меньше пріятныя движенія.

Когда я указалъ на точность мѣры, ко-
торую музыка связана, не потерялъ я изъ
виду и всеобщности сего Закона; напрошивъ
я намѣренъ обратиться опять къ ней, что-
бы показать, что оный Законъ не ток-
мо объемлетъ все, но купно вездѣ имѣетъ
явственныя отличительныя знаки. И сіе все
сходствуешь съ вышесказаннымъ; видѣли мы,
что мѣра имѣетъ свое мѣсто въ способно-
стяхъ умственныхъ челоѣка и состоитъ въ
числѣ Законовъ, которыми онъ управляется;
изъ чего можно было разсудить, что какъ
сіи умныя способности суть подобіе способ-
но-

ностей вышшаго Начала, ошѣ котораго чело-
вѣкъ все имѣетъ; то и сему Началу надобно
имѣть свою мѣру и свои частные Законы.

И такъ, когда вышнія вещи имѣютъ
мѣру, то не удивительно, что нижнія и чув-
ственные вещи, ими сотворенныя, подвержены
ей, и что слѣдственно находимъ въ сей мѣ-
рѣ строгаго предводителя Музыки.

Но ежели хоть мало размыслимъ о свой-
ствѣ сей чувственной мѣры, тошчасъ уви-
димъ разность ея съ тою, которая учреж-
даетъ вещи иного чину.

Въ музыкѣ видимъ мѣру всегда равную;
сдѣланное единожды движеніе продолжается и
повторяемо бываетъ въ одинакомъ видѣ и
въ одинакомъ количествѣ времени; все въ ней
кажется намъ такъ порядочно и такъ шочно,
что не лѣзя не почувствовать Закона сей
мѣры и не признавать надобности ея. Сія рав-
ная мѣра столь тѣсно сопряжена съ чувстви-
тельными вещами, что люди употребляютъ ее
во всѣхъ произведеніяхъ своихъ, которыя
требуютъ продолженія дѣйствія; мы видимъ,
что сей Законъ есть для нихъ какъ бы под-
пора, на которую они охотно опираются;
видимъ, что они употребляютъ ее и въ са-
мыхъ суровыхъ трудахъ, и потому можемъ
судить, сколь велико преимущество и польза
сей сильной помощи; потому что она облег-
чаетъ трудныя работы, которыя безъ нея
казались бы несносными.

Я 5

Cic

Сіе же самое можешъ пособствовать намъ въ познаніи естества чувственныхъ вещей; ибо сія равносѣ дѣйствія, и можно сказать, сіе рабство явственно возвышаетъ, что Начало, находящееся въ вещахъ, не есть властелинъ сего дѣйствія, но что все въ немъ принужденно и насильно происходитъ; и сіе сходствуетъ съ тѣмъ, что въ разныхъ мѣстахъ сего сочиненія замѣчено было о нисности Вещества. Слѣдственно все сіе представляетъ явную зависимость и всѣ знаки такой жизни, которую не можемъ не признавать спрдашелою; то есть, которая не отъ себя самой имѣетъ свое дѣйствіе, а должна ожидать и получать оное отъ Закона вышшаго, которой ею располагаетъ и началъствуетъ.

Вовторыхъ, можемъ мы примѣнить, что сей Законъ, учреждающій теченіе Музыки, оказывается двумя образами, или двумя родами мѣръ, извѣстныхъ подъ именемъ мѣры двувременной и мѣры трехвременной. Не шисимъ здѣсь четверовременной мѣры и прочихъ раздѣленій, какіябъ можно было сдѣлать, которыя суть ничто иное, какъ помноженныя двѣ первыя мѣры. Еще менѣе можемъ принять мѣру одновременную, по причинѣ, что чувственыя вещи суть произведенія и сдѣшвія не одного дѣйствія, но онѣ рождены и естоятъ посредствомъ многихъ совокупленныхъ дѣйствій.

Числа

Число и качество сихъ дѣйствій очевидно усматриваемъ въ двухъ различныхъ мѣрахъ, въ Музыкѣ находящихся, равно какъ и въ числѣ временъ, заключающихся въ сихъ двухъ родахъ мѣръ. Да и дѣйствительно весьма многому научимся, ежели примѣнимъ сіе сочещаніе двухъ и трехъ временъ въ отношеніи ко всему тому, что существуетъ тѣлесно; здѣсь опять увидимъ ясно, что содержаніе двойное и содержаніе тройное правятъ всеобщимъ теченіемъ вещей.

Но о семъ довольно подробно говорено; я долженъ только совѣтовать людямъ, чтобъ они надлежащимъ образомъ цѣнили то, что ихъ окружаетъ; но не сообщать имъ познаній, которые должны быть наградою усердныхъ желаній и стараній. И такъ скоро кончу то, что имѣю сказать о двухъ чувственныхъ мѣрахъ Музыки.

Чтобъ узнать, которая изъ сихъ двухъ мѣръ употреблена въ какомънибудь сочиненіи музыки, надобно непременно ждать, какъ первая мѣра исполнися, или, что все равно, какъ вторая мѣра начнется: тогда ухо чувствуетъ, на какой мѣрѣ ей остановиться должно. Ибо доколѣ мѣра такимъ образомъ не исполнена, не лзя никакъ знать, какое ей число; ибо всегда къ предшествовавшимъ можно прибавлять новыя времена.

Не показывается ли чрезъ сіе въ самой Нашурѣ сія столь часто повторяемая истина,

на, что свойства чувственныхъ вещей не суть постоянныя, но только относительныя и другъ другомъ держатся. Иначе, когдабъ одно изъ ихъ дѣйствій явилось, то явило бы съ собою и свой истинный отличительный знакъ, и не нужно было бы ему ожидать другаго дѣйствія для сравненія.

Вотъ сколь низка искусственная Музыка и всѣ чувственныя вещи! Они содержатъ въ себѣ шокмо срадашельныя дѣйствія, и мѣра ихъ хотя сама по себѣ и опредѣленная, не познана бытъ можетъ не иначе, какъ относительно къ прочимъ мѣрамъ, съ которыми ее сравниваешь.

Въ вещахъ вышшаго чину, и которыя совсѣмъ въ чувственнаго, мѣра сія являетъ себя въ благороднѣйшемъ видѣ: тамъ всякое Существо, имѣя свое дѣйствіе, имѣетъ также въ Законахъ своихъ и мѣру, соразмѣрную сему дѣйствію: но какъ при томъ каждое изъ сихъ дѣйствій всегда возобновляется и всегда разнствуетъ отъ дѣйствія предъидущаго и отъ послѣдующаго; но ощутительно, что и мѣра, сопутствующая имъ, не можетъ бытъ одинакая и слѣдственно не въ семъ опредѣленіи вещей надобно искать сея единообразности мѣры, которая господствуетъ въ Музыкѣ и въ чувственныхъ вещахъ.

Въ тайной Нашурѣ все находится въ зависимости и показываетъ слѣдое исполненіе,

же, которое есть ничто иное, какъ принужденное собраніе многихъ дѣйствовавшихъ, покоренныхъ единому Закону, которые всѣ содѣйствуя всегда къ одинакой цѣли и одинакимъ образомъ, единообразное и содѣйствіе производяшъ, ежели только нѣтъ препящій и разстройки въ исполненіи дѣйствій ихъ.

Напротивъ того въ Нашурѣ неслѣдной все живо, все проситъ, и потому всякое дѣйствіе въ себѣ имѣетъ свои Законы, то есть: высшее дѣйствіе само учреждаетъ мѣру, на противъ того въ нижнемъ дѣйствіи мѣра есть учредитель его, или дѣйствія Вещества и вся Нашуры спрадасельныя.

Сего довольно, чтобъ возчувствовать безконечную равность между музыкою искусственною и живымъ выраженіемъ сего Языка истиннаго, котораго мы объявляемъ людямъ какъ самое мощное средство, назначенное для возстановленія ихъ правъ.

И шакъ да научатся здѣсь различать сей Языкъ единственный и неизмѣняемый отъ всѣхъ произведеній поддѣланныхъ, которые славятъ они непрестанно на мѣсто его; первый, имѣя въ себѣ свои Законы, имѣетъ ихъ всегда точными и сообразными Началу, которое ихъ употребляетъ; а послѣдніе выдуманы человекомъ, которой самъ тѣмъ окруженъ и не знающъ, сходны ли дѣла его съ

съ вышнимъ Началомъ, отъ котораго онъ ослученъ и котораго не знаетъ болѣе.

Когда увидишь онъ, что дѣла рукъ его умѣняющся и умножающся злоупотребленіе языковъ до безконечности, какъ въ словѣ, такъ и въ писаніи и въ музыкѣ; когда увидишь, что всѣ сіи человѣческіе языки попеременно родятся и погибаютъ; когда увидишь, что на сей землѣ мы знаемъ только число вещей, и что мы всѣ почти умираемъ, не узнавъ никогда *имянъ* ихъ: то не вздумаешь онъ для сего, что Начало, по силѣ котораго онъ производитъ свои творенія, подвержено тому же измѣненію и той же темнотѣ.

Напрошивъ признается, что какъ онъ все дѣлаетъ нынѣ по подражанію, то творенія его никогда не будутъ имѣть такой твердости, какъ творенія сущесшвенныя. Пришомъ когда разсмотритъ, что можно ли, чтобъ всякой смотрѣлъ на подлинникъ съ одной и той же стороны, то узнаетъ, для чего всѣ списки разны; но тѣмъ не менѣе почувствуетъ онъ, что сей подлинникъ, поелику находишь въ средоточіи, пребываетъ всегда одинаковъ, какъ и Начало, котораго Законы и волю онъ изображаетъ; и ежели бы люди ошважились приблизиться къ нему, то всѣ бы сіи разности исчезли, которыя производятъ отъ того, что люди отдалялись отъ сего средоточія.

И такъ не будетъ онъ приписывать свойствъ находящагося въ немъ безцѣннаго
сѣис-

сѣмени навѣкамъ и примѣру ; но напротивъ удостовѣрился , что навѣками и примѣрами унижающа и зашмѣвающа свойства сего сѣмени истиннаго , простаго и нешлѣннаго ; однимъ словомъ , естли бы человекъ умѣлъ предва-рять всѣ сѣи препятствія , или бы имѣлъ до-вольно силы къ преодоленію ихъ ; то имѣлъ бы языкъ общій со всѣми подобными ему , равно какъ сущность , составляющую ихъ , по которой всѣ они вообще , сходны между собою .

Въ самомъ дѣлѣ единство Начала и сущности людей лучше всего доказываютъ воз-можность одного общаго языка ; потому что ежели люди по праву природы своей могутъ имѣть тѣ же понятія о Законахъ Существовъ , о истинныхъ правилахъ правосудія , о Религій и Богопочитаніи ; ежели могутъ , говорю , на-дѣяться возвращить употребленіе всѣхъ сво-ихъ способностей умныхъ ; ежели наконецъ всѣ они стремятся къ одной цѣли ; ежели всѣмъ имъ тоже дѣло поручено , а ко всему оному не могутъ достигнуть безъ помощи Языковъ : то необходимо надобно сей прина-длежности дѣйствовать по единообразному Закону , сходственнаго всеобщности и тѣсному единству всѣхъ ихъ знаній .

И такъ , не упоминая здѣсь всего того , что мы сказали о превосходствѣ сего Языка истиннаго , довольно ясное понятіе дадимъ , сколь единиченъ и мощенъ онъ долженъ быть ,

еже-

если повторимъ только то, что онъ есть единственный путь, могущій привести человека къ Единицѣ и къ источнику всѣхъ Могуществъ; то есть, къ *радику* сего квадрата, котораго всѣ бока должны человѣкъ обойти, и котораго, по общанію моему, предложу здѣсь свойства и *силы*.

Выше сего видѣли мы довольно подробныя описанія отношеній сего квадрата, или сего четвертаго числа къ причинамъ, которыя въ человека, и къ законамъ, управляющимъ теченіе всѣхъ Существъ Натуры; но изъ предвѣдущаго же можно было несомнѣнно предчувствовать, что сія всеобщая эмблема должна имѣть важнѣйшія для человека отношенія; потому что оныя ближе къ нему и точно касаются до особы его.

Никто не можеть не признашь величайшаго сродства сего квадрата съ четвертымъ листомъ сѣя десятилистной Книги, которая прежде осужденія человека всегда была ему опроверга и вразумительна; но которой нынѣ не можеть онъ ни читать, ни понимать иначе, какъ въ продолженіе времени. Также легко можно примѣнить очевидное подобіе его съ симъ мощнымъ оружіемъ, которымъ обладалъ человекъ въ первомъ своемъ началѣ, и котораго трудное исканіе есть единственная цѣль временнаго его теченія и первый законъ осужденія его.

Еще болѣе откроется въ немъ сходства съ симъ обильнымъ средоточіемъ, которое
занимаетъ

занималъ чѣловѣкъ во время своей славы, и котораго никогда не узнаешь совершенно, доколе не войдешь въ него.»

Да и воиншину, что можетъ намъ лучше напоминать о высокомъ санѣ челоѣка, въ которомъ онъ находился въ первобытности своей, какъ не сей квадратъ? Сей квадратъ есть единъ и единственныи, равно какъ и радикасъ, котораго онъ есть произведеііе и образъ; мѣсто, въ которомъ обиталъ челоѣкъ, есть таково, что никакое другое сравнится съ нимъ не можетъ. Сей квадратъ мѣряетъ всю окружность; челоѣкъ въ срединѣ своей области обымалъ всѣ страны вселенныя. Сей квадратъ составленъ изъ четырехъ линій; мѣсто пребыванія челоѣка было означено четырьмя сообщительными линіями, простиравшимися къ четыремъ главнымъ точкамъ горизонта. Сей квадратъ происходитъ изъ центра и ясно намъ изображается четырьмя музыкальными согласіями, которыя точно средину занимающъ въ гаммѣ и суть главные дѣйствовавшие всѣхъ красотъ гармоніи. Престолъ челоѣка былъ въ самомъ центрѣ Земли державы его, и опшуда онъ управлялъ семью орудіями своей славы, которыя выше сего я означилъ подѣ именемъ семи деревьевъ, и которыя вѣдумается многими принять за семь планетъ, но которыя однако не суть ни деревья, ни планеты.

И такъ не можно уже сомнѣваться, что упоминаемый квадратъ есть истинный знакъ сего мѣста прохладнаго, которое извѣстно въ нашихъ Странахъ подъ именемъ *земчаго Рая*, то есть, того мѣста, о которомъ всѣ Народоу имѣли понятіе, которое каждый изъ нихъ представлялъ подъ разными баснями и аллегоріями по мѣрѣ своей мудрости, просвѣщенія, или ослѣпленія, и котораго простиныіе Географы отъ добраго сердца искали на Земли.

И такъ не должно дивиться великости преимуществъ, приписанныхъ ему въ разныхъ мѣстахъ сего Сочиненія, гдѣ шокмо касались мы его; не должно, говорю, удивляться, что какъ всѣ Истинны и всѣ свѣдѣнія происходятъ отъ единого Начала; эмблема же четвернаго числа есть совершеннѣйшій онаго Начала образъ: то сія эмблема и можешь просвѣтишь человека въ познаніи всѣхъ Натуръ, то есть въ Законахъ порядка нешесственнаго, порядка временнаго, порядка тѣлеснаго и порядка смѣшеннаго, которые суть четыре столпа зданія: однимъ словомъ, надобно признаться, что кто можешь овладѣть ключемъ сего всеобщаго Знаменія, тому ничего скрытнаго не будетъ во всемъ, что существуетъ; потому что сіе знаменіе есть знаменіе того Существа, которое производитъ все, дѣйствуетъ все и все объемлетъ.

Но

Но сколь ни многочисленны преимущества, съ онымъ соединенныя, и сколь ни мощенъ пушеводительствующій къ нему сей Языкъ истинный и единственны; но извѣстно, что теперь человекъ находишь въ шакомъ несчастномъ состояніи, что не только не можешь достигнуть къ метѣ, но ниже ступишь разъ по сему пуши, ежели совѣмъ иная, нежели его рука, не откроешь ему входа и не поддержишь его чрезъ все пространство поприща.

Извѣстно также, что сія мощная рука есть сія самая Причина физическая, умная купно и дѣйствующая, коея око видитъ все, и коея силою поддерживается все во Времени; естли же сіи права ей одной принадлежатъ, то какъ же человекъ при толкой немощи своей и совершенномъ недостаткѣ можешь въ Нашурѣ обойтись безъ шакова подпоры?

И такъ долженъ онъ паки признать бытіе сего Причины и свою необходимую нужду въ ея помощи къ возстановленію своихъ правъ. Равнымъ образомъ долженъ будешь признатьъ ся и въ томъ, что когда единая она можешь удовлетворить совершенно его желанія въ обезпокоивающихъ его затрудненіяхъ, то первая и спасительнѣйшая должность его есть отказатьсь ошъ своей немощной воли, равно какъ и ошъ шѣхъ ложныхъ блесковъ, которыми щитишь закрасить злоупотребленія рной, а положишь ся во всеи на сію Причину

мощную; которая нынѣ есть единственный
его пушеводитель.

Да и воистинну, оной Причинѣ поручено
исправить не токмо шѣ бѣдствія, къ которымъ
человѣкъ подалъ поведѣ, но и шѣ, которыя онъ
самъ себѣ надѣлалъ; оная непрестанно нази-
раетъ его и всѣ прочія Существа вселенныя,
однако человекъ для нее несравненно драго-
цѣннѣе; понеже онъ есть шояже съ всю сущно-
сти, и равно не шѣненъ; понеже, словомъ
сказать, изъ всѣхъ Существъ, которыя въ
соотвѣстствіи съ квадрашомъ, они одни имѣ-
ютъ даръ мыслишь; а шѣнная сія Нашура
для нихъ есть какъ бы ничто и сонъ.

Сколькожъ усугубился его довѣренность
къ сей Причинѣ, въ которой вмѣщаются всѣ
силы и могущества, когда свѣдаетъ, что
она знаетъ превосходно сей Языкъ истинный
и единый, которой имѣ забыть и которой
должно ему съ такимъ трудомъ опять при-
водить себѣ на память; когда свѣдаетъ, что
безъ нея Причины не можетъ онъ узнать и
перваго основанія сего Языка; а паче когда
увидитъ, что она населяетъ и правитъ съ
полною властію сей обильный квадрашъ, въ
котораго человекъ не найдетъ никогда ни по-
коя, ни Истины.

Тогда не усомнишься онъ, что прибли-
жаясь къ ней, приблизится къ тому един-
ственнѣ

сшвенному и истинному свѣту, котораго должнѣ желашъ и что съ нею найдешъ оу не токмо всѣ познанія, о которыхъ мы говорили, но еще и познаніе самаго себя; по-меже сія Причина хошя придержишя *источника псѣхъ чиселъ*, однако вездѣ возвыщаетъ себя въ особеннѣости числомъ сего квадрата, которое есть купно и число *человѣка*.

Для чего не могу я снѣшь покрывало, которымъ облакаюсь, и произнести *имя* сѣ благошворныя Причины, равно какъ и силу ея и превосходство, къ которымъ желалъ бы я обратишъ вниманіе всея вселенныя? Но хошя сіе неизглаголанное Существо, ключъ Нашуры, любовь и радость прѣстодушныхъ, свѣтильникъ Мудрыхъ и даже тайная подпора слѣпыхъ непрестанно поддерживаешъ *человѣка* во всемъ его шествіи, такъ какъ поддерживаетъ и направляетъ всѣ произшествія во вселенной; однако, ешъли бы я произнесъ *имя*, которое бы лучше указало его, то многіе бы ради сего только не повѣрили его *словамъ* и всему моему ученію; и такъ, открывъ его явствениче, отдалися бы я отъ шей цѣли, для которой я хошѣлъ при-дѣсти его въ почтеніе.

Почему же лучше нахожу оставишъ сіе провищанію моихъ чинашелей. Я весьма увѣренъ, что не взираю на покровы, которыми я

облекъ Истинну, люди *разумѣющіе* могутъ ее понять, люди истинные могутъ ее возлюбить, и даже люди развращенные по крайней мѣрѣ не могутъ не почувствовать ея; пошому что всѣ люди суть С - Н - Р.

Вотъ вкратцѣ тѣ размышленія, которыя намѣренъ я былъ предложить людямъ. Еслибъ не преплещивали мнѣ мои обязательства, могъ бы я болѣе распространиться. Но и въ сихъ немногихъ разсужденіяхъ, уповаю, ничего я не представлялъ такого, чегобъ не почувствовали они сами въ себѣ, когда захотятъ только въ себѣ же поискать и предостеречься отъ сѣпой легковѣрности, равно какъ и отъ шоропливости въ разсужденіяхъ, отъ двухъ пороковъ, равно ведущихъ къ невѣжеству и заблужденію.

И такъ, еслии мое собственное удовольствіе и не послужитъ имъ доводомъ, при всемъ томъ я буду думать, что воззвалъ ихъ къ ихъ Началу и къ Истиннѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, сіе не есть обманывать человека, когда представляешь ему живо, въ какомъ недостаткѣ и бѣдности онъ находится, доколѣ привязанъ къ вещамъ преходящимъ и чувственнымъ; и показать, что изъ всего множества существъ, окружающихъ его, онъ только и его предводителемъ обладающъ преимущественно мыслить.

Итакъ

Ежели онѣ хочетъ въ томъ удостовѣриться, пусть обратится въ сѣмъ чувственномъ отдѣленіи вещей ко всему, что окружаетъ его; пусть спроситъ Стихіи, для чего онѣ, будучи взаимные враги, совокуплены для составленія и существованія Тѣлѣ; пусть спроситъ у Растѣнія, для чего оно растетъ; и у Животнаго, для чего оно сжимается по земной поверхности; пусть спроситъ даже у Звѣздъ, для чего онѣ свѣтятъ и для чего съ начала бытія своего ни на минушу не переставали глѣдовать своему шеченію.

Всѣ сѣмъ существа, не внимая голосу вопрошающему, спанутъ продолжать въ молчаніи свое дѣло, но ни мало не удовлетворятъ желанію человека; понеже дѣянія ихъ нѣмы, вѣщаютъ только тѣлеснымъ глазами, но ничего не сказываютъ разуму его.

Пусть человекъ еще спроситъ и у того, что несравненно ближе къ нему, то есть у сея тѣлесныя одежды, кошую онѣ съ толкимъ трудомъ на себѣ носитъ; пусть спроситъ, говорю, для чего она соединена съ такимъ Существомъ, съ которымъ, по силѣ законовъ бытія его, никакого сродства не имѣетъ. Сей слѣпый наружный образъ не больше, какъ и оныя Существа, объяснитъ его сомнѣніе и равно оставитъ его въ недоумѣніи.

Есть ли состояніе шагостіѣе и уничижительнѣе, какъ бытъ осуждену жить въ такой Странѣ, гдѣ всѣ существа обитающія чужды для насъ, гдѣ рѣчи наши не могутъ бытъ имъ внятны, гдѣ наконецъ человекъ, будучи противъ воли связанъ узами шѣла, которое ничего ошибнаго предъ прочими произведеніями Натуры не имѣетъ, влачитъ съ собою повсюду сіе существо, съ которымъ не можеть имѣть никакого обращенія?

И такъ, не смотря на великость и красоту снхъ швореній Натуры, среди которыхъ обитаемъ, когда они не могутъ на слушать насъ, ни говорить намъ; то справедливо можемъ сказать, что мы живемъ между ими равно какъ въ пустыни.

Естьли бы примѣчали удостовѣрлялся въ снхъ истинахъ, то не стали бы искашь въ сей Натурѣ шѣлесной изъясненій и рѣшеній, которыхъ никогда не можеть она дать; тамъ же не искали бы въ шеперешемъ человекѣ истиннаго подлинника тому, чѣмъ долженъ бы онъ быть, поелику онъ вынѣ такъ странно обезображенъ; ниже изъяснять Создателя вещей вещественными его произведеніями, которыхъ бытіе и Законы, яко зависямые, ничего не могутъ открытъ о такомъ Существѣ, которое все имѣетъ въ себѣ.

При

При такомъ ихъ заблужденіи позволѣ-
спитъ имъ, что самый путь, который они
избрали, есть первое препятствіе успѣхамъ и
удаляетъ ихъ совершенно отъ той спези,
гдѣ бы могли узнать что нибудь; есть,
говорю, открытъ имъ такую истину, которую
легко признающъ, когда захошлѣ о ней раз-
мыслишь.

Пришомъ же, какъ сами они не могутъ
отрицать, что имѣютъ способность умную, а
то сказывать имъ, что они могутъ все
познавать и понимать, не есть ли говорить
гласомъ собственнаго ихъ разсудка? пошому
что такая способность не была бы
уже столь благородна, каковою мы се
чувствуемъ, когда бы въ преходящихъ
вещахъ было что выше ся; и пошому, что
непрестанныя усилія людей какъ бы естествен-
нымъ побужденіемъ стремятся къ тому, что-
бы освободить себя отъ досадныхъ оковъ не-
вѣжества и приблизиться къ наукѣ, яко къ
наслѣдію, имъ принадлежащему.

Еслили же они не могутъ похваляться
успѣхами, то сего не должно приписывать
немоши естества ихъ, или ограниченности
способностей; но единственно шому, что
они неправый путь избрали для достиженія
къ цѣли, и что не съ довольнымъ вниманіемъ
наблюдающъ, что, посланку каждое ощущеніе
вещей имѣетъ свою мѣру и свой законъ, то

чувствамъ подлежащъ судишь о чувственныхъ вещахъ, пошому что они тогда суть ничто, когда не даютъ себя чувствовать шѣлу; но разуму подлежащъ судишь о разумныхъ вещахъ, въ которыхъ чувства ничего знать не могутъ; и пошому, что хотѣшь прилагать законы и мѣру одного ошдѣленія къ другому, есть очевидно противиться порядку, предписанному самымъ естествомъ вещей, и сдѣдственно удаляться отъ того средства, которое единю есть къ распознанію истинны.

И такъ могъ я узѣришь себя, что предложилъ подобнымъ мнѣ такіа Истинны, которыя легко поняшь, когда сказалъ, что искомое ими находится въ центрѣ; чего ради, доколѣ будешь обращаешь по окружности, не найдешь ничего; и что сей центръ, которой долженъ былъ одинъ во всякомъ Существѣ, означенъ намъ смиръ всеобщимъ квадрашомъ, которой является во всемъ, что существуешь, и повсюду начертанъ незагаданными чертами.

Естьлиже открылъ я мнѣ не больше, какъ нѣкоторыя только средства читать въ смиръ обильномъ центрѣ, который есть единственное Начало сѣйша; то сіе ради того, что кромѣ нарушенія моихъ обязательствъ я бы имъ самимъ сдѣлалъ вредъ, когда бы болѣе открылъ: ибо всеконечно они бы не повѣрили мнѣ; чего ради признаваю ихъ паче къ собственному опыту,

шу, какъ то я и сначала общалъ, и ошибюся; какъ человекъ, не думалъ присваивать себѣ чуждыхъ какихъ правъ.

Но хотя о немногихъ средствахъ сообщалъ я понятія и не далеко велъ ихъ въ поприщъ; однако не лзя имъ не получить нѣкоторой довѣренности къ онымъ, видя, сколь великое пространство чрезъ нихъ открывается, и сколь ко многимъ и разнымъ вещамъ мы обращали ихъ.

Ибо я не думаю, чшобы сіе поле, ради безмѣрнаго своего пространства, могло имъ показаться непроходимымъ; да и противно было бы всѣмъ Законамъ Истинны думать, что запрещено человеку знать множество и различность вещей. Нѣтъ, когда человекъ рожденъ въ центрѣ, то нѣтъ ничего такого, чего бы онъ не могъ видѣть, чего бы не могъ объять; напротивъ погрѣшность его единственно въ томъ, что онъ отдѣляетъ и отсѣкаетъ нѣкоторыя части науки; ибо сіе есть явно возсѣвовать противу своего Начала, покольку сіе есть дѣлать Единицу.

И въ семъ-то разумнѣишъ пусть мои чинатели судятъ сей способъ и мой; потому что я хотя о многихъ и различныхъ истинахъ предлагалъ, но всѣ соединяю вмѣстѣ и составляю одну Науку; напротивъ того примѣчавши дѣлають изъ сего тысячу наукъ,

наукъ, и каждой вопросъ у нихъ становитъ-
ся предметомъ особаго ученія и особой на-
уки.

Не нужно здѣсь напоминать, что по
всѣмъ представленнымъ мною примѣчаніямъ
о разныхъ наукахъ человѣческихъ должны
они предполагать, что я по крайней мѣрѣ
имѣю начальныя понятія о наукахъ; сверхъ
того могутъ они изъ примѣшной во всѣхъ
сочиненіи моемъ скромности, и изъ покро-
вовъ, на разныхъ мѣстахъ положенныхъ, за-
мѣчая, что можетъ быть я могъ бы имъ
сказать болѣе, нежели сколько они уви-
дали и нежели сколько вообще вѣдѣшно
имъ.

При всѣхъ томъ не только я не прези-
раю ихъ, видя, въ какомъ они мракѣ; но все-
усердно желаю, чтобы свободились отъ онаго
и направили стопы свои къ стезямъ болѣе
свѣтлымъ, нежели какими до нынѣ водили
были.

Равнымъ образомъ, хотя имѣлъ я ща-
стіе веденъ быть далѣе ихъ въ поприщѣ Ис-
тины; однако не только я шѣмъ не гор-
жуся и не думаю, чтобы я зналъ что ни-
будь, но торжественно объявляю о моемъ
невѣжествѣ, и чтобы предвѣрить ихъ подо-
зрѣніе въ искренности признанія моего, ска-
жу еще то, что мнѣ никакъ не лѣзя и са-
мому

мому себѣ въ томъ польстивъ; ибо имѣю доказательство, что не знаю ничего.

Для сего-то часто я напоминалъ, что не предпринимаю вести ихъ къ мѣстѣ; довольно и того, что какъ бы насильно принудилъ ихъ согласиться въ томъ, что слѣпое шествіе наукъ человѣческихъ еще меньше приближаетъ къ желаемой цѣли, понеже оно приводитъ ихъ даже къ сомнѣнію о бытіи оной цѣли.

Черезъ что принуждаю ихъ признаться, что когда опираются у наукъ единственное ихъ Начало, управляющее ими, съ которыми они по сущности своей неразлучны, то не только не просвѣщаясь въ познаніи, но паче углубляясь въ ужасное невѣжество, и что примѣчавши, при всѣхъ своихъ заботливыхъ исканіяхъ, никогда почти не согласуютъ другъ съ другомъ, не по иной какой причинѣ, какъ что отдаляли сіе Начало.

И такъ довольно, говорю, и сего для нихъ, что открылъ я нынѣ узелъ останавливающихъ ихъ затрудненій; впредь Истина разлѣситъ на нихъ лучи свои обильнѣе, и приметъ въ свое время владычество, о которомъ нынѣ препираются съ меноушными науками.

Я же, недостойный взирать на нее, долженъ былъ не расширять далѣе моихъ усилій,
какъ

какъ только дать почувствовать ; что она существуетъ и что человекъ, не взирая на свою бѣдность, на всякъ день жизни своей могъ бы въ томъ удостовериться, ежели бы исправлялъ свою волю. И такъ наипрямѣйшею почтою себѣ наградою, ежели всякъ, прочитавъ мою книгу, скажетъ во внутренности своего сердца : есть Истинна ! *но я могу признатьъ къ иному чему лучше, нежели къ людямъ, чтобы познать ее.*

Конецъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

страницы	стро.	напечатано	читай!
13	16	произвести	произвести
75	16	шесшвовашъ	шесшвовашъ
84	10	Начала	зачала
91	29	другі, я	другія,
116	14	шоржесшвамѣ	шожесшвамѣ
121	12	его	ею
129	22	смаю пребу-	смаю; шо пребу-
		душѣ	душѣ
142 и 143	—	<i>Гармонія.</i>	<i>Гармонія</i>
		<i>Стихій.</i>	<i>Стихій.</i>
175	21	ни кош	кошорая
—	—	опняшо	опняша
212	4	ими	ими
213	3	приведушѣ	приведешѣ
235	5	носни	носни
236	6	, ему	ему,
243	—	<i>Челопѣка.</i>	<i>Челопѣка.</i>
244	11	му	ему
326	—	<i>о Прапѣ.</i>	<i>о Прапѣ</i>
373	7	и для	и для
384	28	саміи	самое